

НИК ПЕРУТОВ

РОЖДЕНИЕ МАГА

Книги Ника Перумова

КОЛЬЦО ТЬМЫ

Эльфийский клинок
Чёрное копьё
Адамант Хенны

ХРОНИКИ ХЬЁРВАРДА

Гибель богов
Воин великой тьмы
Земля без радости

ЛЕТОПИСИ РАЗЛОМА

Алмазный меч, Деревянный меч (в 2 тт.)
Дочь некроманта

Цикл «Хранитель мечей»

Рождение мага
Странствия мага (в 2 тт.)
Одиночество мага (в 2 тт.)
Война мага. Том 1. Дебют
Война мага. Том 2. Миттельшпиль
Война мага. Том 3. Эндшпиль
Война мага. Том 4. Конец игры (в 2 ч.)

ТЕХНОМАГИЯ

Разрешённое волшебство
Враг неведом

ИМПЕРИЯ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО

Череп на рукаве
Череп в небесах

СОВМЕСТНЫЕ ПРОЕКТЫ

Не время для драконов (с С. В. Лукьяненко)
Чёрная кровь (с С. В. Логиновым)

ХРАНИТЕЛЬ МЕЧЕЙ

книга первая

РОЖДЕНИЕ МАГА

Москва

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
П 26

Разработка серийного оформления
художника *И. Саукова*

Художник *Anry*

Перумов Н. Д.

П 26 Рождение Мага: Цикл «Хранитель Мечей».
Книга 1. — М.: Изд-во Эксмо, 2008. — 512 с.

ISBN 978-5-699-16371-7

Фесс, уроженец Долины магов и советник Императора Мельинской Империи, после смертельной битвы Алмазного и Деревянного Мечей оказывается выброшенным в Эвиал, один из миров Упорядоченного. Фессу все приходится начинать сначала: его память искажена, магические способности ослаблены неведомыми силами. Время не ждет: пророчества сулят новому дому мага скорый и страшный конец. Но ни Фесс, ни кто иной в Эвиале не догадывается, что, сами того не ведая, руку к этому приложили те, кому на роду написано миры спасать — боевой маг Клара Хюммель и ее спутники, заблудившиеся в паутине троп Межреальности.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-16371-7

© Перумов Н. Д., 1999 г.
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2008

Синопсис, или Что было раньше

Когда в мире Мельина властвовали и вели между собой смертельную борьбу расы гномов и молодых эльфов, иначе называемых также Дану, их мастерами-волшебниками были созданы два магических меча; гномами — Алмазный, или Драгнир, а Дану, властителями лесов, — Деревянный, или Иммельсторн. Вся ярость народов оказалась вложена в эти мечи; и, сойдись они в бою, высвобожденная мощь с лёгкостью уничтожила бы мир. Волею всемогущей судьбы два этих меча пробудились одновременно. Драгниром не без хитрости, коварства и предательства завладел гном Сидри Дромаронг. Иммельсторн захватили маги людской расы, используя рабыню Дану по имени Сеамни Оэктананн. Во время войны, где все сражались против всех: людская Империя — против Радуги, семи магических орденов, Дану и гномы — против людей и друг против друга, вдобавок началось вторжение странных существ, именовавших себя Создателями Пути; миру Мельина они несли всеобщее уничтожение. В кровавом хаосе всеобщей смуты начали сбываться зловещие Пророчества Разрушения, Алмазный и Деревянный Мечи уверенно шли навстречу друг другу, неся с собой смерть и уничтожение.

Среди сподвижников Императора людей был некто Фесс, молодой воин и волшебник, рождённый вдалеке от плоти того мира, где ему пришлось сражаться. Он происходил из загадочной Долины магов, таинственного места в Междумирье, где испокон веку жили одни из сильнейших чародеев Упорядоченного. Фессу давно прискучила размеренная жизнь Долины; он покинул её, сделавшись воином и прознатчиком Императора в мире Мельина.

Фесс оказался тем единственным, кто в воцарившейся сумятице сумел-таки понять, что же нужно делать. В завязавшемся сражении, когда легионы Мельинской Империи сошлись с воинством гномов, несших с собой Драгнир, и отрядом Дану, направляемых и ободряемых Иммельсторном, Фессу удалось оказаться рядом со столкнувшимися наконец в последнем бою Алмазным и Деревянным Мечами...¹

¹ Об этих и других событиях подробно рассказано в романе «Алмазный Меч, Деревянный Меч».

Зачин

Фесс неподвижно висел в пустоте Междумирья, с трудом приходя в себя после так и не достигшего Долины заклятия.

Едва ли ему дадут уйти невозбранно. Если правда всё то, что он вполуха слушал на занятиях ещё дома, в Долине, если правда то, о чём нехотя, намёками да экивоками иногда говорила Клара¹, если правдивы его собственные предчувствия — то в покое его не оставят. Фесс не льстил себе. Против *такой* мощи ему, одиночке, не выстоять, особенно здесь, в пустоте, в Межреальности, где бесполезны все его боевые навыки и где спор идёт на языке чистой магии, в которой ему, что греха таить, далеко до той же Сежес², не говоря уж...

И, если всё-таки тут допущена ошибка, уж лучше пусть он потом поломаёт себе ноги и до крови сотрёт руки, чем в одночасье лишится головы. Потому что никогда нельзя с уверенностью сказать, на что окажутся способны враги, обладающие магическими способностями, тем более такими, как у мельинского сообщества магов, семицветной Радуги.

Так что уж лучше он поостережётся.

Фесс перевёл дух и начал работать. И работал до тех пор, пока ослепительная вспышка боли не возвестила о том, что кое-что ему удалось.

* * *

...Фесс падал. Чёрная воронка стремительно засасывала его, спелёнутый мраком, беспомощный, ещё не пришедший в себя после отдачи от низринувшегося в пустоту разрушительного заклятия, он не мог бороться. Он чувствовал, как в него вперились горящие ненавистью, раскалённые взгляды; шесть существ, шесть могущественных сущностей смотрели на него, и для этих взоров не были преградой ни Реальность, ни Междумирье.

¹ Клара Хюммель — персонаж романа «Алмазный Меч, Деревянный меч», жительница Долины магов, могущественная волшебница, боевой маг по найму, глава Гильдии боевых магов, наставница Фесса.

² Сежес — маг, глава одного из Орденов Радуги.

Ему захотелось исчезнуть, превратиться в мельчайшую частицу сущего, скрыться там, на самом дне мироздания; страх, какой ему ещё не доводилось переживать, рвал на части душу; ослепшие глаза не видели ничего, кроме тянущихся к нему сквозь мировые провалы шести парных огненных нитей — как будто вражьи взгляды внезапно обрели плоть.

Безжалостная сила мяла и рвала его, чужие невидимые пальцы норовили пробраться вглубь, разворошить память, вывернуть её наизнанку, безжалостно и раздражённо вытрясти всё мало-мальски ценное, подобно ночному грабителю, вместо тугого купеческого кошелька случайно ухватившему рваную суму уличной попрошайки. Однако грабитель чувствует, что на самом дне, под грязной ветошью, корками и медяками спрятан золотой, большой, настоящий золотой, — и потому не унимается. Фесс не сопротивлялся. Он даже ощутил нечто вроде гордости — сумел, предвидел, предугадал, Клара Хюмель осталась бы им довольна. Ощутил — и тотчас же изорвал предательскую мысль в мелкие клочки и вышвырнул прочь из сознания. Если учуют — беда, все труды насмарку. Но как же быстро, однако, его отыскали! Наверное, следили специально, не упускали из виду — потому что по одному только астральному следу так быстро найти его невозможно. По крайней мере, он о способных на такое не слышал, но мало ли о чём он никогда не слышал!

Тем временем продолжало работать его собственное заклятие, нужно было продержаться ещё немного, ещё чуточку — прежде чем *они* заметят и нанесут ответный удар. Залог успеха — стремительность и неожиданность. Лобового столкновения ему не выдержать, как храбрая, но вооружённая лишь луками да стрелами пехота не выдержит фронтального удара окольчуженной конницы с длинными пиками.

Падение превратилось в полёт. Сердце готово было птицей вырваться из груди — что делать, плоть слаба; но, если ему удастся продержаться, *они*, кем бы ни оказались, не допустят его гибели. Разъяв опоры Межреальности у него под ногами, *они* рассчитывали на естественный для человека ужас, потерю себя; *они* рассчитывали даром заполучить то, что хотели, — он не поддался. И теперь *им* оставался только один путь — долгий, обходной и

трудный. Правда, и он, Фесс, увы, не останется прежним — слишком уж велика цена.

И когда сознание начало наконец гаснуть, он успел заметить, что падение приостановилось. Те, что умели жонглировать слоями Межреальности, словно детскими игрушками, признали своё поражение. Точно подушку, долженствующую смягчить падение, они подсовывали Фессу мир.

Он ещё не успел порадоваться победе, не успел блаженно смежить веки, проваливаясь в мрак спасительного забытья, когда они нанесли ещё один, последний удар, оказавшийся самым страшным.

«Тысячами незримых нитей
обвивает тебя Закон. Разрубишь
одну — преступник. Десять —
смертник. Все — Бог!»

*Эвенгар Салладорский,
основатель Школы Тьмы.
(Извлечено из преданного анафеме
и сожжению трактата
«О сущности инобытия», Салладор,
1176 год от Пришествия)*

Пролог

оре Ветров оправдывало своё название. Третьи сутки, не переставая, свирепствовал ветер; на море он поднял бурю, на сушу же обрушил потоки ледяного ливня, смешанного с острым градом. Впрочем, непогоде удивляться не приходилось. Весна на побережье Северного Клыка приходила поздно, тундра в предгорьях расцветала, словно торопясь взять всё, что можно, от коротких тёплых дней; зато вне защиты гор, на обращённом к вечному льду побережье, холодный ветер брал реванш за краткое отступление.

Невозможно было даже понять, ночь сейчас или день — небо закрыли тучи столь плотные и чёрные, что солнечный свет совершенно померк; серо-зелёные валы, взяв разбег, с нерастрачиваемой яростью штурмовали гранитные бастионы прибрежных скал, и, судя по обилию острых каменных обломков в кипящей белой полосе прибоя, шторм этот частенько венчался успехом.

Открытая всем ветрам, на исполинском красноватом утёсе, добрых пять сотен локтей высоты над бушующим морем, стояла древняя башня, сложенная из покрытого седым серым мхом дикого камня. Несмотря на годы, башня не поддавалась ни ливням, ни ветрам; и, несмотря на царившее вокруг запустение, в верхнем оконце башни горел огонёк. Тонкий лучик света пробивался сквозь узкую щель в тяжёлых ставнях; и это

был один-единственный огонь на много-много лиг вдоль Северного Клыка и дальше, по бесплодным и унылым тундрам.

В верхнем покое ровным светом горела магическая хрустальная лучина; яснее ясного, что обитатель этой башни был чародеем. За столом, склонившись над желтоватым пергаментом, сидел высокий сутулый старик, лысый, с редкой неопрятной бородой, свисавшей на стол длинными засаленными прядями. Старик что-то очень старательно писал; выводя вычурные руны Древней Речи, он, словно школяр, склонял голову набок и высовывал язык. Перо ползло еле-еле, правда, штрихи, росчерки и завитушки складывались в не-правдоподобно правильные начертания рун, каким позавидовал бы и сам мастер Каллиграф, декан соответствующего (ныне, впрочем, увы, упразднённого за ненадобностью) факультета Академии, который за глаза студиязусы с профессорами презрительно именovali не иначе, как «школа чистописания». Ну скажите на милость, кому сейчас нужна архаичная, вырождающаяся магия рун, где малейший волосяной штрих, лёгший не так, как надо, может полностью извратить заклятие?

«Эх, Парри, Парри, только в чистописании-то ты и преуспел, — горько подумал старик. — Вот и сиди, доживай теперь свой век на краю света, где только с моржами да крачками и поговоришь. И делать здесь совершенно нечего, прорыв может произойти где угодно, только не здесь — иначе сюда отправили бы кого помоложе. Да не одного, а пару-тройку. Эх, да что там говорить, если всё, что тебе оставили, — писать никому не нужные донесения!»

«За истекшие сутки на вверенном Вашей Милостью моему попечению участке ничего существенного не произошло... Отмечены перемещения: упырей снежных — две единицы, гадов перепончатых пролётных — шесть единиц. Изменений в астральной составляющей не отмечено. Астралозависимых существ не отмечено. Старший наблюдатель Парри, башня Сим, Се-

верный Клык». Дата, подпись. Когда-то от подписи Парри приходил в восторг сам престарелый мастер Каллиграф, суля своему любимому ученику если не всемирную славу мага рун, то, по крайней мере, тёп- лое местечко на кафедре — сперва ассессора, потом адъюнкта, а потом — чем Тьма не шутит? — так даже и профессора. Пусть не полного, хотя бы приданного, но и это уже казалось молодому тогда Парри блестя- щей карьерой. И где все эти мечты?.. Где честолюби- вые планы в один прекрасный день совершить нако- нец нечто такое, отчего к любимой магии рун, магии начертанных знаков враз вернётся её прежнее высокое положение?.. Всё погисло, всё растаяло, всё развея- лось, подобно тому сакраментальному «дыму под вет- ром», и теперь удел Парри — ломота в суставах и неот- вратимое чувство приближающегося *приближения* (о, мастер Каллиграф, прости мне этот оборот!). И осо- звание, что жизнь — позади и всё, что осталось, — это угрюмый каменный покой, изморозь по углам, исто- ченная жуками мебель (Парри так и не удалось подо- брать соответствующего рунного заклинания, а иные, из других областей, в его исполнении попросту не сра- ботали), скудные припасы, мрак, мгла, одиночество... Другие, ещё более бесталанные маги, но сумевшие ос- таться пусть даже на самой ничтожной должностишке в цивилизованных и населённых местах, могли, по крайней мере, рассчитывать на то, что сумеют найти нового адепта, способного к обучению аколита. Кон- клав высоко ценил каждого открытого неофита, пусть даже тому и не удавалось поступить в Академию или же он оказывался отчислен после первого же семе- стра. Но в таких местах, как Северный Клык, мечтать об открытии аколита не приходится — скорее уж ему, Парри, повезёт первым засечь начавшийся прорыв.

Однако вспыхнувшая надежда оказалась настолько острой, Парри настолько явно представил себе, как в дверь его стучится... ну, скажем, заброшенный сюда бурей мореход с Волчьих островов, и Парри смотрит на него и видит...

Рука волшебника сама потянулась и открыла потайной ящик. Старый стол давно скособочился и рассохся, ящик удалось вытянуть лишь с большим трудом — на изрядно обтрёпанном, вытертом чёрном бархате лежало простое серебряное кольцо, без всяких камней, украшенное лишь одним гербом Парри, гербом, который безродный сын сапожника из южного Эбина получил, закончив Академию.

Парри осторожно коснулся пальцами чёрнёного серебра. Кольцо аколита. Его он вручил бы тому, в ком ощутится Сила, достаточная, чтобы посягнуть на обучение в Академии. Неофит придёт на поступление, имея это кольцо на пальце — одно-единственное простое кольцо вместо всяких там рекомендательных писем и тому подобного. Кольцо послужит и пропуском, и проводником. Его невозможно ни украсть, ни подменить, ни потерять. Никакой другой человек, пусть и втрое сильнее, не сможет им воспользоваться. Именно по этому кольцу ректорат и определит, кто конкретно послал ученика, кто первым открыл в нём дар чародейства. Сумевшему совершить такое полагалась награда. Самое меньшее, на что мог рассчитывать Парри, — перевод из этих Спасителем проклятых мест куда-нибудь на юг, в Мекамп или Эгест; да что там Мекамп или Эгест! Парри согласился бы и на жаркий Кинт, и на заносчивый Салладор, лишь бы выбраться отсюда. А уж Семиградье или Империю он воспринял бы как наивысшее блаженство.

Старик всхлипнул. О чём он мечтает, о чём? Здесь нет и неоткуда взяться ни единому живому существу. Моряки Волчьих островов не заходят за Северный Клык — в тундре не с кого брать добычу, а китов с моржами проще и ближе добывать южнее и западнее. Вдобавок ярлы и таны морского народа не скупятся, и потому у них на службе всегда самые лучшие мастера погоды, каких только можно найти за деньги и какие соглашаются служить этому разбойному племени, — впрочем, надо сказать, что отказывали им весьма и весьма редко.

Парри медленно задвинул жалобно скрипнувший ящичек. Наверное, он так и умрёт здесь, в круглой комнате с голыми каменными стенами, при одном взгляде на которые хочется немедленно повеситься. Кольцо останется лежать не востребуемым — точнее, его востребуют только люди из ведомства мастера Архивариуса, едва лишь известие о его смерти дойдёт до Академии. Парри представил — чужие руки, открывающие стол, касающиеся постаревшего серебра... потом кольцо навеки упокоится в недрах необъятного хозяйства архивистов, и о нём, Парри, сотрётся последняя память.

Несколько минут старик сидел неподвижно, задумчивым взглядом смотря на пляшущий язычок холодного яркого огня. Потом вздохнул и вновь взялся за письмо. Что бы он ни думал, долг перед Академией должен быть выполнен сполна.

Парри несколько раз перечитал короткий текст. Парой неуволимых движений, едва касаясь пером, подправил какую-то руну. Пониже собственной подписи поставил число — 11 марта 1497 года от Пришествия. Теперь всё было готово. Оставалось только воспользоваться кристаллом — хвала богам старым, новым и вообще всем, какие только есть, тут ему не приходится напрягаться. Академия предусмотрительно снабжает своих наблюдателей, разбросанных по всей необъятной Ойкумене, такими вот артефактами, позволяющими в мгновение ока перенести в Ордос любое послание. Правда, ни на что другое красивые голубые камни способны не были, но для Парри и это являлось спасением.

Само чародейство было не из сложных. Фактически с ним справился бы любой неопит, если б не запрет Академии, не поскупившейся на охранные заклęcia. Парри аккуратно положил кристалл поверх желтого свитка, привычно закрыл глаза и сосредоточился.

Хрустальный светец внезапно мигнул. Холодное негасимое пламя заметалось, словно в панике, и в следующий миг погасло. Парри оторопел, так и замерев с

полуоткрытым ртом — на свете *не существовало* силы, способной преодолеть это заклятие, сплетённое в позабытые времена ещё самым первым Магом. Даже всемогущая Тьма, о которой истинные чародеи боялись даже и думать, не способна на такое.

Спустя мгновение лучинка засветилась вновь. Прежним, успокоительным, мирным светом. Однако от этого Парри стало ещё хуже. Дрожащими руками старик уже срывал одну за другой покрытые пылью печати со старинных свитков — его собственный заветный арсенал, приберегавшийся на случай истинного *прорыва* и вот наконец дождавшийся своего часа.

Тьма пошла в атаку. А он так надеялся, что...

Вой ветра за ставнями сменился рвущим слух грохотом. Щели полыхнули белым, словно при вспышке молнии. Башня содрогнулась от фундамента до венчавшего её острого железного шпиля — однако в следующий миг всё стихло. Руки Парри замерли, уже готовые развернуть один из свитков; но мгновения текли, всё оставалось спокойно, снова завыл ветер, ровно горел хрустальный светец, и замерший над рунами маг вновь ощутил спокойное, незамутнённое течение Силы. Астрал вновь замер во всегдашнем своём хаосе, как бы ни казались противоположными по смыслу эти слова: «замер» и «в хаосе».

А ещё несколько мгновений спустя кто-то из всех сил забарабанил в дверь башни. Остолбенев и не доверяя себе, Парри воззрился на стоявшую в углу хитроумную установку — переплетение зубчатых колёс, нагревательных колб, противовесов, червячных передач и обратных холодильников; от этого устройства пришёл бы в ужас мастер Алхимик, однако машина, в чьём сердце скрывался кристалл, зачарованный самим ректором Академии, а в колбах кипели не имевшие названий на старых человеческих языках субстанции, — машина эта умела чётко опознавать тварей *прорыва*, и в этом Парри вполне полагался на неё.

Как и положено, машина пребывала в покое. Судя

по всему, никакого *прорыва* и впрямь нет. А стучится в двери его...

Парри взял в руки светец и начал спускаться по лестнице. Из трёх ярусов башни жилым был только один, самый верхний; в двух других хранились припасы и ещё какой-то хлам, разобрать который у старика никогда не доходили руки, хотя, казалось бы, особых дел у него не наблюдалось и простой человек, наверное, просто помер бы тут со скуки. Простой человек, но не волшебник, пусть даже выпускник факультета рунной магии, давным-давно превращённого в заштатную кафедру.

Дверь башни, тяжеленная, из старой наговорной бронзы, была заперта на три засова. По углам скопилось наледь, Парри мгновенно продрог до костей — тепло держалось лишь в самом верхнем ярусе его обиталища.

— Кого там Тьма несёт? — придавая голосу пристойную строгость, что было сил крикнул он.

Неистовый стук в дверь прекратился. Тот, кто был снаружи, что-то ответил, но на каком-то странном языке, Парри не разобрал ни одного слова. Правда, в интонациях ошибиться было невозможно — ночной гость просил убежища. И он явно замерзал.

Но откуда же он взялся тут, в ледяной пустыне, где почти всюду ещё не тронутый оттепелями снег?..

Догадка пришла сама собой — а не появление ли этого гостя возвещало так напугавшее Парри возмущение магических сил? Но тогда — кто он такой? Посыльный Академии? Вздор, тогда использовалось бы совсем иное волшебство.

Парри заколебался. Открыть дверь Тьма ведаёт кому?..

Отчаянный стук в дверь возобновился. Гость что-то выкрикивал, слова оставались непонятны, но ужас и боль Парри чувствовал безошибочно. Пришелец не искал боя или добычи, он сам нуждался в защите и тепле; помедлив ещё чуть-чуть, Парри наконец отодвинул засовы.

Ворвалось облако пара, и, с трудом шагнув через высокий порог, на полу башни распростёрся полуголый человек в лохмотьях, какой никогда бы не смог сам добраться до Северного Клыка холодной здешней весной.

Парри поспешно задвинул засовы и подхватил упавшего под руки. Открылось бледное, совсем ещё молодое лицо, совершенно седые, несмотря на невеликие года, волосы над высоким лбом; кожа маслянисто блестела. Кажется, парень не успел всерьёз обморозиться, подумал Парри и, пытаясь, потащил тяжёлое тело вверх по лестнице.

Всё дальнейшее руки старика уже делали сами. Горючий эликсир, несколько рунных свитков (Парри не без гордости подумал, что руки у него по-прежнему не дрожат, когда и впрямь доходит до *дела*) — и парень, заставив, открыл глаза.

— Всё хорошо, всё хорошо, мальчик, — ласковым голосом сказал Парри. — Всё в порядке, только полежи смирно, полежи тихо, пока снадобье подействует...

Было совершенно неважно, что именно говорить, лишь бы это звучало успокоительно и дружелюбно. Парри старался не делать резких движений — гость поразительно быстро приходил в себя, никаких следов холодового шока, никаких следов шока от магии...

От *магии*?! Стоп! Парри с трудом заставил себя подняться со стула спокойно и размеренно, а не вскочить и броситься, несмотря на донимающие боли в спине и ногах.

Дрожащими руками Парри достал из потайного ящичка заветное серебряное кольцо. Надел юноше на палец — и серебро отозвалось глубоким мелодичным звоном, словно кто-то ударил в небольшой колокол. Извивы на гербе засветились мягким жемчужным светом.

Парри без сил рухнул обратно на стул. Так и есть. Ну конечно же. Как он сразу не догадался — парень наделён способностью чувствовать и использовать Силу.

Конечно, Парри поступил так только из-за полной безнадёжности — кольцом аколита нельзя было проверять каждого встречного и поперечного. Ищущий учеников для Академии маг обязан был сперва долго приглядываться, присматриваться, осторожно, что называется, «по касательной» прощупывать подающего надежды; кольцо пускали в ход, лишь когда надо было вынести окончательный вердикт. Вместо испованного Академия присылала удачливому в поисках чародею новое; но если силы кольца оказывались растрачены впустую, неприятностей не избежать, и притом достаточно крупных. Ссылка в дикие места, подобные Северному Клыку, ещё могла рассматриваться как милость.

— Великий Свет, — истово взмолился Парри, — сделай так, чтобы он был *пригоден!*..

Парень недоумённо следил за действиями старика. Однако влитое в гостя снадобье начинало действовать, отяжелевшие веки закрывались; несколько мгновений спустя человек крепко спал. А Парри, забыв о сне и пище, выпотрошив все свои запасы пергамента, стремительно чертил всё новые и новые руны. Он хотел знать всё, но главным образом — способен ли этот странный гость стать учеником. Старика не особенно интересовало ни то, откуда этот человек взялся, ни что ему здесь надо. Представился отличный шанс вырваться из этого ледяного плена; а что там будет дальше — пусть разбираются милорд ректор с деканами. Он, Парри, должен получить позволение переселиться в более благополучные края; о дальнейшем же можно не думать. Как бы там ни было, умирать здесь, в нищете и забвении, на Северном Клыке, старик не хотел.

За окнами не унималась буря. Парри потерял счёт времени, забыл о сне и еде. Обложившись свитками, он чертил, считал и вычислял. Цифры тоже могут оказаться полезными, даже в таком деле, как магия, — и чем дальше скользило перо, тем светлее становилось на душе Парри.

Да, этот мальчишка был магом. Сильным магом, с

прекрасными задатками. Академия могла сделать из него хорошего погодника, толкового мастера полей, деятельного строителя, чьи здания не обвалятся и не рухнут, хоть бей в них тараном, и где огонь будет умирать сам, без вмешательства пожарных. И Академии будет совершенно неважно, как и откуда он попал сюда. Этим займутся специалисты, мастера проникновения в неведомое — в то время как сам мальчик станет честно исполнять свой долг... или нечестно, но к Парри это уже никакого отношения иметь не будет.

Но для этого оставалось выяснить ещё кое-что. Мечты Парри были прекрасны, нужно было лишь, чтобы его гость *позволил* проделать всё это с собой, — а принимая во внимание обстоятельства его появления здесь, уверенным нельзя было быть ни в чём.

И потому Парри потратил несколько часов на вычерчивание умопомрачительно сложной комбинации рун, чего ему не приходилось проделывать с молодости; однако мастер Каллиграф наверняка остался бы доволен своим лучшим учеником, память Парри цепко хранила все потребные сведения.

Когда за окнами наконец забрезжил слабый и робкий свет, Парри уже знал всё, что ему было нужно. Знал — и едва удерживался от того, чтобы не пуститься в пляс.

Он тщательно приготовился к тому моменту, когда его гость проснётся. Все, прошедшие Академию, — хорошие знатоки языков и наречий; они умели объясниться, даже если речь собеседника оказывалась совершенно непонятной.

Наконец парень открыл глаза. Парри не без удовольствия отметил, что взгляд у его гостя совершенно осмысленный, однако, как и положено, несколько растерянный. Наморщив лоб, юноша переводил глаза с ласково улыбающегося Парри на собственную руку и обратно.

— Парри, — сказал старик, прижимая руку к сердцу. — А ты кто? — И он тем же жестом приложил ладонь гостя к его груди.

Тот на миг замешкался, однако быстро сообразил, что от него хотят. Уже открыл рот, чтобы назвать своё имя... и внезапно осекся, словно налетев на всём ходу на незримую преграду. Недоумённо потёр лоб. Помас-сировал виски. Потряс головой; словом, проделал всё то, что обычно делает человек, внезапно забывший своё собственное имя.

Парри удовлетворённо вздохнул. Он не ошибся, рунная магия не ошиблась, и прав был мастер Каллиграф, предсказывая ему, Парри, большое будущее! Мальчишка побывал под прессом какого-то страшно-го, навек впечатавшегося в него заклятия; и, если верить рунам, память у ночного гостя сейчас оказывалась очень и очень прореженной. Он не должен был помнить ни себя, ни своего прошлого, ни даже своего имени. Он ничего бы не смог рассказать о том, откуда он взялся здесь, зачем явился и куда направляется. Разумеется, если как следует покопаться в его глубинной памяти, что-нибудь, возможно, и откроется — но эти высокие материи были уже не по плечу скромному магу-каллиграфу. Парень, конечно же, не превратился в младенца, и вызнать кое-что о его прошлом можно, просто понаблюдав за тем, что у него будет получаться лучше всего. Но это в задачу Парри уже не входило. Сейчас самое главное — научить чужака хоть немного говорить на эбине, широко распространившемся имперском языке, имевшем хождение от Волчьих островов до Огненного архипелага и от Утонувшего Краба до Восточной Стены. Пусть об остальном болит голова у почтенных завсегдатаев Ордоса. Ему, Парри, нужно просто выбраться отсюда. Тьма, Тьма и ещё раз Тьма, даже если этот парень — сам Разрушитель во плоти, ему, Парри, это всё равно. Он успеет умереть в довольстве, тепле и уюте прежде, чем кошмар Последнего Дня сделается реальностью.

Старик вздохнул, пододвинул поближе к лежанке старый скрипучий стул и протянул вовремя пришедшему гостю миску с горячей похлёбкой. Парень благодарно кивнул, неловко улыбнулся и взял ложку. Пар-

ри усмехнулся. Через месяц этот молодой человек у него заговорит по-имперски; пусть и не как сенатский ритор, на уровне варвара с мекампского пограничья — на первое время сойдет. А что будет дальше — не его, Парри, забота.

Серебряное кольцо, ставшее внезапно очень тяжелым, приятно оттягивало карман старика.

* * *

Он шёл безостановочно и без усталости. Казалось, земля сама текла ему под ноги, препятствия и преграды он оставлял позади играючи. Горы расступались, в непроходимых чащобах внезапно находились тропки, реки послушно подставляли твердые спины бродов. Он покинул Северный Клык в разгар короткого полярного лета, оставил позади переполненные птицами тундры, перевалил через невысокие восточные отроги Железного Хребта и двинулся дальше, по самой границе Вечного леса и вплотную подступившей тут к нему Великой Степи. Трудно сказать, какие сиды извели лес на огромных пространствах, на которых следовало бы простираться дремучей тайге, — однако вместо чащоб и буреломов тут колыхалось целое море невысоких трав, солнце здесь было ещё слишком слабым, чтобы взрастить настоящее степное изобилие. Замекампские варвары сюда заходили редко — охота плохая, добычи мало. Они предпочитали «добывать зипуны», как выразился Парри, на мекампской границе, где легко можно было получить арбалетную стрелу с дозорной башни, но так же легко — при удаче — можно было и обогатиться.

Он не боялся. Старик Парри замучил его советами, как вернее избежать подстерегавших и в степи, и в лесу опасностей; как обмануть бдительность выползающих ночами на степной окоём огров, подстерегающих случайно забредший табун диких онагров, порой уходивших за сотни лиг от обычных своих путей; как укрыться от эльфийского дозора, молчаливого и бес-

пощадного, чьи отравленные стрелы разят без промаха и к чьим ядам ещё никому не удалось подобрать противоядий; как следует разговаривать с тёмными эльфами Нарна, если повезёт встретить их отряд, чтобы они позволили идти с ними; и, наконец, как и с кем надлежит держать себя и вести беседы, когда доберёшься до Мекампа. Он запомнил всё, у него оказалась превосходная память; освобождённый от груза воспоминаний, но не от своих способностей, он впитывал этот мир в себя, как губка.

Ему неожиданно стало легко. Несмотря ни на что, он помнил своё *настоящее* имя. Четыре буквы, короткое слово, более похожее на кличку для лошади или охотничьего пса, — Фесс. Он помнил, что был воином; помнил, что владел магией, — но здесь, в странном мире, который его обитатели называли Эвиал, от «вместилище жизни» на древнесалладорском языке, праматери всех остальных наречий, его мастерство не действовало. Он помнил — неотступно помнил! — свою цель: вернуться домой. Была и ещё какая-то, вторая, тоже очень важная; но катастрофа стерла её, увы, напрочь.

Как ни странно, он помнил последние мгновения перед тем, как угасло сознание и память, точно худое решето, удержало в себе лишь редкие капли случайно сохранившихся воспоминаний, до которых не смог дотянуться въедливый старик Парри со своей дремучей, но, увы, порой весьма действенной рунической волшбой.

Фесс очень смутно помнил последнюю войну, в которой участвовал. Всплывали очертания каких-то башен, горящие здания, белый снег, на котором столкнулись в жестоком бою закованные в сталь легионы; он помнил лицо человека, кого привык называть Императором, но больше — ничего. Он не смог бы сказать, из-за чего вспыхнула та война и кто в ней победил. Он вполне допускал мысль, что проиграть могла и та сторона, за которую сражался он, Фесс, — иначе зачем бы ему было без памяти бежать так далеко?

Он не забыл и не утратил ничего из того, что составляло когда-то его личность — чему-то в этом мире он радовался, что-то заставляло его негодовать, что-то, как и положено, оставляло равнодушным. Впервые за много лет он мог не прятаться за *личиной*, мог быть самим собой, забыв о легендах и прикрытиях. Он понимал, а не помнил, что до *катастрофы* был скорее всего шпионом, и притом очень хорошим — тренированный глаз сам отмечал удобные пути для войска, места днёвок и ночлегов, водопой для лошадей и прочее; и хорошо, хорошо, хорошо, что Парри до этого так и не смог добраться!..

Пока что Фессу не было особенного дела до того, что творится в этом мире. Однако он знал: чтобы вновь стать *человеком*, ему надо будет пройти через сумерки бытия — быть может, тогда он *вспомнит*. Он не сомневался, он *знал*, что когда-то ему уже пришлось проходить через подобное — на поджаром жилистом теле, отнюдь не столь же молодом, как обманчиво-чистое и свежее лицо, остались шрамы. Когда и при каких обстоятельствах он получил их, Фесс не помнил. Может, и на последней войне, хотя нет, едва ли, слишком старые. «Весь набор, — проворчал Парри, когда разглядел его как следует. — Мечи, сабли, стрелы... копыта... а есть и такие, что я и определить-то не берусь. Ты часом не из Храма ли будешь, парень?..»

Вопрос Парри тогда остался без ответа. Уже много после он сам стал спрашивать своего спасителя, в том числе и про загадочный Храм, однако узнал немного. Есть вроде бы такая община, где-то на юго-востоке, за Салладором, за Восточной Стеной, на полпути в восточные страны; готовят там якобы великих, непобедимых бойцов, над которыми безраздельно властвует некий старец-настоятель. От этих воинов нет ни защиты, ни спасения, они разят и исчезают в ночи, словно призраки; зачастую им удаётся одолеть даже не слишком сложную магическую защиту.

Парри долго ворожил над своим гостем, однако так ничего и не выяснил. Тайна осталась нераскрытой

и теперь манила, словно сладкий густой мёд; одна из множества, которые ему предстояло раскрыть.

А пока что Фесс отмерял крепкими ногами лигу за лигой, иногда походя сбивая тупой охотничьей стрелой неосторожную птицу — до сезона большой добычи было ещё далеко, но голод, как известно, — не тётка. Старик Парри при всём желании не мог снабдить своего посланца припасами не то что на весь долгий путь, но и даже до мекампских рубежей.

По левую руку, за бескрайними степными разливами, вставали зори; закаты робко разгорались справа, над чёрными стенами Вечного леса; впереди бы целый мир, и неважно — сейчас неважно, — как именно он сюда попал; в свой черёд он найдёт ответы на все вопросы. Он был одинок, силен и свободен; ничто не стояло между ним и его желаниями; он знал, что хорошо владеет оружием и, не колеблясь, пустит его в ход.

Такие люди, как правило, становятся либо героями, либо преступниками.

Откуда-то в памяти всплывали стихотворные строки — на чужом языке неведомых стран, откуда его выдернула, бросив на бесплодный Северный Клык, во мрак и стужу подходившей к концу полярной ночи столь же неведомая сила.

В оный день он найдёт тех, кто сделал это, и они заплатят ему. Не окажется он подле башни старика Парри, ему настал бы конец — нагота не слишком подходящий наряд для прогулок по северной тундре.

После мекампской границы ему следовало повернуть на запад. Примерно неделя пути по хорошим дорогам королевства — и он достигнет побережья Моря Призраков. В Мекампе начинается множество морских путей, ему не составит труда найти корабль, идущий в Ордос. Капитаны не берут платы с направляющихся в Академию с Кольцом ученика. Корабль пройдёт мимо берегов Эгеста и Аркина, минует богатые приморские равнины империи Эбин, обогнёт небольшой полуостров Изгиба, и глазам моряков откроются портовые башни Ордоса, золочёные, сверкающие,

словно огни маяков. Их островерхие крыши укажут путь среди мелей и рифов, явно не случайно появившихся здесь уже после того, как город отошёл Академии Высокого Волшебства.

А потом всё устроится самым наилучшим образом.

* * *

Он, конечно, догадывался, что донесение Парри будет внимательнейшим образом изучено. Но, разумеется, он не мог слышать тех слов, что звучали в торжественном и несколько мрачноватом зале Конклава Академии.

— Я теряюсь в догадках, милорды. Мы засекли мощный всплеск, мощное возмущение Силы, но не можем пока связать или хоть как-то проассоциировать это с тем или иным действующим началом, с тем или иным артефактом, сообществом колдунов или магическим орденом. Вы что-то хотите сказать, мастер Нэами?

— Да, милорд ректор. Милорды, почему здесь столь упорно отвергается мысль о том, что мы столкнулись наконец с пробудившимся Храмом? Почему мы ищем столь экзотические объяснения — мэтр Фалеа с кафедры Иномирья, как известно, предположил, что Академия имеет дело с пришельцем из иного мира, — и отвергаем простые, куда более вероятные объяснения? Разве тот же мэтр Фалеа — да и вы, милорд Эсона, — разве вы не доказали изолированность, магическую замкнутость нашего мира, нашей реальности?..

— Милорд ректор, разрешите мне!..

— Прошу вас, милорд Эсона.

— Мастер Нэами, милорды деканы, мой факультет Мегамира, как известно, давно разрабатывал сугубо условную модель множественности магических реальностей. Как известно, мэтр Фалеа сделал предположение, что появившийся на Северном Клыке человек каким-то образом преодолел порог...

— Который, как известно, носит имя Эсона — Фалеа, милорд декан...

— Благодарю вас, милорд ректор... Каким-то образом преодолел порог, сам будучи Извне. Вы хорошо понимаете, милорды, весь глобальный характер такого открытия, если только это будет подтверждено. Несмотря на то что имеющиеся данные в корне противоречат всем нашим расчётам и теориям, я бы всё-таки не стал сбрасывать со счетов это предположение, сколь бы невероятным оно вам ни казалось.

— Но почему?! Только оттого, что мы пока не нашли источника *в пределах* нашего мира?!

— Да, милорд Нэами. До тех пор, пока источник не найден, я предлагаю придерживаться этой точки зрения. Она слаба, она уязвима для критики — однако ничего лучшего пока не предложено. В этой связи я думаю, что наилучшим способом было бы принять данного субъекта к нам в Академию, выяснить его силы и способности... негласными мерами, разумеется.

— Милорд ректор!

— Прошу, вам слово, милорд Кевиа.

— Мне кажется, надо запросить хронистов. Кафедра архивистики, если мне не изменяет память, хвасталась, что способна найти прецедент к любому событию, и, мне кажется, сейчас самое время им показать, на что они способны. Особое внимание, я считаю, следует уделить пророчествам Властелина...

— Тише, тише, милорды! У нас как-никак Конклав, а не рыбный базар!.. Милорд Кевиа, вы считаете...

— Простите, что перебиваю, милорд ректор, но, мне кажется, обстоятельства появления этого существа заставляют вспомнить самые древние Анналы Тьмы. Да, да, милорды, я понимаю, почему вы молчите. Это именно то, существование чего мы дружно отрицали вслух, а про себя думали — хорошо бы это случилось не при нас. Так вот, мне кажется, пора посмотреть правде в глаза. Тьма проснулась и идёт на нас.

Глава первая

АКАДЕМИЯ ВЫСОКОГО ВОЛШЕБСТВА

Если пройти насквозь всю славную Империю Эбин, оставить по левую руку невысокие, заросшие непроходимыми вечнозелёными лесами Козьи горы и миновать мелкие герцогства Изгиба, их благодатные оливковые рощи, ухоженные поля, лишь изредка перемежающиеся прозрачными кипарисовыми рощами, то по истечении шести дней пути от южной имперской границы, когда дорога сменит направление с полуденного на закатное, взору странника явится преудивительное зрелище.

С севера на юг, пересекая узкий здесь полуостров, тянется полоса высаженных в строгом порядке эвкалиптов. Громадным деревьям уже минуло никак не меньше тысячи лет, однако старости они не подвластны, их ветви с годами лишь поднимаются ещё выше к жаркому в этих краях солнцу. Но не эта полоса деревьев заставит странника, кем бы он ни был — грубым наёмником, набожным монахом, многоумным книжником или утончённым аристократом, — замереть от изумления и восторга, смешанного с некоторым страхом.

Сразу же за живой эвкалиптовой стеной поднимается другая, в десять человеческих ростов, стена, сотканная из разноцветного, искристого, прозрачного пламени, многоликого, постоянно меняющего и цвета и формы, оборачивающегося то хлопьями пышащих

жаром снежинок, то упругими слитными вихрями, то сполохами алых пятен на голубом фоне, то россыпью полевых цветов или же иным узором, какой благоугодно будет принять этой магической преграде. Собственно, никакого вреда никому это пламя не принесло — единственная дорога, что вела к Академии, проходила через исполинские, пламенем же и образованные арчатые ворота, и любой мог пройти невозбранно, лишь уплатив небольшую пошлину за право глазеть на имевшиеся тут в изобилии чудеса, — однако за долгие века отчего-то никто не осмелился пройти *сквозь* это пламя, несмотря на то что, если даже сунуть в него пук соломы, он ни за что не вспыхнет, скорее отвалится держащая его рука.

Если же чинно-благородно направиться во владения чародеев открытым для всех путём, то, внеся свою пеню серебром, путник меньше чем за день добрался бы до того самого знаменитого Ордоса, города магов и волшебников, замершего на самом краю полуострова, на его крайней западной точке, на врезавшемся в пенное тело Моря Надежд чёрном каменном клинке коренной матёрой скалы, неведомо какими силами поднятой из недр в забытые времена самым первым Магом, да, да, именно тем, чьё имя запрещено помянуть всуе. Он один тогда принял благословение от Спасителя, склонился перед ним и признал его Божественность. Почему и выжил, в то время как остальных, безбожных волхователей и чаровниц, Спаситель навеки проклял, плюнув под нечестивые ноги их, не достойные даже касаться плоти матери-Земли. И после того проклятия безбожных и не стало — хотя все последующие поколения магов слыли вольнодумцами, чуть ли не еретиками; теократы Аркина, земли, где очеловечился Спаситель и где с того времени Его именем правили Архипрелаты — теократы Аркина и Святая Инквизиция, давно уже точили на магов зубы, но сделать ничего не могли: без магов и чародеев человек едва ли смог бы выжить в том негостеприимном мире, куда Спасителю угодно было поместить возлюб-

ленных чад своих, дабы они раскаялись в первородном грехе пращуров. Когда же все, *все* как один раскаются и отрекутся от зла в сердцах своих, обещал Спаситель явиться вновь и забрать своих детей в иной, куда более благодостный мир, где они и будут пребывать вечно, не зная ни трудов, ни болезней, ни смерти.

Город Ордос воздвигся на голой скале, так что первопоселенцам приходилось даже воду таскать на собственных спинах из расположенных далеко внизу источников; однако потом за дело взялась магия, и всё вокруг изменилось — как и положено, по волшебству. Из чёрной непроницаемой скалы забили ключи, на бесплодных камнях расцвели невиданные деревья, вознеслись прихотливые особняки и башенки, зазеленили парки; однако в самом центре Ордоса его хозяева оставили широкую площадь. Здесь, не тронутая ни заступами строителей, ни посохом волшебника, по-прежнему гордо и угрюмо чернела та самая изначальная плоть скалы, на которой и воздвигся в своё время город, чёрная плоть, почти повсеместно исчезнувшая под зеленью садов, изящными мозаиками мраморных мостовых и, разумеется, роскошными дворцами.

Чёрный цвет древней скалы, помимо прочего, служил и вечным напоминанием молодым ученикам, подмастерьям и даже мастерам, что первичной субстанцией этого грешного, тварного мира была Тьма, вечная, неизменная, неистребимая и враждебная всем тем, кто дерзает потревожить Её покой. Никогда об этом не должен забывать ни один из носящих жезл Ученика, короткий посох Подмастерья или же полноразмерный — Мага.

На чёрной площади не устраивалось ни шумных торжищ, ни торжеств — люди обходили её стороной, и даже чародеи, даже профессора и приват-доценты Академии во всякое время года пользовались иными путями. На саму площадь выходил парадный фасад главного корпуса Академии, высокая трёхстворчатая арка входа с вечно запертыми железными воротами, украшенными причудливой чеканкой и литыми барельефами.

льефами; ворота эти открывались только один раз в году, в первый день месяца сентября, когда наступал День учеников.

* * *

Ордос готовился к нему загодя. Готовились содержатели постоянных дворов, таверен, трактиров и «красных фонарей» и вообще весь торгующий люд города негоциантов, где, помимо магов, свили гнёзда многочисленные и тороватые купеческие гильдии, составившие богатства на торговле с дальними островами вроде Волчьих, что у самой границы вечных льдов. Крутобокие мореходные каравеллы купцов хаживали и далеко на полдень — за Врата Кинта, за Огненный архипелаг, через Великое Полуденное Море, к Студёным Землям на крайнем юге; плавали на восток, вдоль цветущих берегов Харра за Восточной Стеной, достигая сказочных земель Синь-И; и только на запад, за не-большой в сравнении с Правой илевой Клешнями остров самого Утонувшего Краба путь негоциантам был заказан. И не потому, что там жили какие-нибудь свирепые боги или там чудовища — чудовища как раз обитали здесь, под самым боком, на давно обжитых землях — на западе обосновалась сама Смерть, и туда уходили только в одно-единственное плавание. То, что неизменно становилось последним. Но об этом в относительно благополучных землях вокруг Моря Надежд предпочитали не вспоминать. Все люди, в конце концов, смертны...

И, случалось, в ордосском порту все корабли внезапно приспускали флаги, а все до единого портовые кабаки неожиданно оказывались запертыми. Молчаливые моряки выстраивались на палубах, хотя ни капитаны, ни боцманы не отдавали им такой команды. Взгляды сотен людей провожали потрёпанный, невзрачного вида кораблик, на палубе у штурвала которого, как правило, стояла одна-единственная фигура. Капитаны редко доживают до старости. Но, даже до-

жив, они далеко не всегда стремятся умереть в собственной постели. Зачастую бывалый морской волк, безошибочно чувствуя *приближение*, сам прощался с семьёй, покупал какую-нибудь небольшую посудинку, ставил парус, поднимал на мачте белоснежный, без каких-либо знаков и символов, флаг — после чего брал курс на запад. Иногда вместе с ним на шканцы всходила жена.

Назад никто никогда не возвращался.

Путь кораблика под белым флагом лежал на закат, через Море Надежд, мимо берегов Семиградья, мимо известного всем до единого мореходам маяка на северной оконечности Кинта Дальнего, Змеинового острова, и дальше, через открытые пространства Моря Клешной, сквозь тамошние вечные бури — к Утонувшему Крабу, полюбоваться с борта на его удивительные сады и дворцы — иноземцы на берег не допускались, — и ещё дальше, дальше, в неведомое Море Тьмы, не имевшее ни границ, ни пределов. Никто никогда так и не смог обогнуть мир, совершить кругосветное путешествие, хотя учёные звездочеты давно уже вычислили, что мир имеет форму громадного шара. На крайнем севере путь кораблям преграждали льды. На крайнем юге творилось то же самое.

Однако непохоже, чтобы это хоть в малейшей степени заботило бы Академию Высокого Волшебства. Маги имели свои собственные пути, недоступные не только простым смертным, но даже и надменным Тёмным эльфам Нарна. И занимались маги прежде всего своими собственными делами. В такой день, как первое сентября, они набирали себе учеников.

Те, кто рвался переступить заветный порог Академии, с раннего утра собрались на чёрном камне заветной площади. Около трёх сотен человек, совсем юных безусых мальчишек и девчонок с едва обозначившейся грудью — до тёртых, битых жизнью седовласых мужиков и почтенных матрон, за юбки которых цеплялись зачастую не то что дети, а даже и внуки.

Они съехались со всех концов земли: с равнин Ме-

кампа, от острых пиков Железного Хребта, из непроницаемых теней Вечного леса, с привольных побережий Моря Призраков, что никак не оправдывало своё столь зловещее прозвание; сыновья и дочери королей и герцогов, князей и дружинников, ремесленников и купцов, пахарей и мореходов.

Разумеется, сюда пришли не просто так, от одного лишь явившегося желания сделаться могущественным чародеем или волшебницей. Надо было иметь способности; и немало магов, живших по берегам Моря Надежд, в Семиградье, Кинте или, скажем, в Империи Эбин, занималось как раз поиском среди всего множества обитателей Старого Света тех, что способны были уловить незримую и неслышимую пульсацию Великих Сил, пронзающих тварную плоть этого мира. С вожделенными Кольцами учеников счастливики отправлялись в Ордос... с тем чтобы остаться там или же, понутив голову, вернуться назад. Справедливости ради следует заметить, что Академия всё-таки принимала большинство явившихся. Отсеивалась едва ли треть.

Здесь, на чёрном Изначальном Камне древней скалы, на какое-то время отменялись сословные и даже родовые различия. Тёмный эльф из дремучих болотистых лесов северного Нарна мог вполне мирно беседовать с гномом-рудодоком Железных гор, хотя на границе своих владений эти народы то и дело пускали друг другу кровь. Приписной пахарь Империи мог за панибрата хлопнуть по плечу надменного эбинского аристократа. Темнокожие обитатели Салладора, земли природных магов и колдунов, заводили беседу с траперами Змеиных лесов Ближнего Кинта — опять же несмотря на то, что салладорцы издавна считали себя отмеченной Древними Богами расой, почитая всех остальных достойными лишь рабской доли.

Толпа собралась на площади Чёрного камня задолго до рассвета. С первым лучом солнца белые врата Академии распахнутся, появится торжественная процессия — маги и чародеи, адъюнкты, приват-доценты,

профессора, деканы; по традиции замкнёт процессию ректор. Занимавший эту должность почитался остальным Старым Светом как сильнейший маг этого мира — исключая старуху-Смерть, разумеется.

Свято соблюдая обряд, люди на площади говорили о чём угодно, но не о предстоящих испытаниях и, для тех, кому повезёт, — Выборе. Обсуждались погоды и урожаи, военные новости: Кинт опять сцепился с полудикими Древними из Змеиных лесов, салладорцы отправили очередную карательную экспедицию за Восточную Стену, мстя обитателям пустыни за набег; теократы Аркина пригрозили войной независимым баронствам Эгеста, если баронам опять вздумается наложить лапу на церковные земли и десятину, а равным образом помешать Святой Инквизиции должным образом исполнять свои обязанности по искоренению греха; Светлые эльфы, жители Вечного леса, по слухам, в который уже раз поссорились с Тёмными эльфами Нарна, и дело, говорили, уже дошло до крови.

Толпа мало-помалу разбивалась на группки. Кое-кто искал земляков или — неосознанно — ровню по рождению; кто-то, напротив, опьянённый царившим на площади *равенством* или, на худой конец, неплохой его имитацией, рвался поглазеть и поболтать с теми, о ком он раньше мог слышать только страшные сказки; однако среди пришедших на площадь нашёлся один, кому всё происходящее казалось совершенно безразличным.

Высокий седой парень с худым, обветренным и бесстрастным лицом молча стоял, завернувшись в плащ и опершись на простой сосновый посох, сделанный из ошкуренной прямой ветви. На парне был плащ явно с чужого плеча, старые стоптанные сапоги и простые холщовые порты. Оружия при нём не было — хозяева Ордоса строго следили за тем, чтобы даже особы королевской крови являлись на площадь Чёрного камня без своих излюбленных игрушек.

На безымянном пальце левой руки парня тускло поблёскивало серебряное кольцо старого мага Парри.

Юноша бесстрастно ждал. Так умеют ждать только привычные ко всему степняки-номады; правда, сам парень на кочевника нимало не походил. Те — невысокие, коренастые, широкоплечие; юноша же был хоть и высок, но строен, даже тонок; правда, ни у кого не повернулся бы язык назвать его «слабаком»: чем-то неуловимым он напоминал длинную смертоносную рапиру, от которой не спасёт никакая кольчуга. На него косились; но никто так и не подошёл заговорить.

Церемония, как и положено, началась с рассветом. За высокой стеной Академии нежно и певуче зазвучал горн. Ему отозвались трубы, и в такт нарастающей мелодии над зубцами стены начало разгораться многоцветное зарево. Люди на площади замерли; густая толпа в примыкающих переулках разразилась воплями восторга — несмотря на то что церемония проходила каждый год, маги ещё ни разу не повторились, ни в цветовой гамме, ни в торжественной мелодии.

Белые ворота распахнулись. Однако, против ожиданий, из них вышла не торжественная процессия, а десяток одетых в ослепительно белые одежды мальчишек. На шее у каждого висел обширный, открытый сверху короб. Каждый пришедший на площадь запускал в короб руку, вытаскивая оттуда небольшой, с полладони, шарик — алого, голубого, перламутрового и вообще всех цветов, какие только можно себе представить. И, едва шарик оказывался в чьей-то ладони, на гладком блестящем боку его тотчас проступало имя человека, которому этот шарик достался.

Седой парень в свой черёд тоже запустил руку в короб. Парри во всех подробностях рассказывал ему о церемонии — каждый неофит должен был отдать свой шарик декану того факультета, где хотел бы учиться. Однако в этом состояла только половина *выбора* — второй занимались сами деканы или, точнее, созданное ими магическое устройство каким-то образом само распределяло новых аколитов по факультетам, сооб-

разно с их достоинствами и даром. И только если *выбор* ученика совпадал с *выбором* Академии, неофит мог переступить заветный порог. Как правило, выбор этот совпадал — собственно говоря, та отсеивающаяся треть как раз и состояла из людей, у кого *выборы* не совпали, что означало — сама Великая Сила против их обучения.

Юноша с кольцом старого Парри на пальце¹ взглянул на доставшийся ему шарик и, несмотря на всё своё бесстрашие, удивлённо поднял брови. Шарик на его ладони оказался каким-то блеклым, белёсым, с грязно-серыми разводами — словом, совершенно не походил на доставшиеся другим на площади. И ещё — на нём не было имени. Никакого. Ни того самого, настоящего, едва не забытого — Фесс, ни данного старым Парри прозвища — Неясыть, по имени громадной белой совы, грозы пернатых обитателей Северного Клыка.

Юноша молча повертел шарик в пальцах и, недолго думая, сунул в карман портов. Ну вытащил такой вот странный, что же тут такого? Правда, другим попадались всё больше шарики ласковых и тёплых цветов, от спелой ржи до небесной голубизны; редко где мелькали искры алого или ярко-оранжевого; так же мало попадалось тёмно-синих или фиолетовых. Чёрных и вовсе не было видно.

Спрятав шарик, Фесс — или, вернее, Неясыть, потому что от старого Фесса в нём осталось не так уж много — вновь застыл, точно изваяние, — это его умение ставило в тупик ещё старика Парри. Замерев, не мигая и, похоже, даже не дыша, юноша мог стоять часами, и понять, что он живой, возможно было, только коснувшись его руки, тёплой, а не заledenевшей, как у мертвеца.

Неясыть умел ждать. Правда, он и сам не знал, где и как он этому научился.

Но сейчас — дело особое. Он *должен* пройти за эти белые ворота. И узнать во всех подробностях, кто он такой и откуда взялся. Одного только имени да слабого призрака прошлого — некоей благословенной До-

лины — ему было мало. Если он оттуда родом, то он хочет вернуться домой. Если нет — узнать, почему уцелели только эти воспоминания. Ещё Неясыть хотел знать, отчего умеет то, что умеет, и кем он был в своей прошлой, начисто отрезанной жизни. Трёх коротких слов — воин, маг, шпион — было недостаточно. Это он знал и так. Он знал, что способен был сплести заклятие не хуже заправского волшебника, но это умение потерялось, пропало в *катастрофе* — значит, нужно учиться магии заново. Сила, по утверждению всё того же Парри, у него была, научить управлять ею могли только здесь — значит, так тому и быть.

Неясыть не думал о том, что, возможно, Академия не единственное место, где можно выучиться магии. Старый Парри спас ему жизнь, выходил, кормил, отрывая от себя скудный кусок, учил языку — так зачем ему было обманывать?

Фесс без колебаний отбросил все посторонние мысли и молча продолжал ждать.

Наконец за белыми стенами вновь заиграли горны.

По широким ступеням первым вниз двинулся клир той церкви, что находилась в Академии, — диакон, настоятель, певчие; следом, за слугами Спасителя, неторопливо, соблюдая достоинство, шли наставники и профессора. Замыкали шествие деканы факультетов — солидные, бородатые, осанистые, они не шли, а шествовали, опираясь на длинные резные посохи, изукрашенные самоцветами, жемчугами и перламутром. Неясыть знал их всех по именам, знал, какой факультет кто возглавляет, — Парри постарался. Невольно Неясыть вспомнил их разговор, один из последних, уже перед самым своим уходом. Парри тоже собирался покинуть надоевшую ему башню, он получил свою награду, разрешение поселиться в Семиградье и немалую сумму в золоте; теперь ему оставалось только дожидаться сменщика.

«Всего факультетов двенадцать, — неспешно говорил Парри, прихлёбывая пустой кипяток — заправить его было уже нечем, в кладовой осталось только не-

много муки. — Первый, самый древний — общего волшебства. Через него проходят все студиозусы, кроме... ну, ты это и сам узнаешь. Второй, третий, четвёртый и пятый — само собой, стихийное волшебство: Огонь, Вода, Воздух и Земля. Тут уже начинается специализация. Невозможно в равной степени владеть магиями огня и воды или ветра и земли. Запомни, Неясыть, две великие пары: огонь с воздухом, а вода с землёй. Так... Ну, потом начинается уже разброд. Был когда-то шестым факультет каллиграфии, гм-м-м, да, да... был, да теперь нет. Ныне шестыми у нас идут алхимики. Вот ведь тоже мне, и магами-то их назвать можно с изрядной натяжкой, а туда же, силу обрели, сразу за стихиями встали... Седьмой факультет — святые отцы. Они в своей области тоже доки, не смотри, что монахи, магия Спасителя вельми велика, вельми... Восьмыми у нас те, кто занят всяческой Нелюдью — ну, ты сам понимаешь, эльфы там, простые или тёмные, гномы разные, тролли, огры, орки, великаны горные и снежные, гоблины, кобольды... Там же и всяческие чудища — ну, фениксы там разные, левиафаны, драконы, козероги, морские змеи, грифоны, сфинксы... Много их стало в последнее время, того и гляди отделятся, свой факультет создадут, тринадцатый... Девятый факультет — древняя магия. Обереги, амулеты и прочее. И каллиграфия теперь там же... — Парри прервал свою речь и вздохнул. — Десятый — космологи, теологи и прочие... «глобалисты», как они себя называют. Тьфу, позор и поношение, мальчишки сопливые, а туда же — факультет теперь! Ну, а одиннадцатый — люди почтенные и солидные. Лекари. Всякий маг, Неясыть, он ведь если где среди людей-то живёт, так зачастую и лечит, и роды принимает. Народ со всякой своей бедой к чародею идёт. Так что нам все хвори надо назубок знать. На том же факультете злаки полезные да скот лечить научат. Вот так вот...»

«А что же двенадцатый факультет, почтенный Парри?» — спросил тогда Неясыть.

«Двенадцатый... — проворчал старик. — Ничего я

никогда не понимал в этом двенадцатом. И как он возник, не слишком-то понял, ещё когда учился и нам это объясняли... Вообще-то не двенадцатым бы ему именоваться, а вторым, потому что возник сразу же за Общим Волшебством. Это, парень, факультет Тьмы. Факультет малефицистики, сиречь злоделания. Эвон оно как, Неясыть. Много про этот факультет и его декана толков ходило, да только ректорат — он же Белый Совет — все толки, что, мол, хорошо бы декана того — да на осину, да пятью колами проткнуть, а кости потом конями растягать, — Белый Совет все эти толки под корень. Равновесие, видишь ли, нарушать нельзя!» И Парри пренебрежительно фыркнул.

Неясыть потянулся, приподнялся на носки, норовя рассмотреть деканов. Один, два, три... восемь... десять, одиннадцать. Одиннадцать! Выходит, отстал от жизни старик Парри, нет больше никакого факультета Тьмы? Отчего-то Неясыть вдруг ощутил что-то вроде разочарования.

* * *

— Нет, нет, и не проси, Анэто. Не пойду никуда. Сколько можно себя на посмешище выставлять? Пусть вы даже и победители — разве так обращаются с побеждёнными? В честном бою?

— Если б ты и впрямь был побеждённым, я б с тобой вообще не разговаривал. Не нарушай обряда, выйди к народу.

— На посмешище!.. Хватит, навыходился! Делай со мной что хочешь, ректор Анэто, больше я тебе подчиняться не стану! Хочешь заточить — заточи, хочешь убить — убивай, всё лучше, чем насмешки ваши терпеть, Белые!

— Ты всего лишь ошибся в выборе цвета, — невозмутимо заметил тот, кого называли Анэто. — За ошибки нужно платить. И, согласись, что бы там ни утверждал почтенный Эвенгар Салладорский, бытие лучше небытия, куда отправились слишком уж

ретивые его и твои соратники. Не глупи и выходи на площадь. Я не скрываю своих симпатий и антипатий, декан, но выйти ты обязан. Вспомни договор. Ты его подписал. Ты дал слово.

— Зачем тебе этот фарс, Анэто? — устало сказал собеседник ректора. — Ты упрямо именуешь меня «деканом», но что я за декан без факультета? Без студия-зусов?

— Таков был договор, — последовал невозмутимый ответ. — Я не виноват, что к тебе никто не идёт. За все эти годы...

— Ну да, никто, никто не отдал мне своего шара, — проворчал декан. — Так никто и не отдаст!

— Пока дышу — надеюсь, разве не так? Ну, не нарушай клятвы, не надо, дурное это дело, декан. Примирись с судьбой. Выйди, постой, потом вернёшься обратно. Смотри, все уже на площади! Сейчас народ взволнуется — почему это и деканы все на площади, и проректоры — а нас с тобой нет?..

— Будь ты неладен, Анэто, — тяжело вздохнул говоривший с ректором. — Ладно, ступай вперёд, я следом...

* * *

«Одиннадцать, а вовсе не двенадцать, — продолжал думать Неясыть, разглядывая вальяжных магов. — Что мне этот Парри наплёл?..»

Как раз в этот миг горны смолкли и наступила тишина. Неожиданно на всей площади из-под белой арки гулко отозвались шаги — шествовал кто-то тяжёлый, мощный, шествовал медленно и торжественно. Люди замерли, вставая на цыпочки и стараясь как можно лучше разглядеть идущего.

Неясыть увидел высокую, на целую голову выше его самого, фигуру, до самых пят облачённую в чёрное. Каждый шаг сопровождался странным клацающим звуком, словно на ногах у идущего имелись самые настоящие когти. Глубокий капюшон скрывал

лицо, виден был лишь подбородок — но при этом подбородок явно нечеловеческий, покрытый тёмно-коричневой чешуёй. Руки — по крайней мере на первый взгляд — ничем, кроме размера, не отличались от людских, правда, загадочный декан носил на них грубые кожаные перчатки с раструбами, несмотря на тёплый осенний день; человек — или существо — шагал, опираясь на длинный посох, опять же чёрный; на вершине было украшено головой разинувшего пасть дракона, чьи глаза горели рубиновым огнём.

Декан встал отдельно от всех, оперся на посох и равнодушно опустил голову. Казалось, ему нет никакого дела до происходящего на площади.

Тем временем герольд начал громко выкрикивать названия факультетов, перечисляя кафедры; правда, имён деканов при этом вслух не произносилось.

Неясыть слушал вполуха. Ему это было неинтересно, он во все глаза смотрел на фигуру в чёрном. Зоркий парень даже с немалого расстояния сумел рассмотреть потёртости и кое-как поставленные заплатки на чёрном плаще, неловко приделанную перемычку на некогда треснувшее древко посоха, выкрошившийся перламутр зубов дракона...

...Факультет малефицистики герольд объявил последним, поименовав кафедры оборотничества, сиречь ликанотропии, некромантии, вампиризма, ведовства ядовитого и каких-то непонятных Чёрных Бездн.

На этом представление Академии закончилось. Из молчаливого строя магов вышел невысокий, стройный человек в элегантном бирюзовом плаще с переливами. В руке он держал мощный белый посох, почти что боевой шест, увенчанный сверкающим адамантом.

— Ректор, ректор... — зашелестели голоса вокруг Неясыти.

— Ученики мои!.. Да, да, именно так обращаюсь я к вам, хотя ни один из вас ещё не может перешагнуть порога нашей благословенной Академии, — зазвучал над площадью неожиданно сильный, хорошо постав-

ленный голос. — Сила призвала вас, и вы пришли на зов. Вы пришли, чтобы совершить *выбор* и, пройдя тяжкие испытания учением, стать теми, кто помогает людям, не делая различий между лордом и простолюдином, истинно верующим или язычником, коему ещё предстоит постичь всю благодать Истинной Веры. Вы пришли сюда, потому что понимаете — подобно тому, как нуждается в огранке драгоценный камень, так и ваши таланты, никем не подвергаемые сомнению, подлежат такой же обработке. Не сомневаюсь, ученики мои, на этой площади есть люди, что и так умеют вызвать дождь или отогнать непрошеную градую тучу от виноградников, есть те, что разведают костёр в любую погоду или даже смогут заставить уняться небольшой пожар. Всё это так. Магия — великий дар богов, тех Древних Богов, благодать коих признавал и Спаситель, да святится имя Его во веки веков!.. — Площадь ответила согласным негромким выдохом. Ректор сделал паузу и продолжал, обведя взглядом склонившиеся головы: — Не стану утомлять вас долгими речами, ученики мои. Меня вы ещё успеете послушаться. — Он позволил себе улыбку, и площадь с готовностью хохотнула. — Последуйте велению ваших сердец. Приблизьтесь к деканам тех факультетов, студентами которых вы хотели бы стать. Отдайте им шары с вашими именами. И мы узнаем, совпал ли ваш выбор с выбором Силы. Как всегда, я молю Спасителя, чтобы никто не ушёл с этой площади в слезах и отчаянии. Приступайте же, ученики мои, и не торопитесь! Никто не уйдёт с площади прежде, чем последний ученик отдаст свой шар. Не бойтесь, что на избранном вами факультете до вас окажется слишком много студентов и вам поэтому откажут. Не толпитесь, не толкайтесь, чинно и мирно, как и положено ученикам, подходите к вашим деканам!

Ректор поклонился толпе и аккуратно ступил назад. Люди на площади немедленно взволновались, мимо Неясыти замелькали бока и спины устремившихся вперед самых нетерпеливых; Неясыть же даже не по-

шевелился. Взор его медленно двигался по цепочке магов; он видел, как первые шары перешли из потных от волнения ладоней аколитов в холёные руки деканов и — о чудо! — шары начали медленно подниматься над головами волшебников, повисая в воздухе, плавно вращаясь и посверкивая в лучах утреннего солнца. Толпа зеваяк вновь разразилась аплодисментами.

Неясыть знал, что сейчас ещё ничего не решается. Лишь когда оживёт чудовищная *машина* магов, машина, питающаяся волшебством, и начнётся *проверка выбора* — вот тогда и придёт пора волноваться.

Сделавшие своё дело ученики отходили в стороны, толпа как-то сама собой отхлынула назад, прижимаясь к стенам домов. Вокруг Фесса, что по-прежнему крутил в руках свой шарик, образовалось пустое пространство.

— Сын мой, ты в замешательстве? — ласково окликнул парня кто-то из деканов. — Следуй своему сердцу! Не раздумывай долго, не пытайся угадать!

— Ладно, — проворчал Неясыть себе под нос. И медленно пошёл вперёд.

— Смотри, как идёт, — шепнул мастер огня мастеру Алхимику. — Точно стелется.

— Думаешь, он из Храма? — так же шёпотом ответил Алхимик, маленький и скрюченный, с многочисленными кислотными ожогами на руках.

— Едва ли. Его нашёл Парри с Северного Клыка, паренёк явно заслан сюда магическим образом, но почему и зачем... Послушай, ты что, не был ни на Конклаве, ни на последнем Совете?

Алхимик смущённо потупился.

— Ты и так знаешь, что меня там не было, зачем переспрашиваешь? Я слышал, что мальчишку решили взять, потому что Закон ученичества нерушим, слышал, что с ним приключилась какая-то странная история — вроде бы он памяти лишился...

— Лишился! — Мастер огня хмыкнул. — Лишиться-то он её лишился, да только уж больно как-то странно. Не утрачен ни один из базовых навыков, не утра-

чено понимание структуры общества, не утрачено... да проще сказать, что не помнит он только себя — откуда он, где родился и как попал сюда. Что-то мне это не слишком нравится, Алхимик. Ты что же, так и не удосужился прочесть мнение Кевиа?

Маленький декан презрительно фыркнул.

— Никогда не считал себя обязанным знакомиться с мнением этого напыщенного ничтожества!

— А зря, Алхимик. Он говорил дело. Он предположил, что мы имеем дело с Тьмой.

Алхимик вздрогнул, однако тотчас же овладел собой.

— Этот святоша всегда был горазд всех запугивать, — ворчливо бросил он. — У страха, как известно, глаза велики.

— Хорошо бы это было так, Алхимик.

— Лучше всего, конечно, было б этому парню отказать, — задумчиво проворчал маленький декан. — Установить слежку, и...

— Ну разумеется! — Огневик раздражённо поморщился. — Ты считаешь и Совет, и Конклав полными тупицами? Разумеется, это было б наилучшим решением. Ждать, не допускать до магии... Кто знает! Но бедняга Парри так рвался прочь со своего Клыка... что несколько поторопился.

Их разговор невольно прервался. Неясыть оказался возле выстроившихся в ряд деканов.

— Бьюсь об заклад, достанется он тебе, — шепнул коллеге Алхимик. — Глазищи эвон какие бешеные.

— Погоди, — так же шёпотом ответил мастер огня. — Может, ещё и...

Он осёкся. Потому что Неясыть, миновав спокойным, плавным шагом всех одиннадцать деканов, остановился лишь возле двенадцатого. Облаченного с головы до ног в чёрное и с чёрным посохом в руке.

Шеренга разодетых в яркие и праздничные цвета деканов замерла. Алхимик и Огневик выпучили глаза, глядя, как парень медленно протянул руку и его шар, донельзя странный шар, без определённого цвета и

имени, неторопливо воспарил над головой облачённого в чёрный плащ волшебника.

Фигура с посохом пошатнулась. Дрогнувшая рука в чёрной перчатке поднялась.

— Посмотри на меня хорошенько, сынок, — прогудел низкий голос. — Посмотри на меня хорошенько, прежде чем принимать решение! Посмотри — и я верну тебе твой шар!..

Длинные скрюченные пальцы резким движением сорвали капюшон — и по площади прокатился тяжкий вздох, и притом отнюдь не облегчения, а застарелой, подсердечной ненависти.

Несомненно, перед Фессом стоял не человек. Высокий заострённый череп, совершенно голый, покрытый коричневатой чешуёй, чем-то напоминавшей змеиную; глубоко посаженные жёлтые глаза обрамлены были какой-то мягкой бахромой, чем-то вроде крошечных шупалец. Подбородок сильно выдавался вперёд, однако зубы в беззубом тонком рту, как раз напротив, были очень сходны с людскими. Безбровое лицо, казалось, не имело возраста — ни морщин, ни отвисшей кожи, ни иных следов прожитых лет.

Жёлтые глаза вбуравились в лицо Неясыти.

— Иди, иди своей дорогой, мальчик, — прогудело существо. — Будем считать, что ты просто...

— Я не ошибаюсь, — негромко, но твёрдо ответил Неясыть. — Возьми мой шар.

С этими словами он повернулся спиной к волшебнику в чёрном и мерным, спокойным шагом двинулся к краю площади.

Никто из деканов не шелохнулся. А чародей с чёрным посохом отчего-то низко склонил голову, глядя себе под ноги; казалось, он просто в отчаянии.

Некоторое время на площади царил страшная тишина. Люди отшатнулись от Неясыти, словно от зачумлённого; на пятьдесят шагов вокруг него не осталось ни одного человека.

— Отдал свой шар Тёмному!.. Хочет присягнуть

Тьме!.. Да полноте, человек ли это?!.. — донеслось до его слуха.

Наступила томительная пауза. Надо отдать должное магам Академии — своей растерянности они не выказали ничем. Ну отдал один из неофитов свой шар декану факультета малефицистики, ну и что из того? Всякое случается, на то и существует факультет, чтобы на нём учились студенты...

И голос ректора казался ничуть не потревоженным, когда он заговорил вновь:

— Ученики мои, вы совершили свой выбор, и настало время узнать решение Великой Силы. Давайте же вознесём молитву Спасителю, дарителю жизни и благ, чтобы каждый, пришедший сегодня на эту площадь, обрёл бы просимое!..

Молиться Неясыть не умел. Парри пытался втолковать ему Символ Веры и заставить вызубрить парутройку общеупотребительных молитв, однако Неясыть только мотал головой. Он — свободен. Нет богов, кроме ожидающей каждого человека Смерти, а все те, кого принято называть богами, — это, по нынешнему разумению Неясыти, просто очень сильные маги, сумевшие взобраться на самую вершину.

Люди вокруг него на разные лады затянули молитву. Неясыть вновь ощутил на себе злобные взгляды — он, похоже, ещё и язычник или, хуже того, еретик, если не схизматик!

— Что он делает? — одними губами сказал Алхимику мастер огня. — Мало того, что отдал шар Тёмному, так ещё и не молится! Он что, дурак?..

— Кевиа ошибся, — столь же тихо отозвался низкорослый декан. — Если бы этот молодчик пришёл из Тьмы, будь уверен, он пошёл бы к святошам и молитвы, не сомневайся, знал бы лучше Папы Аркинского.

— Может, на это и расчёт? — продолжал сомневаться Огневик.

Алхимик хотел что-то ответить, но в этот миг короткая молитва кончилась. Ректор медленно поднял широко разведённые в стороны руки, и всем, собрав-

шимся на площади, показалось, что сам чёрный камень вздрогнул от пришедшей в движение исполинской Силы.

— Выходи, — Алхимик толкнул коллегу в бок.

Однако мастер Огневик, декан факультета стихии огня, в напоминаниях не нуждался. Волшебник сделал несколько шагов вперёд, и вместе с ним поплыла разноцветная пирамида шаров с именами, покачивавшаяся в воздухе у него над головой. В следующий миг чародей сделал резкое движение своим посохом, точно косою, — и словно бы лопнул незримый обруч, удерживавший шары все вместе. Алые, оранжевые, жёлтые, белые, малиновые, бордовые, кроваво-красные, охристые — шары всех оттенков красного и жёлтого цветов, среди которых, правда, встречались и светло-зеленоватые и голубые, и даже синевато-стальные, медленной чередой поплыли через площадь, прямо в руки тех, чей *выбор* совпал с *выбором* Силы.

Толпа разразилась воплями. Кто-то радостно орал, подпрыгивая и размахивая руками, кто-то, напротив, падал прямо на чёрный камень, не в силах сдержаться рыданий. На сей раз в отношении огненной стихии *выбор* Силы в основном проявился через цветность. Красный — цвет пламени — редко превалировал среди отданных мастеру Огневику шаров. Примерно раз в двадцать лет, не чаще.

Следующим настала очередь Алхимика. С ним вышла совсем иная история, цвет его шаров варьировался от опять-таки немногочисленных красных до столь же редких фиолетовых; нельзя было сказать, что у какого-то из цветов здесь преимущество.

Один за другим деканы выходили вперёд. Разноцветные веера шаров плыли через площадь, прямо к жадно тянувшимся за ними рукам. Ничего не скажешь, маги придумали нелепую, но яркую и зрелищную церемонию. Понятно, почему она не приелась простым обитателям Ордоса даже за все эти долгие годы.

Лица деканов оставались приятно-спокойными, ни один не расстался с любезной, чуть виноватой

улыбкой — мол, хотели бы взять всех, но, увы, закон есть закон. Как и положено, отсеивалась, не получив своих шаров назад, примерно треть аколитов. У остальных шары превращались в изящные браслеты, охватывающие левое запястье. Имя оставалось на поверхности, так, чтобы его легко можно было прочитывать, даже бросив на браслет лишь мимолётный взгляд. Те, кому не повезло, уныло тянулись прочь с площади, и люди в переулках поспешно расступались, кланяясь даже и неудачникам с неложной почтительностью.

Обладай Неясыть слухом настоящей совы, он, быть может, и сумел бы уловить быстрый шёпот Кевия, декана «священного» факультета, обращённый к ректору:

— Милорд, может, ещё обойдется... вдруг да не совпа...

В этот самый миг тот, кого деканы и народ называли Тёмным, наконец-то, в свою очередь, шагнул вперёд. На сей раз его уродливая, полузмеиная голова была высоко поднята, нечеловеческие глаза горели яростно-жёлтым огнем, в горле клокотало. Чёрный посох описал стремительную дугу, и казалось, конец его оставляет в воздухе быстро гаснущий след какого-то тёмного пламени. Бесцветный шар, на котором не было никакого имени, поплыл через площадь; люди затаили дыхание. Однако он не исчез, подобно шарам других неудачников. Он намертво лёг в подставленную ладонь Неясыти, тотчас же обернувшись положенным по уставу Академии браслетом. Правда, цвет теперь стал другим — и притом именно чёрным, под стать одеянию и посоху декана.

Площадь дружно вздохнула. Декан факультета священной магии, милорд Кевия, побледнел и пошатнулся, так что ректору пришлось чуть ли не подхватить толстяка под руку.

Несколько мгновений показались собравшимся часами — прежде чем ректор сумел овладеть собой (он всё-таки недаром занимал эту должность!) и не начал положенную традицией Прошальную речь.

Его голос не дрожал, слова лились плавно и гармонично, и Неясыть невольно почувствовал к нему уважение. Этот человек умел проигрывать. Неясыть не мог пока что понять, почему ректор считает себя проигравшим, но ошибиться в оценке он не мог. Неужели его настолько боятся?.. Что ж, в своё время он узнает, почему и за что.

А Прощальная речь всё длилась и длилась, и неудачники, до сих пор не покинувшие чёрную площадь, невольно поднимали головы и распрямляли ссутулившиеся плечи. Ректор обращался именно к ним, а вовсе не к успешно прошедшим через *выбор*. Он говорил, что всё может измениться — если изменятся они сами. Пусть они возвращаются в родные места, пусть вновь встретятся с теми, кто признал их годными для учёбы в Академии, пусть научатся смотреть в глубь себя чуть-чуть отчётливее, чем сейчас, и тогда они смогут вернуться.

В продолжение всей этой пылкой тирады Неясыть стоял неподвижно, глядя прямо перед собой. Получив обратно свой шар, он тем самым стал неприкосновенен для остальных обитателей Ордоса, в том числе и для принятых в Академию аколитов — дуэли между «своими» были строго-настрого запрещены — иначе не миновать беды: взгляды, бросаемые на него новоиспечёнными студиязусами, были куда как неласковы.

Наконец ректор закончил. Деканы разделились, сзывая каждый к себе свои факультеты. Всего на площади осталось около трёх сотен человек, достаточно быстро поделившихся сейчас на отряды примерно по три десятка человек в каждом, где-то чуть больше, где-то чуть меньше; подхваченный всеобщим движением, слитый с толпой — и вместе с тем совершенно, наглухо от неё отделённый чёрным браслетом на запястье — Неясыть оказался выброшен, словно бревно-топляк на низкий берег, к самым ступеням, на которых стоял Тёмный.

— Ты не отрёкся, сын мой, — медленно проговорил декан. Несмотря на жуткую внешность, по-эбин-

ски он изъяснялся чисто, без малейшего акцента. — Ну что ж... значит, это судьба. Только тебе ведь будет трудно, очень...

— Знаю, милорд декан, — сухо произнёс Неясыть. — Не надо пустых слов, всё уже решено. Я рад, что не ошибся.

Тот, кого называли Тёмным, взглянул на своего ученика — куда более внимательно. В глубине жёлтых глаз по-прежнему мерцало пламя.

— Ты знаешь, чего хочешь, молодой мэтр? — так же холодно, в тон ему спросил декан. — Я чувствую твою пустую полноту... или заполненную пустоту, так будет вернее. Ты уверен, что осознал свой путь?

— Я выбрал его, и он не разошёлся с выбором Силы, — пожал плечами Неясыть.

— Деканы не решились жульничать, — буркнул Тёмный. — С выбором Силы не шутят; а то бы они те- бя в два счёта...

— Они боятся вас? Но тогда почему терпят?

Двенадцатый факультет, состоявший всего из двух человек, замыкал втягивавшуюся в белые врата Академии колонну неофитов, и, казалось, даже спины идущих впереди, в некотором отдалении лекарей, наставников одиннадцатого, Целительского, факультета ис- точают страх и ненависть.

— Боятся? Пожалуй, нет, — после некоторого молчания ответил Тёмный. Чёрный его посох ритмично стучал о камни — в такт подозрительному клацанью из-под свисавшей до земли мантии. — Силы моей осталось — всего ничего, так, балаганные фокусы, подайте декану факультета малефицистики на лабораторные занятия!.. Ректор Академии белый маг Анэ-то — очень хорош. Мгновенная реакция, широчайшая эрудиция, по складу своему он — воздушник, ветровик, но и три остальных стихии знает на «ять». С ним мне сейчас не тягаться.

— А раньше? — невозмутимо спросил Неясыть.

Декан ощутимо вздрогнул. Жёлтые глаза так и впились в лицо парня.

— Да откуда ж ты такой бойкий взялся?! — резко спросил волшебник. — Ну да, прав ты, ученик мой, прав, было дело, случилось нам с Анэто перевестаться в чистом, как говорится, поле...

— Война Волка, — бесцеремонно перебил декана Неясыть.

— Война Волка... Слушай, а что же болтали, будто у тебя с памятью нелады? Врали всё?

— Нет, не врали, милорд декан. Это я у Парри в башне вычитал, когда мне наконец грамота далась. У него там немало книжек — без них-то, наверное, бедняга и вовсе бы ума лишился...

— Это точно. В той пустыне недолго и руки на себя наложить с тоски. Парри я знал — ничего себе был паренёк, бойкий. Вот только не повезло ему. Увлёкся этой каллиграфией, рунной магией... Ну да ладно, хорошо, если ему удалось оттуда вырваться, я теперь, если разобраться, его должник.

— Вы хотели иметь учеников, милорд декан?

Волшебник ответил не сразу.

— Умеешь ты спрашивать, молодой мэтр, — наконец усмехнулся Тёмный, однако на сей раз его усмешка получилась куда как злой. — Тебя обманывать не хочу — нет для меня чести учить ваших. Не люблю я людей, видишь, какая история. В этот мир мы пришли первыми. Не так уж и давно, даже по вашим меркам. А потом... потом твоё племя подросло, Неясыть.

Парень коротко взглянул на декана и ничего не сказал.

— Даже не хочешь узнать, откуда мне твоё имя ведомо? — невольно удивился Тёмный.

— Станете учить — скажете, милорд декан.

— А ты нахал, — покачал головой чародей.

Парень только пожал плечами.

— Я не знаю здешней игры, милорд. Кто-то стёр у меня из головы все установления, порядки, предрассудки, склонности и всё такое прочее. Иногда это может оказаться очень полезно, милорд.

— Может, ты и прав, Жэдѹжт, — хмыкнул декан. — Знаешь такое слово?

— Нет, милорд, но полагаю, что на вашем языке оно означает мою расу.

— Ишь ты! Верно... Ну так вот, мы были здесь первыми. А потом пришли вы. А потом гномы, потом эльфы, потом — все остальные. Орки последними пожаловали, вот и довольствуются теперь Волчьими островами...

Они миновали белую арку. Неясыть увидел широкий мощёный двор, тут и там в кадках росли диковинные кусты с удивительными серебристо-белыми листьями и неестественно яркими пурпурными цветами, распространявшими вокруг себя мягкий сладковатый аромат. В середине этого двора журчал фонтан, мраморный маг в белых одеждах торжественным жестом поднимал посох, из навершия била мощная струя воды, поражая грудь бесформенных тёмных камней, словно бы оплавленных буйством яростного пламени. Разбиваясь, вода тысячами журчащих струек стекала в выложенный голубоватым камнем глубокий бассейн, где, временами высовываясь из воды и вздыхая, плавали золоточешуйные морские павлины, то и дело распуская дивные свои радужные плавники.

Проходя мимо фонтана, Тёмный обиженно нахмурился, на безбровом лице задвигались чешуи — декан не мог нахмуриться, подобно обычным людям.

— Это памятник их победе? Но ведь не в Войне Волка, правда?

— Правда, — проворчал декан. — Это было ещё раньше... как мы говорим, в Войну Быка.

— Быка? Почему Быка? — удивился Неясыть, изменив своей обычной невозмутимости.

— Наконец-то хоть чему-то удивился, — хмыкнул Тёмный. — А то я уже готов был подумать, что ты всё-таки прикидываешься. Война Быка — вторая война между нами и вами, людьми... Тогда здесь уже появились эльфы, и обычные, и эти, нарнийские, что называют себя Тёмными... правда, тёмности в них — кот

наплакал, как говорят у вас, но это уже другая история. Счёт времени у нас иной, не как у людей, мы не считаем солнечные годы. Война Волка получила своё название не только потому, что велась в основном на Волчьих островах. Но и потому, что по-нашему пришла на... м-м-м, по-вашему и не скажешь... не год, не день, не час, конечно же... на Время Волка, пожалуй. Время Быка — когда великое равновесие покачнулось, всё грозило сорваться в хаос, и соплеменники мои решили использовать выгодный момент.

— Почему же тогда они всё время говорят о какой-то Тьме, если это просто была война народов?

— Потому что в той войне мы победили, — сухо и нехотя отозвался декан. — На Аррасской равнине мы, Ёйштт, встретили вас, Жзрщжю, вместе с этими волосатыми карликами — Звкшгг — и славно потешились. Бой вышел на славу... трупы на пять лиг во все стороны лежали сплошным ковром, точно скошенная трава...

— Не может быть, — ровным голосом перебил Неясыть. — Двадцать пять квадратных лиг — чтобы покрыть их все телами, нужно более трёхсот двадцати миллионов трупов. Во всём мире даже сейчас не наберётся более пятисот миллионов живых.

Декан изумлённо воззрился на него. Тот продолжал, как ни в чём не бывало:

— Средний рост воина с шлемом — две эбинских сажени. Ширину, завышая для простоты и опять же учитывая доспехи, примем за полсажени. Значит, труп, лежащий на спине, занимает ровно одну квадратную сажень. В эбинской лиге три тысячи шестьсот сажень, следовательно, двадцать пять квадратных лиг — триста двадцать четыре миллиона квадратных сажень. А поскольку мы выяснили, что на каждый труп в среднем требуется одна квадратная сажень, то...

Декан оскорблённо молчал.

— На что тут обижаться, это ж правда, — равнодушно заметил Неясыть. Казалось, ему всё равно, как отнесётся к нему его будущий наставник.

До самого входа в главный корпус Академии они шли молча.

— Ну конечно же, тела лежали не как селёдки в бочке, вплотную друг к другу, — наконец проворчал Тёмный, когда они оказались на отдраенном до нестерпимого блеска крыльце, выложенном слитками чистого серебра. Истёршиеся регулярно менялись, чтобы, упаси Спаситель, нигде не возникло и малейшей впадинки, способной опозорить цитадель Высокого Волшебства.

Фесс невольно помотал головой. Что на него нашло? Он слишком уж заигрался в этого холодного и пустоголового парня, того и гляди новая маска станет настоящим лицом! Он же был совсем, совсем не таким!

— Прошу простить меня, милорд декан. — Не-ясыть-Фесс постарался вложить в эту фразу побольше теплоты. — Я... я не хотел.

Жёлтые глаза вновь воззрились на него — пристально и остро.

— Заигрался, парень? — негромко спросил декан. — Да, да, понятно, понятно... ну что ж, забудем.

Они миновали крыльцо, поднявшись по блистающим ступенькам. Новоиспечённые аколиты, которым ещё только предстояло стать настоящими магами, в почтительном, торжественном молчании рассаживались на длинных, натёртых до блеска жёлтым воском скамейках в просторном актовом зале. У дальней стены зала, украшенной жуткими мордами каких-то мумифицированных страшилищ, проходило возвышение, нечто вроде длинной кафедры, за которой сейчас вновь расселись все двенадцать деканов и ректор. Фесс-Неясыть заметил, что «его» декан сел с самого края, два кресла рядом с ним остались свободными, третье же занял сам ректор — вроде как «принял удар на себя».

Теперь речи стали ещё более пространными. По очереди вставали все деканы, подробно рассказывая о своих факультетах, программах, кафедрах; Фессу смутно припоминалось, что такое уже случилось в его

жизни, он явно где-то учился — уж не той ли же магии?..

Слушал он не слишком внимательно, доверившись навыкам, — и они не подвели, чётко вычленив из словесных кружев только нужное, однако ничего не забыв и не упустив.

Сперва все аколиты посещали факультет общего волшебства, с кафедрами формул астрала, магии предметной, мысленной, ритуальной, общей стихийной. Здесь же имелась кафедра принципов, где новичкам втолковывали общие правила составления новых заклятий. Было и ещё несколько кафедр, которые Фесса потянуло назвать «общеобразовательными»: высшего счёта, движения тел, элементов и элементарей, топоники, древней и новой истории. Всё это занимало без малого целых два с половиной года. По истечении их аколит считался уже не Учеником, а Подмастерьем и мог носить при себе короткий резной жезл, как знак своего умения.

В середине третьего года учёбы начиналась специализация. Отдавшие свои шары факультетам стихийной магии начинали совершенствоваться в тонких принципах управления четырьмя великими первоначалами; те, чей *выбор* пал (и совпал) на алхимиков, целителей, священнослужителей или же занимавшихся Нелюдью, уединялись в лабораториях, скринах и бесптиариях. Там они проводили ещё три полных года, после чего следовала двенадцатимесячная самостоятельная работа, заканчивавшаяся оформлением трактата и защитой его перед советом ученых мужей Академии; трактат посвящался или разработке новой трёх-четырёхзвенной системы заклятий, или описанию нового вида нечисти (недостатка материала не ощущалось, Змеиные леса к востоку от Кинта и на островах Огненного архипелага с готовностью выбрасывали из своих глубин всё новые и новые виды страшилищ), или изучению свойств нового эликсира. Архивисты сдували пыль с пожелтевших хроник — их в подвалах Академии хранилось ещё на много поколе-

ний историков, — и примерно тем же занимались знатоки древней магии, старательно исследуя свойства попадавших в руки Академии старых амулетов и оберегов.

Защитив и сдав на вечное хранение в архив Академии свой трактат, аколит переставал быть, собственно говоря, аколитом, Учеником или Подмастерьем, превращаясь в полноправного мага, которому разрешено носить вожделенный длинный посох. После выпуска маг считался свободным и мог заниматься чем угодно, лишь не забывая платить в пользу выучившей его Академии необременительный, но ежегодный налог. От чего-то никому и в голову не приходило от него уклониться. Ректорат помогал тем, кто хотел найти работу или по каким-то причинам не мог вернуться в родные места — все земли, все города от Волчьих островов до Огненного архипелага, побережья Моря Ветров, Надежд и Призраков — отовсюду короли и герцоги, свободные бароны и вольные купеческие города — все слали снабжённые множеством печатей грамоты-прошения. Жаркому Кинту, например, требовались адепты водной стихии и мэтры-знатоки Нечисти — во множестве. Оно и понятно, Змеиные Леса занимали половину территории огромного острова Кинт и джунгли не собирались останавливаться на достигнутом, упорно наступая на возделанные людьми земли.

Всё время, пока шла учёба, аколиты жили прямо тут же, в Академии, при своих факультетах, вокруг зданий которых выросли настоящие городки. Всё в Академии блистало чистотой, нигде ни облупившейся краски, ни поломанной дощечки, ни выбившегося кирпича... Слугами здесь были мелкие зеленокожие гоблины, мирные, тихие, покорные, куда как отличавшиеся от орков, своих более старших братьев, полным отсутствием свирепости, воинственности и какого бы то ни было боевого духа. Судя по всему, положение вечных слуг, покойная сытая жизнь полностью устраивала эти создания.

Но не Фесса.

Неясыть-Фесс и его декан медленно шли по дорожке, обсаженной цветущей сиренью (цветущей, несмотря на неподходящее время года) и вымощенной сиреневатым же, в тон, камнем.

— Сейчас повернём направо — и дома. — В голосе Тёмного слышалась горечь.

Территорию Академии надвое рассекал глубокий канал, поднятая магией из глубин вода текла к морю. На берегу стояло длинное одноэтажное белокаменное здание под рыжей черепицей, удивлявшее даже на первый взгляд своей неухоженностью. Половина окон зияла выбитыми стёклами; на кровле тут и там видны были широкие, кое-как забитые полусгнившими досками прорехи. Деревянное крыльцо покосилось и отчаянно скрипело, словно жалуясь на судьбу.

— Нам сюда, — смущённо сказал Тёмный.

Фесс... или нет, скорее, это был именно жестокий и равнодушный Неясыть, посмотрел в этот миг на декана с плохо скрытым презрением.

— А что ты хотел, мальчишка?! — внезапно взорвался чародей. — Поступил в учение к Тьме и хочешь, чтобы здесь, в цитадели Белого Совета, тебя встречали фанфарами и фейерверками?! Один я тут, понимаешь, уже сколько лет — один! Кабы не я, эта развалюха давным-давно бы уже сама рухнула. Так что половину своего времени я тут на лесах провожу... латаю, что ещё можно подлатать.

— Стропила просели, — чуть виновато сказал Фесс. — Менять надо, пока вся кровля не поехала...

— Менять, менять... сам знаю, что менять, — уже куда тише проворчал декан, видимо, успокаиваясь. — Да только как это поменяешь? Сам я такой магией не владею. А эти... остальные... как говорится, зимой снега не допросишься. Мы же Тёмные!

— А друг с другом? — осторожно любопытствовал Неясыть-Фесс.

— А друг с другом они очень даже ничего, — признался декан. — Они не злодеи, Неясыть, никого не угнетают и не убивают. И перед Святой Инквизицией

за схваченных всегда заступаются, когда могут, — выкупают, выменивают... я слышал, даже сбежать кое-кому помогли.

Он с натугой, несмотря на всю свою явно громадную и нечеловеческую силу, отвалил тягостно скрипнувшее полотно двери, сработанное из каких-то чёрных костей неведомого чудовища. Основу составляли два перекрёщённых витых рога; покрывавшая некогда их поверхность тонкая резьба успела стереться за минувшие годы. На одном из рогов в самой середине двери кто-то, потратив, наверное, целую пропасть усилий и старания, выцарапал бранное слово. Фесс достаточно поднаторел в эбинском, чтобы понять смысл.

— И не просто ведь так накорябали, — с грустью заметил декан. — Ещё и заклятьем защитили. Который день мучаюсь — по сю пору не распутал. Не силён я в этой их новомодной магии, что поделаешь, Неясыть, не силён. Мне эту дверь испепелить куда проще...

Они вошли внутрь. Фесс покачал головой — о некоторых домах принято говорить, что они, мол, знавали «лучшие времена», однако этот, похоже, таких времён не знал вовсе. Даже сами стены были выложены здесь кое-как, на скорую руку, чуть ли не в один кирпич, отделаны явно наспех и без всякого тщания; об украшениях и говорить не приходилось. Неясыть-Фесс оказался в небольшом помещении, для которого больше всего подходило слово «прихожая», с голыми коричневатými стенами, с проступившими кое-где пятнами от протечек; доски пола разошлись и противно скрипели при каждом шаге. Кое-где на стенах виднелись кривоватые полки; на каждой уже успел собраться изрядный слой пыли.

— Убирать-то тут некому, — перехватив взгляд Неясыти, пояснил декан. — Вот сам с тряпкой и ползаю, случается. Когда руки дойдут...

Судя по всему, случалось это куда как редко.

Вправо и влево уходили два длинных и узких коридора, скупо освещённых редкими масляными плашками —

ми. Факультет maleфицистики, где избранные должны были постигать саму Тьму, на поверку выглядел словно забытая провинциальная гостиница. «Небось и тараканы тут есть», — подумал Неясыть.

Тараканы тут и вправду водились. Большие, рыжие, усатые. Словно разбуженные стуком шагов, они вылезали из своих убежищ вдоль разошедшихся и отставших от стены плитусов, шевелили усами, нехорошо поглядывая вслед пришедшим. Про себя Фесс дал молчаливый зарок при первой возможности расправиться с наглыми гадинами. Почему же декан не уничтожил их своей властью?.. Ещё давно?..

— Почему, почему... — проворчал декан. — На мне зарок Белого Совета. Не убивать посредством магии. Ни прямо, ни косвенно, ни опосредованно. Вот и приходится терпеть. Во всей Академии их уже прикончили, так они теперь у меня тут собрались. И в походы отсюда ходят... на другие факультеты кормиться. — Он невольно ухмыльнулся. — Хоть в этом досажу Светлым!..

«Досажу Светлым, — с горечью подумал Неясыть — именно Неясыть, а не Фесс, правда, опирался он при этом на изрядно прореженную, но всё-таки не столь короткую, как его собственная, память Фесса. — «Досажу Светлым», ничего больше его не волнует!»

Они прошли по коридору, мимо многочисленных закрытых дверей, пока коридор наконец не закончился довольно большой полутёмной¹ комнатой.

— Ничего, с тараканами, полагаю, разберёмся, — пробормотал парень, с заметным интересом оглядываясь по сторонам.

Судя по всему, это была штаб-квартира Тёмного, деканат факультета maleфицистики, по совместительству — лаборатория, библиотека, кабинет и спальня. Тут ещё поддерживался некий порядок. Во всяком случае, пыли на корешках книг не было, хотя заставленные громоздкими чёрными фолиантами полки поднимались к самому потолку. В углу причудливым жи-рафом застыла стремянка. Комната — или, вернее

сказать, небольшая зала — находилась в торце здания, окна выходили на все три стороны.

— Тебе придётся привести в порядок соседнюю, чтобы спать и заниматься. — Декан виновато развёл руками. — Я, гм, как бы это выразиться поделикатнее... э-э, не ожидал, что хоть кто-то отдаст мне свой шар, и потому, признаюсь, не готовился...

— Ничего, — махнул рукой Фесс. — Не впервой.

— А откуда ты знаешь, что не впервой? — внезапно насторожился волшебник.

— Знаю, — холодно пожал плечами Неясыть. — Я же не разучился говорить. И знаю, что не разучился. Руками работать я тоже не разучился, так что справимся.

— Тебе как аколиту положены кормёжка и одежда, — сообщил декан. — Сходи пока что к мэтру интенданту, а я посмотрю, что тут можно с твоим жильём сделать...

Выспросив у декана дорогу, Фесс вновь вышел на крыльцо. Академия кипела, словно настоящий муравейник; длинные шеренги новоиспечённых студиясов волокли свёрнутые матрасы, тюки с одеждой, книги, ещё какие-то обиходные вещи; на вышедшего из цитадели Тёмных человека разом устремились десятки не предвещавших ничего хорошего взглядов. Фесс не сомневался — вздумай ему спросить хоть о чём-нибудь этих людей, самое меньшее, что они сделают, — это плюнут ему в лицо. Вернее сказать, *попытаются* плюнуть. Он на миг собрал в комок и вновь распустил мышцы. О да, он знал, как заставить тело превратиться в оружие даже более страшное, чем все мечи и копья на свете, он без труда проложил бы себе дорогу через толпу этих глупых увальней, не знающих приёмов правильного боя...

«Если только они не из Храма», — вдруг подумал осторожный и отнюдь не кровожадный Фесс, отесняя вдруг взалкавшего крови Неясытя. Храм... да, это предстояло тоже выяснить, но не теперь, конечно же, не теперь.

Он направился к интендантскому корпусу. У широких ворот с гордым гербом Академии — лучащийся факел в высоко поднятой человеческой руке — толпился народ. Получать первый волшебнический харч и обновы выстроилась целая толпа. Возникла очередь, длинная, ругающаяся, обильно потеющая, то и дело взрывающаяся визгом, если кому-то начинало казаться, что сосед пытается пролезть вперёд него. Трещали воротники и рукава, в ход немедленно пускались кулаки. Отчего-то выяснение отношений на столь примитивном уровне магами здесь допускалось.

Фесс надменно задрал подбородок и двинулся прямо в ворота.

— Эй, ты куда, дубина тёмная! — немедленно заорали ему в затылок. Чья-то рука вцепилась ему в плечо... и немедленно сорвалась, а владелец её, вопя во всю глотку, принялся баюкать торчащую как-то непривычно вбок неподвижную кисть. Фесс не бил, он довольствовался всего одним стремительным и для глаза почти неразличимым движением — правда, из самых жестоких в своём арсенале. Неясыть в его душе взвыл от радости.

— Неужели я такое чудовище? — ошарашенно пробормотал Фесс себе под нос. И, вероятно, этот вопрос отразился у него на лице — потому что больше ему никто дороги на заступил. Не заступил до самой интендантской стойки, когда из угрюмо ощерившейся, но не решавшейся броситься на него всем скопом толпы разом вышли двое.

Первый, высокий и изящный, казался даже более гибким, чем сам Фесс. Дивные золотистые волосы падали до плеч, ноздри тонкого аристократического носа трепетали от гнева, широкие глаза метали искры — в парне явно чувствовалась эльфийская кровь. Совсем ещё юный, почти что мальчик, ещё не начавший бриться, в роскошном золотисто-зелёном камзоле с галунами и шикарном берете с длинным павлиньим пером. На боку у него висела внушительного вида рапира — очевидно, здесь, в стенах Академии, запрет

на ношение оружия соблюдался не так строго, как на площади Чёрного камня.

Второй, вставший плечо к плечу с аристократом, напротив, казался только что оставившим соху. Тоже высокий, но и широкоплечий, с мощными мускулами; одет он был в чистую белую рубаху и простые домотканые порты. Соломенные волосы, нос картошкой и целая россыпь веснушек. Этому парню было на вид лет пятнадцать, щёки и верхняя губа его уже успели познакомиться с бритвой.

По сравнению с ними Фесс выглядел стариком. Да он и впрямь был намного их старше — точнее, был бы, не случись этого загадочного провала в памяти.

— Тута, значить, у нас поперёд не лезут, — негустым приятным баском сказал конопатый. — Ты, эта, паря, стань-ка назади, где все. А то я таких нахальных, извиняй, терпеть не могу.

Неясыть не остановился, не повернул головы, и выражение его лица не изменилось. Наверное, Фесс поступил бы совершенно иначе, улыбнулся бы, хлопнул конопатого по плечу, и вскоре они стали бы лучшими друзьями — но в тот миг верх взял именно Неясыть, пришедший в неистовство от того, что ему кто-то осмеливается сопротивляться. Вспышка ярости оказалась настолько ослепляющей, высвобождённый из-под спуда воспитания и традиций гнев — столь сладким, что Фесс и глазом моргнуть не успел, как рука его, слишком хорошо привыкшая рубить и колоть, метнулась вперёд атакующей змейёй, проскальзывая, казалось, между самими частицами воздуха. Пальцы Неясыти, сейчас скрюченные, подобно настоящим совиным когтям, уже почти коснулись веснушчатого лица, когда уже не беспамятный Неясыть, а сам Фесс ощутил жаркую волну магии. В этом мире она была грубой, слишком много прямой силы, слишком мало тонкой работы *на отдалениях* (правда, в чём суть этих самых *отдалений*, Фесс бы сейчас припомнить не смог), однако отбить внезапную атаку он не смог. Наверное,

прежний Фесс справился бы с этим без труда, а вот этот...

Его швырнуло на пол. Мальчишка с эльфскими глазами гордо поставил ногу ему на грудь и патетически вскинул руку. Давящий поток прервался.

И вновь — прежний Фесс справился бы с этим играючи. Он взял бы верх и вышел победителем из схватки меньше чем за секунду, но некогда намертво вплавленного в память движения больше не было, там зияла пустота, и потому первый рывок Фесса пропал втуне. Сапог аристократа надавил на кадык Неясыти, и в голове взорвался настоящий фейерверк боли. Мальчишка не поколебался бы убить врага, сочти он это сейчас необходимым.

И всё-таки аристократ-полуэльф ошибся. Нога его оказалась стоящей чуть дальше, чем нужно, и Фесс, без затей и чудес крутнувшись на полу, ободрав себе спину и локти, попросту отшвырнул от себя мальчишку, прежде чем успел вмешаться его конопатый друг.

Дурак. Молодой дурак, мелькнуло в голове Фесса, когда забывшийся паренёк спиной вперёд полетел в дальний угол, а сам Неясыть оказался на ногах. Когда враг лежит, его надо убивать. Немедленно, и более того, сейчас же. Конечно, юный полуэльф не мог предвидеть, что его противник настолько быстро избавится от шока — сколько-нибудь опытный боец это обязательно бы учёл, несмотря ни на что, — например, он, Фесс.

Однако Неясыть понимал, что его успех — не более чем случайность. Он помнил лишь какие-то обрывки того, что должен был, тело забыло слишком многое, а сознание ещё даже не успело это как следует переварить; ввяжись Неясыть в серьёзную драку, ему это могло бы очень дорого обойтись.

Веснушчатый парень, тоже не робкого десятка, в свою очередь попытался сплести что-то опрокидывающе-давящее, но в это время гомонящая толпа студизосов как-то подозрительно быстро раздвинулась в

стороны, и взорам драчунов предстал сам милорд ректор во всей красе.

— Что такое? Что за шум? — строго произнёс он, явно делая вид, будто не понимает, что здесь произошло. — Только-только стали аколитами — и уже нарушаем устав нашей Академии?

Мальчишка с эльфьими глазами кое-как выбрался из угла, непостижимым образом придав своей скособочившейся от боли фигуре известную элегантность, и вежливо поклонился. Воспитывался во дворце, совершенно ясно, подумал Неясыть, и скорее всего — в северном Эгесте, там знать эльфов любит. В основном, конечно, эльфиек, но и эльфы тоже в цене — так, по крайней мере, утверждал Парри.

— Милорд ректор, — изящный полупоклон, правая рука и левая нога успевают выписать какое-то почти танцевальное па из арсеналов высшего этикета. — Сей человек, аколит Тьмы, имел дерзость войти в этот покой, расталкивая иных добрых студизусов, и тшил-ся пробраться без очереди! Когда же мы с этим добрым братом, — второй, не менее изящный жест в сторону веснушчатого парня, — попытались усовестить его, напал на нас. По счастью, наше — и этого доброго студизуса тоже — умение остановило наглеца. Так это было, милорд ректор, в чём я, Эвенстайн из Бларри, что в северном Эгесте, ручаюсь своей благородной кровью и честью моих благородных родителей.

Конопатый «добрый студизус» выслушал эту речь с разинутым ртом.

— Благодарю тебя, ученик Эвенстайн из Бларри, — ректор слегка склонил голову. — Имел честь в своё время звать твоего благородного родителя...

— Вы оказываете нам честь этими воспоминаниями, милорд ректор...

— А ты что скажешь? — Ректор повернулся к веснушчатому.

— А-а, э-э-э, м-милорд р-ректор, так всё и было... ну, значить, как господарь Эвенстайн сказали...

— Зовут-то тебя как, добрый ученик?

— Бахмут я, ваша милость, Бахмут из деревни Петухи, уезд Смирра благородной Эгестской земли...

— Всё понятно, мой добрый Бахмут. А ты мне что скажешь? — Это уже было обращено к Фессу.

Неясыть успел заметить, что, осведомляясь у аколитов насчёт их имён, ректор слегка лукавил — их, само собой, он знал, они были на браслетах, и уж не ему с его магией было терять время на вежливые вопросы с ответами, если и впрямь требовалось что-то быстро узнать. Однако на *его* собственном, его, Фесса, браслете имени не было. Только разлитая по неведомому материалу чернота.

— Неясыть, — коротко сказал Фесс. Ректор поднял брови — как бы в изумлении. — Неясыть меня зовут. Не понимаю, в чём дело, милорд ректор, — я просто зашёл в это место посмотреть, туда ли точно меня послали; у меня и намерений не было куда-то вставать или что-то получать. Я шёл *мимо*, хотел увидеть всё собственными глазами, а тут... один за плечо стал хватать, эти двое в драку полезли. А я им отчётов давать не обязан.

Ректор поднял брови.

— Ишь ты... А почему же не спросил ни у кого?

— Мой цвет не слишком любим другими аколитами, милорд, не хотелось раздражать их понапрасну.

— И поэтому одному из них ты... ну да, сломал запястье, другому это едва не стоило целостности позвоночника...

— Я не применял против них магию, милорд. Только честные кулаки. А вот у этого, — Фесс кивком указал на конопатого Бахмута, — силы раза эдак в два побольше, чем у меня. Да и рука куда как потяжелее.

Фесс вывёртывался, обтекаемые фразы сами собой слетали с его языка, память, казалось, выуживала недостающие навыки прямиком из подсознания — но чувствовал себя воин, конечно же, скверно. Что на него нашло? Он ведь не был таким жестоким, он точно помнил это, не мог восстановить в памяти конкретные обстоятельства, но чувство — в нём он обмануть —

ся не мог. Он *был* бойцом, он *был* воином, он привык отвечать ударом на удар — но тогда, наверное, было и чему сдержать его гнев и его страсти. А теперь?.. Теперь он воистину — Неясыть, хищный и жуткий обидатель края полярной Тьмы, ужас мирных крачек, налетающий, что ни ночь, за своей кровавой данью...

Ректор тем временем молчал, озабоченно потирая гладко выбритый подбородок.

— Ты складно оправдываешься, ученик Неясыть. И да, формально ты ни в чём не виноват. Ты никого не оттолкнул и ничего не пытался получить. Но скверно, что ты не хочешь покаяться и что ты лжёшь своему главному наставнику, ибо факультет малефицистики входит в состав вверенной моему попечению Академии, и значит — я в ответе за всё, что здесь творится. Прими же моё увещевание — отринь злобу, не внимай так уж безоглядно продиктованным обидой речам твоего декана — и тогда Тьма и Свет соединятся в тебе гармонично. Во всяком случае, я очень этого хочу.

С этими словами ректор повернулся и двинулся прочь, мимо молча и оробело взиравших на него студизусов, уводя с собой того бедолагу, которому Неясыть походя сломал руку.

Фесс пошёл следом. Не могло быть и речи, чтобы после всего случившегося становиться в очередь.

Краем глаза он заметил, что Эвенстайн и Бахмут, успевшие получить им причитавшееся, двинулись следом.

«Вам мало, ребята?» — зло подумал Неясыть. Фесс поспешил его одёрнуть, но вспышка гнева была слишком сильна. Парень остановился, давая преследователям понять, что они замечены и продолжать погоню едва ли стоит.

Впрочем, они и не скрывались.

— Эй, как там тебя, Неясыть! — властно окликнул его Эвенстайн. Видно, у себя дома мальчишка успел выучиться повелевать, при том, что он едва ли был законным сыном.

Фесс не обернулся. Ему нет до них дела. Пусть горят всё, что угодно.

Фессу, воину, и в самом деле было безразлично, что там от него хотят двое мальчишек, но Неясыть в его душе прямо-таки озверел. Фессу стоило немалых трудов погасить ещё и эту вспышку.

За своей спиной он слышал басок Бахмута:

— Прощения прошу, господарь, да токмо не так с этими обходиться надо...

Эвенстайн что-то недовольно проворчал, однако же уступил.

Конопатый аколит в два прыжка поравнялся с Фессом.

— Погоди, Неясыть, погоди, пожалуйста. — Он примирительно поднял вверх согнутую в локте руку. — Перемолвиться нать...

— О чём? — холодно спросил Фесс.

— Да мы вот с господарем Эвенстайном хотели...

— С господарем Эвенстайном из Бларри, холоп, — холодно бросил второй мальчишка, подходя вплотную.

— Нарушаешь устав, мальчик. — Фесс (теперь уже не Неясыть, а именно Фесс!) презрительно сощурился. — Здесь нет сословных различий. В Академии аколиты одного года называют друг друга по именам. Ты плохо слушал речь милорда ректора?

— А ты, верно, ещё глупее, чем хочешь казаться, — ничуть не смутился Эвенстайн. Нарочито напряжённая поза Фесса, похоже, его нимало не пугала. — Разве ты не знаешь, что *это* правило здесь никто не выполняет? Наставники сами — или из благородных, или выслужившие дворянство. Думаешь, им приятно, если какой-нибудь коровин сын их начнёт по плечу хлопать? Так что, холоп...

Он был умен и ловок, этот парнишка с доброй толикой эльфийской крови в жилах. Говоря дерзости, распаляя противника, он исподволь готовил магический удар — наподобие ножа в спину. Он уже умен пообещать и прелестно понимал, что победителей не

судят; но побеждённых зачастую не берут в плен, а попросту вешают.

Удар Фесса пропал втуне, его самого швырнуло прямо на камни; да, его боевое искусство — а ведь он точно помнил: было оно, было! — теперь, увы, никуда не годилось. Эвенстайн успел увернуться, быстро прищурился, с явной натугой прошептал несколько слов — и спелёнутого незримыми путами, точно ребёнка, Фесса подняло в воздух.

Нимало не стесняясь окружающих, Эвенстайн от души заехал Неясыти кулаком в ребра.

— Лихой, да? — брызгая слюной, прошипел мальчишка. — Думал, всё можешь? Один ударчик выучил — и ты непобедим? Эх, эх, жаль, меча у тебя нет, а то я бы уши-то тебе пообкарнал. Дурак ты, холоп, дурак, а туда же — Тьму постигать взялся!

Сцена получилась донельзя нелепая. Ни Эвенстайн, ни Бахмут не прятались, всё это творилось прямо на глазах у остальных учеников; задыхаясь от унижения и ярости, Неясыть метко плюнул прямо в роскошные эльфы глаза мальчишки.

— ...Svxrtŭ тебе в рыло, — прохрипел Неясыть, используя одно из позаимствованных у Парри бранных слов — как он теперь понял, восходило оно аж к языку сородичей его декана.

Мимо них шли многие, однако никто почему-то не остановился — даже поглазеть.

Внезапно пути ослабли — словно кто-то перерезал их ножом. Неясыть мягко спружинил, приземляясь на ноги, и...

— Оставь его, Неясыть, — устало сказал Тёмный, вдруг оказавшись рядом и крепко беря своего ученика за локоть. — А вы, милостивый государь, ступайте к своему декану. Ступайте, ступайте, не сверкайте на меня глазами, я вам не по зубам.

— Пока не по зубам, отродье Тьмы! — Мальчишка плюнул на камни под ноги декану. Тот лишь пожал плечами. Второй плевок просто вспыхнул в воздухе.

— Идём, Неясыть, — произнёс декан. — Идём, я

там собрал тебе поесть. И одежду твою принёс. Я знал, нечто подобное случится... но не ожидал, что так скоро. Пойдём отсюда, пойдём, пусть себе злобятся...

* * *

Они вернулись обратно в здание факультета. Тёмный не подвёл, он и впрямь каким-то образом успел добыть Неясыти всё, положенное «доброму студияосу». Здесь же, в пустоватой комнате, нашлась и кухня — Тёмный, очевидно, предпочитал не тратить магию на такие повседневные вещи, как приготовление пищи.

После того как Фесс утолил первый голод, декан выудил откуда-то из недр конторки чёрного дерева внушительного вида пергаментный том, снабжённый серебряными застёжками. Взял перо, откинул крышку переплёта — взметнулось облачко застарелой книжной пыли. Декан взял перо, сдвинул крышку с массивной чернильницы.

— Ну, так что же, выбрал? Чему мне тебя учить?

— Всему, что знаете, милорд декан, — строго и официально ответил Фесс. И то сказать — смех один эти «кафедры». Вампиризм, скажем, или ликанотропия. Чего тут изучать? Как это — в отдельности — может пригодиться? Зато как часть некоей всеобщей совокупности — очень даже полезно.

— Хм! — Тёмный прошёлся вперёд-назад по своему «кабинету». — Нет, брат, так не получится. Здесь все-таки не вертеп, а какая ни на есть, но Академия. И спрашивает с меня ректор так, словно у меня не один-единственный ученик, первый за многие годы, а целый выводок, на каждую из кафедр по десятку. Пиши давай, декан, распределяй, изводи пергамент... А его, между прочим, ещё и не достанешь...

Фесс слушал раздражённое ворчание декана со странным чувством. *«Ты стоишь во главе... нет, не факультета даже, а целого дела. Может, плохого, злого, отвратительного. Но ты стоишь за него. Значит, для*

тебя оно не плохое, не злое и не отвратительное. Ты не отрёкся от своих цветов. Но почему же ты даёшь впускать себя в эти идиотские игры? Какие-то бумажки, какие-то послания, какие-то списки... ты играешь по их правилам, по правилам своих врагов, ты не попытался восстать; ты ждал ученика? Но, если ты хочешь обратить меня в свою веру, почему медлишь? Зачем все эти формальности, если нас двое? Или ты не веришь мне? — внезапно обожгла мысль. — Ты не веришь мне, считаешь засланным, думаешь, что это — очередная атака, которую тебе надо обязательно отбить? Я угадал, Тёмный? Ты стар, ты очень стар, и ты, похоже, слаб. Твоё нынешнее существование лучше смерти, это так. Я не понимаю этого, но я вообще многого не понимаю. Быть может, если я когда-либо доживу до твоих лет, то тоже начну точно так же, если не сильнее, бояться телесной гибели. А у тебя бедное, но, похоже, безопасное житьё-бытьё, над тобой, как говорил Парри, не каплет. Тебе не за что бороться, ты кукла на верёвочках, и вот, чтобы заглушить в себе эти мысли, ты бережно копишь обиды, точно скряга золотые монеты. Ты упиваешься унижением, не так ли? Или я не прав? Но отчего тогда...»

Он оборвал мысль. Декан выжидательно смотрел ему прямо в глаза.

— Так что с кафедрой делать-то будем? — со вздохом спросил Тёмный. — Я бы, конечно, костями лёг, чтобы тебя, Неясыть, тут оставить, да только куда там! Ушлют тебя на самый край земли, куда и ворон костей не заносил, так что умение твоё хоть сколько-нибудь ходовым должно быть.

— А какое же оно, самое ходовое? — Фесс легко и непринуждённо улыбнулся, желая подбодрить декана.

— Некромантия, — совершенно серьёзно ответил Тёмный. — Некроманты, Неясыть, всегда в цене, и даже наш преславный Белый Совет, думаю я, не отказался бы от их услуг. Много неладных дел в мире творится, слишком много дикой магии, слишком много силы в руках невежд, слишком много артефактов ещё гуляет по свету, вот и случается... Ведь тому же Бело-

му, мастеру огня или там воздуха, нужно сто раз вкрут себя оборотиться, наизнанку вывернуться, чтобы одного-единственного зомби, скелета или мертвеца ожившего обратно под землю загнать! Случалось, целый лес выжгут, чтобы одного одолеть. А некромант — пожалуйста, сделаем в лучшем виде. Э-эх! — Тёмный в сердцах махнул рукой. — Что тут говорить... Те королё, которые поумнее да от Академии подальше, я слышал, некромантов очень даже привечают. На Волчьих островах, например... или в Кинте Дальнем.

— Кинт Дальний — это ж совсем рядом, море переплыть? — щегольнул Фесс своими познаниями в географии нового для него мира.

— Верно. Только у них там и без того хлопот хватает, с тварями Змеиных лесов биться, а когда ещё и по части некромантов тревоги начинаются... Святоши нельзя сказать, что совсем ничего не смыслят и не могут, но и им тоже месяца три надо — скажем, чтобы кладбище *беспокойное* нормальным сделать, да при том ещё добрую сотню народа положат, пока справятся. А для грамотного некроманта это — пара-тройка дней, не больше. А я и таких знавал, что за несколько часов справлялись. Если, конечно, некромант этот — грамотный... — Тёмный сделал многозначительное ударение на последнем слове.

— Впечатляет, — сказал Неясыть. — Впечатляет, милорд декан. Я согласен. Запишите меня на кафедру некромантии.

* * *

День угасал. Первый день Неясыти-Фесса в Академии Высокого Волшебства. Он лежал в «своей» комнате, неподалеку от «кабинета» декана. Немалых трудов стоило привести помещение в хотя бы относительный порядок, повыгонять наглых рыжих тараканов и нахально устроивших гнездо прямо в углу крыс. Завтра он, Неясыть, займётся этой живностью всерьёз. А пока надо спать, спать, спать, чтобы рассудок и память

завтра были свежи и ясны — ему предстоит ещё многое узнать, прежде чем он приблизится к тайне собственного появления здесь и отыщет дорогу домой, где бы этот дом ни находился.

Интерлюдия I

Путь домой

— Идти можешь, Тави¹?

Эвис Эмплада² с тревогой склонилась над стонущей девушкой. Вопрос был задан зря. Взор Тави помутился от боли, она ничего не отвечала. С первого же взгляда было ясно, что дело дрянь, — щиколотка Тави быстро опухала, несмотря на все старания Клары и Мелвилла³. Эгмонт⁴ с проклятиями рубил в мелкую щепу хитроумный деревянный зажим-ловушку, в который Тави угодила на узкой тропе.

— И кто ж это, хотел бы я знать, теперь охотится с эдакой снастью на тропах Междумирья? — ни к кому в отдельности не обращаясь, процедил он сквозь зубы.

— Потом все разговоры, потом! — оборвала его Клара. Лицо волшебницы было бледно, виски покрывали мелкие бисеринки пота — заклятие давалось не легко, здесь дорога вообще оказалась почти непроходимой, да вдобавок ещё то и дело отказывалась повиноваться магия, и приходилось полагаться в основном на мечи и доспехи. Хюммель стояла на коленях, подерживая ладонями затылок стонущей Тави.

Прошедшая выучку у Вольных не может так гром-

¹ Персонаж романа «Алмазный Меч, Деревянный Меч», странствующая воительница и волшебница, уроженка Мельинской Империи, была спутницей Сидри Дромаронга в походе за Драгниром, затем — соратница Клары Хюммель.

² Член Гильдии боевых магов, уроженка Долины, молодая чародейка, спутница Клары Хюммель.

³ Так же, как и Эвис, член Гильдии боевых магов, только куда старше.

⁴ Четвёртый боевой маг, спутник Клары Хюммель.

ко стенать из-за какого-то там растяжения или даже вывиха, мелькнуло в голове волшебницы. Клара понятия не имела, кто может так «шалить» в областях, доступных лишь магам да полумразумным чудовищам, существам, изначально наделённым волшебной силой. Правда, случалось, что могучие чародеи делали Межреальность доступной и для простых смертных (или бессмертных) — так во многие миры проникли люди, гномы, эльфы, гоблины, а также масса иных созданий.

Так что же случилось? Проклятие, никак не удаётся нащупать повреждённое место, опухоль какая-то уж слишком плотная, не поддаётся пальпации (а ведь Кларе на ощупь случалось находить одну-единственную порванную связочку!), чары не наложить, даже боля не унять!

— Мелвилл! У тебя корпид? — не поворачиваясь, бросила Клара. — Хоть боль снять...

— Не вычаровывается ничего? — сочувственно сказал Мелвилл, роясь в лекарской сумке. — Вот он, корпид, свеженький... Только ты уверена, Клара, что хочешь дать такое сильное?..

— У девчонки сейчас начнётся болевой шок, — отрезала Клара. — Держи ее крепче, Райна!¹

— Слушаюсь, кирия! — Воительница прижала обеими руками плечи Тави. Клара откупорила пузырёк тёмного стекла, отмахнула воздух над горлышком к себе, вдохнула, поморщилась.

— Ядрён... Эвис, твоя работа?

— Нет, — сообщила юная чародейка. — У самой Мескот² брала.

— Вот уж не знал, что повитуха Ирэн промышляет такими снадобьями, — мрачно удивился Эгмонт.

¹ Воительница-наёмник, из числа постоянной стражи, охранявшей Долину магов, давняя соратница Клары Хюммель, валькирия.

² Мескот, Ирэн Мескот — могущественная волшебница, жительница Долины магов, опытейшая целительница. Давняя не-доброжелательница Клары Хюммель.

— Она много чем промышляет, — фыркнула Эвис.

— Да тише вы! — гаркнула Клара, решительно опрокидывая пузырьёк над опухолью и мгновенно принявшись втирать в кожу маслянисто-чёрные капли.

Пару секунд Тави лежала, как и прежде, глухо постанывая от боли, однако стоило жуткому зелью приняться за дело, как девушка взвыла нечеловеческим голосом, тело выгнулось дугой; железную хватку валькирии Райны Тави разорвала в один миг; колотясь руками, ногами и головой, девушка покатила в сторону с Тропы — в Межреальности это означало верную смерть.

В нескольких шагах от слабо светящейся полоски «земли» (хотя на самом деле эта субстанция ничего общего с настоящей почвой, конечно же, не имела) начиналось истинное Ничто, не таящие многочисленные опасности заросли Дикого леса, что блуждают, подобно тополиному пуху, из края в край всей Сферы Миров, добираясь притом и до самого Дна, а именно Ничто. Не Нечто. Ничто, первородная древняя Пустота, из которой Творец создал в своё время само Упорядоченное, отделив его от бушующих вокруг ураганов вечного Хаоса.

Эгмонт, точно тигр, бросился на бьющуюся в конвульсиях Тави, опередив даже отчаянный крик Клары. Навалился, прижал всем телом; недолго думая, Райна и Эвис бухнулись сверху, однако сила бивших Тави судорог ещё некоторое время была такова, что всю эту груду тел (причём в доспехах!) едва-едва не разбросало.

Наконец корчи утихли. Клара и Мелвилл помогли остальным подняться. Тави лежала без чувств, однако лицо её порозовело и дыхание стало ровным. Боль отпускала, разжимая свои когти.

— Хорошая штука — корпид, — заметил Мелвилл.

— Ага, если только не знать, из чего эту дрянь ваяют, — откликнулась Эвис, сдувая прядь со взмокшего лба.

— Так, ладно, хорош болтать. — Клара вновь стала сама собой — походным командиром, а поскольку ей не раз и не два доводилось предводительствовать

именно наёмными, сражающимися за золото армиями, то и словечки с интонациями подобрались соответствующие. — Надо решить, что делать дальше. Сколько мы уже тащимся, Райна?

Валькирия извлекла из нагрудной ладанки хронометр тяжёлого чёрного дерева. На отполированной поверхности, нагретой теплом её руки, медленно проступили алые символы.

— Восемь суток по времени Долины, кирия.

— А по-местному? — спросила Клара, уже зная ответ.

— Неопределимо, кирия. Поток слишком сложен, слишком разветвлён... как бы в стоячее болото не попасть.

Все дружно вздрогнули. «Попасть в стоячее болото» означало остаться здесь навсегда — само Упорядоченное начнёт распадаться в пыль от старости, а у нас ещё не кончится провизия, и мы будем полагать, что прошла от силы пара-тройка дней.

— Делать нечего, Клара, — вмешался Мелвилл. — Тут нам даже всем вместе не наскрести сил на заклятие следа. Надо уходить, дурное здесь место.

— Словно кто-то кровь из тебя сосёт, — подала голос Эвис.

Клара сидела молча, хмурилась и кусала губы. Место и впрямь было дрянным. Притом дрянным сугубо, потому что никто не мог понять, в чём тут дело. Заповеди боевого мага гласили, что, столкнувшись с неизвестным, не торопись бросаться на него с мечом наперевес — быть может, тебе потребуется многотысячная армия с катапультами и баллистами.

— А мир тут какой-нибудь поблизости есть? — спросил Эгмонт. — Клара, что говорит твоя карта?

— Молчит моя карта, — огрызнулась волшебница. — Что ты, в самом деле, не маленький ведь, мог бы сообразить. Не знаю я, есть ли тут что поблизости, и установить это мы тоже никак не можем. Едва-едва костёр разжечь сил хватит.

— Н-да, козлоногие б нас сейчас голыми руками взяли, — заметил Мелвилл.

Клара не на шутку разозлилась. Поход выдался тяжёлый, переполненные хищными бестиями или опасными воронками участки тропы перемежались с вот такими вот, мёртвыми и пустыми, но с насторожёнными ловушками, тоже пустыми и мёртвыми, из дерева не удалось извлечь ни лица того, кто сработал самовлов, ни того, кто его поставил здесь. А вдобавок ещё и этот провал в Силе. Её течение ощущалось повсюду на путях Межреальности, и только потому маги Долины могли странствовать от одного мира к другому, — однако здесь Сила словно бы умирала. Будто в ясный день на солнце набежала туча. Вот только вопрос — набежала туча или начало гаснуть солнце?..

— Думаю, надо остаться здесь, — хмуро подытожила Клара, глядя на унылых спутников. — Нести Тави мы не сможем, так что придётся ждать, пока скопится хоть сколько-то сил для вправляющего заклятия. Великий Хаос, никогда не думала, что стану лечить перелом или вывих посредством «кольца»!

— Все мы каждый день что-то делаем впервые, — философски заметил Мелвилл.

Они, как могли, устроили на Тропе временный лагерь. И приготовились ждать.

Тави безмятежно спала, тихо посапывая. Корпид подарил ей двенадцать часов покоя — правда, потом станет гораздо хуже. За эти двенадцать часов Клара Хюммель должна была справиться с раной.

Дорога домой получалась невесёлой.

Глава вторая

Факультет малефицистики, спиречь злодепания

Занятия начались на следующий день. Неясить был лишён обычных студиязововских радостей вроде доброй компании, доброй гулянки и доброго пива. Точнее говоря, пива он, конечно же, лишён не был,

просто что ж это за удовольствие — дуть пиво в одиночестве? Эдак и спиться недолго; поневоле приходилось переходить на воду.

Подчиняясь правилам, Фессу предстояло тащиться на факультет общего волшебства. Конечно, он — на особом счету, у него наставник — Тёмный, и после «обеда» он, Фесс, вернётся «домой» — но до полудня он принадлежал Академии. Белому Совету, если быть точным.

В толпе направлявшихся к главному корпусу он разглядел знакомую пару — простодушного Бахмута и надменного господаря Эвенстайна из Бларри. Руки Неясыти сами сжались в кулаки. Проклятие, как же силён этот эльфийский выродок, как ловко владеет пусть только одним, но куда как действенным заклятием! Но... если только правдивы те отрывочные воспоминания, он, Фесс, умел справляться с такими «преградами». И даже, более того, не считал их за таковые. Эти двое... странная пара. Станные вопросы, которые они задавали — точнее, пытались ему задать. Словно и впрямь два школяра, которым опытный дознаватель поручил выяснить всю подноготную донельзя подозрительной личности, отчего-то при этом лично на сцену не появляясь. Неясыть твёрдыми шагами двинулся наперерез мальчишкам. Те заметили его мгновенно, даже, пожалуй, слишком уж сноровисто; тотчас же подобрались, сдвинулись, встав плечом к плечу; незаметно было, чтобы гордец Эвенстайн опять повторял свои благоглупости о господах и холопах.

Они смотрели на него внимательно и очень серьёзно, без тени страха или неуверенности. Наверное, они казались себе очень сильными и неуязвимыми; не слишком похоже на правду, если учесть, что один раз господарь из Бларри уже поискал спиной пятый угол.

— Эй, ребяташки! — громко сказал Фесс, так, что на него обернулось разом добрых два десятка молодых аколитов. — Может, выясним всё между собой раз и навсегда? — И он выразительным кивком указал на

узкую дорожку, что вела к густому скверу сразу за главным корпусом Академии.

Ах, если бы он был собою прежним! Не приходилось бы мучительно гадать, что знаменует то или иное дрожание век или движение щеки. Когда-то он отлично умел читать намерения людей по их лицам — когда-то, но не сейчас.

— Слишком много чести для крысы Тьмы, чтобы мы нарушали из-за неё распорядок Академии, — надменно ответил ему Эвенстайн.

— Угу, угу, господарь Эвенстайн из Бларри правду молвит, значить, — тотчас же подхватил Бахмут.

— А-а... — стараясь, чтобы голос звучал как можно более разочарованно, отозвался Фёсс. — Да, верно, хорошая штука устав. Трусость свою прикрывать очень удобно, и, главное, никто никогда не упрекнёт. Ну, ладно, ребятки, тогда я пошёл.

Будь эти мальчишки хоть на пару лет старше, дурацкий розыгрыш Фесса не возымел бы никакого действия. Однако они были ещё слишком, слишком молоды, а рядом в тот миг не нашлось усатого дядьки — наподдать как следует по шее да гаркнуть: «Куда, сопляк?!»

Парочка свернула с аккуратно вымощенной дороги. Под их ногами заскрипел песок; Фесс шагал так, что не было слышно ни звука.

«На сей раз вы меня не застанете врасплох, — думал Неясыть. — Я должен тебя опередить, полукровка, и тебя, конопатый силач, наверняка умеющий в свои пятнадцать гнуть и ломать подковы. Я иду, повернувшись к вам спиной, и вы покорно идёте следом, хотя самое лучшее, что вы сейчас можете сделать, — это бежать отсюда без оглядки, потому что третий раз фокус со спелёнывающим заклятием у вас не пройдёт, не зря же я обмозговывал это всю ночь и не давал спать Тёмному, пусть я забыл многое из того, что знал, и мне уже не по силам справиться с десятком противников — но уж с вами-то, разъярённые вы мои сосунки, я справлюсь наверняка».

Благородный аристократ господин Эвенстайн из Бларри не стал унижать себя, свой род и свой герб ударом в спину. Фесс рассчитал правильно, полукровка был болезненно щепетлив в вопросах чести, даже если решается, жить ему или умирать.

Они остановились на неширокой круглой лужайке, тщательно постриженной и чистой. Вокруг застыл строй тёмно-зелёных кипарисов. Молчаливый Бахмут неожиданно первым шагнул вперёд, принял боевую стойку — мягко, точно камышовый кот или рыжая рысь. Эвенстайн безмолствовал, только кривил рот в нехорошей усмешке.

— Ну, дык начнём, што ль, паря? — своим простецким говорком произнёс веснушчатый силач. — Без магии, токмо кулаками, а? Посмотрим, кто из нас юшкой-то умоеся?

— Болтаешь много, — ответил Фесс. Его не задела ли слова мальчишки, но Неясый взъярился до чрезвычайности. Он-то и бросил Фесса в атаку, плохую, неподготовленную, и...

...Фесс очнулся оттого, что по лицу бежало что-то жидкое, горячее и плохо пахнущее. Миг спустя он понял, что с ним делают, рванулся — и не смог. На сей раз руки его были скручены за спиной самыми обыкновенными ремнями. Вся левая половина головы превратилась в один сплошной океан боли.

— Ну что, сладко, крыса? — насмешливо спросил юный полуэльф. — Мой добрый Бахмут тебя, недоноска, ещё, считай, пожалел. И откуда ты такой, интересно, к нам сюда пожаловал, да ещё и с Тёмным связался?..

Фесс молчал. Когда-то он мог бы даже со связанными руками разбросать этих молокососов, а теперь... тело подводит его, некогда безотказное оружие, которое нельзя отобрать, дало сбой. Отчего, почему? Ведь *такое* не может забыться!..

«Выходит, может, — сосредоточенно подумал он, почти не слыша тихого, но разъярённого шипения Эвенстайна. — Сколько же всего и почему стерлось в

тебе, Фесс? Или, может быть, лучше не цепляться за это имя, пустое, «точно череп труса, катаемый прибоем»? Принять новое — Неясыть и жить по новым законам?..»

Ему почти удалось отвлечься. Он даже перестал чувствовать врезавшиеся в запястья ремни.

— Так-так, — раздался совсем рядом голос ректора. — Сцена иная, но лицедеи те же. Очень интересно. Может быть, вы объясните мне, что происходит, любезный мой Эвенстайн из Бларри?..

Неясыть с трудом повернул голову. Возле самых глаз стояли сафьяновые с золотым тиснением остроносые сапожки милорда ректора. Больше Неясыть ничего не видел — боль внезапно прорвала воздвигнутую в сознании плотину, и потребовалась вся его сила воли, чтобы сжать зубы и не унизиться стоном.

— Милорд ректор, сей холоп...

— В Академии нет ни холопов, ни господарей, студизус. Прискорбно, что ты, став полноправным учеником, так и не озаботился хотя бы прочесть устав.

Это было явно не то, что ожидал услышать молодой полуэльф. Однако Эвенстайну хватило ума не начинать препирательств.

— Покорнейше прошу простить меня, милорд ректор, и, если мне полагается наказание, прошу вас возложить всю тяжесть его на мои плечи. Бахмут только исполнял то, что я говорил ему.

— Похвально, что ты защищаешь доверившегося тебе, — ласково сказал ректор. — Что ж, ты понесёшь наказание. Явишься ко мне в кабинет, когда гномон покажет полдень. А ты, мой добрый Бахмут, свободен. Только сперва развяжите этого беднягу.

Сильные руки одним движением поставили Фесса на ноги. С успевших онеметь запястий сорвали ремень.

— Ступайте, — приказал ректор, глядя Фессу прямо в глаза.

Полуэльф и Бахмут молча исчезли.

— Тебе не мешало бы умыться и сменить платье, — заметил волшебник. — Отчего ты не защищался?

— Не хватило умения, — криво усмехнулся Фесс.

— Не привык проигрывать, да?
— Не знаю, милорд. Не помню. Но, наверное, да.
— Хорошо, что ты мне не врёшь, Неясыть. Скажи, это ведь ты затеял драку?

— Да, милорд.

— Зачем?

— Эти двое показались мне странными, милорд. Я хотел выяснить, действительно ли они просто хотят рассчитаться со мной за вчерашнее, или...

— Или? — подхватил ректор.

— Или ими движет какой-то иной интерес, — пожал плечами Неясыть.

— И что же тебе удалось выяснить? — с искренним интересом спросил ректор.

— Ничего, милорд, — вздохнул Фесс. — Оказалось, что сейчас я умею меньше того, к чему привык. План не удался.

— Досадно, — сочувственно сказал ректор. — Ну ничего, на ошибках учимся, Неясыть. Идём, идём, а то... э-э-э... имеющее место амбрэ...

По пути до самого кабинета милорд ректор не произнес ни слова. И потом, после того, как Фесс умылся, а милорд ректор самолично, посредством магии, убрал с его одежды все следы случившегося, не спросил Неясыть ни о чём.

В кабинете милорда ректора было на что посмотреть. Стены покрывали нежно светящиеся розоватые плафоны розового дерева. На громадном письменном столе стоял целый ряд каких-то кристаллических шаров на бронзовых подставках, в некоторых Неясыть заметил скорченные чёрные фигурки, отдалённо напоминавшие человеческие — причём очень отдалённо. В отличие от кабинета Тёмного, здесь было очень мало книг — лишь несколько древних инкунабул в выцветших кожаных переплётах, малиновых и оранжевых. Особый колорит кабинету придавал исполинский рогатый череп, прибитый здоровенными железными костылями прямо над креслом милорда ректора. Кончики рогов упирались в противоположные стены, имея

размах не меньше полутора десятков шагов. Трудно было представить себе зверя, способного таскать на голове такое украшение.

— Садись, Неясыть, — наконец сказал волшебник. Со вздохом одернул свой идеально белый плащ, поставил посох в специальную бронзовую витую держалку возле правой руки и наконец пристально воззрился на воина. — Что они от тебя хотели?

— Милорд, это ведь я начал, — возразил Фесс.

— У меня хорошая память, Неясыть, не надо мне напоминать, — сухо заметил чародей. — То, что от них хотел *ты*, мне понятно. Но ведь им тоже что-то было нужно. Я хотел бы выяснить, что именно. Они задавали тебе вопросы?

Парри предупреждал своего подопечного, что ведущие маги Академии обладают способностью читать мысли и что особенно следует быть осторожным при разговорах один на один.

— Да, милорд, — всем видом своим показывая святое желание отвечать правду, правду и ничего, кроме правды, произнёс Фесс. — Насчёт того, откуда я тут взялся.

Ответ был абсолютно честным, Неясыть глядел прямо в лицо чародею правдивыми глазами, не допуская в сознание никаких крамольных мыслей, — и нехитрый трюк, как показалось ему, сработал.

Ректор задумчиво побарабанил пальцами по зелёному сукну, что покрывало стол.

— А как ты думаешь, Неясыть, зачем им это знать?

— Вот и я ломаю себе голову, милорд ректор, — зачем? Прошлого своего я не помню. Какая им польза от этих вопросов? А любой грамотный маг наверняка сможет и так определить, лгу я или говорю правду.

— Верно, — кивнул ректор. — Себя ты и впрямь помнишь с того момента, когда очутился у дверей старины Парри. Это мы проверили в первую очередь, не сомневайся, Неясыть. И хочешь знать почему?

— Парри намекал мне о Тьме и Смерти, живущей на западе... — осторожно заметил Неясыть.

— Правильно. Тьма с запада и Смерть, живущая там же. Это не сказки и не выдумки, мой добрый студизус. Это, увы, наша жестокая реальность. Наш мир висит на тонкой-претонкой ниточке, и никто не ведает, в чьей власти перерезать её, либо подвязать рядом ещё одну. И вот поэтому ты, выбравший Тёмного, так интересен мне. Кое-кто думал, что ты — пришелец из западного края, что тебя послала Ночь, но я в это не верю. Будь Тьма сильнее нас, она давно бы затопила весь мир. Она не может сотворить ничего, что мы не смогли бы или понять, или преодолеть. Я исхожу из этого постулата. Ты — обычный парень, Неясыть, не без способностей, с большим гонором, но — обычный. Не льсти себе, будто ты — избранник. Ты никакой не избранник, ты самый обычный студизус, акалит моей Академии... Кстати, раз уж вспомнили — на какую кафедру Тёмный записал тебя?

— Кафедра некромантии, милорд ректор.

— А-а... разумно, вполне разумно. Некроманты нужны. У них хорошая, солидная работа и почти не бывает простоев. Люди, увы, смертны, а смерть — де-тище Тьмы, Неясыть, вот почему всегда будут нужны маги, умеющие упокоить неупокоенных... — Милорд ректор не заметил словесной неуклюжести. — Так что иди, учись. Не бойся ничего, эта парочка тебя больше не тронет. Я с них сейчас шкуры спущу. Собственно говоря, даже выгнать могу — устав-то нарушен!

— Но ведь ссору затеял я, милорд, — вновь напомнил Фесс.

— Забудь об этом, — махнул рукой ректор. — Просто не связывайся в следующий раз. Ступай, Неясыть. Нехорошо пропускать самые первые лекции.

* * *

Чёрный браслет Фесса заставлял всех остальных студизусов буквально разбегаться в разные стороны. Не отличавшиеся храбростью девушки даже визжали, шарахаясь от него так, словно увидели мышь. Ему не

пришлось долго отыскивать себе место — стоило ему приостановиться около одного из рядов, как уже устроившиеся там аколиты бросились врассыпную, чуть ли не прыгая через высокие пюпитры.

Неясыть пожал плечами и устроился в дальнем углу.

Длинную и скучную, по его мнению, лекцию об общих принципах волшебства он пропустил мимо ушей, прекрасно понимая, что *настоящая* учёба будет проходить не здесь и не так. Читавший лекцию пожилой дородный чародей произносил заученные шутки, которые слышало и над которыми старательно, с удовольствием хихикало не одно поколение учеников, показывал простенькие магические фокусы — строил и разрушал красочные иллюзии — и при этом сыпал терминами типа: «великий живородящий поток», «отражения живородящей силы», «мыслеформы как следы потока магии в нас» и так далее. Старательные ученики записывали каждое слово мэтра как сумасшедшие. Перья так и скрипели, и Неясыти показалось, что от этого скрипа у него сейчас лопнет голова.

Когда лекция кончилась, он не задал ни одного вопроса, хотя остальные студиязусы всю тянули руки, памятуя, что каждому лектору приятно, когда после его выступления аудитория о чём-то спрашивает. Никому не хотелось покидать вожденную Академию после первого же семестра.

Точно так же, в полном одиночестве, Фесс побрёл потом к ветхому зданию единственного здесь малефиста. Он не чувствовал себя сбитым с толку, он слишком мало знал об этом мире, но дремучее, как у дикого зверя, чутьё успело предупредить его — опасность! Милорд ректор далеко не так прост, как хочет казаться. Полуэльф с прилепившимся к нему Бахмутом — тоже куда как непросты. И все они в первый же день вцепились в него. Зачем им эти представления? Ненависть Эвенстайна порой казалась несколько наигранной; Бахмут уж слишком усердно изображал скудоумие и собачью преданность хозяину; что-то за всем

этим крылось, и Фессу предстояло узнать, что же именно.

Тёмный ждал его в наскоро прибранном классе — правда, несколько странноватом классе, если стены были увешаны искусными гравюрами с изображениями каких-то обезображенных трупов и шагающих скелетов с кое-как связанными костями.

— Ну что ж, начнём, Неясыть? — Тёмный положил перед собой на кафедру увесистый чёрный том, украшенный рельефным серебряным черепом. Откинул мощные застёжки, открыл крышку переплёта. — Начнём? Вводный курс лекций из «Некромантии первого цикла»... Э, что с тобой, Неясыть?

Фесс коротко рассказал о случившемся. Почти слово в слово передал разговор с ректором. Тёмный выслушал его, не перебивая, только глаза зло сверкали жёлтым огнём.

— Они хотят переманить тебя на свою сторону, — желчно произнёс декан, когда Фесс умолк. — Поставят тебя, мол, ты послан нам самим Светом, дабы стать оружием против Тьмы и Смерти... Тыфу! Уж сколько раз я говорил им — Тьма есть Тьма, а Смерть есть Смерть и смешивать эти два понятия так же глупо, как день с ночью. — Он безнадежно махнул когтистой лапой. — Да только куда там... Вот и будут теперь зудеть тебе в уши — мол, рассказывай нам всё, чему тебя учат, да что тебе Тёмный показывает, да не снюхался ли он втихомолку с западной Тьмой... А если ты поддашься, пылинки с тебя сдувать станут, чтобы только уговорить отправиться на запад. У них ещё никто оттуда не вернулся, все заклятья их гаснут, не дотягиваясь, — вот милорд ректор и лютует... Ну, да нас это касаться не должно. *Беспокойные кладбища* что ни месяц множатся...

— Милорд декан, — негромко спросил Неясыть, — но ведь вы должны были бы этому радоваться? Чем меньше ненавистных, отобравших мир у ваших сородичей Жзѣѣжѣ, — тем лучше?

Тёмный, казалось, смешался и несколько даже растерялся.

— Не знаю, — пробормотал он наконец, после продолжительного молчания. — Не знаю, Неясыть. Уж слишком долго я среди вас. Свыкся, сжился, понимаешь, а кроме того, нынешний путь моих сородичей... тех, что остались... — Он покрутил уродливой головой. — Мне он не слишком-то симпатичен.

— Они убивают людей? — пронизательно спросил Фесс. Что-то это ему напоминало... что-то совсем не-давнее... нет, не вспомнить.

— Если бы! — хмыкнул Тёмный. — Они ушли куда-то на восток и, как я слышал, тоже занялись чёрной магией, но их занесло куда-то не туда. Шептались, что они собираются сотворить какое-то чародейство и попросту спалить весь наш мир дотла, раз уж им не осталось в нём места.

— А ректор знает об этом?

— Раз знаю я, значит, наверняка знает и он, — хмыкнул Тёмный. — Он не *умеет* почти ничего из того, что умею я, однако прознатчики у него хорошие. Так что о делах восточных он, полагаю, наслышан. Смотри, Неясыть, он может попытаться отправить... то есть уговорить тебя туда отправиться.

Фесс пожал плечами.

— Меня не так-то легко уговорить, — заметил он.

Декан хмыкнул. Надо сказать, что его нечеловеческая гортань издавала при этом весьма странные звуки, более напоминающие хруст перемалываемых мощными челюстями костей.

— У Белого Совета всегда есть чем воздействовать на упрямцев, — продолжил Тёмный. — Маги нашего мира зависимы, Сила непостоянна, она...

— Она?... — подхватил Фесс. Тёмный явно собирался что-то рассказать ему, но, похоже, стремился (безопасности ради, наверное) представить всё как случайную оговорку.

— Вам ещё будут читать природу Силы, — буркнул Тёмный. — Тебе пока рано это знать. Мне надо слыш-

ком многое тебе объяснить. Про ту же, — он потряс томом, из корешка посыпалась пыль, — про ту же некромантию.

Фесс отступил. Крючок заброшен, наживка проглочена; теперь Тёмный будет несколько дней просто наблюдать за ним — должно быть, на тот крайний случай, если новый ученик стремглав бросится к милорду ректору рассказывать об этом эпизоде.

Тёмный ещё раз строго взглянул на своего единственного слушателя, устроившегося за наскоро починенной скромной конторкой над раскрытым пергаментным журналом, и, глубоко вздохнув, заговорил. Он задавал себе вопросы и сам же на них отвечал.

— Что есть некромантия? Некромантия есть умение обращать свою силу на связь с *отзвуками*, сиречь с тенями усопших, равно как и с теми, кто не нашёл успокоения и чья плоть, понуждаемая порывами *дикой силы*, поднимается из могилы для мщения всему белому свету...

Это цветистое вступление, наверное, должно было внушить студиязусу священный трепет перед предметом его изучения.

— Чем некромант отличается от, скажем, стихийного волшебника? Связанный с одним из Первоэлементов чародей вынужден постоянно поддерживать связь с *трансформом* своей силы, ибо черпать её он может только в стихии, которой посвящён или к которой обращается. Некромант же может рассчитывать только на ту силу, которую он умеет *ощутить* и *направить*. Но об этом тебе расскажут на факультете общего волшебства, мы же сейчас поговорим о том, почему некромантия является прерогативой чёрных магов. Основа основ, Неясыть, в этом ремесле — зло. Не абстрактное Зло с большой буквы из философских трактатов, а самое обычное, земное — причинение боли, например, тому, кто слабее тебя. Древние не зря такое большое внимание уделяли человеческим жертвоприношениям, ибо с их помощью можно осуществить по истине великие заклания; многие шаманы прошлого

вошли в хроники именно благодаря тем гекатомбам жертв, которые они воздвигали ради осуществления своих замыслов. Без эманации страданий, мучений и страха живых существ некромант куда как слаб. Он должен уметь улавливать и ощущать эти эманации, он должен... гм... уметь вызывать их, поэтому мы с тобой позже займёмся ритуальными пытками. Ого, ты не вздрогнул? Хороший признак. Мне это нравится. — Тёмный зловеще ухмыльнулся. — Запомни, Неясыть, путь Тьмы — это свершение меньшего зла во имя предотвращения большего. Светлые этого не понимают. Хотя любой полководец, направляя передовой отряд в атаку, прекрасно знает, что девять из десяти в этом отряде погибнут, однако, если удар запасного полка решит исход дела в пользу этого полководца, кто станет укорять его, что он пожертвовал частью ради спасения целого?.. У тебя вопрос, Неясыть?

— Да, милорд. А если у полководца была возможность выиграть сражение одним только маневром, подкупом, дипломатией и тайными переговорами?

— Гм-м-м... аналогия понятна, Неясыть. Но она не совсем точна. В некромантии *не может* быть переговоров. Зомби и скелеты с *беспокойного кладбища* в переговоры не вступают. Они просто растерзают тех *живых*, что будут иметь глупость явиться к ним. Тебе нужно попросту уничтожить уже восставших мертвецов и навсегда *успокоить* само кладбище. Чувствуешь разницу?

— Да, милорд декан, — кивнул Фесс. — Но мне хотелось бы вернуться к различиям между некромантами и стихийными. Разве огонь, молния, водяной смерч или давящие камни бессильны против тех же зомби или мумий или кто там будет шастать по *беспокойному кладбищу*?

— Хороший вопрос. — Тёмный одобрительно кивнул и быстро, но аккуратно перелистнул несколько пергаментных страниц. — Полюбуйся вот на это. Гравюра изображает...

Неясыть-Фесс склонился над книгой. На искусно

выполненном волосяными линиями рисунке он увидел пасторального вида кладбище, старые каменные надгробия, утопающие в густой и высокой летней траве, раскидистые деревья с широкими пятипальными листьями, склонившие ветви над старыми могилами, точно в знак скорби; небольшой каменный храм со знаком Спасителя на крыше — крест-накрест перечёркнутой стрелой, направленной ввысь; в отдалении виднелись маленькие домики.

Однако на этом пасторальность картины исчерпывалась. Часть могильных плит была перевёрнута и выворочена из земли; надгробия, наоборот, валялись опрокинутыми, многие были расколоты; посреди груд взрыхлённой земли, вскинув к небесам левую руку и указывая прямо вперёд зажатой в правой длинным посохом, стоял маг в светлом плаще; художнику удалось с большим искусством запечатлеть выражение губельного ужаса, отразившееся на его лице. И было от чего — из сгустившихся над головой чародея туч вырывалась ветвистая молния, ударяла в наверхие посоха и, словно бы отразившись от него, оплетала своими извивами подступающую тёмную фигуру, обмотанную какими-то тряпками. Рядом с ней шагала другая фигура, плечи и голова её дымились, но, судя по кровожадному оскалу нечеловечески громадной пасти, этот дым, а вернее, его причина нимало ей не вредила. За этими двумя фигурами к магу шагали ещё четыре или пять созданий с искажёнными алчным предвкушением чужой смерти лицами.

— «Фрегот Готлибский гибнет, поражая молниями оживших мертвецов на кладбище в Дирр-Энне, Северный Аркин, 1170 год от Пришествия», — прочёл Фесс подпись под рисунком.

— Вот именно, — подхватил Тёмный. — Фрегот был очень сильным магом. Магом воздуха, как ты понимаешь. Выдался тяжёлый год, чума, другие болезни, голод, люди вымирали целыми селениями, мор косил и эльфов, и гномов — а потом мертвецы возвращались, чтобы убивать ещё и ещё. Редко кто мог пройти

мимо кладбища даже днём. Однако не хоронить мёртвых было нельзя — всё же на кладбище, в освящённой именем Спасителя земле они не так буйствовали. Кто-то попробовал сжигать трупы... потом мы так и не нашли даже следов тех деревень. А некромантов не было. Последний погиб много-много лет назад... от руки одного из столпов Белого Совета, кстати. Фрегот отправился на север, там бедствие уже превращалось в катастрофу, люди бежали на юг, кордоны имперцев ловили их и жгли живьём, боялись даже прикоснуться из-за заразы... Короче, Фрегот добрался только до Аркина. Несмотря на всю силу этого их Спасителя, там было скверно, очень скверно... — Погрузившись в воспоминания, Тёмный разительно переменялся. Глаза светились мягким золотистым пламенем, всегдашняя — пусть даже и едва заметная — гримаса боли исчезла. Глуховатым голосом декан продолжал рассказывать; Неясыть-Фесс заметил, что, несмотря на попытки сохранить невозмутимость, Тёмный волнуется. Это прошлое для него было до сих пор живо.

— Он добрался до деревеньки Дирр-Энна, в трёх днях пути от самого Святого города. Он собирался идти дальше — и ему следовало бы так поступить, тогда, по крайней мере, он погиб бы с большей пользой, — но местные обитатели упали ему в ноги, и он согласился *успокоить* их кладбище. Отправился туда... Он не признавал засад, только открытую схватку. Он воззвал к *неуспокоенным*... и они ответили. — Тёмный желчно усмехнулся. — Фреготу бы отступить, выманить их... а то и наставить бы ловушек... да только куда там. Он не согласился бы пустить в ход подобные уловки даже в поединке с ожившими мертвецами. Молнии, эманации чистой силы — вот было его оружие. И он пустил его в ход. — Тёмный покачал головой. — Разил направо и налево, да только прогнившие трупы горят очень плохо. Видишь этот дымок?.. Вот и все его усилия. Прежде чем он сообразил, в чём дело, его завалили и сожрали. Разодрали на мелкие кусочки, а посох изломали. Вот так-то. — Декан вздохнул. —

Один из величайших Светлых магов, магов воздуха, погибает, разодранный какими-то тупоумными зомби, которых любой приличный некромант не подпустил бы к себе и на два полёта стрелы. Понял теперь, о чём я веду речь, Неясыть?..

— Понял, — отозвался Фесс. — Но, милорд...

— Не надо, — внезапно поморщившись, перебил его Тёмный. — Не зови меня «милордом». Это ваше, человечесьё, имя. Точнее, прозвание. А ты, пожалуй-ста, зови меня Даэнур, Учитель по-нашему. Это на людской манер, приблизительно, конечно же...

Неясыть и сам понимал, что очень даже приближительно.

— Хорошо... Учитель, но, если молнии были бес-силны против зомби, неужели могущественный маг не мог пустить в ход какое-то иное волшебство? Например, обрушить на зомби камни или как-то ещё?

— В том-то и дело, что мог бы, — вздохнул Тёмный. — Но ему не хватило для этого времени. Он был... как бы это сказать... романтик молний, он упивался ими, он даже представить себе не мог, что его любимое оружие вдруг даст осечку, словно арбалет с промокшей тетивой. Он был силен, благороден, но... — Даэнур прищёлкнул длинными пальцами, — слишком уж благороден. Запомни это их качество, Неясыть, многие Светлые страдают от этого... страдают и час-тенько проигрывают. Потому что не умеют, когда на-до, ударить в спину.

Воцарилась тишина. Фесс всё ещё продолжал внимательно разглядывать гравюру. В этом было что-то неправильное. Сильный маг воздуха, Фрегот не нашёл ничего лучше каких-то банальных молний!..

— А нынешний ректор?.. — осторожно спросил Неясыть.

— Что «нынешний ректор»?

— Он выстоял бы на месте Фрегота?

Тёмный помолчал, его глаза стали почти что чёр-ными.

— И снова хороший вопрос, Неясыть. Разумеется,

наш милорд ректор бы выстоял. — Даэнур сделал выразительную паузу. — Ну что, продолжим занятие? Сегодня рассмотрим общие принципы и причины *неупокоенности*...

* * *

Жизнь Фесса довольно-таки быстро вошла в размеренную колею. До полудня он слушал мэтров факультета общего волшебства, причём далеко не все лекции оказались так же скучны, как первая. Факультет этот, оказывается, занимался множеством интересных дел — составлением и уточнением карт, в частности, дальних восточных пределов, и Фесс с искренним удовольствием слушал немолодую уже волшебницу, глаза которой вспыхивали совершенно по-девичьи, когда она начинала рассказывать о дальних странствиях и удивительных странах, что лежали далеко на юге и востоке. Её голос обретал какую-то магическую мягкость, свет в аудитории становился приглушённым, и над кафедрой всплывали яркие светящиеся картины — чужие моря, реки, города, звери, птицы...

— ... Если двинуться на восход от мекампских пределов и одолеть Великую Степь, что простирается на сорок дней конного пути, то там дорогу преградит тёмная река. Она выходит из-под земли, и до сих пор никто не видел её истока — потому что она берёт своё начало в пещере, из которой не вернулся ещё ни один, даже самый сильный маг...

Аколиты замирали в сладостном восторге, словно дети, слушающие страшную сказку.

— Наш Белый Совет пока что запрещает магам с посохом Академии предпринимать путешествия туда... С двух сторон вдоль реки тянутся болота, смертельно опасные для всего живого — там плодятся и множатся чудовища, подобно тому, как они множатся в Змеином лесу, но, в отличие от страхов Змеиного леса, болота Тёмной реки окружены тайной, ибо там нет пи-

щи для такой армады гадов. Время от времени они вырываются из своих гнездилищ, атакуя расположенные на востоке поселения... Вы спросите, почему они никогда не идут на запад? Потому что сил Белого Совета хватило поставить непроницаемую завесу. Но, увы, даже весь Белый Совет, объединившись, не смог уничтожить это кошмарное логово. Быть может, это дело падёт на ваши плечи, друзья мои...

А на восточном берегу, сразу за Тёмными болотами, стоит Зачарованный лес. Он чуть поменьше хорошо известного вам Вечного, однако тоже обитаем. Эльфы Восхода, царственная ветвь этого народа, живут там. Увы, мы не нашли с ними общего языка, в отличие от того, как это произошло с их сородичами в Нарне и Вечном лесу, благодаря чему эльфы теперь учатся здесь, в нашей Академии, наравне с людьми. Тамошние эльфы в постоянной войне с окрестными обитателями. К северу же от Зачарованного леса простирается Волчье море, его берега пустынные и холодные... Что? Вопрос?... Ах, куда впадает Тёмная река... На наше счастье, мой добрый эльф, она никуда не впадает. Исчезает в месте, которое мы зовем Чёрной Ямой — самым опасным местом на всём пути до края Восходного океана... Почему люди не уходят из тех мест? Как и на границе Змеиных лесов, они живут рискованным промыслом — трапперством, отслеживают и убивают обитателей Тёмных болот. Шкуры, рога, когти, кости, яд этих тварей высоко ценятся и на западе, и на востоке, а удачливый купец может удесятерить состояние, если ему удастся продать закупленный на берегах реки товар где-нибудь на рынках Правой илилевой Клешией... То же самое, кстати, имеет место на границе Кинта со Змеиными лесами, но тамошние звери менее ценны...

Мэтр говорила и о чудесных островах далеко-далеко в южном море, куда отправляются для вечного покоя уставшие от тревог и смут этого мира старые маги; о суровых, иссечённых ветрами, источенных льдом скалах на Волчьих островах — орки приносят к зале-

денелым подножиям своих отпрысков, едва те научатся ползать, и испытывают их: тех, кто не сможет ползти по льдистому скату, безжалостно бросают в серые волны Моря Ветров.

...Гоблины Золотых гор, что в пяти днях пути к юго-востоку от Тёмной реки, славны тем, что каждый год отбирают из своего племени десять худших бойцов и заставляют их сражаться друг с другом, пока в живых не останется только один, которому и позволят жить дальше; раненых просто добьют. Гоблины верят, что таким образом их племя избавляется от трусов и малодушных, и, надо сказать, в бою они очень опасные противники, решительные, бесстрашные и беспощадные.

...А на южных рубежах Вечного леса, на самой границе с Мекампом, живёт далеко не тихий и не мирный народ половинчиков, как можно было подумать, исходя из их роста — мастеров засад и ловушек, отличных прашников и стрелков из лука. Они известны враждой с эльфами Вечного леса и благодаря своей воинственности и ловкости часто тревожат лесных властителей набегами, пуше всего охотясь за нежными эльфийскими девами, в результате чего те, к нашему прискорбию, частенько попадают на рабские рынки даже самой просвещённой Империи Эбин...

...А в сумрачном Салладоре, где солнце горячо, а подступающие к самому морю пески жадно выпивают влагу из проносящихся над ними ветров, существует обычай, по которому при вступлении на трон нового правителя в жертву Неведомым приносятся по триста тридцать три девушки всех известных в этом мире рас. Салладор богат, быстрые реки несут с Восточной Стены крупницы красного золота, обитатели оазисов выращивают по четыре урожая в год, и царские *усекновители*, сиречь смотрители над палаческими игрищами, постоянно толкутся на рабских рынках разбойного Кинта Дальнего или не признающего никаких законов, кроме собственной выгоды, Семиградья. А в Кинте Ближнем, владеющем благодатной Аррасской равни-

ной, любой, приписной, кабальный, земельный серв, дворовый холоп, монастырский тяглец, завсегдатай долговой ямы или даже раб, в том числе и беглый — любой, кто захочет вступить в ряды наёмного полка Белых Слонов, тут же получает полное прощение и грамоту подданства Великого Кинта, родись он хоть на самом Утонувшем Крабе...

Однако как только речь заходила об этих трёх крупнейших островах в западном океане, так точные и достоверные сведения сменялись устаревшими догадками. Империя (или царство) Клешной, распространившая свою власть на Правую и Левую Клешни, была не столь закрыта от чужестранцев, как сам остров Краба, однако посланцы Академии давно перестали быть там желанными гостями. Мало кто сомневался, что Клешни готовятся к войне. Все гадали: кто же станет первой жертвой — разгульная вольница Кинта Дальнего или самодовольное купеческое Семиградье? Правда, кое-какие безумцы из числа лишившихся от чрезмерной учёности волос адептов десятого факультета, факультета пограничной магии, «глобалистов», как поименовал их Парри, — кое-какие безумцы из их числа утверждали, что Клешни сперва покончат с морскими находниками Волчьих островов, воспользовавшись вечными распрями между людьми, гоблинами, орками, ограм и прочими обитателями этой суровой земли, обезопасив таким образом свой фланг, после чего Семиградье окажется «в стратегическом окружении» и враги смогут высадиться вообще где-нибудь восточнее, например у подножий Железного Хребта...

И ещё, описывая южные пределы, к востоку от границ надменного Салладора, мэтры-землеописатели скупно, не слишком охотно упоминали Волшебный Двор. О нет, знание о нём не было тайным, закрытым, запретным — напротив, об этом говорили только-только начавшим учиться аколитам первого года.

Волшебный Двор был крепостью Светлых магов в далёких восточных землях. То были опасные края —

не так далеко до Реки, да и вообще... не стоит оставлять богатые *живородящей силой* земли без присмотра. Насколько сумел понять Фесс, жившие там чародеи ни в чем не уступали силой магам Академии, правда, в отличие от своих западных коллег они никого и ничему не учили. Волшебным Двором правила великая чародейка Мегана, и, по слухам, с ней остерегался связываться даже сам милорд ректор...

Фесс жадно впитывал все эти истории. Мир, куда он попал, был суров, полон опасностей, здесь хватало укромных уголков, куда ни разу не ступала нога чело-века, эльфа или гнома; и душа звала, она томила в тесном уютном уголке Академии; хотелось выйти на улицу, вдохнуть полной грудью тёплый ветер — и в путь, сперва в порт, а оттуда — в любой конец земли, хоть к самым восточным пределам!

Пожалуй, это было едва ли не единственной отдушиной Фесса. Ни одна живая душа во всей Академии не согласилась бы просто поздороваться с ним, хотя бы кивком головы; чёрный браслет, который он носил не снимая, вызывал трепет и ужас, причём не только у аколитов. Ученики могли свободно ходить в город, Ордос славился своими увеселительными заведениями, несмотря на все усилия Святого Престола, маги упорно не желали прибегать к аскезе и умерщвлять свою плоть. И даже маги-священники, что преподавали в Академии, любили возблагодарить Создателя, сидя за обильно накрытым столом в каком-нибудь респектабельном питейном заведении неподалеку от площади Чёрного камня. Как-то раз Неясыть зашёл туда — просто ради интереса, и, как нарочно, попал на шумную пирушку священного факультета.

— Мир сей сотворён для радости, а не для печали, — витийствовал, встав на пивной бочонок, толстый мэтр в коричневой монашеской сутане. — Создатель привнёс в мир плоды земные и рек — наслаждайтесь и радуйтесь, восхваляя Моё имя! Великий грех отвергать его дары, не так ли, достопочтенные коллеги?..

Ему ответили смехом и аплодисментами согласия.

Здесь, в вольном Ордосе, защищённом от всех земных владык мощью магов Академии, можно было не бояться даже самого Святого Престола — Инквизиции не было хода в пределы стен древней крепости.

Инквизиция... Несмотря ни на что, даже в Ордосе это слово произносили со страхом. Город купцов и корабельщиков во многом жил торговлей; а во всех иных странах вокруг Моря Надежд и Моря Призраков Святая Инквизиция была куда как сильна. Ее цепкие пальцы дотягивались даже до Империи Клешной; ибо тамошние обитатели тоже веровали в Спасителя и признавали Святой Престол в Аркине; Фесс полагал, что только это, да ещё и мощь Академии пока ещё сдерживали молодую хищную державу от стремительного броска на восток.

Инквизиция одновременно и притягивала и отталкивала Фесса. Притягивала — потому что во многом напоминала тайный орден. Отталкивала — из-за тех методов, которыми пользовалась, несмотря на то что сам он принадлежал к факультету злоделания.

Официально Святая Инквизиция занималась, как и положено, борьбой с ересями, кои, несмотря на все усилия аркинской курии, плодились что ни день. Отпадение народа от Истинной Веры в Спасителя означало, что и Спаситель отвернётся от когда-то сохранённого Его кровью мира, и тогда неминуемо наступит конец времён. Соответственно, ересиархи подлежали немедленному и безусловному уничтожению.

Правда, сами еретики думали по-иному, называя Святой Престол обителью разврата, где отцы-настоятели не пропустят ни одного молодого послушника, в святах текстах полно дописок, искажений и исправлений, Церковь отошла от пути Спасителя и соответственно сама ведёт народ к гибели. Тёмный рассказывал, что, случалось, целые деревни и города принимали стороны ересиархов, и тогда вспыхивали Войны Веры, куда более страшные, чем все нападения морских удалцов, вторжения номадов или обитателей

Змеиных лесов. Об этих войнах на факультете общего волшебства говорили неохотно и сквозь зубы, толкуя о «насланном Тьмой помешательстве».

— Тогда в кладбища обратились целые города, — рассказывал Тёмный. — Я помню... ректор — не этот, а предыдущий, большой приятель Фрегота Готлибского, между прочим, — так вот, тот ректор упросил меня отправиться с ним в Семиградье, где бушевала Третья Война Веры, Север полуострова, где угнездилась ересь, против Юга, который остался верен Святому Престолу. Так вот, еретики, захватив власть, почему-то не стали упразднять Инквизицию, хотя претерпели от неё немало — до тех пор, пока им не удалось овладеть всем северным побережьем. А когда они им овладели, выяснилось, что без Инквизиции никак не обойтись, — потому что кто же будет вылавливать оставшихся в больших городах приверженцев Аркина? — Тёмный усмехнулся. — И те и другие только и знали, что твердили о «спасении малых сих», торжественно целовали перечёркнутую стрелу и молились. А отцы-инквизиторы продолжали работать — методично, деловито, без криков и паники. Делали своё дело — и, заметь, делали его очень хорошо. На Юге схваченного еретика бросали в змеиный садок. Очень поучительное зрелище, скажу я тебе. На Севере предпочитали дробление. А вожаки ересиархов — как правило, они все в той или иной степени владели даром священной магии, магии Спасителя — не давали несчастному умереть слишком быстро, даже когда ему тисками размалывали ноги до бёдер и руки по самые плечи. Городские окраины покрывались невиданными лесами — лесами виселиц, ибо тех, кого следовало казнить, оказывалось слишком много. — У Тёмного зло дёрнулась чешуйчатая щека — признак сильнеешего гнева. — Когда северяне поняли, что проигрывают войну, они послали за наёмниками с Волчьих островов и из Лесных Кантонов. Слышал о них?..

— О вояках с островов — конечно, а...

— Ну да, о Лесных Кантонах в лекциях землеопи-

сателей будет говориться под конец. Ничем не примечательная область возле западного края Железного Хребта. Леса, быстрые речушки... места для полей мало, рудных жил нет, охота небогатая. Но живущий там народ — лучшие алебардисты и арбалетчики во всём свете. Да, они служат за деньги, но у них есть свой своеобразный кодекс чести. Так, например, они никогда не сражаются друг с другом. И никогда не изменяют наёмнику — до той поры, пока он платит. Даже если враг предложит вдесятеро больше — такие случаи бывали... Так вот, северяне наняли алебардитов и стрелков, с Волчьих островов приплыли морры и орки; на Кленовой равнине север разбил ополчения южан, армии ересиархов дошли до Моря Надежд, штурмом взяли Абардим... Клянусь вечной Ночью, Неясыть, в городе после этого не осталось ни одного живого человека! Ни одного!.. Я никогда не думал, что кровь действительно способна течь по улицам, словно дождевая вода. После этого сражения Кантоны отвернулись от Севера. Они разорвали договор и вернули деньги. Все, до последнего золотого, не оставив себе даже обычного в таком случае «выкупа мёртвых». И после этого ушли. С боем. А вместе с ними ушли орки. Эти, правда, денег не вернули. — Дазнур хрипло рассмеялся. — А потом пришли имперские корпуса вместе со Стражами Аркина, и дело Севера оказалось проиграно. Три города на берегу Моря Ветров были обращены в ничто. Потребовался целый век, чтобы они возродились...

Фесс медленно поднял пальцы к вискам. Слова учителя оказывали странное, какое-то почти магическое действие, словно Дазнур из всех сил стремился подвести своего ученика к какому-то необычайно важному выводу.

— Учитель... а в каком году это было?

Дазнур не ответил, только глаза его остро блеснули.

— Я должен ответить сам... Тысяча сто семьдесят четвёртый или пятый от Пришествия, основание Школы Тьмы Эвенгаром Салладорским!

— Правильно, Неясыть. — Голос Тёмного был едва слышен, глаза нестерпимо ярко горели. — Эвенгар был моим *первым* учеником из рода людей. Его прозвали Салладорским, но родился он в Эгесте, откуда его семья потом пребралась в Семиградье. На север. Он, в отличие от других своих сородичей, не впал в ересь. А когда увидел, что творят оставшиеся верными Святому Престолу, отвернулся и от него. Нашёл меня. Я был потрясён — никто ещё не обучался с такой скоростью. Академию — всю! — он одолел за шесть месяцев. Потом... потом ему пришлось бежать на восток. За один год — за один год! — он сделал *всё*. У него почти не было способностей, одна только ненависть. Однако даже этого хватило, чтобы стать одним из самых знаменитых Чёрных магов.

Разговор, начавшийся со Святой Инквизиции, как-то незаметно свернул на совсем другие вещи — это был излюбленный приём Тёмного, когда он чему-то учил Неясыть-Фесса.

— Тратат «О сущности инобытия» он написал за три месяца. Я не знаю, как ему это удалось. Он не ел, не пил и не спал. И не пользовался никакими источниками, не списывал ничего у древних. Он просто ставил опыты. С Тьмой. И, разумеется, ставил он их над самим собой. Как ты знаешь, после этого книгу сожгли. Инквизиция гонялась за списками по всему свету. — Он ехидно и зло растянул зубы в кривой усмешке. — Да только зря. О да, святые отцы сожгли многое, очень многое. Да только не всё. Кое-что уцелело.

— Здесь, у вас? — тотчас спросил Неясыть.

— За кого ты меня принимаешь? — возмутился Даэнур. — Неужели я буду настолько глуп, что стану хранить здесь, в Академии, хоть что-то запрещённое?

— Но у вас, учитель, у вас же есть и трактаты о пытках, и о ритуальном мучительстве, о жертвоприношениях, о...

— По сравнению с трактатом Салладорца, — сухо

отрезал Тёмный, — всё это не более чем детские страшилки.

Фесс невольно поёжился. Что же такого сумел написать этот Эвенгар!

— О том, как сделать себя частью Тьмы, ученик. О том, как жить вечно, отказавшись от себя — частицей исполинского, на всю вселенную раскинувшего океана. Не видеть, не слышать, не осязать — но при этом знать *всё*.

— Это... это... — задохнулся Фесс.

— Ты схватываешь всё на лету, мой мальчик. Да, ты прав, Эвенгар открыл формулу бессмертия. Маги живут долго, но они — отнюдь не бессмертны. Рано или поздно их сила истаивает и они гибнут. Так вот! — Фессу показалось, что мрак вспороли две жёлтые молнии, вырвавшиеся из глаз Тёмного. — Эвенгар доказал, что Свет бессмертия дать не способен. Только Тьма. Естественно, этого ему простить не могли. Его выследили... неудивительно, поскольку на это брошена была вся Инквизиция, — однако ловцам не досталось и трупа. Я не знаю, что там произошло в деталях, но думаю, что Салладорец просто привёл в действие составленные им самим заклятья. И *ушёл*. Они даже могли подумать, что убили его. Полагаю, он каким-то образом убедил их в этом, потому что охота прекратилась. Да и я... — Тёмный вздохнул, — я тоже понял, что его нет в живых. Перестал *ощущать* его. Однако в самые тёмные ночи, зимой... — голос Даэнура упал до шёпота, — мне кажется, я слышу его зов. Он... он счастлив. И хочет, чтобы я, его наставник, тоже присоединился к нему. И, как знать, быть может, в один прекрасный день я и впрямь увижу его и наконец-то расспрошу, как ему тогда удалось достичь всего этого.

«А я бы не присоединился. Никогда», — подумал про себя Фесс.

— В общем, этот трактат считается уничтоженным. Ты не найдёшь его нигде, скажу больше — его поиски могут оказаться губительными. Когда Салладорца... когда Салладорец *ушёл*, многие из его последователей

держались ещё почти целый век — до тех пор, пока последние копии трактата не попали в руки Инквизиции. Но ещё много лет спустя само название «О сущности инобытия» служило отличной приманкой. На неё ловили недовольных, тех, кто попытался идти своим путём.

— *Нашим* путём? — с нажимом спросил Фесс.

— Да. — Жёлтые глаза на миг опустились. — Путём Ночи, под невидимыми для прочих звёздами.

«Понятно, — подумал Фесс. — Наживка для любопытных — но, если хватать всех, кто потянется к трактату, зачем вообще нужен факультет?»

Чуть поколебавшись, он повторил это вслух.

— Они хотят *приручить* Тьму, Неясыть. Они страшатся её, но, как умные люди, пытаются противопоставить ей знание. Мы изучаем Мрак, а они изучают нас. Разве ты не понял ещё, что каждый твой шаг становится известен милорду ректору?

— Понял, и давно, — сухо заметил Неясыть. — Только, по-моему, толку им от этого немного.

— Я тоже так думаю, — кивнул Тёмный. — Кстати, Неясыть, если б даже у меня и был здесь трактат Салладорца, читать его тебе ещё рано.

Фесс удивленно вскинул брови.

— Рано? Не думал, что к знанию применимо это слово. Я могу не понять, но...

— В том-то и дело, — медленно сказал Даэнур, — что ты как раз всё и поймёшь. И можешь захотеть... *уйти*. У тебя сильный и редкий дар, ты прирождённый маг, ты смог бы воплотить в жизнь рецепты и прописи Салладорца, но...

— Оставил бы тебя без ученика?

— Да, — кивнул декан. — Прости, Неясыть, но судьба не для того послала тебя мне, чтобы ты превращался в микрочастицу Великого Мрака!

— Вы верите в судьбу, наставник?

— Не слишком, Неясыть, не слишком. Просто я очень уж долго прожил среди людей. Поневоле перестаёшь вашу речь... А в судьбу я не верю. Впрочем,

непохоже, чтобы в неё верил и милорд ректор. Ты заметил, что среди мэтров — не говоря уж о деканах — нет ни одного астролога или предсказателя?

Фесс кивнул. Разговор вился прихотливой нитью, ныряя то вправо, то влево, сплетая удивительный узор, по которому, словно по книге, можно было читать творимую прямо сейчас историю этого мира.

— Так вот, — Тёмный склонился к самому уху Фесса, — милорд ректор считает, что никаких пророчеств быть не может. Можно предсказать, что, если уронить камень, он упадёт наземь, не больше. А всякие там великие и грозные пророчества — мол, не больше чем сказки, которыми раньше жрецы-язычники пугали тёмных людей. Правда, есть так называемые «Анналы Тьмы»... в них милорд ректор верит. Но — не больше. Не больше, — с нажимом повторил Тёмный, так, словно хотел, чтобы Неясыть-Фесс покрепче запомнил его слова.

Фесс запомнил. Накрепко.

* * *

Среди всех прочих разношёрстных волшебников, обретавшихся на факультете общего волшебства, хронисты оказались, наверное, самой тихой и нетребовательной кафедрой, несмотря на то что магам знание истории необходимо было как воздух. И лекции походили скорее на байки, что рассказывают друг другу путники, которым случилось скоротать вместе ночь у походного костра.

Фесс узнал о времени, когда сюда пришли все нынешние расы и народы. Откуда они взялись, оставалось для магов Академии вечной загадкой — по промыслу ли Спасителя или же существует и в самом деле великая совокупность иных миров? Выдвигались веские аргументы в пользу как одной, так и другой версий.

Древняя история была полна, как и положено, войн, крови, предательства и мук. Иначе, наверное, и не бы-

вает, когда зачастую единственный способ выжить — это убить и отобрать. Трудно судить древних за дикость, говорили хронисты. Мы сами, нынешние, вроде бы покончившие со всеобщими войнами, когда, бывало, весь мир вцеплялся друг другу в глотку, мы ничем не лучше. Частые смуты в Эгете. Семиградье то и дело воюет с пиратами Волчьих островов, Мекамп с Салладором искоса смотрят друг на друга, и вдоль границы нет-нет да и вспыхивают кровопролитные схватки; восточные номады вторгаются в пределы того же Мекампа или, перевалив через горные рубежи Салладора, предают огню его цветущие оазисы; раньше всю пылала междоусобица на Правой илевой Клеши, пока новоявленное царство не положило этому конец.

Неясыть-Фесс узнавал о древних державах, что порой ухитрялись объединить под одним скипетром всю ведомую Ойкумену; то эльфы, бывало, вырывались из своих любимых лесов и докатывались до самых берегов западного Моря Клеши, подчиняя Корню и Кроне всю область будущего Семиградья; то номады, захватив всё вокруг Моря Призраков, вторгались в Эгест и Аркин, штурмуя стены самого Эбина; войны сменялись краткими мирными передышками, кочевники отступали, утихомиривались эльфы, гордо уходили на север орки и гоблины, и какое-то время каждый владел только своим — до той поры, пока кому-то это не надоедало. И тогда всё начиналось снова — нескончаемый круговорот войны, жестокого и бездушного вечного двигателя, который тем не менее, по мнению хронистов, помогал выковать тех, кто не сойдёт даже перед самой Тьмой.

Впрочем, Фессу это казалось красивым преувеличением.

О Западной же Тьме никто не говорил ни слова — так, будто её и не было.

Покончив с обязательными занятиями, Неясыть возвращался обратно, в ветхое здание факультета Тьмы, и декан, вздыхая и жалуясь на скудость Белого Сове-

та, отобравшего все мало-мальски значимые артефакты Тёмных и не дающего денег для покупки трупов (а то на чём же практиковаться начинающему некроманту?), продолжал растолковывать ему азы тёмной науки.

— Ты должен накрепко запомнить имена всех Тёмных Сил, — наставительно подняв палец, с важным видом говорил Фессу Дазнур. — Обращаясь к ним, мы черпаем мощь, мы...

— Но если есть Спаситель, откуда же Тёмные Силы? — удивлялся Фесс. И поражался ещё больше, узнавая о странном дуализме, о том, что в этом мире действуют не только Западная Тьма и обитающий где-то в иномировых эмпиреях Спаситель, но и целые рои богов и божков рангом поменьше, которым тоже поклоняются, поскольку Спаситель заповедал: «Веруйте в меня, но не противьтесь сильному». Теологи давно уже истолковали это как необходимость задобрить (если уж нет возможности уничтожить) тех Бесплотных, что имели достаточно власти вредить людям и противостоять Белому Совету. Всех их следовало знать наизусть, но особенно почитались первые шесть, Великая Шестёрка, шесть тёмных властителей — Дарра, обвивающая Тьмой, властвующая на перекрёстках дорог, Аххи, хозяин горных пещер, Сиррин, повелитель полярных ночей, Зенда, владычица Долины смерти на границе Салладора и восточной пустыни, Шаадан, обитающий в глубине Моря Ветров, и, наконец, Уккарон, владыка Чёрной Ямы... — монотонным голосом твердил наставник Фессу.

— Чёрной Ямы? Это та, что на востоке, куда изливается Тёмная река? — тотчас спросил Неясыть.

— Верно, — кивнул декан. — Вижу, наши странники даром время не теряют. Но Уккарона с трудом можно назвать личностью — скорее, это просто полуразумная сущность, установить с которой контакт очень трудно даже опытному магу. Собственно, таковы же и все остальные персонификации Сил...

— А почему они вообще способны действовать?

Что поддерживает их существование? — настырно допытывался Фесс.

— Гм! — Декан строго посмотрел на него. — Вновь замечу, что ты задаёшь очень хорошие вопросы, Неясить. Да, ты прав, с точки зрения классической теории это — абсурд, ибо не являющаяся личностью сущность не может воспринимать Силу, неважно, из какого именно источника или посредством какой именно стихии. Все чудовища, если ты заметил, в той или иной степени полумразумны, с ними даже можно вступить в переговоры, а вот потолковать с Уккароном тебе не удастся. Ты можешь только позаимствовать часть его мощи, не более... Ну что ж, Неясить, первое правило Наставника гласит — отвечай на вопросы Ученика, сколько бы несвоевременными они тебе ни казались. С завтрашнего дня начнём заниматься теорией Силы, как я это понимаю, а пока что... Итак, изложи мне, пожалуйста, общие причины возникновения *неуспокоенности*...

* * *

Общие причины сменялись частными следствиями. Ближе к зиме, когда хронистов и странников на факультете общего волшебства сменили мэтры теории заклятий, Фесс и Даэнур вплотную подошли к самой черте, за которой вновь лежали запретные знания.

За это время Неясить если кем и обзавёлся, так это врагами. Студизусы по-прежнему сторонились его, и он платил им той же монетой. Полуэльф с Бахмутом и дело попадались ему на глаза, Эвенстайн глумливо ухмылялся, конопатый Бахмут корчил простодушно-идиотские рожи, однако они ни разу не подошли к нему и не сказали ни одного слова. Очевидно, наказ милорда ректора ещё действовал.

По вечерам, когда всходила луна, Фесс шёл во двор и там до изнеможения заставлял работать своё тело, пытаясь восстановить прежнее умение, но, увы, по мере того как росло его мастерство в плетении за -

клятий и управлении Силой, всё хуже повиновались собственные мышцы. Тёмный, узнав об этом, лишь сочувственно покачал головой.

— Здесь тебе никто не поможет, Неясыть. Вы, люди, так уж устроены, что можете вместить только один талант или один дар. В тебе — Тёмный дар, и прочему уже не хватает места.

— Это почему же? — искренне поразился Фесс. — А как же...

— Разумеется, есть художники, прекрасно слагающие оды, или ювелиры — непревзойденные стрелки, — кивнул Тёмный. — Но с нами, магами, всё не так, увы. Я с лёгкостью выйду против любого... ну, или почти любого мага, но вот на дуэли против опытного, хотя и ничем не выдающегося мечника шансов у меня почти нет. И у тебя не будет тоже, привыкай к этой мысли. Наше оружие — не от этого тварного мира, Неясыть. Пока этого не поймёшь — не станешь настоящим магом, друг мой.

Фесс раздосадованно опустил голову. Он не мог ошибиться, ремесло боя когда-то было ему привычно — твои руки, твоё оружие, которое у тебя отбирают последним, зачастую выручат там, где спасует магия. Но отступить было уже поздно.

Общая классификация *неупокоенных* сменилась начальными принципами работы с ними, опять же самими общими. Неясыть с Тёмным проводили долгие часы в медитации: они обращались к Тьме. Тьма, стигнувшаяся на западе, непроницаемая для магического зрения адептов Белого Совета, она служила тем маяком, ориентируясь по которому они могли воспринимать Силу.

И всё-таки слишком многое оставалось непонятным. Почему первая же классификация заклятий, приведённая на факультете общего волшебства, имела специальную градацию — «исполнимость в зависимости от места»? Это относилось лишь к самым мощным, заклятиям седьмого ряда, их насчитывалось едва ли полдюжины — но, например, заклятие воздушного

замка можно было исполнить только в Семиградье, Эбине, герцогствах Изгиба, на северном побережье Кинта Ближнего и восточном — Кинта Дальнего. Заклятие подземного копья — только на Волчьих островах, в остальных местах нечего было даже пытаться. В Мекампе и Салладоре хорошо работали чары огненной петли (при удаче начисто сносит стены города), а вот вызвать там водяной смерч не смог бы даже сам милорд ректор, для этого лучше подошли бы окрестности Железного Хребта, Нарн, Эгест и Вечный лес.

Всю зиму, помимо основных занятий, Фесс корпел над картой известной Ойкумены. Когда всю расцвели сады и истомлённые зубрёжками студиязусы затрепетали в ожидании переводных испытаний, Неясыть пришёл к декану.

Позади остались зомби, скелеты, мумии, способы мумификации, общая теория пыток, первичное плетение заклятий *упокоения* и многое другое. Тёмный мог гордиться своим учеником. За всю зиму Фесс ни разу не омочил губ в пиве, не говоря уж о том, чтобы провести время с девушкой.

Неясыть разложил перед деканом испещрённую его пометками карту.

— Вот, учитель.

— Что это? — Тёмный мельком взглянул на алые, синие, чёрные и жёлтые эллипсы, густо покрывавшие карту. — А-а... то-то я смотрю, над чем ты так гнёшься вечерами... Успокойся, Неясыть, через это все пройдут. — Дазнур неожиданно усмехнулся. — Это значит, что ты поистине достоин не второго, а сразу третьего курса. Ты добрался до теории полюсов. Каждый здравомыслящий ученик рано или поздно приносит своему наставнику такую карту... и по этому можно судить, кем он окончит свои дни — мэтром, магистром, деканом или же деревенским костоправом, всё требуемое от которого волшебство состоит в истреблении крыс или вызове дождя. Разумеется, это бросается в глаза, не может не броситься. Почему некоторые заклятия действуют в некоем месте сильнее или слабей,

чем в ином? Недалёкие умы довольствуются примитивным объяснением типа следов влияния древних артефактов, или воли Спасителя, или козней Тьмы. Но тебе я всего этого говорить не стану. Ты всё сделал верно. И мой тебе совет — на каникулах сходи к одному из тех мест сам.

Тёмный загадочно улыбнулся, и Фесс воздержался от уже готового сорваться с языка вопроса: «А почему вы не хотите сами сказать мне этого, учитель?»

Вечером того же дня Фесс сидел на крыльце факультета. Завтра предстояли испытания, однако он не сомневался в исходе. Если всё будет честно, он пройдет. Пусть волнуются другие, едва-едва освоившие самые простые магические действия.

Слова Даэнура не выходили у Неясыти-Фесса из головы. Ну да, он провёл здесь уже больше года, много чему научился и теперь, пожалуй, справится с парой-тройкой неуязвимых для обычного оружия *неупокоенных*. Но дальше, что дальше? Он узнает ещё многое о бестиарии этого мира, о его древней магии, об амулетах и оберегах, о магических свойствах некоторых камней и растений, познает тайны простых превращений на занятиях у алхимиков... всё это, конечно, хорошо, но ему-то, Фессу, отнюдь не Неясыти, нужно гораздо больше! Ему нужно понять, *откуда он сам и как тут появился*, а не заниматься пожизненным *упокоением* взбунтовавшихся мертвецов на местных кладбищах.

«Декан был прав, — подумалось Фессу. — Нужно идти к одному из тех мест, что отмечены на моей карте большими красными крестами. Их не так мало, и это — не точка, большинство из них — по четыре-пять дней пути в поперечнике, и, как правило, все до единого — в диких, гористых местностях. Даже самый ближайший крест — на восточном берегу Изгиба — расположился в невысоких, но почти что непроходимых Козьих горах, с очень крутыми скальными склонами и узкими долинами, целиком заросшими колючим кустарником. Правда, посреди всего этого безобразия возвышается ве-

личественный конус увенчанной снежным шлемом Королевской горы... Так прямо и хочется отправиться туда, не мудрствуя лукаво».

...И всё-таки почему Тёмный молчит?..

— Не спится, крыса? — вдруг послышался из сумрака ехидный голос. Фесс невольно вздрогнул — так и есть, та самая парочка, полуэльф с Бахмутом!..

За зиму конопатый силач, казалось, ещё больше раздался в плечах. Эльф же, напротив, как будто бы высох, щёки ввалились, глаза лихорадочно блестели.

— Привет, ребята, — как ни в чем не бывало бросил Неясыть, и неважно, что в душе при этом клокотала жгучая, обжигающая ненависть. Он не забыл тёплой вонючей струйки на лице. Он вообще ничего не забывал в этом мире. Долги следовало отдавать как можно быстрее.

— Надо же, — глумливо удивился полуэльф. — Разговаривает!.. С нами — и разговаривает! Небывалое дело, правда, Бахмут?

— Истинно так, господарь Эвенстайн, истинно так, — поспешно закивал веснушчатый аколит.

Фесс промолчал. Они сами пришли к нему, значит, им от него что-то нужно. За зиму и весну он хорошо изучил самого себя, все слабые и сильные стороны; второй раз он не попадётся в ловушку собственного призрачного умения.

— Ладно, крыса, — со внезапной серьёзностью сказал Эвенстайн. — Поговорим.

— Разве крысы разговаривают? — невозмутимо поинтересовался Фесс.

Ничуть не опасаясь, полуэльф шагнул вперёд, одним движением оказавшись рядом с Фессом. Поставил ногу в потёртом сапоге на ступеньку, нагнулся — близко-близко оказались нечеловеческие, какие-то словно бы кошачьи глаза.

— Конечно, — негромко сказал Эвенстайн голосом умудрённого годами мужа, но никак не пятнадцатилетнего мальчишки, которому в этом возрасте положено мечтать в основном о девчонках. — Разве ты не

знаешь? В Змеиных лесах полно говорящих крыс. Очень, знаешь ли, похожих на тебя.

Неясыть в душе Фесса взыграл. Одним движением Фесс сгрёб наглого полуэльфишку за грудки... и тотчас со стоном выпустил — тот резко нагнулся, прижимая к себе руку Неясыти, словно величайшую драгоценность, и заломленное запястье тотчас отозвалось острой вспышкой боли. Приём был донельзя примитивен, однако Фесс попался на него, точно сопливый новичок.

— Тихо! — прошипел Эвенстайн прямо в ухо Неясыти. — Ты расскажешь мне всё сам или...

Над головой Фесса раздалось сопение — Бахмут надвинулся вплотную. Похоже, что на выросшего при дворе полуэльфа-бастарда принцип «одного дара» не распространялся. Не задумываясь более ни одного мига, Неясыть ударил — сплетшимся словно само собой заклятием, из начального арсенала «умиротворителей». Самым простым, однако на сей раз уже Эвенстайна опрокинуло и протащило спиной по камням, изодрав в клочья нарядный плащ. В плечи Фесса вцепились было руки Бахмута, однако Неясыть, не мешкая и опять же бесхитростно, двинул его локтем в пах.

— Ой-о-о-о... — проскулил конопатый и, согнувшись, повалился на ступени.

— Ну что, хватит с вас, сосунки? — как можно более обидным тоном медленно произнёс Фесс, встал и ушёл в дом.

Он, конечно же, не сомневался — эта нелепая эскапада от начала до конца подстроена. Эти двое хотели чего-то от него добиться, но вот только чего? Они стремились не столько унижить его по-настоящему, сколько разозлить и раздражить. Чтобы он показал, на что *по-настоящему* способен? А может, всё это есть хитроумный замысел милорда ректора?..

Откуда-то из глубин памяти поднималось некое чувство странной обиды — он, Фесс, раньше имел дело с куда более могущественными противниками, пусть даже сейчас и не может точно вспомнить, с какими

именно, а тут — тут ему противостоят не чудовища и не великие волшебники, а всего лишь два недоучившихся аколита, таких же студиязуса, как и он сам!.. Чего он ждёт, зачем мешкает? Гнев властно требовал выхода.

На плечо опустилась рука Даэнура, когти слегка кольнули Фесса через одежду.

— Пусть их, — негромко сказал декан. — Понимаю, трудно сдерживаться... и потом тебе тоже будет ох как тяжело, Неясыть. Простолюдины будут кланяться тебе в ноги, чтобы ты справился с буйствующей нечистью, но при этом не подадут тебе и ложки к обеду, не пригласят ни в один дом, не протянут руки — и даже плату твою, твой хлеб постараются вручить через посредника, какого-нибудь настоятеля их сельской церкви. Но я знаю, ты не сломаешься. Ты выдержишь, у тебя внутри не мякиш, а сталь крепче гномей. Не знаю твоего прошлого, не знаю, кто тебя воспитывал — но свое дело он сделал хорошо. Иди спать, тебе надо восстановить силы.

— А вы, мэтр?

— А я останусь, — со вздохом проговорил Даэнур. — Буду смотреть на Луну и взывать к Мраку. Буду просить у него сил для тебя — помни, тебе ведь не разрешат показать искусство Ночи, тебе придётся довольствоваться узкой для нас тропой Света.

— Это ж нечестно! — возмутился Фесс. — Я не знал... мне никто ничего не сказал... А почему же вы промолчали, милорд?

Уродливая голова опустилась.

— Запрещено уставом, Неясыть.

— Запрещено уставом! — с горечью передразнил Фесс. — Да ведь мне теперь...

— Но ты ведь всё равно не уступишь. — Тёмный взглянул на своего ученика. — Ты не дашь себя побить. Привыкай к тому, Неясыть, — здесь каждый бой станет для тебя нечестным. Твои враги будут бить в спину, регулярно и метко. Они побоятся встретиться с тобой лицом к лицу. Отсюда — все эти уловки, замас-

кированные под «устав». Но при этом, — Тёмный на-
ставительно поднял палец, — отдадим должное ректо-
ру. Он и верхушка Белого Совета до такого не унизят-
ся. Меня они победили... в честном бою. И если, убе-
реги от этого Тьма, тебе придётся схлестнуться с ними
в открытом сражении — от Белого Совета не жди пре-
дательства. Они слишком самоуверенны, слишком
привыкли к превосходству в силе. Благородство... это
ведь так легко — быть благородным, снисходительным
и великодушным, когда ты — победитель!.. — Послед-
ние слова Тёмный почти что выкрикнул.

Наступило молчание.

— Иди спать, — устало сказал Даэнур. — Завтраш-
ний экзамен — не самый сложный в твоей жизни... с
каждым курсом они будут становиться всё труднее.
А уж про выпускные испытания я и не говорю.

— Но это ещё не скоро... — эхом откликнулся
Фесс.

— Ты прав. Ещё не скоро. А вот завтрашний день —
он уже совсем близко, вот-вот настанет. Иди спать.

* * *

Ночью Фессу снились странные сны. Он словно
наяву видел себя стоящим на высоком, обрывистом
берегу широкой реки, вода в которой блестела, словно
расплавленный вар; да и цветом вода в реке от вара
ничем не отличалась. Из-под ног Фесса вниз уходил
каменистый обрыв — иссечённый трещинами серова-
тый известняк, перевитый невесть как укоренивши-
мися тут длинными ползучими лозами с пышными
алыми цветами, источавшими сладковатый, притор-
ный аромат. Противоположный берег реки был, на-
против, низким, кривые деревья тонули в поднимаю-
щихся тёмных испарениях.

В тумане угадывалось какое-то множественное дви-
жение, словно там, под покровом призрачного плаща,
торопливо собирались для броска через реку какие-то
орды.

Послышался шорох шагов. Фесс резко обернулся, машинально уронив руку на бедро, — но эфеса на привычном месте не оказалось, там болтались только пустые ножны. Ладонь — столь же привычно — скользнула за спину, где полагалось бы висеть другому оружию, — но, увы, и глефы там тоже не было.

Из тумана у него за спиной вышли двое.

— Я смотрю, нам последнее время никуда не деться друг от друга, — ухмыльнулся знакомый уже полуэльф.

— Что поделать, судьба, — отчего-то забыв о привычном «господарь Эвенстайн», отозвался конопатый Бахмут; говор его звучал чисто и правильно, настоящий имперский столичный диалект, ничего простонародного.

— Судьба, — кивнул Эвенстайн, подходя ближе. Он тоже пришёл без оружия. — Ну так как же, Неясыть? Или, может, совсем не Неясыть? А? — Он хитровато прищурился.

— Говори, что надо, и убирайся, — холодно ответил Неясыть.

— погоди, остановись, — внезапно поднял руку Бахмут. — Заклятье своё можешь не плести, мы же этого не делаем, и амулетов у нас при себе никаких тоже нет. Мы ведь только хотели тебя спросить...

— Где Мечи, Неясыть? — холодно перебил спутника полуэльф. — Где Мечи?.. Скажи нам это, и...

— И что? — осведомился Фесс. Слово «мечи» ни какого отклика в нём не вызвало, однако показывать это раньше времени не стоило.

— Можешь просить что хочешь, — хрипло сказал Бахмут, нервно облизывая губы.

— У тебя, что ли? — презрительно поморщился Фесс.

— Ах ты!.. — сорвался на визг Эвенстайн. — Да знаешь ли...

— Ничего он не знает, — негромко произнёс Бахмут. — Ничегошеньки... Ладно, попробуем по-иному. Посмотри за эту реку, Неясыть. Что ты там видишь?

— Болота да туман, — буркнул в ответ Фесс.

— А в тумане? — настаивал Бахмут.

— Ползает вроде бы кто-то...

— «Кто-то!» — сумрачно передразнил Бахмут. — Не кто-то, а твари Тьмы. Здесь её восточный форпост. В мире слишком многое изменилось с твоим приходом, любезный Неясыть, слишком многое, чтобы быть простой случайностью. Мы хотели бы понять, почему так произошло.

— В таком случае ты не у того спрашиваешь, Бахмут, — отрезал Неясыть.

— Здешняя Тьма теперь — не просто Тьма, — прошипел подошедший почти вплотную полуэльф. — В ней появилось нечто новое, и это новое заставило Древние Силы Тьмы корчиться от непредставимого ужаса! Хозяин Чёрной Ямы забился в самую её глубь от страха перед тем, что надвигается из-за стен Ночи! — Глаза Эвенстайна лихорадочно блестели. — Скажи нам, где Мечи, Неясыть, и тогда мы сможем вместе отразить этот натиск. Видишь, мы играем в открытую. С Мечами мы выстоим. И не только выстоим — мы победим. А иначе... вода в земле сменится кровью, и эта кровь заполнит колодцы, потому что *эта* новая Тьма не пощадит никого, если только вырвется из своего логова. Понимаешь, Неясыть? Никого. Пустой мир, идеально пустой, освобождённый от нелепой плесени по имени «жизнь», — вот идеал той Ночи, которой ты служишь вместе с твоим деканом. Ну что, надумал отвечать?

— Но я же сплю? — возразил Фесс.

— Спишь!.. — хмыкнул полуэльф. — Ясное дело, спишь. Мы тоже сейчас спим, экзамен завтра не у тебя одного.

Самым простым было б сейчас сказать — мол, ничего не знаю ни про какие Мечи, слыхом не слыхивал, видеть не видывал, что вам надо от бедного студияуса, которому завтра предстоит отвечать на вопросы из совершенно не его области?..

«Но тогда бы они уверились, что я просто виляю и

что-то таю», — подумал во сне Фесс. И сидевший в нём бесёнок внезапно заставил его сказать:

— Ну, хорошо, допустим, а что я получу взамен?

Эвенстайн и Бахмут переглянулись — как показало Фессу, с удивлением.

— Мы же сказали — всё, что угодно, — хрипло отозвался полуэльф. — Богатство, славу, власть... выбирай!

— А кто ты такой, чтобы предлагать мне это? — насмешливо поинтересовался Фесс.

— Он прав, — после паузы сказал Эвенстайну его конопатый спутник.

— Только не сейчас, — помрачнел полуэльф. — Ладно, Неясить, мы ещё с тобой потолкуем! И о нагаде поговорим тоже. Нам надо слегка подготовиться...

— Ну и успехов вам в этом, — насмешливо сказал Фесс и в этот миг проснулся.

Была ночь. Мёртвая, страшная ночь, в какую выкапываются из могил *неупокоенные* и, стуча костями, направляются к человеческому жилью, одержимые только одним — страстной жадой убийства. Фесс едва не застонал — ему казалось, что он спит, но на сей раз это уже оказался не сон, а видение — яркое, стоящее прямо перед глазами, вытесняющее собой даже «реальный» мир: старое кладбище, каменная ограда, развороченные могилы... не хватало только незадачливого волшебника Фрегота с его молниями.

Что-то случилось. Что-то произошло в эту ночь. Что ему снилось?... Какая-то встреча, разговор... мечи... что за мечи? Ничего не помню. А вот с Силой что-то неладно, что-то не так... какое-то великое возмущение, отзвук какого-то исполинского удара — словно докатившееся наконец дальнее-предальнее эхо. Откуда? Почему? Что это значит?..

Дазнур возник на пороге неслышной тенью.

— Ты почувствовал? — негромко спросил Тёмный — видно, не сомневался, что его ученик тоже не спит.

— Да, мэтр. (Вообще-то декана полагалось именовать «милорд», «мэтр» был титулом простых препода-

вателей, но Тёмный, как известно, обращение «ми-лорд» недолюбливал.)

— Я не понимаю, что это, — покачал головой декан. — Тьма пришла в движение... но это не наша Тьма. Следующей ночью обратимся к нашим богам, Неясыть, спросим их — если, конечно, они ещё не разучились говорить.

После этого Фесс проворочался на узкой постели до самого утра, так и не сомкнув глаз.

* * *

Наступил день экзамена. С моря задул не по-весеннему холодный ветер, и Фесс, выходя во двор, накинул чёрный плащ — единственное чёрное пятно в пёстрой толпе, двигавшейся к главному корпусу Академии. Первый курс экзаменовался первым, более старшие — в последующие дни. Но поглазеть на испытания недавних новичков собирались все без исключения, согласно старой академической традиции.

Никакой зал не смог бы вместить сразу все курсы, и потому аколиты первого года экзаменовались публично, на огромном дворе Академии, невдалеке от роскошного фонтана, где белый каменный маг поразил водяным копьём грудь тёмных камней.

Ради столь торжественного случая во дворе сооружался длинный помост с навесом, вешались роскошные драпировки цвета четырёх великих стихий. Мэтры и деканы чинно рассаживались на вынесенных из аудиторий резных креслах, весёлая гурьба аколитов довольствовалась жёсткими деревянными скамьями, а менее расторопные — и каменными плитами двора.

Согласно обычаю, Тёмный тоже сидел рядом с остальными деканами — и вновь, как и осенью, его отделила от других пара пустых кресел, а маленький мастер Алхимик, которому досталось крайнее место, постоянно морщился и делал вид, будто страдает от скверного запаха. Даэнур сидел точно каменное изваяние — ни единого движения. Здесь он был безгла-

сен. Тьма не смела смущать неокрепшие умы, вопросы декана факультета малефицистики имел право задавать только выпускникам.

Милорд ректор начал речь. Слушатели приуныли — глава Академии отличался изрядной разговорчивостью, вдобавок был очень высокого мнения о своём ораторском искусстве.

Длинные элегантные обороты на идеальном эбинском Неясыть-Фесс пропускать мимо ушей. Он почти не сомневался, что его вызовут первым, — пока экзаменаторы не утомились.

...Так оно и случилось.

— Рекомый Неясыть, факультет малефицистики, кафедра некромантии! — негромко произнёс дежурный мэтр-распорядитель, однако благодаря магии его голос слышали все до единого, собравшиеся на площади.

Фесс с самого начала занял позицию впереди. В отличие от остальных он не пытался захватить место на скамье — какой смысл, если его всё равно позовут первым? Оставаться же и смотреть, как экзаменуются остальные, у него просто не было никакого желания, хотя умом он понимал, что посмотреть стоит, — чтобы одолеть врага, надо его знать.

— Приветствуем тебя, аколит, — строго, но в то же время благожелательно сказал ректор. — Покажи нам, чему ты научился; нам всем не терпится, у нас ведь так давно не экзаменовалось ни одного студиязуса с этого факультета!

Фесс молча и коротко поклонился. Он хорошо умел повиноваться, когда нужно, — но вот совсем не умел гнуть спину.

Ректор едва заметно усмехнулся.

— Кто пожелает первым сформулировать вопрос, милорды? Торопиться не стоит, мне так кажется. По-спрашиваем его побольше.

— А остальные, милорд? — тотчас спросил толстый мастер воды.

— Слегка придержим время, — небрежно махнул

рукой ректор, и Фесс невольно поёжился: неужто здешние маги сумели найти брод даже в этой Великой Реке? — Итак, милорды?

Наступила тишина. Толпа аколитов за спиной Фесса тоже затаила дыхание.

— Позвольте мне, — поднялся высокий, тощий и взлохмаченный волшебник, по виду самый молодой из всех деканов — мастер пограничной магии, предводитель молодых и дерзких чародеев, что, не боясь ничего, пробивали своими заклятиями дорогу к самому сердцу Естества. Им Фесс, пожалуй, симпатизировал больше всех. — Пожалуйста, в нескольких словах — отличие Тёмного принципа действия от Светлого!

За спиной Фесса вздохнула толпа, словно один очень большой великан.

— Это не вопрос, милорд, — поморщился ректор. — Это тема для диссертации того, кто будет претендовать на пост ректора сей Академии. Вы ведь и сами на него не знаете ответа. Спросите что-нибудь менее выпренное!

Однако пристыженный мастер только махнул рукой и сел, густо покраснев, — понятно, что такой отповеди он не ожидал.

— Разрешите, — не стерпел мастер воды. — Сударь... э-э-э... а не покажете ли вы нам малый каскад иллюзий, источник — моя стихия, колебания Силы и ее откат — не более полупяди, ну, а высота — насколько вам хватит... э-э-э... дыхания. Я бы рассчитывал на триста саженей. Благодарю вас.

И вновь Фесс поклонился молча, не ответив ни слова. Малый каскад иллюзий в деталях изучали только на втором году, и то лишь те, кто принял именно знак воды; Неясить помнил лишь несколько общих принципов.

За спиной кто-то издевательски свистнул. Виски Фесса закололо — мэтры и магистры предусмотрительно ставили защиту.

Каскад иллюзий — это если создаешь некую *форму* заклятия, вложив в неё достаточно Силы, чтобы хвати-

ло на несколько, как говорили студиозусы, «перевёртышей» — когда чары и, соответственно, вызванный ими мираж стремительно меняются, плавно переходя один в другой, но без всякого вмешательства сотворившего волшебство мага.

«Ну, хорошо. Будет вам каскад, да такой, что не обрадуетесь!» Гнев привычно толкнулся в сердце, и Фессу вновь пришлось поспешно его смирять — исполнить задуманное он мог только при полном внутреннем спокойствии.

Площадь затаила дыхание. Все видели, как аколит в чёрном плаще медленно развел руки, а затем его ладони начали стремительный танец — жест пришёл на помощь мысли.

Тёмный с удивлением воззрился на происходящее, не замечая внимательного взгляда милорда ректора. Этому он своего подопечного никогда не учил.

Фесс работал стремительно. Никто на площади не мог уловить и малейших колебаний или *отката* Силы, означавшего, что маг не может справиться с устремившимся на него потоком мощи и от него, как от брошенного в воду камня, все шире и дальше расходятся круги возмущений.

...Чувство было такое, словно он поднимается по узкой и скользкой тропе, таща на спине многопудовый груз. Икры ног то и дело сводило судорогой, Нехясыть-Фесс лишь огромным усилием удерживался от стога. Он всеми силами тянулся к воде, вызывая в сознании образ голубой стихии, — но чужая, враждебная сила словно бы сворачивалась в мокрый, скользкий комок, упрямо выskalзывавший из негнущихся от внезапного холода пальцев. Фессу показалось, что он уже слышит издевательские смешки за спиной, что различает голоса полуэльфа с Бахмутом. Интересный всё-таки сон снился... к чему б такой?.. Он отвлекся всего лишь на миг, и этого, к счастью, хватило, чтобы неведомые враги решили, будто бы он обратился в бегство.

Водопады... ревущие пороги... вода, прорывающая

плотины... чёрный рвущийся с горы поток, с легкостью переворачивающий громадные камни...

Руки помогали мысли завершить плетение.

В небе над головами зрителей заискрились белые звёздочки, ещё миг — и из пены стал сам собой двигаться роскошный дворец. Мелькнули арки, башенки, можно было различить даже стрельчатые окна — а потом всё это, застыв ровно на миг, как и полагалось по канону, стало плавно превращаться в дремучий лес, башенки обернулись до небес вознесшимися деревьями, тысячелетними секвойями, арки встали на мощные ноги и неспешно отправились на прогулку величественными мастодонтами; и дальше, дальше, дальше, картинка в небе сменяла одна другую, над иллюзией заискрилась радуга...

Когда всё наконец исчезло — у самой земли, в чём тоже был своеобразный шик, Фесса словно бы оглушило зловещим молчанием. Молчали деканы и студент-озусы, молчали мэтры и магистры — молчали все, и Неясыть не мог понять почему. Ведь в том, что он сделал, не было ничего сверхъестественного. Обыкновенная иллюзия, за проведённую в Академии зиму ему случалось видеть куда более красочные миражи; так в чём же дело, что произошло? Они дают ему понять, что он провалился?..

— Удовлетворены ли вы, милорд? — набатом прозвучал в этой тишине голос ректора — спокойный и даже какой-то расслабленный. — Желаете задать более жёсткие граничные условия?

— Нет, милорд. — В отличие от ректора мастер воды голосом своим, как и лицом, владел плохо. У него был такой вид, словно он только что узрел во плоти саму Западную Смерть и Тьму в одном лице.

— Вы удовлетворены ответом? — с некоторым нажимом произнёс ректор.

— О... о да, вполне, милорд. — Мастер воды судорожным движением вытер пот со лба.

— Тогда кто хочет задать следующий вопрос? —

невозмутимо обратился ректор к замершим деканам. — Может быть, вы, мастер Алхимик?

— Я?... Ну что вы, милорд, им же ещё ничего не читали из наших курсов! Мне кажется, кто-то ещё из стихийных...

— Разумное замечание; как насчёт вас, мастер огня?

— Почту за честь, — отрывисто бросил чародей, вставая. На Фесса жёстко смотрели глубоко посаженные тёмные глаза под выкрашенными в алый цвет густыми бровями.

Воля столкнулась с волей. Мастер огня, похоже, искренне верил, что стоит сейчас лицом к лицу со злейшим врагом, когда или ты, или тебя и третьего не дано.

В десяти шагах от Фесса прямо на голых камнях вскипело, рванулось к небу жгучее рыжее пламя. Не иллюзия, самое настоящее, обжигающее, так что Невысыти пришлось попятиться, прикрывая лицо рукавом плаща, — жар шёл нестерпимый.

— Гасите, — коротко бросил мастер.

Огонь. Это плохо, это, пожалуй, самое антагонистичное Тьме колдовство. По лицу Фесса градом показился пот, и не только от вызванного чужим волшебством костра.

Воздух... Земля... Вода... самое напрашивающееся сейчас и уже потому неприемлемое. Не так и сложно измыслить пламя, которое будет гореть, даже заливаемое водой. Вспоминай, Фесс, вспоминай! Средство должно быть!..

Он увидел, как мастер огня со лживо-скорбным выражением начал поворачиваться к ректору. Увидел стиснутые кулаки Тёмного. И отчего-то невольно вспомнил о Салладорце — наверное, он тоже стоял вот так, окружённый со всех сторон врагами, стоял и читал нараспев им самим сплетённое жуткое заклинание, вырывавшее его из власти палачей; и милосердная Тьма пришла ему на помощь, та самая, которая, *«никого не любя, никому и не отказала в помощи»*.

Небо над площадью внезапно омрачилось. Солнце

сделалось тусклым, точно подернувшись пеплом; в рядах студиязусов кто-то истошно завопил. Деканы вскочили с мест; сидеть остались лишь двое — Дазнур и сам милорд ректор.

Громадная чёрная птица разворачивала над костром свои крылья. Сотканная из сплошной непроглядной черноты, она казалась овеществлённой тенью. Ни малейших следов иных оттенков, кроме чёрного; казалось, свет тонет в этом невиданном существе, чем-то похожем на громадного ворона. Опустившись, крылья сдавили, сжали полыхающий костёр; очертания маховых перьев задрожали, начали расплываться — по лицу Фесса прошла гримаса боли, и в следующий миг птица рухнула прямо на костёр, подмяв его под себя. Пламя исчезло, полностью поглощённое Тьмой.

Фесс лишь огромным усилием удержал себя на ногах. Казалось, от ожогов на теле не осталось живого места. Однако стоял он прямо и глаз не опускал — в отличие от мастера Огневика, пробурчавшего что-то невнятное и поспешно бухнувшегося назад в кресло, как будто это враз отгородило его от всего мира.

Теперь уже вновь поднялся милорд ректор.

— Благодарим тебя, Неясыть, — по-прежнему дружелюбно сказал он. — Мы видим, ты не тратишь времени зря. Полагаю, милорды, — он пристально оглядел остальных деканов, — продемонстрированного вполне достаточно. Думаю, ни у кого не будет возражений против того, что сей аколит достоин перевода на второй курс.

Никто не возразил.

Интерлюдия II

НАЙДЁНЫШИ

Маленький отряд Клары двигался медленно и с огромным трудом. Тави так и не пришла в себя, сменяясь, ее тащили на себе то Эгмонт, то Мелвилл, то Райна, а то и сама Клара. Обиженной на такую несправед-

ливость Эвис поручили любой ценой отыскать Источник магии, пусть даже для этого ей придётся самолично прорываться в какой-то из закрытых миров.

Магия была нужна сейчас даже больше, чем воздух. Волшебники умели обходиться без него в Межреальности. Однако насчёт всего остального дело обстояло куда как плохо. Стало невозможно даже развести огонь. Угасала собственная магия оружия, рубины на рукояти Кларинового клинка умерли, перестав светиться.

— Это место пьёт Силу! — не выдержав, вскричал как-то Эгмонт.

«День» сменялся «днём», запасы провизии таяли.

— Нам надо найти мир. Хоть какой, — твердила почерневшая от усталости, с ввалившимися глазами Эвис. Она так ничего и не обнаружила — это место казалось воистину проклятым. Вдобавок Тропа стала погибать куда-то совершенно не туда — впереди растекалась странная чернота, невидимая, ощутимая лишь для сверхчувств, рождённых в Долине.

Великий тупик. Или — что тоже возможно — закрытый мир, мир, куда нет доступа даже им, магам Долины.

Клара попыталась свернуть. С огромным трудом удалось отыскать слабую, едва заметную развилку; пришлось прибегнуть к последнему средству — магии крови, чтобы хоть как-то упрочить и расширить только-только намеченный дланью Создателя путь.

Ничего не помогло. Несколько дней спустя впереди вновь замаячила всё та же чернота.

...Выругавшись, Клара скомандовала привал. Её отряд всё больше и больше походил на беглецов, чудом уцелевших после разгрома своего войска. Лучше других, пожалуй, держалась Райна — валькирии было не привыкать к самым безвыходным положениям. Остальные же, похоже, изрядно пали духом.

Все молчали. Да и о чём говорить, если последняя Тропа вновь оказалась ведущей в ловушку?

— Надо поворачивать, — решительно произнёс Мелвилл. — Вернёмся в твой Мельин, Клара. Если,

конечно, — он кивнул головой, — этот чёрный монстр нас выпустит.

Клара не ответила. В голове у боевой волшебницы уже давно свило гнездо страшное подозрение — что здесь искривлены и искажены вообще все пути, что после Разлома Тропы Межреальности изломало настолько, что возвращаясь не возвращаясь, а дорогу теперь не найдёшь даже обратно, к Мельину.

— Не получится, Мел, — покачал головой Эгмонт. — Девочка не дотянет. Ты что же, не видишь, что она умирает? У неё только один шанс — что мы немедленно, сейчас же отыщем здесь Источник. Правда, скорее уж мы найдём вот прямо здесь саму Долину.

Тави и впрямь становилось всё хуже, словно чёрный спрут вытягивал из неё последние силы. Несмотря на действие корпида, жизнь покидала её тело, убегая, точно вода из решета.

Клара в ярости вонзила ногти в ладони, изо всех сил стараясь, чтобы никто из спутников не заметил этой её вспышки. Положение оказалось безвыходным. Боевые маги не бросают своих. Они обязаны вынести с поля боя даже мёртвых — что же говорить о раненых!

Хюммель вновь обвела взглядом небольшой отряд. Эвис Эмплада — похудевшая, растрёпанная, глаза лихорадочно блестят, — совсем юная по меркам Долины девчонка, не может смириться с тем, что они оказались на самом краю гибели. Смерти она ещё не научилась бояться.

Эгмонт — сумрачен, собран, но тоже держится из последних сил. Этот гордец скорее молча умрёт, чем признается в своей слабости. Мелвилл, напротив, — напоминает сейчас волка в капкане. Этот все силы вложит в последний самоубийственный бросок, чтобы погибнуть вместе с торжествующим победителем.

Ну, и наконец — Райна. Валькирия каменно спокойна. Она верит в неё, Клару Хюммель, верит куда больше, чем в ежедневный восход маленького, искусственно сотворённого солнца над Долиной. Воительница сохранила больше телесных сил, чем осталь-

ные, — в отличие от чародеев, она привыкла рассчитывать только на себя, а не на магию. Да, верно. Так она и сделает. Эвис чувствует магию лучше, чем она, Клара, но девчонка держится только на гордости. А этот последний резерв нельзя растрачивать понапрасну. Что ж, значит, решено.

— Слушайте меня внимательно, — заговорила Клара, по очереди взглянув в глаза каждому из своих спутников. — Сейчас мы с Райной пойдём на поиски. Давайте скажем друг другу правду — похоже, мы око-ло одного из тех *запретных* миров, которые слишком долго считались выдумкой и сказками. Мне не нравится слово «запретный», мы скорее уж скажем «закрытый», но суть от этого не меняется. Здесь исковеркана и искажена сама Межреальность. Нет смысла сейчас спорить, почему и как это произошло. Факт остаётся фактом. А когда вокруг обломки и руины, есть смысл поискать в них — не осталось ли чего ценного. Вот мы с Райной этим и займёмся. Ждите нас два дня по счету хронометра. Если мы не вернёмся — попытайтесь пробиться в Мельин, хотя я уверена, что это нам не удастся.

— Постой! — вскинулась Эвис. — Клара, ты же знаешь, я умею находить Источники лучше тебя. Так почему же...

Эгмонт быстро сжал ей руку чуть поверх локтя. Эвис поперхнулась и замолчала.

— Позвольте сказать, кирия, — негромко попросила воительница. — Госпожа Эвис, кирия Клара взяла меня потому, что, если придётся прибегнуть к последнему средству — магии крови, — я способна отдать больше, чем вы. Просто потому что я сама больше и сильнее. — Она улыбнулась уголками губ.

Клара не выдержала — покраснела. Такой прыти от смертной валькирии она не ожидала.

— Кирия Клара поступила совершенно правильно, — прежним ровным голосом продолжала Райна. — Вдвоём с ней мы сможем уйти дальше, чем кто бы то ни было, и отыскать Источник. Или не Источник, но

то, что сможет вернуть чародеям силу. Я права, кирия? — Воительница взглянула Кларе в глаза и, не дожидаясь ответа, промолвила: — Кирия Клара совершенно права. Я пойду с ней хоть в сам Хаос и отдам, если надо, всю свою кровь — коль скоро это потребуется для спасения тех, кому я присягнула. Простите за красивые слова, госпожа Эвис, и вы, господа Мелвилл и Эгмонт...

Мелвилл неожиданно и порывисто поднялся, сгрёб Райну в охапку и крепко поцеловал в губы — так, что воительница даже зажмурилась, словно простоя смертная девчонка.

Клара, в свою очередь, тоже обняла валькирию.

— Ты права, Райна. Пойдёшь со мной?

— Пойду, кирия. Разве я уже не сказала этого?..

— Всё это очень хорошо и трогательно, Клара, — мрачно заметил Эгмонт, — однако мне интересно, как ты *свернёшь* с Тропы, здесь, когда все наши силы иссякли?

Вместо ответа Клара извлекла со дна своего заплечного мешка небольшую причудливой формы ракушку на простом конопляном шнурке.

— Берегла на чёрный день, — пояснила она, глядя на покачивающийся перед глазами амулет. — В нём Сила не иссякла, но её мало. Хватит только *пробить поворот*, не больше. Даже вылечить Тави он бы не смог.

Райна внезапно остро и пристально взглянула на незатейливую вещицу и неожиданно отвернулась, со вздохом опустив голову.

Узнала, подумала Клара. Какой же ты молодец, Райна; ну почему судьба так несправедлива к вам, валькириям, отнимая возможность иметь хоть самый слабый магический дар?.. Какие превосходные боевые маги получились бы из вас!..

— Идём, Райна, — резко бросила Клара, вешая амулет себе на шею. — Время дорого.

— Да ты хоть знаешь, что тебе искать? — простонала Эвис.

— Нет. Во всяком случае, не обычный Источник, иначе ты бы его уже обнаружила, — очень серьёзно и спокойно ответила Клара. — Я знаю, ты лучше меня ищешь их, Эвис. Но я лучше ищу то, для чего ещё не придумано названий.

С этими словами она решительно сдвинула ракушку пальцами, взяла свободной рукой Райну под локоть и шагнула с Тропы.

Тёмная неощутимая «влага» Межреальности сомкнулась над их головами. Клара ощутила струящуюся по пальцам кровь; сама раковина мгновенно раскалилась. Глаза заволокло непроницаемой пеленой, лишь изредка пронзаемой фиолетовыми сполохами. Они брели, точно в густом и плотном тумане, раздвигая его закованным в сталь плечом. Ноги, казалось, проваливаются в зыбучую топь, — Впрочем, на самом деле никакой «топи» тут и в помине не было, под ногами Клары тянулись несчитанные лиги пустоты, мириады мириадов этих лиг, и всё, что удерживало двух воительниц от немедленной и страшной гибели, была сила, заключённая в неказистой на вид раковинке.

Шли молча. Райна держала наготове клинок; Клара тоже взялась свободной рукой за оружие, хотя сама не чувствовала никакой опасности; Впрочем, в этом стоило больше доверять валькирии: ей-то никогда не приходилось пользоваться магией и она могла полагаться только на собственное чутьё.

Чародейке и валькирии нужна была Жизнь. Пусть даже совершенно чудовищная, вроде обитателей Дикого леса, острова которого медленно дрейфуют из края в край Упорядоченного. Жизнь, и чем злее она будет, тем лучше. Нужна живая, тёплая кровь. Эвис, кстати, об этом лучше не знать, чистоплюйке. Только так они смогут вырваться из чёрных объятий. Думать, чьи это козни, они станут после. Пока что надо спасать себя и остальных.

Как и положено, они очень быстро потеряли чувство времени и направления. Ни зрение, ни слух здесь им помочь не могли. Клара всецело положилась на

своё чутьё мага, доверившись Райне, — если что, воительница прикроет.

Мрак вокруг них стал мало-помалу блекнуть. Сквозь серый полусвет Клара заметила впереди нечто вроде плавающего в пустоте островка, с него свисали длинные, постоянно шевелящиеся плети не то щупалец, не то ветвей, что-то жадно вылавливавших в бездне. Такого обитателя Дикого леса Клара не знала — впрочем, упомянуть их всех не мог даже сам великий архимаг Игнациус Коппер.

— Нашли! — горячо шепнула Клара на ухо мгновенно подобравшейся, точно хорошая гончая, Райне. Правда, живой остров был явно слишком велик для пары клинков, тем более — лишённых магической составляющей своей мощи.

Тем временем «островок» — или кем он там был на самом деле — их заметил. Длинные плети вздрогнули, свиваясь в кольца, медленно потянулись к застывшим неподвижно воительницам.

— Придётся их рубить, кирия, — спокойно сказала Райна, похлопывая мечом плашмя по ладони. — Задушат. Или кровь высосут.

— Стреляй, Райна! — приказала Клара, ещё крепче сжимая раковину и невольно морщась от боли в порезанной ладони. — Давай, пару стрел в самую густоту!

— Слушаюсь, кирия. — Воительница повиновалась тотчас, как хорошо отлаженная боевая машина. Райна вскинула небольшой арбалет, стрелявший короткими железными дротиками, и хладнокровно всадила болт прямо в фиолетово-розовое сплетение шевелящихся отростков, заполнявших середину островка.

Однако даже каменно-спокойная валькирия невольно вздрогнула, когда оттуда раздался отчаянный вопль — на человеческом языке мельинской Империи:

— Не стреляйте!!!

Клара почувствовала, что глаза у неё сейчас вылезут из орбит. Что такое? Почему? Откуда?..

Лохматые заросли на «островке» раздвинулись. Взорам остолбеневших Клары и Райны предстала донельзя странная пара — немолодой уже человек с

одутловатым лицом в истрёпанном коричневом плаще, под которым угадывались совершенно невозможные здесь обрывки клоунского одеяния, когда-то яркие, а теперь выцветшие и заношенные до невозможности; а рядом с ним — девчонка, девушка, тоже в лохмотьях и с туго обтянутой грязными тряпками головой. Одежды были щедро испятнаны засохшей кровью. Оба они, и старик и девочка, были ранены, притом тяжело — у каждого на груди виднелись жуткие корки запёкшейся почерневшей крови.

— Да они помереть должны были! — вырвалось у Райны.

— Вы кто? — В тот момент Клара не придумала ничего лучше.

— А вы кто? — в тон ей отозвалась девчонка, одна — с внезапным болезненным стоном схватила за грудь. — О-ох...

— Не будем мешкать, кирия, — с неожиданной твёрдостью сказала Райна. — Сделаем то, зачем пришли.

— А этих куда? — Клара до сих пор не могла пошевелиться от изумления.

— С собой возьмем, — пожала плечами воительница. — Не бросать же их тут...

— Милостивые госпожи... — умоляюще заговорил старик, прижимая руки к груди. — Не дайте помереть голодной смертью. Не знаем, как попали сюда, не можем выбраться... не нашего это всё понятия... смилуйтесь, пресветлые... — Старик опустил на колени.

— Не стони, отец, — решительно сказала Райна, направляясь к островку. — Сейчас снимем вас отсюда...

«Вот это да, — мелькнуло в голове Клары. — Как же, хотела б я знать, двое говорящих на мельбинском языке оказались здесь, да ещё как смогли выжить?!»

Ракушка в ладони отозвалась внезапной холодной болью, и Клара мгновенно покрылась потом. Это означало, что пора поворачивать назад — силы амулета на исходе, и даже кровь самой Клары не смогла уберечь чары от чёрного монстра *закрытого* мира.

— Райна! Бери этих двоих — и держись поближе ко мне. Надо тащить обратно этот живой матрас.

Как бы там ни было, но дело они сделали — живое существо, и притом достаточно крупное, было найдено. А есть ли у него жидкая кровь — для той магии, которой владела Клара, это было совершенно неважно.

— Эй, вы что задумали? — без всякого почтения выкрикнула девчонка.

— Вас спасти, — без колебаний откликнулась Райна. — Иди сюда, ты же вся в крови... О-о, а это что ещё такое?!

Девчонка бестрепетно вышла на самый край островка. В руках она держала громадный чёрный меч-фламберг с характерным волнистым клинком. От меча шла злая, упорная сила, так что Клара даже прищурилась, словно от яркого света.

Каким образом эта штуковина сохранила свою мощь тут?!

И кто тогда эта окровавленная малышка?

— Меня зовут Сильвия, — прозвучал ответ на незаданный вслух вопрос. — Сильвия из красного Ордена Арк.

Слова эти ничего не говорили валькирии, но Клара нахмурилась. Неужели эти выскочки из *простых миров* навроде мельинского научились, подобно им, магам Долины, торить Тропы в Межреальности?

— А я вот Кицум, милостивая госпожа, Кицум я, значит, клоун бывший, вот ведь какая история...

Клара несколько мгновений помолчала. Не отряд, а странноприимный дом какой-то. Сплошь больные, раненные да увечные. И ничего тут не поделаешь — бросить беспомощного в Межреальности жестоко вдвойне, лучше уж убить его сразу, чтоб не мучился.

— Идти можете? — Это получилось грубее, чем она хотела, так что даже Райна взглянула на предводительницу отряда с изумлением.

— Кое-как, — отозвалась девчонка, помогая клоуну подняться.

— Тогда держитесь ближе к ней, — распорядилась Клара. — Мне ваш островок тащить надо...

Однако, прежде чем тащить, следовало кое-что выяснить. Подозрительно покосившись на здоровенный чёрный фламберг в руках девчонки, Клара осторожно ступила на прогибающийся покров из сплетшихся ало-фиолетовых трав. И первое, что бросилось в глаза волшебнице, — была узкая чёрная щель, точь-в-точь как от удара мечом, окружённая жёлтыми безжизненными плетями здешних растений.

Пораженная внезапной и страшной догадкой, Клара схватила какую-то ветку — и тотчас бессильно выпустила. Выругавшись про себя на чём свет стоит.

Ну конечно! Как ещё эта парочка могла выжить здесь, не высосав из островка всю жизнь? Имея такой магический меч (интересно, кстати, откуда он у них, неужто Арк научился делать такие?), они смогли затянуть свои страшные раны и не умереть от голода и жажды. Правда, оставался вопрос, как эти двое вообще оказались здесь, но в данном случае он уже имел чисто академический интерес. Клара почувствовала, как спина покрывается липким потом, а к горлу подкатывает тошнотворный комок. Смерть впервые заглянула в самые зрачки боевой волшебницы.

Если они не найдут магию, они обречены. Никогда ещё, ни разу, за всё время странствий по Межреальности Клара не попадала в столь опасное положение — потому что всегда и везде с ней была Сила. Сила, дочиста вычерпанная в этих краях неведомым чёрным монстром, что терпеливо ждал их впереди. А здесь... последний резерв — ракушка-копилка, тем более ценная, любимая и хранимая, что подарил ее много-много лет назад тот, кого Клара не перестала втайне ото всех оплакивать, опустела, и Силы едва-едва хватит добраться до ведущей в никуда Тропы...

Клара выпрямилась. Да, эта Сильвия — молодец. Конечно, Силу она пила совершенно варварским способом, наподобие того дикаря, который, чтобы один раз согреться, сжигает дотла тёплый дом, где преспокойно мог бы провести зиму. Ну что ж...

Глаза волшебницы опасно сузились. На войне как на войне. Эти двое убили то, что могло спасти не толь-

ко их, но и весь отряд Клары. Они бы ушли подальше от чёрной глобулы *закрытого мира*, всё равно куда, там, где плавной незримой рекой через Межреальность течёт Сила — истинная кровь Магов. И тогда бы они спаслись. Все. А теперь — что теперь? Взять кровь у себя и Райны? Можно, но надолго этого тоже не хватит. Искать дальше? Попробуем...

— Слушайте, вы, Кицум и Сильвия! Нам нужна ваша кровь.

Девчонка побледнела и ойкнула, клоун держался лучше, лишь пожал плечами.

— Нужна так нужна, милостивая госпожа. Я готов. Надеюсь только, что вы не заберёте её всю, — попытался пошутить он напоследок.

«Вот именно *последняя кровь* от тебя мне и нужна», — едва не сорвалось у Клары с языка.

— Райна, чашу! — приказала чародейка. — У меня первой, чтобы они не боялись.

Укол — и по серебру побежала быстрая тёмно-алая струйка. Клара следила, чтобы не отдать слишком много, — иначе сама протянешь ноги прямо здесь.

— Достаточно. Теперь ты... Кицум?

— Кицум, Кицум, милостивая госпожа, старый Кицум готов.

Ежесекундно кланяясь, клоун подошёл поближе. Райна одним стремительным движением проткнула ему жилу.

— И вовсе не больно, не бойся, Сильвия, — деланно бодрым голосом сказал старик.

Девчонка в свою очередь подошла, зло и настороженно поблескивая глазами, словно очутившаяся в капкане молодая куничка. Райна вогнула иглу, Сильвия дёрнулась, однако рука Кицума с неожиданной быстротой удержала её на месте.

— Бо-о-о-ольно-о-о! — заныла девчонка.

— Терпи, — назидательно сказал Кицум. — Спаситель вон тоже терпел и нам, как водится, велел...

Наконец крови собралось достаточно.

— Держитесь как можно ближе, — наставляла спа -

сённых Клара. — Иначе и глазом моргнуть не успеете, как... Райна, возьми у девочки меч.

Сильвия отскочила, шипя, как рассерженная кошка. Для своих лет она была необычайно быстрой и ловкой — однако валькирия тоже недаром провела столько лет в походах. Одним движением оказавшись рядом, она словно бы невзначай коснулась руки Сильвии — и чёрный меч поменял хозяйку. Девчонка лишь недоуменно уставилась на пустые ладони.

— Как это ты так, а? — ошарашенно протянула она.

— Будешь хорошей девочкой — научу, — посулила валькирия.

— Всё, всё, времени нет! — торопила остальных Клара. — Ты, Сильвия, пойми — нам твоё оружие ни к чему, — покривила она душой, — просто надо очень быстро идти. Сила нашей крови очень быстро кончится. А надо найти второй такой же островок... или ещё хоть что-то живое.

— Их мимо нас немало проплыло, — сообщила Сильвия, старательно, словно собака, зализывая ранку от иглы на сгибе локтя.

— А куда? В сторону какую? — немедленно спросила Райна.

— Во-он туда. — Девчонка махнула рукой, показывая вперёд и вниз — туда, где, по соображениям Клары, как раз и притаилась загадочная чернота.

— Идём, — не раздумывая сказала Клара. — Идём, покуда хватит крови.

Над серебряной чашей в руке Райны заплясали тонкие прозрачные язычки огня. Когда чаша опустеет, им волей-неволей придётся возвращаться назад.

Глава третья

КАФЕДРА НЕКРОМАНТИИ

После летних экзаменов-испытаний Академия заметно опустела. Студизусы разъехались кто куда, особенно те, кто жил в нескольких днях пути или морского плавания. Многие, в том числе и из дальних

мест, решили побродить по Изгибу, кого-то прельстил древний Эбин, иные даже дерзнули отплыть в Ближний Кинт. Путешествия поощрялись — многим по окончании Академии предстоит стать странствующими чародеями, и к дороге следует привыкать с самого начала.

Неясить-Фесс, разумеется, никуда не поехал. Хотя многие места этого мира манили его, все они находились очень и очень далеко. Как Тёмная река, к примеру, или древние храмы нечеловеческих рас на Волчьих островах. Фесс с удовольствием отправился бы странствовать по Нарну или Вечному лесу — ему очень хотелось взглянуть на воинственных половинчиков. Его слуху это сочетание казалось столь же бессмысленным, как «ужас внушающий (или «смерть несущий») кролик».

Но, увы, на это потребовались бы месяцы пути, а в середине месяца плодов, как называли здесь август, в Академии возобновлялись занятия, и горе тем, кто не успевал вернуться! Никакие отговорки не принимались. Были случаи, что нерадивые платились за это преступление собственным браслетом аколита.

Вместо каникул Фесс ещё плотнее засел за книги. Если ничего иного пока не остаётся, следовало стать хорошим некромантом. Смерть — всеобщее убежище, всеобщий *выход*, думал Фесс. Так, может, некромантия подскажет ему, как бежать и с этих берегов?

Даэнур не мог нарадоваться старательности своего единственного ученика, только успевая выдавать ему всё новые и новые книги. Комната, где Фесс устроил себе жилище, вскоре превратилась во второе книгохранилище; кое-где за огромными томами совершенно скрылись и пол, и стены. Вороха свитков, на которых Фесс делал выписки, угрожающе расползались, грозя в один прекрасный день поглотить самого незадачливого хозяина.

Летом, когда не требовалось уделять время обязательным занятиям на факультете общего волшебства, Фесс мог целиком и полностью сосредоточиться на выбранной за него Судьбой специальности.

Он в деталях освоил причины *неупокоенности*, первоначально, высшие точки, падения и взлёты. Изучил все виды Нежити, встречавшейся в землях Старого Света (так именовался континент с островами, в отличие от Света Нового — трёх островов Утонувшего Краба вместе с Клешнями). Кладбищенская, лесная, домовая, городская, катакомбная, горная, пещерная... Спиритизм не включал только Нежить морскую, потому что она, как ни странно, терпеть не могла солёную воду, хотя вода эта ничем повредить ей не могла и от её нападений не защищала.

Изучил первые тома длиннейшей *Истории Нашествий*, где подробно описывались все случаи нападения Нежити на людей или, к примеру, борьбы эльфов с гномами. Проштудировал древние заговоры и обереги, опять же и людские, и эльфийские, и гномьи, и даже орочьи. Последние, кстати, казались наиболее действенными. Грубоватый, но прямой народ, орки признавали в отношениях с Нежитью только один аргумент — полное уничтожение — и потому не тратили время на всякое там отпугивание или сбивание со следа, ежели мертвяк, к примеру, увязался за тобой по лесной дороге. Только уничтожение.

Вскоре Фесс уже пытался выводить обобщённые формулы отражения, чем опять же немало удивил Тёмного — эта работа была проделана на кафедре давным-давно, зачем повторять старые зады?

Неясить лишь упрямо мотал головой. Он хотел до всего дойти сам. Память нуждалась в загрузке. Пустота вызывала порой самые настоящие головные боли. И особенно тяжело приходилось оттого, что пусто было там, где хранилась память о друзьях и близких. Фесс не знал, любил ли он кого-нибудь в прошлом, имел ли семью — а может, у него где-то остались даже и дети? От одной только мысли об этом он принимался скрипеть зубами.

Он не забыл и о своей заветной карте. Теперь на неё стали накладываться новые значки — Фесс скрупулезно отслеживал, где и как действовало какое за-

клятие, отражённое в тёмных хрониках. Центры Силы принимали всё более и более чёткое очертание.

Иногда Фесса так и подмывало плюнуть на всё и отправиться в Козьи горы — и всякий раз он осаживал себя. Ещё не время. Туда надо будет идти во всеоружии.

Мало-помалу ему удалось вычленить ещё один Центр — но при этом он оказывал влияние, похоже, только на тёмные заклęcia, например, посвящённые борьбе с Нежитью. Этот Центр располагался далеко на севере, на границе Железных гор и Вечного леса, и Неясыть дал себе клятву, что при первой же возможности отправится напрямик туда. Нечего даже и тратить время на всякие там Козьи горы.

Помимо изучения Нежити уже существующей, Тёмный мало-помалу подводил своего ученика и к заклęciaм более высокого ранга — о том, как создавать такую Нежить самому. Это знание оказалось весьма и весьма неприятным. Именно тут нужно было ритуальное мучительство порой совершенно невыносимого характера. Несмотря на всё хладнокровие Фесса, когда он читал описания пыток, что следует применить к котам и котяткам для вызова, например, *костяного дракона*, ему не раз становилось дурно, и он с трудом подавлял приступы тошноты. Сжигание живьём и кастрация были, пожалуй, самыми невинными из всего описанного арсенала.

Изучать всё это было противно, не изучать — глупо. Некоторые роды Нежити были чрезвычайно опасны, и, чтобы избавиться от таких, как раз и следовало применять подобные заклęcia. Одно из старинных наставлений простодушно советовало некроманту всегда иметь при себе пару-тройку котов — на всякий случай. Разумеется, лучше всего чёрных. Собаки для этих целей почему-то совсем не годились — быть может, их спасала врождённая преданность человеку?..

Пора уже было переходить от теории к практике, и тут Тёмный, ругая на все корки скупость ректората, вынужден бы сам играть роль оживляемого трупа, на-

кидывая на себя личину мертвеца. Надо сказать, получалось у него до ужаса похоже, так что Фесса не раз и не два пробирал мороз.

— И они ещё хотят от меня, чтобы из тебя получился классный некромант! — рычал Дазнур, в ярости пиная стулья. — Да какой же из тебя некромант, если мы не можем оживить даже самый паршивенький труп! Всё святые отцы наши, святоши жирные. Мол, не допустим осквернения священной обители знаний. А лекари, чтобы болезнь определить, между прочим, мочу да кал больного исследуют, и это почему-то осквернением не считается!..

Фесс только старательно прятал улыбку, слушая эти гневные филиппики.

Мало-помалу очередь дошла и до «Анналов Тьмы». И тут произошло странное.

— «Анналы Тьмы»... — с оттенком странной мечтательности говорил Дазнур, подняв голову и устремив взгляд странных жёлтых глаз в пространство. — Красивая сказка, легенда, сочинённая умными головами для того...

— Кем сочиненная? — неожиданно перебил своего учителя Неясыть-Фесс. Чутьё гончего пса, пусть даже многое и забывшего, давало о себе знать. Никогда ещё ему не приходилось слышать о сколько-нибудь организованном движении сторонников его нынешнего цвета. Школа Тьмы Салладорца была слаба, немногочисленна, почти тут же смята превосходящими силами Инквизиции, трактат «О сущности инобытия» говорил о вещах сугубо отвлечённых, не о борьбе за блага мира сего, но, напротив, о скорейшем из этого мира уходе. Так кто же и при каких обстоятельствах сочинил «Анналы Тьмы»?

Тёмный несколько мгновений безмолствовал, и это дало Фессу право задать ещё один вопрос, хотя ответ на него он знал и так:

— Неужели Эвенгар Салладорский?

— Да нет, конечно же, нет, — отмахнулся Дазнур. Фесса даже удивило, с какой легкостью декан факультета

тета малефицистики — то есть злоделания! — угодил в эту простенькую ловушку. Неправильный ответ подопечного означал необходимость дополнительных занятий. — Саладорец написал только одну книгу, свой трактат, стыдно не знать!.. «Анналы Тьмы» гораздо древнее, Неясыть. Их создавали вместе... мои сородичи и те люди, что верили, будто две наших расы смогут ужиться друг с другом. Они хотели создать то, что смогло бы объединить. Новую веру, нового бога, если угодно.

— Разве бога можно создать? — теперь уже неприглядно удивился Фесс. — Разве можно создать нечто могущественней тебя самого?

И вновь Даэнур задумался, словно взвешивая — можно или нет говорить дальше, хотя теперь это явно было уже совершенно бессмысленно.

— *Настоящего* — наверное, нет. Но ведь можно создать подобие, Фесс. Подобие, которое будет преподнесено простому народу, — а мудрые и посвященные станут управлять этой громадной куклой. Таково было намерение. И родились «Анналы» — вымышленная летопись деяний пантеона темных божеств. Уже тогда, пугая всех, на западе свила гнездо Тьма — но она была бездейтельна, как и положено Тьме, ведь рано или поздно всё и так вернется в её лоно, а понятие времени для неё не существует, поскольку никакого внутреннего движения не происходит, и, следовательно, нет промежутков, нуждающихся в измерении. Создатели «Анналов» опирались на реальность — но дальше... начинала работать их фантазия, Фесс. Они сделали очень многое — ведь подделка должна была быть неотличима и нераспознаваема. Кое-где они даже возвели храмы и спрятали сокровища... ну и так далее и тому подобное, чтобы никто не усомнился... — Темный усмехнулся. — Я не оцениваю сейчас сам план, скажу лишь, что даже на такой всеобъемлющей лжи ничего хорошего создать нельзя. План начал трещать по швам, люди и мои соплеменники всё больше думали о том, как бы вцепиться друг другу в глотку, чем о

примирении. Герои и искатели приключений хвастались друг перед другом людскими скальпами или же клыками дуоттов, как твои собраты прозвали нас, — но отнюдь не искали спрятанные авторами «Анналов» сокровища и не разгадывали таинственные пророчества на стенах древних храмов, что должны были уверить всех — люди с дуоттами должны жить вместе и сражаться против общего врага...

— Его бы тоже пришлось придумать? — поинтересовался Фесс.

— Разумеется, — хмуро кивнул Тёмный. — Но до этого дело не дошло. Первыми против нас поднялись эльфы, за ними гномы... ну, а под конец втянулись уже люди.

— Так, а что же с «Анналами»? — не отставал Фесс. Главным сейчас было не дать учителю ещё глубже нырнуть в воспоминания, посвящённые первым расколам и войнам.

— «Анналы» большей частью погибли во вспыхнувшей тогда распре. Городов здесь было куда меньше, да и строили их в основном из дерева, а магия ещё не достигла такого расцвета, что могла бы гасить лютый пожар в зародыше, как сейчас. Несколько копий, неполных и попорченных огнём, попало в руки эльфам. Но длинноухие, — Дазнур использовал презрительное прозвище Перворожденных¹, — прочитав свитки, переполошились, решив, что всё в них сказанное — истина и что следует ожидать прихода Тёмных Легионов, которые сметут всё и вся. От эльфов «Анналы» перекочевали к людям; а ректоры сей Академии потратили невероятное количество золота, охотясь за различными списками. Грозные пророчества, изложенные в «Анналах», так их захватили, что они даже не дали себе труда как следует всё проверить.

¹ Кто, как, когда и почему назвал эльфов Перворожденными, сейчас уже не выяснить. Тем более что в описываемый мир они попали точно так же, как и все прочие его обитатели. Но гордились этим наименованием эльфы чрезвычайно, что, случалось, приводило даже к войнам.

— Так что же, — удивился Фесс, — они и сейчас твёрдо верят во всё это? Не сказал бы я, что тот же ректор похож на дурачка...

— Ректор, конечно, отнюдь не дурачок, — со вздохом ответил Дазнур. — Как маг, например, он куда сильнее меня. Но, видишь ли, Неясыть, есть мифы, в которые людям очень сильно хочется верить. Хочется настолько сильно, что даже у лучших темнеет в глазах, и они не ставят под сомнение изложенные в таких мифах «факты». Тем более что, не забывая, «Анналы» как раз и писались с такой целью — внушить всем страх и почтение. И среди их создателей были истинные мастера. Поэтому «Анналы Тьмы» до сих пор в таком фаворе. Их изучают, их разыскивают, ведут кропотливейшую работу по сличению разных списков, сравнивают всё — стиль изложения, качество материала, даже почерк писца! А за столько лет в свитках, конечно же, накопилось ошибок и разночтений, что только усиливает впечатление подлинности. Добавь к этому, что кое-какие пророчества и в самом деле исполнились — точнее, сам текст был настолько туманен, что люди домыслили всё необходимое. И теперь уже ни один из серьезных магов не сомневается, что Войны Быка и Волка были целиком и полностью предсказаны в «Анналах». Неудивительно, что они там предсказаны — ибо как раз от таких вот войн создатели «Анналов» и хотели уберечь мир! А чтобы всё это выглядело ещё более убедительно, создатели «Анналов» вплели в них жуткую легенду о Разрушителе, о том, как Дитя Тьмы огнём и мечом пройдёт по всем восточным землям, обратив их в пустыню, после чего само время остановит течение своё... Страшноватая сказка, но — не более чем сказка, Неясыть. Так что Белый Совет до сих пор свято верит в истинность «Анналов», дорогой мой ученик. Как это ни удивительно... — закончил Дазнур.

— Наставник, а вы не пытались...

— Разубедить ректора и его соратников? Конечно, пытался. Глупо бояться каких-то призраков и только

поэтому отказывать моему факультету во всём. Говорил многократно, но... Они не поверили.

— Разве было нечем доказать? — спросил Фесс.

— Разумеется, Неясыть. Что я мог им сказать? Как ты объяснишь людям, что на самом деле солнце встаёт на западе, а заходит на востоке, а всё, что они видят, — хитрым образом наведённая стойкая иллюзия?

— Можно рассеять чары... — предположил Фесс.

— А тебе возражат — ты нас обманываешь, это ты наложил свои, — возразил Тёмный. — Но это только в том случае, если ты и впрямь можешь *рассеять* чары, Неясыть. Но что делать, если ты их рассеять не можешь? «Анналы» писались мастерами своего дела. Многие предсказания сбылись не только в силу туманности текста и стремления людей обмануться. Кое-что было предугадано верно — крах древнего Эбина, возвышение Кинта Дальнего... Так что теперь мне просто не с чем представать перед Советом.

— Значит, надо просто найти доказательства! — предложил Фесс.

— Легко сказать! — проворчал Тёмный. — Я сам об этом знаю лишь потому, что моим первым наставником был один из тех, что создавал эти «Анналы». На смертном одре, когда даже вся его великая магия не могла более поддержать жизнь в его брэнном теле, он передал мне это знание. Передал, подтвердив страшной клятвой моего народа, клятвой, которую не нарушил за все долгие века ни один дуотт.

— А ваш благородный наставник... он не мог ошибаться? — осторожно предположил Фесс.

— Не мог, — отрезал Тёмный, и в жёлтых глазах сверкнул гнев. — Потому что клятва...

— А искренне заблуждаться — тоже не мог? — продолжал настаивать Неясыть.

— Будучи одним из создателей? — попытался парировать Тёмный.

— Именно потому, что он был из создателей! — с нажимом сказал Фесс.

— Ну-ка, ну-ка, объясни! — потребовал Даэнур.

— Они были уверены, что всё ими создаваемое не имеет ничего общего с тем, что происходит — или будет происходить — на самом деле?

— Почему тебе приходит такое в голову? — возмущился декан.

— Потому что нельзя упускать ни одной возможности подвергнуть догму сомнению, — отпаривовал Фесс. — Ваши ведь слова, наставник.

— Гм... мои, да, — признался Даэнур. — Но ведь нельзя же...

— Почему? — негромко возразил Фесс. — Я ведь ничего не знаю об «Анналах». Я просто не хочу брать что-то вслепую. Вы говорите, что это была просто... просто мистификация, я верю, но вы же сами учили меня ничего на веру не принимать! За каждым закланием, каждым случаем *умиротворения* стоит документ, факт, хроника, истинные «Анналы Тьмы», как я бы сказал. Всё можно пощупать, проверить и перепроверить по перекрёстным ссылкам. И никаких клятв. Ни от кого. И тут...

— А, понял, — уже более спокойно откликнулся Тёмный, — игра ума. Ты предлагаешь диспут?

Неясыть помолчал. В общем, Даэнур был прав — Неясыть затеял спор чисто из чувства противоречия, — но одним только диспутом ради диспута здесь дело обойтись не могло. Чутьё подсказывало Фессу, что опытные, бывалые маги, такие как милорд ректор, столько столетий, да что там столетий! — тысячелетий! — пребывали в полном заблуждении относительно «Анналов». В конце концов, разве не могли они добраться до остатков сородичей Даэнура?

— Нет, учитель, — Фесс покачал головой. — Тут спорить не о чем. Я совсем не хотел подвергать сомнению утверждения вашего наставника или что-то ещё. Я просто хочу, чтобы между нами не было умолчаний. «Анналы Тьмы» ведь не содержат прописей или магических рецептов?

— Не содержат, — кивнул Тёмный. — Только пророчества и легенды.

— Вот именно. Я их, конечно, прочту... но ведь для каждодневной работы они не так уж нужны?

— Ты прав. Но это квинтэссенция Духа Тьмы!

— Созданная для того, чтобы вводить в заблуждение простаков?

— Не вводить в заблуждение, Неясыть. Убеждать. А для этого как раз и надо было написать самое убедительное изложение Духа, какое только возможно, лишь слегка замаскировав его под легенды.

Фесс пожал плечами.

— Хорошо, Дазнур. Я понял. Вы дадите их мне, учитель?

— Возьми сам в библиотеке, — с неожиданной сухостью сказал декан. — А когда прочтёшь, расскажи мне, что ты об этом думаешь... Пусть это станет твоим заданием на лето. — Тёмный резко дёрнул головой, изображая прощальный поклон.

Фесс в свою очередь поклонился, пряча улыбку. Наставник просто вне себя из-за его недоверия. *«И в самом деле, чего я так взъелся на эти «Анналы»? Какое мне, в сущности, дело, подлинные они или мнимые? Мне надо просто выбраться отсюда; а кто ж ищет способы подобного бегства в книгах, которые даже твой наставник называет подделками?»*

«Анналы» он, конечно, взял — нарочно выбрав среди нескольких десятков копий самую расхожую и распространённую. Раскрыл — и тотчас же утонул в хитросплетениях древнего языка, умопомрачительных многокоренных словах, с пятью-шестью слоями смысла, и передать всё это обыденной речью было почти невозможно. Фразы сплетались, слова перескакивали из одной в другую, так что было не разобрать, куда следует отнести то или иное слово. Промучившись до самого заката, Неясыть бросил это занятие, решив вернуться к нему, что называется, на свежую голову.

Однако выспаться как следует ему не удалось. Едва закрыв глаза, он вновь провалился во власть видений, ярких и сочных, порой казавшихся куда реальнее обычного дневного мира. Фесс вновь видел себя на высо-

ком берегу Тёмной реки, и вновь по самому краю обрыва к нему шли полуэльф с Бахмутом.

На самом же деле эта парочка не осталась в Академии на лето, бастард, как видно, получал достаточно на карманные расходы, поскольку нанял в порту лёгкий и быстрый двухмачтовый бриг. Они с Бахмутом были на нём единственными пассажирами. Неясыть стал свидетелем этой сцены случайно, во время одной из своих редких вылазок в город, когда смутная тоска неожиданно погнала его к морю — отчего-то захотелось взглянуть на бескрайнюю голубизну и бирюзовый простор.

Интересно, как могло такое получиться? Фесс давно не верил в совпадения, Неясыть — тем более. Или они *хотели* убедить его в своём отсутствии?.. Кто знает!..

...Впрочем, здесь, во сне, они вновь стали пугающе реальны. Хотя оружия — по крайней мере на виду — ни у кого из них не было.

— Привет, Неясыть, — вполне дружелюбно поздоровался полуэльф, правда, руки так и не протянул. — Поздравляю, на экзамене ты был неподражаем.

— Мы здесь, чтобы обмениваться комплиментами? — парировал Фесс. — Говори, зачем пришёл.

— Ты помнишь, что мы хотели от тебя в прошлый раз? — вступил в разговор Бахмут. — Мечи, Неясыть... нам нужны Мечи. Алмазный и Деревянный, Иммельс-торн и Драгнир!..

— У меня хорошая память, хоть и несколько короткая, — холодно отрезал Фесс. — Мне эти названия ничего не говорят. Ни о каких Мечах никогда не слышал, да и как это можно, чтобы меч был алмазным! Деревянным ещё куда ни шло — вон, у каждого мальчишки!..

В лице полуэльфа сверкнул гнев.

— Хватит! — яростно прошипел Эвенстайн. — Не хочешь по-хорошему — будем по-плохому! Смотри, пожалеешь!..

— Пытать станете? — хладнокровно поинтересо-

вался Неясыть. Былое умение так и не возвратилось, но и сохранившегося вкупе с приобретенными магическими способностями должно было хватить для отпора.

— Пытать? Нет, — внезапно рассмеялся Бахмут, делая шаг вперёд. Мы обратимся к тебе с *заказом*.

— Это как? — невольно удивился Фесс.

Полуэльф несколько мгновений вопросительно глядел на Бахмута, затем неожиданно кивнул и повернулся к Неясыти.

— Очень просто. Мы даём тебе заказ как магу и некроманту, пусть даже ещё без посоха, — отыскать для нас два интересующих нас Меча. Вот и всё. Награда по твоему выбору. Золото, или власть, или...

— Но почему бы вам не взяться за это дело самим? — с невинным выражением спросил Фесс. — Судя по всему, золота у вас куры не клюют. Так в чём дело?

Казалось, полуэльф с трудом сдерживает ярость. Кулаки его сжались, на высоких изящных скулах набухли желваки.

— Если бы мы *могли*... — прошипел он, — если бы мы могли, клянусь, не стали бы терять время на разговоры с тобой!

— погоди, брат, — вступил Бахмут. — Наш друг, наверное, имеет веские причины отмалчиваться. Но мы повторяем, Неясыть, — отыщи Мечи. Принеси их нам. И награда будет такой, что тебе и не снилась! Смотри — вот задаток. — Бахмут прищелкнул пальцами.

— Туда, туда смотри! — толкнул Фесса в бок полуэльф.

Тёмная река внезапно подёрнулась стремительно набежавшей рябью, заколыхалась чёрная вода, заколыхался, словно мираж, противоположный берег, и в следующий миг глазам Фесса предстал сам Ордос, точнее, его старые окраины, где на высоко взлетевшей над морем скале виднелись красные черепичные крыши древнего монастыря.

Картина продолжала развёртываться, и вот Не-

ясыть уже разглядел чёрную дыру входа в катакомбы, притаившуюся среди буйно разросшихся кустов, низкие полуобвалившиеся арки подземного коридора, серый полусвет, поворот направо, второй поворот, третий — всё только направо! — и вот наконец тупик. Медленно падает камень, открывая нишу в стене, доверху набитую неестественно ярко блестящим золотом.

— Всё это твое. Задаток, — повторил Бахмут. — Бери его себе. Потом начинай действовать. Найди Мечи, слышишь? И, как только тебе это удастся, мы сами отыщем тебя.

— Если бы мы могли сказать тебе больше... — с неприкрытым гневом бросил Эвенстайн.

— Так скажите! — потребовал Фесс. — Хватит недомолвок и увёрток! Вам нужны эти Мечи — отлично. Золото — тоже неплохо. А рассказать, где эти Мечи были созданы, кем и для чего, да и вообще — какое я имею к ним отношение?

Даже по лицу сдержанного Бахмута прошла гримаса злобы. Полуэльф же просто взорвался:

— Почему? Почему мы молчим? Да потому, что не хотим гибели этого мира!

— Разве слова могут погубить мир? — насмешливо прищурился Фесс. — Не знаю почему, но, по-моему, такими словами всегда прикрываются не слишком-то благовидные делишки.

— Ах ты!.. — взъярился Эвенстайн, и Бахмуту пришлось перехватить уже занесённую для удара руку.

— На западе этого мира — Тьма, — отдельно произнёс конопатый. — И путы, сковывающие её, слабы, как никогда. Мы полагаем — именно Мечи, появившись здесь, ослабили барьеры. Ты связан с этими Мечами, Неясыть, мы знаем, что ты — *извне*, хотя и не добрались до твоего настоящего имени, столь тщательно тобой скрываемого, или же твоего прошлого...

— Ты принёс сюда Мечи, а теперь отпираешься! — злобно бросил полуэльф.

— погоди, брат. Не стоит давать слишком много

воли языку. Всё ещё можно наладить, правда ведь, Не-
ясыть?

— А если я найду эти самые Мечи, хотя и не пони-
маю, о чём вы говорите, — медленно сказал Фесс, —
если найду, то не продешевлю ли я, получив за них
всего-то навсего золото? За него можно купить далеко
не всё...

— Что же, например? — надменно осведомился
полуэльф.

— Весь этот мир, в частности, — скромно отозвал-
ся Неясыть.

— Весь этот мир? — оторопело повторил Эвенс-
тайн.

— Весь этот мир — в обмен на Мечи, — подтвер-
дил Фесс.

— Да ты совсем ума лишился! — завопил полу-
эльф, и вновь ему на плечо легла рука Бахмута.

— Думаю, надо согласиться. Ему хочется этот
мир — пусть берёт. Если сможет.

— Не-ет, так дело не пойдёт, — заупрямился
Фесс. — Я сказал — весь этот мир, власть над ним, без
остатка!

— Какое глупое требование! — фыркнул полу-
эльф. — Заговорщики прирежут тебя через полгода, и
этим всё кончится.

— Ну, с ними я уж как-нибудь постараюсь упра-
виться, — скромно заметил Неясыть. — Ну что, по
рукам?

— По рукам, — решительно сказал Бахмут.

— По рукам, — нехотя кивнул Эвенстайн.

Видение прервалось в тот же миг. Фесс открыл
глаза. Он лежал в своей постели; всё, случившееся во
сне, он помнил до мельчайшей детали.

*«Итак, Эвенстайн и Бахмут. Точнее, некто под их
личинами. Могущественны — или, по крайней мере, вы-
дают себя за таковых — и мечтают получить какие-то
там Мечи, о которых я что-то якобы должен знать.
И опять туманные слова, недомолвки, ссылки на какую-
то там Тьму... Вздор и чепуха. Могли бы сказать про-*

сто — парень, мы всё про тебя знаем, тебя зовут так-то и так-то, ты родом оттуда-то и оттуда-то, если пикнешь — раздавим одним пальцем; подавай сюда Мечи!»

Не сказали. Не сделали. Почему? Он дурачил их, он водил их за нос, притворяясь, будто ему и впрямь донельзя нужна власть над этим миром — а они что, так безоговорочно верили? Верили той чуши, которую он нёс? Они заключили «договор»... Без всяких гра-мот, на словах, и никто не может подтвердить, что он, Фесс, получил бы всё положенное, случись ему — в порядке бреда — и в самом деле отдать странным гос-тям эти самые Мечи.

Ерунда. Кем бы ни были эти двое — они или глуп-цы... или чрезвычайно хитры. Небось хотят посмот-реть, что я стану делать дальше...

«А вот ничего не стану! — неожиданно для самого себя подумал Фесс. — Ничего не стану делать, и золо-та вашего я тоже не возьму. Задаток не получен — за-каз не принят. Передумал. Не согласен. Извиняйте, господа хорошие. В другой раз. С кем-нибудь другим».

Но всё-таки — Мечи, Мечи, Мечи... Неясыть-Фесс твёрдо помнил каждый свой день здесь — с того мига, как очнулся в самом сердце свирепой полярной мете-ли на Северном Клыке. Никаких Мечей с ним не бы-ло. Он оказался там голый, без какого бы то ни было скарба — и потом, живя у Парри, Неясыть ни разу не видел ничего хотя бы отдалённо похожего на эти Мечи.

Но если полуэльф с Бахмутом так настаивают, то... Стоп, предположим — Мечи у меня и в самом деле были, но я сперва их спрятал, а уж потом постучался в дверь Парри. Но тогда их нечего даже искать — откуда я появился здесь, известно многим в Академии, ста-рик чародей из дозорной башни получил вождеден-ный перевод в Семиградье... Казалось бы, чего про-ще — на Северном Клыке сейчас лето, пусть даже ко-роткое и более чем прохладное, но снег сошёл, тундра расцвела — ищи не хочу.

А может — вдруг мелькнула мысль, — всё так и

было? И они уже искали на Северном Клыке, общались всё вдоль моего пути в Академию и, лишь потерпев полное фиаско, решили обратиться ко мне? Вполне возможно... Даже наверняка — чем они занимались целый год, хотел бы я знать?

А ещё недурно было бы узнать, *кто* скрывается за этими масками. Маги Академии — напрашивается само собой и уже потому, наверное, не соответствует действительности. Кто-нибудь из Империи Клешной, или с загадочного Утонувшего Краба, или из ещё более загадочного Храма на восточных равнинах?

Ответов не было. И никто, кроме самого Фесса, не мог их отыскать.

Не сказав ничего Даэнуру, вечером следующего дня Неясыть пошёл в монастырские катакомбы.

До этого он долго кружил по городу, стараясь определить, не следят ли за ним; потом, правда, бросил это занятие — милорд ректор мог видеть всё происходящее на улицах Ордоса, не выходя из собственного кабинета, так что таиться смысла не было.

Дыра располагалась именно там, где он её и ожидал найти. По крайней мере в этом видение оказалось правдиво. Не зажигая факела, довольствуясь лишь обычным некромантовым *тёмным зраком*, Фесс двинулся вглубь по низкому, грозящему вот-вот обрушиться ходу.

Первый поворот направо.

В катакомбах было пусто, грязно и тихо. И очень сухо. Сапоги Фесса оставляли прекрасно заметные следы в скопившейся на полу пыли и мелком песке. Не забыть на обратном пути как следует заровнять всё заклятием, напомнил себе Фесс.

Второй поворот.

Неясыть резко остановился на самой развилке. Дальше начиналось подземное кладбище, он явственно ощущал замурованные в стенных нишах костяки; мёртвых было много, коридор тянулся на десятки шагов... Плохо, подумал Неясыть. Конечно, в Ордосе для некроманта нет работы, все кладбища и могильники

здесь *спокойные*, скелеты мирно спят в ожидании последнего часа этого мира и нового пришествия Спасителя, что вырвет их из оков Смерти, но... лучше всё-таки не рисковать.

Фесс прошептал несколько слов, скрестив руки перед грудью. Незатейливое заклятие из тех, что начинающие умиротворители Нежити учат на самых первых занятиях. Если это ловушка, то...

Ничего. Ни стоны, ни скрежета, ни отвратительно-го скрипа костей. Ничего. Тишина. Даже крыс здесь, похоже, не водится.

Фесс осторожно ступил в проход. Некроманту следует сохранять бдительность, даже если он идёт по самому что ни на есть архимирному месту последнего упокоения. Потому что мёртвые, как известно, некромантов очень не любят — и вчера ещё спокойное кладбище может в одночасье взорваться.

Нет, всё тихо. Мёртвые спят. Ни один из них не приоткрыл своих незримых глаз, чтобы полюбопытствовать — кто же это тревожит их покой?

Фесс благополучно миновал и этот коридор. За его спиной осталось почти две сотни мертвецов за нетолстыми глиняными стенками погребальных ниш. Ни одного имени, ни одного знака — только гладкая поверхность затвердевшей глины. Интересно, что за странный обычай хоронить?..

Третий поворот. И тут уже Фесс понял, что остановился надолго.

Третий коридор оказался совсем коротким. Однако то, что Фесс увидел в нём, донельзя ему не понравилось.

Здесь жгли костёр, и притом совсем недавно. Здесь заживо сжигали кошек — обугленные кости валялись в остывшей золе. Но, во имя великой Тьмы, устроившие всё это, что, прилетели по воздуху?! Почему нигде нет никаких следов? Или они тоже применяли отводящую глаза магию, да притом такого уровня, что он, Фесс, почувствовать её никак не сможет, сколько бы ни пытался?..

Не двигаясь, он тщательно осмотрел крохотный закуток. Потолок тут... какой-то странный. Уж не скрыта ли там горловина потайного хода?

Нет, как бы то ни было, дальше он не пойдёт. Это пахнет засадой и западнёй.

Фесс застыл, вслушиваясь и всматриваясь. Ничего. Странная даже для заброшенного подземелья тишина. Ни летучих мышей, ни жаб, ни ящериц, спасающихся в холодке от дневного зноя. Бродячие собаки и те не оставили тут никаких следов. А ведь вход в катакомбы замаскирован вовсе не так тщательно!

Ловушка, подумал Фесс, делая осторожный шаг назад. Да ещё и эти кости... Он знал этот жутковатый и жестокий обряд, когда требовалось сжечь живём шесть чёрных кошек, лучше — беременных. Или одну кошку и пятерых ее котят — сначала котят, потом их мать. Из этого мучительства можно было выкачать не малую силу — знать бы теперь, на что она пошла...

Осторожно, стараясь не касаться стен, Фесс вновь подался вперёд, пытаясь как следует разглядеть потолок подземной каморки. Так и есть — вот они, швы. И даже не слишком старательно запряты. Совершавшие обряд могли и не идти через коридор с мертвецами, но в таком случае всё равно обязаны были оставить следы на полу. А если они воспользовались магией, почему по завершении обряда не уничтожили вообще все до единого следы своего пребывания здесь?

Ответов не было. А одним из первых законов чёрного волшебства было: «Не угоди в ловушку Светлых!»

Помедлив, Неясыть осторожно двинулся прочь. Сюда лучше вернуться с учителем. Нет смысла отмалчиваться. Пусть мальчишки кичатся своей храбростью и теряют головы на ровном месте...

Однако эти очень разумные соображения помогали мало. Глухая стена тупика притягивала Фесса с неодолимой силой. Неужели он вот так и уйдет? А что, если оставленные здесь кости — явный знак, что тут действуют и другие, посвящённые в тайны Тёмного чародейства, и что, если их умения хватит не только

свершить обряд, но и вскрыть стену, за которой — клад?

Фесс остановился. Нет, кости костями, но выяснить, есть ли в стене золото, он просто обязан. И совсем не обязательно при этом пользоваться ломом с кувалдой!

Неясыть остановился на пороге каморки. Сошурившись, напряг глаза до предела. Тёмное Зрение, одно из первых умений чёрного мага, послушно явило во всех деталях поверхность каменной стены. Прямо посреди Фесс увидел гладкую глиняную заплату, точь-в-точь такую же, как и на могильных нишах в оставшемся позади него коридоре.

Неясыть похолодел. Нет, это уж слишком. Просто какая-то игра в поддавки. Он ожидал долгих поисков заветного места, а тут... Да он на месте побывавших здесь первым делом вскрыл бы тайник!..

Или они решили, что здесь просто ещё одна погребальная ниша, где нет ничего, кроме костей?.. Может быть, и так... На всякий случай Фесс решил произвести все необходимые при вскрытии могилы манипуляции — превратить это кладбище в *беспокойное* ему отнюдь не улыбалось.

Руки сами проделали все потребные жесты, застывая в чётко фиксированных позициях; капли эликсира растекались по лезвию ритуального серебряного кинжала — тупого, как и положено при схватке с бестелесным врагом, стражем могилы. Эликсир Фесс варил сам, и это была первая партия, признанная Тёмным пригодной для дела. Остро пахнущие кислым капли растекались по металлу сплошной неразрывной плёнкой, покрывая рельефные изображения шести персонификаций Тёмных Сил — Зенда и Дарра изображены были в виде обнажённых красавиц, застывших в весьма соблазнительных позах, Аххи почему-то представлялся в виде покрытого чешуёй спрута, Сиррин — громадной птицей, у которой вместо головы был нагой человеческий череп, Шаадан имел облик слона о трех хоботах и, наконец, Уккарон, хозяин Чёрной

Ямы, представал на ритуальном кинжале в виде клубистого облака с громадной пастью. Каждый из этих символов отражал какую-то из сторон присущей им Силы; и, конечно же, не имел ничего общего с подлинным обликом Сущностей.

Когда тёмная пленка полностью покрыла клинок, Фессу показалось, что изображения ожили: Зенда вызывающе подмигнула и ещё больше отставила зад, Аххи пошевелил щупальцами, Уккарон лязгнул зубами. Это было хорошо, это означало, что связь с Тёмной Стороной установлена, и Фесс может воспользоваться заёмной силой — дабы не давать лишних поводов к волнению милорду ректору, бдительно следившему за каждым проявлением собственной силы молодых аколитов.

— *Zjyndŭ, Ÿzægŭŭŭ, Għhë!* — зашептал Фесс, вперя взгляд в изображения на ритуальном кинжале. — *Shvŭŕgŭpn!* — Серебряное лезвие дрогнуло, очертания его стали расплываться, вперёд, к противоположной стене, потянулся призрачный двойник клинка, с каждым мгновением увеличиваясь в длине.

— *Nŭllme!* — обратился Фесс к окаменевшей глине. И продолжал шептать слова на древнем языке Ночи, языке, созданном великими чародеями прежде, чем соединённые рати Света одержали свою первую решительную победу. Год 112 до Пришествия, 1 января, Кинт Ближний, Аррасская равнина, излюбленное место ратоборцев всех времён и народов.

Прозрачный сероватый меч, выраставший из руки Фесса, коснулся глиняной заплаты, и она немедленно пошла трещинами. Куски её неправдоподобно медленно падали на пол, оставляя за собой в воздухе тонкие следы пыли. Фесс вперил взор в открывшуюся щель — показались, как он и предвидел, желтоватые кости. Значит, всё-таки могила...

А в следующий миг из трещины прямо на пол, на обугленные кошачьи останки хлынул поток весёлого яркого золота.

Древние монеты и небольшие слитки с клеймом

давным-давно сгинувшей старой Империи, жалкий остаток которой со столицей в Эбине всё ещё тщился представить всё так, будто дни величия вот-вот вернутся.

Неясыть молча стоял, глядя на поток драгоценностей. Судя по всему, здесь их хватит, чтобы купить весь Ордос, да ещё — на сдачу — прихватить заодно и все герцогства Изгиба. Эвенстайн и Бахмут — или кто на самом деле скрывался под этими масками — предложили поистине царский аванс.

И тем не менее Неясыть не нагнулся. Его руки так и не коснулись сокровища. Он лишь вытер проступивший пот, присел на корточки и неспешно, постоянно останавливаясь и проверяя себя, принялся плести заклятие, что смогло бы восстановить здесь всё, как было. Заклятие это изучали только на старших курсах, однако Фесс, движимый каким-то наитием, упросил Тёмного объяснить ему это пораньше. Заклятие восстановления обошлось Фессу в три дополнительных цикла лекций с упражнениями, но результат того стоил. Не пошевелив пальцами, Неясыть заставил всё золото вновь убраться в развороченную могилу, заделал трещину в глине. Когда он двинулся прочь, ничто в склепе не напоминало о его пребывании здесь.

Кроме, конечно, памяти стража могилы, но у кого дойдут руки его допрашивать!..

Итак, Бахмут с полуэльфом не лгали. Золото — вот оно, только протяни руку. Интересно, если эти Мечи имеют столь высокую ценность, то почему бы ему, Фессу, не прибрать их к рукам самому? Неужто его работодателям не приходила в голову подобная возможность? Или они — те самые загадочные «маски» — настолько презирают ничтожного смертного, что считают: он с лёгкостью заглотнёт любой крючок, стоит только поманить его золотым блеском? Непонятно. А в таком положении волей-неволей инициативу следует предоставить противнику. И тем самым, увы, отдать ему и преимущество первого удара.

Фесс незамеченным, как ему казалось, выбрался

из катакомб. Уже наступила ночь, он провёл под землёй куда больше времени, чем рассчитывал, — обычное дело, когда пускаешь в ход сильную магию.

Распахнув плащ и подставив прохладному ночному ветру мокрую от пота грудь, он брёл по узким улочкам старого Ордоса. Город отнюдь не собирался спать. Давно утихли весенние штормы в Море Призраков, от берегов Мекампа и Салладора тянулись вереницы пущатых купеческих кораблей, другие поднимались с юга, от Кинтских Врат, третьи шли с запада, из Кинта Дальнего и Семиградья.

Трактиры и таверны были открыты всю ночь до рассвета. Пользуясь негласным противостоянием Академии и Святой Инквизиции, в Ордос стекались десятки и сотни жриц уличной любви, они бежали от угрозы костра или верёвки за занятие своим промыслом. Городские старшины Ордоса не препятствовали. Дело что хочешь, только плати налог. И девушки платили — потому что лучше расстаться с третью заработка, чем оказаться подвешенной вверх ногами над медленным огнём — так обычно расправлялись с гулящими девицами, например, в Области Святого Престола. Не лучше обстояло дело и в Эгесте, и в Империи Эбин — всюду, куда сумела протянуть свои цепкие лапы Святая Инквизиция.

В сумерках никто не замечал чёрного браслета на запястье Фесса, тёмные же плащи в Ордосе, само собой, носили многие; понятно, что девушки, видя прилично одетого молодого человека, не отличавшегося уродством, слетались к нему, точно мухи на мёд.

— Эй, красавчик, не прогуляешься со мной?..

Перед Фессом возникла совсем ещё юная девчонка, вызывающе и ярко накрашенная. Низкий вырез платья обнажал значительную часть красивой и соразмерной груди.

Фесс невольно замедлил шаги. Академия там не Академия — ему было отнюдь не сто лет, и старческим бессилием он не страдал.

— Ну так что, красавчик, а? — Девушка с вызовом подбоченилась.

Она была хороша. Мягкий овал лица, выгнутые дуги бровей, задорный, отнюдь не портящий её курносый нос... Однако от неё пахло дорогими благовониями, и Неясыть тотчас же насторожился. Откуда у уличной девицы такие деньги? Богатых клиентов в переулке не ловят. Почтенные негоцианты посещают благоустроенные роскошные бордели. Но эта девчонка, несмотря на чисто вымытые волосы и блестящие здоровые зубы, отнюдь не походила на обитательницу подобного заведения. Зверь внутри Фесса подобрался, почуяв неладное.

— А дорого ль возьмёшь? — поинтересовался он, глядя как бы ей в глаза, но в то же время стараясь рассмотреть, что происходит в глубине полутёмного проулка — они с девицей стояли как раз под фонарём.

— Два цехина за любовь да цехин на булавки, — хихикнула она, хватая Фесса за плащ и чуть ли не повисая на нём. — Что, красавчик, денег стало жалко? Иль к жене идёшь? Брось, я тебя лучше любой жены ублажу.

Во мраке шевельнулась какая-то тень. В следующий миг Фесс разглядел пару согнутых фигур, крадущихся вдоль стены. В руке у каждого было по кривому матросскому ножу.

Вместо ответа Фесс поддёрнул плащ, явив взорам девицы чёрный браслет.

— Ой! — Девчонка прикрыла рот ладошкой. Глаза ее округлились.

— Скажи своим ребятам, чтобы поискали себе другую добычу, — мягко сказал Фесс. — Я вам не по зубам, красавица.

— К-каким ребятам?.. — пролепетала она, и в голосе её Фесс почувствовал неподдельный, животный ужас. Или она — превосходная актриса, или...

— Эй, вы, там — назад! — гаркнул Фесс, поднимая левую руку. — Или глаз лишились?

Чёрный браслет блеснул в лучах качающегося над

головами фонаря. Простой чёрный браслет, но в Ор-досе слишком хорошо знали, кто имеет на него право. Правда, разбойники тоже оказались не робкого десятка. Какое-то время они колебались. Наконец старший невнятно выругался, и пара, повернувшись, скрылась в каком-то глухом дворе.

Дрожащая девушка крепко прижалась к Фессу.

— Спасибо, что прогнал их... Что ты им показал, браслет? Ты из Академии?

Фесс молча кивнул.

— С факультета малефицистики, — зачем-то добавил он, хотя в этом не было никакой нужды — девчонка с ещё большим страхом воззрилась на чёрное кольцо, что охватывало его запястье.

— Т-ты... ты-ы-ы... чёрный маг?! — Она готова была вот-вот броситься наутёк.

— Ученик, — мягко произнёс Фесс. В этот миг ему больше всего хотелось, чтобы она осталась. Он внезапно понял, как же устал от почти полугодовой немоты, когда перекинуться словом он мог только с собственным деканом. — Всего лишь ученик.

— Так это про тебя говорили, что ты впервые за столько лет отдал свой шар Тёмному? — Любопытство брало верх над страхом. И это тоже было непонятно.

— Про меня, — кивнул Фесс. — А тебя как зовут?

— Атлика. — Она всё ещё не отпускала его плаща. И назвала своё имя, прежде чем успела испуганно зажать себе рот.

— Не бойся, — сказал Фесс. — Я тебе ничего не сделаю... — Фраза была донельзя банальной, но, увы, ничего лучше в тот миг ему не придумалось. Глаза слишком уж упорно норовили заглянуть поглубже в вырез её платья.

— Н-ну... я... пойду, а? — робко проговорила она, отпуская наконец его и медленно пятясь.

— А как же два цехина за любовь да ещё один на булавки? — вырвалось у него помимо собственной воли.

Она только помотала головой.

— Н-нет... не надо... прости... боюсь...

— Ну, хорошо. — Он понимал, что она сейчас без памяти кинется бежать, оглашая всю улицу истошным визгом. Любопытство исчезло, как сдунутое ветром. — А хотя бы поговорить с тобой можно? Прямо здесь?

— О... о чём? — На её щеках бледность стремительно пробивалась даже сквозь слой румян.

— Ну хотя бы о том, откуда ты родом и почему так меня боишься. Я б тебя позвал посидеть в каком-нибудь кабаке, да только со мной тебя там не обслужат. — Он неуклюже попытался шутить. — Не бойся, денег не потеряешь. — Он протянул ей три золотых монеты. Их у него скопилось не так уж и мало — кормили в Академии, а на что ему ещё было тратить деньги? — Ну, неужто ты думаешь, что здесь, в Ордосе, Светлые маги позволят мне совершить какое-нибудь злодеяние?..

— Ну, положим, разбойникам-то они не слишком мешают, — заметила Атлика. Голос её уже не дрожал.

— Тогда постоим прямо здесь, — предложил Фесс. — Да на, возьми же наконец деньги!.. — Он чуть ли не силой впихнул три нагревшиеся от его ладони монеты в мокрый от пота её кулачок. — А то что это такое, даже поболтать не с кем, вот ведь какая история. — Фесс продолжал говорить, слова сейчас ничего не значили, самым важным было погасить её страх. — Сидишь за книгами, сидишь... света белого не видишь.

Она несмело улыбнулась.

— Да разве Тёмному магу положено белый свет видеть?

— Тёмному магу всё положено, — сказал он наставительно. — В том числе и про тебя всё знать.

— А сам ты откуда? Говор у тебя странный...

— Далеко. С Северного Клыка. Слышала о таком?

— Да разве там люди живут? — удивилась она.

— Как видишь... — Фесс пожал плечами.

Так, мало-помалу, они разговорились, прямо в ночном переулке, под раскачивающимся на цепи масляным фонарём — магических светильников хватало только на самые богатые улицы города.

...Атлика была родом из Аркина. Не чинясь, девушка с внезапной откровенностью рассказала, как впала в бедность семья, как отец вернулся инвалидом после карательного похода против каких-то еретиков в Эгесте, как билась мать, тща прокормить беспомощного мужа и детей, как она что было сил толкала старшую дочь сделаться послушницей, Спасителевой невестой — семья таковой получала от Святого Престола хоть и маленькую, но пенсию.

— А почему же ты не захотела?

— Что я в этой обители не видала? — Атлика презрительно повела плечиком. — Чтобы всё это отцы-инквизиторы лапали? — Она провела ладонями по груди, платье туго натянулось, и Фесс невольно сглотнул. — Ну их, терпеть не могу. Вот и решила... Подёщицей работать или там в прислугу — нет, не для меня. Сперва, — она усмехнулась, — хотела к разбойникам податься. Да только спасибо умным людям, объяснили, для чего я им только нужна и буду. Нет уж. Лучше я вот так. Да и кроме того, — она посмотрела на Фесса с открытым вызовом, — люблю я это дело.

— Любишь? — опешил он.

— А чего тут странного? — фыркнула Атлика. — Ежели с душой, так любое дело можно хорошо делать.

— Но здесь... отдаваться за деньги... всякие там уродливые... извращенцы всякие...

— На каждого извращенца свой прихват найдётся, — пожала она плечами. — С умом дело надо делать и на кого попало не бросаться. Так что... заработки здесь приличные. Не то что у нас, в Аркине. Я ведь тоже от инквизиторов сюда ушла — промысел придушили, будто и не мужики. Из товаров моих кого живьём сожгли, кого вверх ногами вздёрунули, кого крючьями растягали... Остальные, кто смог, сбежали куда глаза глядят. Я слышала, кое-кто даже к эльфам с орками подался. Всё лучше, чем умирать!.. Ну, а я — к магам, в Ордос. Тут ничего, жить можно. Вот скоплю денег, уеду отсюда... в Эбин или в Семиградье; лавку куплю. Или таверну открою. Я собой торговать долго

не намерена. Слушай, что это я всё про себя да про себя! Расскажи лучше ты! Чем вы, Тёмные, взаправду занимаетесь? А то такое про вас народ говорит... Хотя я смотрю — ты вроде б ничего.

Фесс в свою очередь принялся рассказывать. Самиую малость приукрасив, он поведал Атлике о *беспокойных кладбищах*, с лёгкостью добившись требуемого действия. Девушка охала и ахала, прикрывая глаза ладоною.

— Страх-то какой! — протянула она, когда Фесс закончил. — Слушай... так это ж дело благородное. За что ж вас тогда народ так боится?

— За былое, наверное, — ответил Фесс. — Только ведь оно давно прошло. Тёмных магов и не осталось нисколько...

Атлика задумчиво повела плечами.

— Знаешь, хорошо мне с тобой болталось, Тёмный. И вроде б уже и не боюсь тебя нисколько... А сейчас, прости, идти надо. На три цехина долго не протянешь.

— Возьми ещё. — Он с готовностью сунул руку под плащ.

Она покачала головой.

— Не надо. Я незаработанное не беру. С тебя, разумеется. — Она прыснула. — Моё дело — задницей вертеть, а не лясы точить. Это со святыми сёстрами хорошо, не со мной. Ну, красавец, прощай. Может, ещё когда свидимся. — Она махнула рукой и нырнула в распахнутую дверь ближайшего кабачка.

Фесс постоял несколько мгновений, в глупой надежде, что она ещё вернётся. Заходить внутрь он не стал — при одном виде его чёрного браслета народ начнёт тихо расползаться по углам, как тараканы.

Постаравшись как следует запомнить это место, он медленно пошёл прочь. Мало-помалу его шаг убыстрялся — по мере того, как обычные для студиязуса «тёмного» факультета мысли начинали вновь овладевать им.

«Помни, — неустанно внушал Неясыти Даэнур, — мы окружены врагами. Они готовы растерзать нас

только за то, что мы не такие, как они. Ненависть ослепляет их разум, и она же порой подсказывает им наиковарнейшие и наиподлейшие ходы. Если тебе улыбаются, при этом видя твой браслет, — значит, за спиной у этого человека в кулаке зажат нож. Помни, каждый взгляд, каждый вздох, каждый шаг наш не остаётся незамеченным. Мы — враги; а с врагами хороши и честны любые хитрости».

«Что, если эта девчонка работает на кого-то, скажем, на милорда ректора?» — мучительно думал Фесс, быстро шагая по весёлым ордосским улицам. Эти мысли и впрямь причиняли боль — неужто он уже не в праве никому верить и принимать вещи, какими они есть, а не искать за каждым словом или жестом глубины коварного замысла? Вот и теперь. Что, если его поход в катакомбы не остался незамеченным? И ему подбросили эту самую Атлику, рассчитывая воспользоваться его тоской по простому человеческому разговору? Что, если теперь *они* только и будут ждать, когда он вновь придёт на этот перекрёсток? Пока он шёл, к нему совалось несколько девиц — но только эта завязала разговор. Наверняка неспроста. Надо быть крайне осторожным. Конечно, проще всего постараться забыть о ней и никогда больше не ходить в те места — но тогда замысел *врага* так и останется неведом ему, Фессу. А этого позволить нельзя.

Кости в катакомбах, золото, Атлика... слишком много совпадений для одного дня. Тебя *ведут*, Неясыть-Фесс, тебя *ведут* к какой-то одним *им* видимой цели. Быть может, это сам милорд ректор. Может, Святая Инквизиция — ходили упорные слухи, что она высылает в неподвластный ей Ордос одного шпиона за другим — а о ненависти святых отцов-инквизиторов к *Тьме* давно уже ходят легенды. А может, за всем этим — не только за золотом — стоят всё те же *маски* Эвенс-тайн и Бахмут.

Не выдержав, Фесс постучал в дверь кабинета-лаборатории-спальни своего декана.

— Хорошо прогулялся? — встретил его Даэнур. —

Могу тебя поздравить, милорд ректор расщедрился — мы можем с тобой попрактиковаться на двух трупах. Святые отцы упирались всеми четырьмя лапами, но на севере становится всё беспокойнее, из Семиградья пришёл срочный запрос на магическую помощь — и вот, полюбуюсь!

В когтистых лапах Тёмного сам собой развернулся свиток: разрешение на вскрытие 2 (двух) свежих могил. Подпись милорда ректора, подпись святого отца Савватия, главы Церкви Спасителя в Ордосе, подпись ордосского городского головы. Печати: Академии, Епископии, магистрата. Всё, как положено.

— Завтра полнолуние, поедem копать. — Тёмный не мог скрыть радостного возбуждения, словно девица на выданье, которой предстояло ехать на первый в её жизни бал.

Радоваться от предстоящего вскрытия могилы... Фесса внезапно передёрнуло. Да в уме ли он?! Не лучше ли было послать всё к воронам, дать отсюда дёру и сделаться ну хотя бы пиратом?..

— Учитель... Даэнур... Тут такое происходит...

Тёмный отложил заветный свиток.

— В чём дело, Неясыть?

Фесс принялся рассказывать. Подробно и без утайки. О странных снах, в которых двое мальчишек пришли к нему... и говорили не то как хозяева Сил, не то как их полномочные послы. О странных Мечах, которые ему, Неясыти, предложено отыскать. Об авансе, золоте, спрятанном в катакомбах, чуть ли не под носом у остальных людей. Об Атлике, уличной девице, подозрительно быстро оправившейся от обычного для обывателей страха перед чёрным браслетом.

Тёмный слушал, и глаза его разгорались всё ярче и ярче. Жёлтый огонь, казалось, вот-вот вырвется из орбит, затопит комнату... яростными всежигающими струями рванётся по двору, дальше, дальше, дальше...

— Понятно, — медленно проговорил Тёмный, когда Фесс наконец замолчал. — Я понял, Неясыть. То, что ты — из другого мира, другой Реальности, я понял

давно... ещё когда читал доклады бедного Парри. Наши головастые молодые маги десятилетиями спорили об иных пространствах... но никакие заклятья не были способны дотянуться до них. И, наверное, потому они и не поверили в тебя. У них в головах накрепко засел страх перед Тьмой... они, бесспорно, сочли тебя Её посланником. Быть может, даже тем самым Разрушителем из «Анналов». Убить тебя они не могут — это бессмысленно и, более того, смертельно для них опасно — Тьма может рухнуть подобно лавине, верят они, и похоронить их всех. Поэтому они ждали, смотрели, наблюдали и ничего не предпринимали. Нет, конечно, они наверняка следили за каждым твоим шагом... на уровне, закрытом не только от тебя, но даже и от меня. Но ты бездействовал, и они постепенно нагнали. Они сняли отпечатки теней твоего сознания — в самых разных состояниях твоего духа. Они день и ночь ковали оружие против тебя, оружие, не убивающее, но... полагаю, повергающее в тысячелетний сон или что-то вроде этого. Им требовалось, чтобы ты что-то делал, как-то проявлял себя — но ты оказался лишь примерным учеником факультета малефицистики и обнаруживал лишь похвальное стремление как можно скорее, быть может даже досрочно, стать хорошим некромантом. И они испугались. Помни, Неясыть, Светлые и так живут в постоянном страхе, они не радуются жизни, они шарахаются от каждой тени, каждая набравшая на солнце туча представляется провозвестником наступления Великой Тьмы. И они — опять же от испуга — стали проверять тебя. Сначала они думали, что твои способности раскроются в стычке с полуэльфом и этим, как его, конопатым простолюдином. Такое часто бывает, скрытые способности пробуждаются в миг опасности — одно из кардинальнейших правил Общего Волшебства. Но они ничего не добились. Тогда было решено действовать тоньше. Твоя память зияет провалами — это тоже решено было использовать. И вот вытаскивается на свет история о каких-то там волшебных Мечах... о невиданной награде за них. Они

хотят купить тебя — но на сей раз просто приключениями. Конечно, милорду ректору ничего не стоило спрятать золото в катакомбах...

— А кости, Дазнур? Кошачьи кости? Это ведь наш обряд, обряд Тёмных. Тоже для отвода глаз?

— Конечно. Ты должен уверовать, что здесь действуют другие Тёмные. Должен начать их искать... и, не исключено, и впрямь выявишь пару-тройку тех, кто, быть может, в другое время и стали бы моими учениками. Милорд ректор никогда не бьёт только по одной цели. Их у него всегда несколько... когда сил хватает, это даёт прекрасные результаты. Так что...

— А девушка? — напомнил Фесс.

— Атлика? Это ещё проще. Она может быть частью плана милорда ректора, а может быть, она работает на Инквизицию, как ты справедливо и подумал. Но последнее всё же маловероятно. Скорее всего это опять же господин ректор. Плотские желания у вас, людей, — громадный источник силы... Кто знает, что ты мог бы выкинуть, переспав с ней. Разумеется, милорду ректору это тоже интересно. Помни, Неясить, мы с тобой — как два волка в окружении собачьей своры. Никому нельзя верить. Сами по себе люди станут говорить с нами только под страхом смертной казни. А если про ту же Атлику проведуют, что она путается с учеником чёрного мага? Думаешь, ей от этого будет приятно и хорошо? Скажи спасибо, если она отделается поркой и парой месяцев тюрьмы. А то ведь могут и выслать... прямиком в руки Святой Инквизиции.

Фесс вздохнул. Как же хорошо, что есть такой учитель. Как он хорошо всё объясняет... и ни одной зацепки. Даже если очень захочешь спорить, ничего не получится.

— Ты, конечно, желаешь знать — что делать? — продолжал тем временем Дазнур. — Я тебе отвечу — ничего. Ты правильно сделал, что не взял золото: ручаюсь, тут же нашлись бы какие-нибудь непрошенные свидетели, и мы оказались бы втянуты в немалые неприятности. Так что... сделаем вид, что ничего не про-

изошло, Неясыть. Пусть свора кружит и дальше. Мы не доставим ей радости. — Даэнур откинулся на спинку своего жёсткого, не по людским меркам сделанного кресла.

— Я понял, учитель, — смиренно сказал Фесс. Правда, перед глазами его упрямо маячил донельзя соблазнительный бюст Атлики в низком вырезе платья.

Тёмный вздохнул.

— Понимаю, ты молод, и вам, людям, нелегко без... э-э-э... общения с противоположным полом. Но придётся потерпеть, Неясыть. Пока что с этим ничего не поделаешь.

— Даэнур... а что, если мне всё это рассказать милорду ректору? — вдруг осенило Фесса.

— А что, прекрасная идея! — оживился декан. — Пусть тоже думает. Пусть ломает голову. А тебя не в чем упрекнуть — ты законопослушный студизус, отнюдь не желающий быть отчисленным из Академии!.. Завтра поутру прямо и отправляйся!.. Ручаюсь, тебя примут без проволочек.

* * *

Милорд ректор и в самом деле принял Фесса без проволочек, даже вперёд немалой очереди, скопившейся перед его кабинетом. В ней стояли не только студизусы или магистры — хватало и пришлого люда. Неясыть заметил даже нескольких Тёмных эльфов, причём в цветах Северного клана — интересно, зачем они проделали столь долгий путь из своего Нарна, с отрогов Железного Хребта?

— Рад видеть тебя, Неясыть, — вполне радушно произнёс милорд ректор. На губах играла приятная улыбка. — Что привело тебя ко мне? Наверняка какое-то очень важное дело!..

— Так точно, милорд. — И Фесс вторично принял — пересказывать всё с ним случившееся, не отрывая при этом взора от глаз волшебника.

Тот слушал с непроницаемым выражением лица.

Невозможно было даже приблизительно угадать его мысли — впрочем, он не озаботился и сыграть что бы то ни было, вроде восклицаний «силы великие, да не может того быть!».

И точно так же, как Дазнур, милорд ректор сказал «Понятно».

— Гм... всё это, конечно, очень странно и необычно, Неясыть. Спасибо, что ты рассказал мне. Я поставлю задачи перед нашими волшебниками. Они будут работать. Ты не взял золото — и поступил совершенно правильно, нельзя брать чужое. Что касается кошачьих костей... хм-м-м, я, пожалуй, отправлю туда твоего декана вместе с парой моих мастеров. Надо выяснить, что это такое, и если кто-то здесь на самом деле практикует тёмные обряды — их надо как можно скорее разыскать, как бы не натворили бед. А насчёт твоих снов... я займусь ими сам. Ничего не бойся, живи, как жил...

С этим Неясыть и вернулся к Дазнуру.

— Предлагают мне слазить туда? — опешил Тёмный. — Обследовать кости? Неясыть, это возможно только в одном случае... если наш Белый Совет не имеет к этому никакого отношения. Или же — они считают меня за совершеннейшего слабака и ничтожество.

— Не понимаю, учитель, — признался Фесс.

— Если это был *настоящий обряд*, — пояснил декан, — то тех, кто в нём участвовал, я почую за версту. По крайней мере, я смогу сказать, на что пошла высвобожденная в этом обряде сила. А если это подделка... то я тоже сразу почувствую.

— А Светлые не могли провести такого обряда *настоящему*? — спросил Фесс.

— Не могли, — отрезал Тёмный. — Мы гораздо слабее Светлых в стихийной магии, но уж что касается некромантии... чёрная Сила, отягощённая болью и страхом жертвы, станет болтаться на них, точно жёрнов. Им некуда её девать, более того, она может помешать их собственным заклятиям. Крайне интерес-

но! — Дазнур вскочил на ноги, пару раз прошёлся от стены до стены, клацая когтями. — Я, конечно, пойду. Посмотрим, не ошибся ли во мне милорд ректор!..

Послание Тёмному принёс гоблин-рассыльный всего через несколько минут.

— Быстро работают, — проворчал Дазнур, сломав печати и пробежав глазами по строчкам. — Милорд ректор не хочет ждать. Ну что ж, посмотрим...

— А я, мэтр? — осведомился Фесс.

— А тебе читать «Анналы Тьмы», мой ученик...

* * *

Фесс дисциплинированно провёл весь день за мочувим фолиантом. Его так и подмывало бросить всё и отправиться на тот угол, где он встретил Атлику, но, само собой, он всякий раз сдерживался.

Мало-помалу чтение вновь всерьёз захватило его. Запутанные головоломки фраз постепенно поддавались, их место занимали новые, но, так или иначе, текст наконец-то стал понятнее.

Да, в это можно было поверить, думал Фесс, старательно гоня прочь мысли о Тёмном и о том, чем он сейчас был занят. Это способно захватить — особенно если всерьёз воспринять такие вот пророчества:

«Явится на севере некто, облечённый властью; и будет длань его пуста, но всем предстанут на ней невиданные богатства. И соблазнит он живущих, и пойдут они за ним — дабы ввергнуться в Тьму и вернуться перерождёнными армией Ночи, и быть уничтоженными, но расчистить дорогу истинному Разрушителю, который явится позже...» И дальше, тоже не хуже: «Берегись произносить эти пророчества вслух, смертный, ибо Тьма только и ждёт проникновения злого знания в доверчивые души...»

Фесс мог бы гордиться собой — в конце концов он увлёкся настолько, что даже не заметил возвращения Тёмного. Декан тяжело дышал, плащ его был в двух местах порван, на чешуйчатой щеке осталась копоть.

— Тьма великая и бездонная, — проворчал он, падая в своё любимое кресло. — Готов прозакладывать собственные глаза и когти, что в пещерке был сотворён самый настоящий *тёмный обряд* — кости кошек до сих пор помнят страх и боль. Обряд провели по всем правилам. Чётко, без сучка без задоринки. Кто-то очень умелый и ловкий... Хотел бы я на него взглянуть!.. — Декан усмехнулся. — Наши милорды мастера аж побледнели, когда я сказал, что обряд — настоящий.

— А ректор? — спросил Неясыть.

— Ректор... — проворчал Тёмный. — Про него худого слова не скажу. Держался достойно. Когда я сказал, что, мол, тут всё сделано честь по чести, в лице не переменялся, не то что остальные. Только спросил — сколько было выкачено Силы и могу ли я проследить её... — Тёмный сделал паузу.

— И вы, учитель? — не выдержал Фесс. Точнее, *сделал вид*, что не выдержал. Пусть наставнику будет приятно...

— Ответил правду, — вздохнул Даэнур. — До того, чтобы в открытую лгать ректору, мы ещё не созрели. Сказал, что Тёмная Сила тем и отличается от Светлой, стихийной или же собственной Силы мага, что она — закольцована, свёрнута в тугую глобулу и, пока её не пустят в ход, ничем и никак обнаружена быть не может. Я говорил, что могу почуять за версту тех, кто участвовал в *настоящем* тёмном обряде... но они, похоже, или покинули Ордос на первом же корабле, или способности их куда выше, чем мне представляется, и они способны закрыться — даже от меня.

— И тогда? — вновь спросил Неясыть.

— Тогда милорд ректор распорядился выследить тех, кто здесь был, иными средствами. Правда, — Тёмный злорадно ухмыльнулся, лицевые чешуйки насмешливо скрипнули, — ничего у них не вышло. Никто из Светлых не смог взять следа. Даже специальные гончие мастера Нечисти. Понимаешь, что это значит, Неясыть?

— Никак нет, мэтр, — отрапортовал Фесс.

Тёмный выдержал паузу.

— Это значит, что здесь поработал некто, — торжественно провозгласил он, — владеющий всем арсеналом старых магов Тьмы, великих Чёрных магов прошлого, да-да, *прошлого*, ещё до разгрома Сумеречных Братьев и Пришествия Спасителя. Я, например, скрыть свои следы от гончих не смог бы. Они чуют магию, её малейший отпечаток; от них не спасают никакие заклятия — так, по крайней мере, все думали до последнего времени.

— И что же дальше?

— Белый Совет опрометью бросился заседать, — хохотнул Тёмный. Во рту, больше напоминающем звонкую пасть, метнулся туда-сюда чёрный раздвоенный язык. — Бедняги! В какой-то момент мне даже стало их жалко. Как они все перепугались!..

— Все? — Неясыть поднял одну бровь.

— Ну, кроме ректора, конечно, — со вздохом поправился Тёмный. Было видно, ему до смерти хочется, чтобы глава Академии хоть раз тоже испугался чего-нибудь. — В общем, монахи сидят и трясутся, милорд ректор лично пообещал отдать каждого, кто проболтается, нам с тобой для опытов. Э-эх, то-то было б славно! Люблю монашей, Спасителя молещущих. Первоклассные зомби из них получаются. Вот, помню, как-то раз наставник мой, мир его памяти...

— Учитель, Дазнур, подождите! — уже непритворно взмолился Фесс. — Так что же — получается, мы не одни с вами? Есть ещё Тёмные маги в Эвиале?

— Не знаю, — покачал головой декан. — Едва ли, Неясыть. Я бы знал.

— Но откуда, мэтр?! Вы об этом никогда не говорили!

— Тёмные маги — волки-одиночки, я тебе много раз это повторял. Нам нельзя сбиваться в стаи, мрак может прорваться в этом месте, и тогда жди большой беды. Мы черпаем силы в Тьме и в то же время страшимся Её прихода... Её царство не от мира сего, а мы

отнюдь не желаем всеобщего уничтожения — иначе зачем нам *упокаивать* кладбища? Так вот, Тёмным волшебникам самой природой наказано держаться по-одиночке. Но как в таком случае выжить, если все — против тебя, а Белый Совет — если брать давние времена — куда сильнее и страстно жаждет «искоренить зло»? И вот мало-помалу Тёмные выработали свой язык для общения в астрале. На это были способны только высшие маги, такие, как мой учитель... Но, даже не умея говорить друг с другом через астрал, Тёмные не потеряли способность чувствовать друг друга. Ты тоже очень скоро станешь в силах сделать это. Так вот, Неясыть, Тёмного мага я ещё мог бы не ощутить, если он — где-нибудь в Мекампе или за Вечным лесом. Но тут, в Ордосе... — Даэнур покачал головой. — Никогда. Если, конечно, повторюсь, он не закрывается специально, и притом достаточно силён для этого.

— Так что же из этого следует?

— Что следует?.. — Тёмный вздохнул. — Боюсь, Неясыть, кое-кто решил, что ты стал слишком опасен. Думаю, что всё это проделано... кем-то из Белого Совета.

— Но вы же говорили... — ошарашенно начал Фесс.

— Да, говорил. И от слов своих, само собой, не откажусь. Но надо помнить только одно — ни ты, ни даже я не знаем, на что в точности способен милорд ректор, даже если возьмётся играть с Силой чуждого ему цвета.

— Но... зачем ему всё это? — Неясыть никак не мог прийти в себя.

— Повторяю, мой ученик, — весь Белый Совет смертельно тебя боится. И даже милорд ректор не исключение. Я не могу понять всех извивов их замысла. Мне кажется, они хотят подтолкнуть тебя, заставить действовать... Наше единственное спасение сейчас — в недеянии. — Тёмный тяжело вздохнул, широкие плечи под чёрным плащом поникли. — Они видят в тебе нарушителя равновесия, мессию Тьмы, её посланника... Они очень хотели бы уничтожить тебя —

впрочем, об этом я уже тебе говорил. И вот ищут, ищут, прощупывают... для них сгодится любая возможность. Молю тебя, мой ученик, — голос Тёмного стал совсем тихим и глухим, в нём прорезалась явственная боль, — не соверши ошибки. Не пытайся сейчас противостоять им в открытую. Повторяю, моё мнение — всё это устроил милорд ректор. Он, похоже, изучает тебя, как редкостный и интересный объект. Пока это так, ты в относительной безопасности... но, как только он решит, что риск оставлять тебя в живых слишком велик, — расправится с тобой, не моргнув глазом. Принцип меньшего зла, позаимствованный у нас Светлыми...

Поэтому сделаем вид, Неясыть, что ничего не случилось. Представим дело так, что нас с тобой больше всего интересуют только наши кафедральные занятия. Пусть Белый Совет скрежешет зубами. Пусть придумывают что-то иное... Отдохни сегодня, Неясыть, а к завтраму, очень тебя прошу, постарайся выбросить мысли об этом из головы. Нас с тобой ждёт очередная лекция, а после неё — пойдём копать. Ты забыл, что у нас есть две лицензии на вскрытие могил?.. Должен же мой ученик в конце концов собственными руками сработать хотя бы одного приличного зомби!..

Интерлюдия III

ЗАПРЕТНЫЙ МИР

Крови в серебряной чаше, как и опасалась Клара, хватило очень ненадолго. Путники выбились из сил, смертельно устали — балансирование на неожиданно ставших очень шаткими мостках Межреальности требовало заклятий, заклятий и ещё раз заклятий; а откуда возьмутся заклятия в отсутствие Силы?

Разумеется, ничего живого, хотя отдалённо годившегося бы для жертвоприношения, они не встретили. Измученные Кицум с Сильвией едва-едва брели, так что валькирии Райне приходилось почти что волоочь их

на себе. Клара, с пылающей чашей в руках, прокладывала дорогу — до тех пор, пока не стало ясно, что ещё чуть-чуть — и они не смогут даже вернуться на Тропу, там, где остались Эвис, Эгмонт, Мелвилл и раненая Тави.

— Ничего, кирия, — Райна рискнула нарушить затянувшееся молчание. — Не чувствую ничего живого. Конечно, если потратить ещё некое количество...

— И думать не могли! — сердито оборвала волшебница не в меру ретивую воительницу. Для того чтобы *вывести* четверых, крови требовалось существенно больше. Будь они с Райной вдвоём... но их четверо, и, следовательно, надо думать о возвращении. Живых островков, что, по словам Сильвии, немало проплыло по направлению к чёрному рубежу *запретного мира*, они не встретили ни одного. Теперь оставалось только возвращаться.

— Как будет угодно, кирия Клара, — уныло ответила воительница.

Кицум и девочка ничего не сказали — им, похоже, было уже всё равно. Их оставляли последние силы.

Дорога назад, само собой, была проще — тут можно было идти по уже *утоптанному*. Кларе оставалось лишь предаваться угрюмым размышлениям о том, как посмеялась бы над ней эта стерва Ирэн Мескот, дознайся целительница о том, в какую лужу они сели. Похоже, что оставалось только одно — идти, куда ведёт Тропа. Поворачивать назад — ещё более бессмысленно, чем топтаться на месте в поисках Источника.

Идти вперёд... туда, где расстилается абсолютный и загадочный мрак. Закрытый мир... куда не прорваться даже им, магам Долины, — встала в памяти фраза школьного учебника. Закрытый мир... закрытый... погодите-ка...

Клара внезапно и резко замерла, так что даже Райна, несмотря на всю её выучку, едва не налетела на волшебницу.

Закрытый мир безопасен. Чёрный монстр, уютно устроившийся у них на пути, напротив, очень опасен.

Смертельно опасен. Мир, умеющий пить кровь Упорядоченного — магическую Силу — словно вампир! Каких чудовищ он выращивает в своих глубинах?.. Но ведь ни у одного по-настоящему закрытого мира такого не происходит! А что это значит? А это значит, что она, Клара Хюммель, круглая дура!

Волшебница с яростью хлопнула себя ладонью по лбу, добавив к этому пару-тройку выражений на неизвестном в Мельине языке.

Райна дисциплинированно сделала вид, что ничего не видит и не слышит.

«Как же это я так оплошала, — покаянно думала Клара. — Видать, совсем отупела. Как же мне не могло прийти в голову, что пьющий магию закрытый мир уже тем самым не закрыт! А раз так, можно отыскать точку входа! А уж там, внутри... там Сила должна найтись».

— Выше голову, Райна! — заметно изменившимся голосом подбодрила свою спутницу волшебница.

* * *

...Появление Клары и валькирии вместе со спасёнными произвело настоящий фурор. Чародеи вскочили на ноги, изумлённо вытаращив глаза на старика и девочку.

— Вот, подобрали... — развела руками Клара.

— А Источник, Клархен? Вы нашли Источник? — Эвис невольно сцепила руки перед грудью, словно молясь.

Клара покачала головой.

— Нет, Эвис. Ни Источника, ни... вообще ничего живого. Единственный островок, на котором оказались эти бедолаги, был ими высосан досуха.

— Да, вот я и смотрю — какой меч-то у них с собой интересный, — подал голос Эгмонт.

Клара кивнула.

— С его помощью остров и выпили.

Эвис неожиданно вскинула опустившуюся было голову. В глазах стояли злые слёзы.

— Клара, ты хочешь сказать, что истратила кровь на спасение *вот этих*?!

— Так получилось, Эвис, — Клара развела руками. — Не бросать же было их...

— Будто мы можем много чем им помочь, — про- бормотал Мелвилл.

— А что же будет с нами? — Голос Эвис внезапно задрожал. — С той же Тави?

Молодой волшебнице никто не ответил. Эмплада нехорошо взглянула на Кицума, и старый клоун внезапно задрожал.

— Милостивая госпожа... пожалуйста...

— Эвис! — вскинулся Эгмонт. — Ты с ума сошла!

— Их крови нам хватило бы по крайней мере вернуться в Мельин, — процедила сквозь зубы волшебница. Глаза её сделались словно холодная сталь.

— Мама! — пискнула Сильвия.

— Погодите, погодите! — примирительно заговорила Клара. — Эвис, прошу тебя, успокойся. У нас есть ещё одна возможность. Идти вперёд, в закрытый мир.

Эмплада истерически расхохоталась.

— Эвис, этот мир если и закрыт — то не полностью. Ни один по-настоящему запёртый не способен впитывать Силу. Значит, окружающие его барьеры — с изъяном. Пройдёт время, Сила заполнит его — и он из закрытого превратится в открытый... но до этого ещё далеко. А вот мы можем рискнуть и двинуться вперёд — с тем чтобы уже оттуда искать пути возвращения в Долину.

— Не самая удачная мысль, но в создавшемся положении... — пожал плечами Эгмонт.

— Согласен, потому что ничего иного нам просто не остаётся, — поддержал его Мелвилл. Оба мага держались спокойно, уверенно, как и положено бывалым боевым волшебникам. А вот Эвис явно «плыла». Губы её тряслись, взгляд судорожно перепрыгивал с одного

её спутника на другого; она силилась что-то сказать, но из горла вырывался только хрип.

Клара терпеливо ждала. И даже — незаметно для Эвис — сжимала локоть готовой возмутиться валькирии, для которой непереносим был вид любой трусости и малодушия. Такое бывает — даже с самыми лихими магами. Они могут проявлять чудеса храбрости на поле боя, лезть в самое пекло и лишь смеяться над собственными ранами. Они смелы и отважны, пока видят перед собой реального врага и понимают, что в их силах дать этому врагу сдачи, сколь бы силен он ни казался. Однако это лишь внешняя сторона мужества. Гораздо труднее научиться держать себя в руках, когда на тебя надвигается неотвратимая, неосязаемая смерть, и у тебя нет против нее никакого оружия, кроме крепости собственного сердца.

Эвис была еще слишком молода. Ей предстояло многому учиться. Это чем-то напоминало Кларе её собственную молодость... давно ушедшую молодость.

— А что... что, если мы не сможем оттуда выбрать — ся? — наконец выдавила Эвис.

Клара философски пожала плечами.

— Магия крови сильна. В конце концов, станем местными богами, потребуем принести нам в жертву десять тысяч быков и вознесёмся в Эмпиреи! — попыталась она пошутить.

— Кстати, вполне разумный план, — заметил Эгмонт. — Стоит задуматься, Клархен! К тому же я ещё ни разу не был богом. Что, если мне это понравится?.. Прикажу всем красивым девушкам, что будут приходить на поклонение, раздеваться передо мной, и...

Волшебным образом незамысловатая эта острота привела Эвис Эмпладу в чувство.

— Очень быстро надоест, — фыркнула она. Щёки её порозовели — от подступающего стыда. Из девчонки будет толк, вновь с одобрением подумала Клара Хюммель.

— Ну, вот когда надоест... — шутливо развёл руками Эгмонт.

— Тогда пошли? — предложил Мелвилл. — Тави пока ещё в себя не пришла, но корпид скоро перестанет действовать. Не хотел бы я тогда видеть, как эта бедняжка мучается...

— Эй, как там тебя, Кицум, что ли? — Райна бесцеремонно встряхнула старика за плечо. — Давай, поднимай свой зад. За тебя это никто не сделает. Видишь, раненая у нас?

— Если милостивая госпожа позволит, я хотел бы помочь вам нести девочку, — с неожиданным достоинством ответил клоун. Плечи его распрямились, голова гордо поднялась; теперь он походил скорее на израненного и обессиленного после сражения воина, нежели на жалкого ярмарочного фигляра.

— Да куда тебе, — отмахнулась валькирия. — Лучше вот ей помоги. — Она кивком указала на Сильвию. — А я уж сама поташу...

«Интересно, почему ни клоун, ни девочка ни о чём нас не спросили?.. — подумала Клара. — Кто мы, откуда здесь взялись, куда направляемся и вообще, что это за место, в котором они очутились, тоже неизвестно как?..» Остальных боевых магов от этих расспросов удерживала, наравне с Райной, железная дисциплина — Клара старшая здесь, и пока она не подала команду...

Хюммель подозвала к себе девочку. Та подошла, то и дело касаясь пальцами окровавленной тряпки на голове.

— Разматывай, — решительно приказала Клара. — Сама видишь, Сильвия из красного Ордена Арк, с магией тут плохо, но снадобье, чтобы тебе помочь, у нас найдётся.

— Не надо, — внезапно покачала головой девочка. — Потерплю. Не так это и больно. А волосы... ничего, если и не отрастут. Переживу. Не это ведь главное, правда? — Сейчас кажущиеся тёмными глаза взглянули в упор на волшебницу.

— Правда, — чуть растерянно подтвердила Клара. — Но, Сильвия, ведь может возникнуть заражение...

— Не возникнет, — решительно отрезала девчонка. — Я там всё как следует выжгла.

— Выжгла? — Клара подняла брови. У этой малютки, похоже, железный характер.

— Ага, — кивнула Сильвия. — Там все начало гноиться... пока я валялась без сознания. Так что пришлось. — Она усмехнулась совершенно по-взрослому.

— Гм... ну, молодец, — неуверенно сказала Клара. Отчего-то она ощущала некую неловкость перед этой мытой во всех щёлоках девчонкой, едва ли девственницей в свои неполные пятнадцать или даже четырнадцать. Сильвия прошла через нечто такое, чего не выпадало даже на долю Клары Хюммель. — Но тогда ты, может быть, расскажешь мне, как вы с почтенным Кицумом попали сюда, в Межреальность? Я знаю, в Мельбине были большие тревоги?..

— Большие тревоги! — Сильвия наградила Клару полупрезрительным взглядом, однако тотчас же, словно почувствовав свой промах, опустила глаза. — Милостивая госпожа, там у нас такое было... — И она принялась рассказывать.

Клара слушала внимательно — причины ссоры магов с Императором, перипетии их краткой, но кровопролитной войны были ей, мягко говоря, небезразличны ещё и потому, что в хаосе той битвы бесследно исчез глупый и донельзя гордый мальчишка по имени Кэр Лаэда, племянник и единственный родственник задушевной Клариной подруги Аглаи Стевенхорст — тот самый Кэр, которого она, Клара, поклялась хоть за шкуру, а притащить в родную Долину; что ж поделаешь, когда у подруги почти что и нет никаких магических способностей, кроме разве что к кулинарии.

Историю об Алмазном и Деревянном Мечах она выслушала с чувством горечи — ну какие же они глупые... истратить такие силы на полумразумное оружие, не знающее никакого иного способа бытия, кроме войны и убийств, да ещё и вложить в эти самые Мечи такую магию! Конечно, добром это не кончилось, да и кончиться не могло.

Правда, ту часть повествования, где Сильвия рассказывала о Спасителе — поминутно оглядываясь, словно ожидая, что он вот-вот появится из-за поворота, точно разбойник на большой дороге, — Клара почти что пропустила мимо ушей. Смертные часто придумывают такие байки. За все Кларины странствия по Межреальности она ни разу не сталкивалась ни с чем подобным; хотя, конечно, есть ещё и закрытые миры, но всё-таки, всё-таки...

Итак, Сильвия и Кицум почти что добрались до Мечей. Завязалась последняя схватка... надо же, какой бойкий клоун... никогда бы не подумала. И оружие какое странное...

— А потом нас убили, — хладнокровно закончила Сильвия. — Я пришла в себя... от холода. Очень холодно было лежать в собственной остывшей крови... смотрю — вокруг островок, тот самый, на котором вы нас нашли, рядом — Кицум, а я валяюсь, вцепившись в эфес Меча, а Меч — воткнул в это живое одеяло... Вот, собственно говоря, и всё.

— А Мечи? Куда они делись? — спросила Клара.

Сильвия выразительно пожала плечами — и тотчас поморщилась от боли. Магия затянула раны, но разорванная плоть всё равно давала о себе знать.

— Понятно... Ну что ж, Сильвия из красного Арка, добро пожаловать в нашу команду! Дорога у нас теперь одна — как ты понимаешь, прямо туда, во тьму, в закрытый мир... Туда доберёмся — станет легче, подумаем, что делать дальше.

— А вы, — Сильвия внезапно остро и пристально взглянула на Клару, — вы, наверное, из тех, кем правит великий маг Игнациус?

Кларины брови выразительно поднялись. Конечно, существование Долины не было абсолютной тайной, многие маги обычных миров — разумеется, *сильнейшие* среди своих собратьев — слышали о ней, о великом Архимаге Игнациусе; Кларе доводилось встречаться как-то и с самой Сежес, высшие чины Радуги знали о Долине — но, конечно, лишь то, что сами ее

обитатели считали возможным рассказать, неважно, в виде сказок, сплетен или «достоверных вестей». Но чтобы вот такая девчонка?..

— Мой дед был главой ордена Арк, — не без гордости сообщила Сильвия. — От него я о вас и прослышала... о тех, что могут ходить меж мирами. Дед как ни бился, но такого заклятия сплести не смог.

Клара промолчала. Конечно, куда уж простому магу-самоучке знать тайны поистине великих заклятий, законы плетения которых Долина унаследовала от Четырёх Первоотцов, истинных магов, полубогов, отличавшихся от нынешних жителей Долины так же, как они сами отличаются от простых смертных...

— Ты права, Сильвия, — неожиданно вступила в разговор Эвис. — Да, мы из Долины... птенцы Архимага Коппера, как нас кое-где называют.

Клара заметила, как девчонка лишь большим усилием воли поборола страх. Клоун же Кицум, похоже, просто ничего не понял... или, напротив, прекрасно владел собой, ничем не выдав собственных чувств.

— Не надо нас бояться, — с некоторым трудом проговорил Мелвилл — была его очередь тащить Тави на закорках. — Разве мы похожи на маньяков, людоедов или вампиров?

По мнению Клары, на вампиров они как раз очень даже походили. Чтобы вырваться отсюда, им нужна была кровь... и чем больше, тем лучше. Но, разумеется, Сильвии сообщать это не стоило. Анналы Гильдии боевых магов сохранили жуткие истории о том, как её члены, бывало, выбирались из самых безнадёжных положений, пустив в ход этот последний резерв: *предсмертную* кровь кого-то из своих спутников. Правда, потом очень мучились — совесть, как известно, не тётка, ещё пострашней голода.

Тем временем Тропа заметно взяла под уклон. Идти становилось всё труднее, ноги скользили, точно под сапогами оказалось покрытое маслом стекло. Вдобавок Тропа стала ещё и сужаться. Вскоре идти можно было только цепочкой, в затылок друг другу.

— Может... верёвкой обвяжемся? — внезапно по-

дал голос Кицум. Клоун держался прекрасно, и Клара терялась в догадках — неужели ему уже случилось бродить по Тропам Межреальности? Правда, ходившие здесь знают, что в случае *провала* не спасёт уже никакая верёвка, напротив, она потянет за собой и остальных...

— Стойте! — Эвис внезапно вскинула руку. — Чувствуете?.. След...

Отряд замер. Клара осторожно, боком, пролезла вперёд.

Да, Эвис оказалась права. *След* тут и в самом деле был... точно мимо пронёсся начинённый Силой до предела болид. Увлечённый потоком поглощаемой *закрытым миром* энергии, он должен был вызвать грандиозный взрыв там, на самой границе чёрной сферы... однако в Астрале не осталось никаких следов.

Клара помотала головой. Вот это называется попали. Вот тебе и *закрытый мир* — не мир, а какая-то бездонная пасть! Вместо плавного скольжения по течению реки отряду предстоял спуск по грохочущему незримому водопаду... наверняка изобилующему острыми камнями и прочими прелестями. Но делать нечего. Обратной дороги нет, и крови всех спутников Клары не хватит теперь, чтобы выдержать напор этого течения.

— След следом, но спускаться всё равно надо. — Клара уже ясно видела впереди *обрыв* Тропы. Впрочем, ощущалась здесь и Сила — очевидно, *откат* от закрытого мира. — Я иду первой... держитесь за мой огоньком. Эгмонт, смени Мела! Эвис, держи Кицума! Райна, поможешь Сильвии. Держись поближе ко мне и представь себе, что плывёшь. Это совсем даже не сложно. — Она старалась подбодрить валькирию, хотя та, похоже, ни в каких ободрениях не нуждалась — стояла невозмутимой, словно высеченная из мрамора статуя Войны.

— Пошли, — выдохнула Клара, затепливая над левым плечом видимый только волшебникам огонёк. Как только они сойдут с Тропы и заклęcia перестанут прокладывать им дорогу, отряд окажется в лапах Тьмы.

Кларе предстоит полагаться только на собственное чутье да ещё — в куда большей степени — на удачу.

Вот и конец Тропы. Клара невольно сделала глубокий вдох, точно на самом деле собираясь нырнуть, и шагнула в бездонную пропасть.

Глава четвёртая

ДОСРОЧНЫЙ ВЫПУСК

Фесс и Тёмный скрупулёзно следовали их собственному плану — то есть старательно делали вид, что как будто ничего и не случилось. Милорд ректор, белый маг Анэто, вроде бы оставил Неясыть в покое. Не повторялись и сны, сами же Эвенстайн и Бахмут всё ещё не возвращались.

Лето мчалось мимо бешеным табуном тёплых и ласковых дней, но Фессу было не до красот и веселий. Тёмный торопил своего ученика, и они вовсю штудировали темы второго года.

Памятное вскрытие могил прошло без сучка без задоринки — выданное разрешение касалось каких-то нищих бродяг. Спаситель ведаёт как пробравшихся в Ордос да тут и отдавших концы. Магистрат, радея об усопших, похоронил их за счёт городской казны в простых некрашенных гробах на дальнем конце кладбища — и в то же самое время пусть и нехотя, но решил вскрыть те же могилы — в обмен на добрую толику золота, поступившего из Академии. Семиградье отчаянно нуждалось в дипломированном чародее, при посохе и всём прочем; торговые гильдии не поскупились. Золото нашло дорожку и к сердцам членов Белого Совета (ибо, как проворчал Тёмный, до факультета maleфицистики дошла лишь малая часть присланных Семиградьем денег, остальное пошло в казну Академии), и к сердцам городских голов.

О самой зомбификации Фесс вспоминать не любил — скучный, нудный и неаппетитный процесс. Вдобавок потом пришлось отрабатывать на том же

зомби приемы его уничтожения — а экземпляр, как на грех, оказался прочным, с Неясыти сошло семь потов, прежде чем Тёмный оказался удовлетворён.

После этого вновь началась текучка, занятия, лекции, лабораторные — и всё прочее, из чего складывается жизнь любого доброго студиязуса. Правда, за вычетом девушек и пива.

— Что-то тревожно мне, — признался как-то Дазнур. — Чует моё сердце, недолго тебе ещё у меня учиться. Многим жертвовать придётся — но только не волшбой.

Поневоле Неясыти приходилось оставлять в стороне захватывающие древние хроники, пропускать мимо многое из в общем-то нужного, но, так сказать, не первой необходимости. Тёмный сам начал заниматься со своим учеником целительством и алхимией, причём упор делался, конечно, на те растения и минералы, которые считались *укоренившимися во Тьме* или хотя бы *из неё вышедшими*. А попутно Фесс всё глубже и глубже погружался в мрачные тайны мира мёртвых; остались далеко позади всякие там безмозглые зомби и тупые мумии; теперь речь шла о вампирах, высших и низших, оборотнях, разнообразных чудовищах, что обитают среди мёртвых душ; о свите тёмных богов и сил, о...

Жертвы и жертвенники, алтари для призывания и сосуды для сохранения Силы. Только грубый и невежественный маг считает, будто вся некромантия строится на одних лишь жертвоприношениях Тёмным Силам, в обмен на что жертвователю получает назад какую-то толику Силы. Это лишь внешний, заметный простому глазу слой. В широком же смысле слова «некромантия» — это взаимодействие Живого с Мёртвым, то есть в определённом смысле можно сказать, что сюда входит и вся стихийная магия. Разумеется, особым образом преобразованная, ибо Светлые стихийные волшебники обращались к Четырём Первоосновам именно как к живым, мыслящим существам. Если же, к примеру, заставить земляных духов поки-

нуть на время свои обиталища, то *омертвлённый объём* некромант вполне может использовать в своих целях.

Это была поистине Высшая Некромантия.

Июль сменился августом, близился новый День учеников, а Фесс с Тёмным, забыв обо всём, дни и ночи проводили в лаборатории. *Девственные металлы* сменялись в тиглях металлами *мёртвыми*; и Фесс как раз бился над конденсатом эликсира, позволяющего легко и быстро преодолевать границы мира мёртвых, когда до его слуха внезапно донесся частый и тревожный звук большого ордосского колокола. Это был не яростный набат, призыв к бою, на стены; нет, в медном голосе весёлого Ордоса на сей раз слышалось са-мое настоящее отчаяние.

Фесс удивлённо поднял брови. Что может угрожать городу, надежнее всяких стен и кованых ратей защищённому заклетами Белого Совета? Неясить, конечно, бегом бросился бы на улицу — но прерывать процесс было нельзя, ингредиенты следовало добавлять в конденсат строго по прописи, малейшее отклонение — и всё погибло, магическая связь не установится, и всю работу придётся начинать сначала...

Дверь распахнулась. На пороге стоял Тёмный, широкая грудь волшебника часто вздымалась, глаза, как обычно в минуты волнения, горели ярко-жёлтым огнём.

— В городе чёрный мор, Неясить! — Даэнур отшвырнул плащ, шагнул к книжным полкам. — Не отвлекайся, не отвлекайся, слушай меня, пока я не найду эту ссылку... — Он подвинул лестницу в угол и полез под самый потолок, ведя когтистым пальцем по чёрным корешкам с замысловатыми серебряными рунами. — Да где же это, иссуши меня Свет... Так вот, ты, конечно, удивлён такой тревогой? Признаюсь, я тоже. Ордос надёжно защищён от всех и всяческих эпидемий... или, по крайней мере, был защищён.

— Может быть, заклета... — начал было Фесс, не отрываясь от скляницы с конденсатом.

— Белый Совет прозаседал всю ночь, — отрезал Тёмный. — И Анэто говорит, что защита в полном по-

рядке. Но чёрный мор... он какой-то особенный. Со-
всем особенный. Светлые пока что не нашли дейст-
венного средства. Обычная магия помогает плохо —
если волшебник, отчаявшись справиться, начнёт про-
сто *тянуть* из больного заразу и, скажем, *сжигать*
её — то сил его хватает лишь едва-едва облегчить стра-
дания и несколько оттянуть развязку. Одним словом...
ага, нашёл! — Он вытащил какой-то здоровенный
том, из числа пока ещё не знакомых Фессу.

— Одним словом, Светлые обратились к нам, —
докончил Неясыть, осторожно бросая в конденсат
крупницу абсолютной соли.

— Точно, — кивнул Дазнур. — Отдадим должное
Анэто — он думал не о своей гордости и чести, а о без-
опасности города.

— Почему же тогда в набат ударили только сейчас?
Если Белые заседали всю ночь, значит, уже давно бы-
ло ясно, что положение серьёзное? — Абсолютная соль
медленно растворялась, хотя теоретически это невоз-
можно ни в одном из известных растворителей, даже в
абсолютном — они уравнивают друг друга.

— Наверное, рассчитывали справиться сами, —
пожал плечами Тёмный. — Пойми, Неясыть, для ми-
лорда ректора обратиться к нам — это фактически
расписаться в том, что город обречён. Ведь ни твои,
ни даже мои силы с силами Белого Совета несопоста-
вимы!

— Тогда на что они рассчитывают? — поразился
Неясыть. Эликсир тем временем сперва покраснел,
потом поглубел и наконец принял свой истинный
цвет — чёрный. Работа была закончена.

— Когда положение отчаянное, цепляются за лю-
бую возможность, — мрачно уронил Дазнур. — Разу-
меется, я согласился помочь. Разумеется, я выговорил
некое возмещение за нашу помощь. Всё было принято
без возражений... так что теперь недостатка в трупах
для вскрытия, зомбирования и всего прочего у нас не
будет.

— Но ведь сперва надо остановить эпидемию! — вырвалось у Фесса.

— Именно, мой ученик, именно так. И мы её оставим... если выживем, конечно. Впрочем, в основном-то опасность грозит тебе — я вашим болезням в общем-то, не подвержен.

Неясыть поднялся, сжав кулаки.

— Я не боюсь!

— Не сомневаюсь. — Тёмный положил руку ему на плечо. — Но и лезть на рожон тоже не надо. Впрочем... все входы и выходы из Ордоса закрыты. Маги надеются, что зараза не пойдёт дальше. В крайнем случае готовятся выжечь всю область Академии, если не помогут иные меры. Святые отцы молятся без устали, но... — Даэнур покачал головой, — пока что они не преуспели.

— Что мы должны сделать? — деловито спросил Фесс, гася не нужную больше горелку.

— Взять тело погибшего от мора и как следует расспросить, — усмехнувшись, ответил Тёмный.

— Разве Светлые не делали вскрытия?

— Врачи, решившиеся на это, умирали спустя не сколько часов в бреду и уже ничего не могли рассказать о том, что же они увидели.

— Тогда идём. — Неясыть принялся деловито собираться. В просторной холщовой сумке он уже давно носил нечто вроде «полевого набора некроманта на все случаи жизни» — носил и ждал, когда это понадобится. Оказалось, что понадобится уже совсем скоро.

Тёмный ограничился набором хирургических инструментов; правда, они больше смахивали на пыточные. Фесс невольно поморщился; Неясыть в его душе свирепо ухмыльнулся.

Сумерки мира, внезапно припомнилось Фессу. Он должен пройти через сумерки мира, чтобы вновь стать самим собой. И кому ведомо, не знаменует ли наступление чёрного мора полосы того самого «вечера»?..

Запахнувшись в плащи, они вышли из Академии. Ворота были плотно заперты, возле них расположи-

лась вооружённая стража; на посеревших лицах воинов навек, казалось бы, отпечатался страх — несмотря на то что службу они несли *внутри* стен Академии, куда вроде бы пока ещё не было доступа заразе.

Улицы весёлого Ордоса были пустынные. Тоскливо завывали псы; а прямо по мостовой, нагло и торжественно, двигалась целая процессия серых крыс. Они шли цепочкой, словно хорошо обученные воины, — колонна их выныривала из одной сточной трубы и, миновав дорогу, ныряла в другую.

Даэнур остановился. Молва приписывала Тьме покровительство над крысами — недаром, мол, в жертвоприношениях Чёрных магов так часто использовались кошки!

— Смотри внимательнее! — прошипел Тёмный Фессу. — Да не глазами смотри, не глазами!

Однако Неясыть не нуждался в напоминаниях. Трепещущий флёр надчеловеческого зрения, и... да, что это за шлейф, тянущийся за каждой из крыс?!

Зелёный шлейф, оставляющий зловонный след на земле... Зараза? Но почему этого не видят Светлые? Ректор Анэто, если он настолько силён?

— Потому что мы смотрим сквозь призму Тьмы, — угрюмо бросил Даэнур. — Светлым это неподвластно... так же как и нам никогда не взглянуть на мир *их* глазами.

— Чего мы ждем, учитель? Позвать сюда весь Белый Совет, пусть выжгут эту нечисть!

— Неясыть... крысы и в самом деле посвящены Тьме. Они — её гонцы и предтечи... мы не можем обратить нашу мощь против них.

— А указать? Указать на них Анэто — тоже не можем? — изумился Фесс.

— Крысы — это лишь следствие, а не причина, — бросил Тёмный. — Они пируют... наверняка жрут погибающих... ещё живыми... зелёный шлейф — это ведь не яд...

Однако Фесс уже сам успел понять это. Крысы шли и шли, толстые, довольные, невозмутимые, не

обращая никакого внимания на двух застывших волшебников — словно и впрямь понимали, что от адептов Тьмы им вреда не будет.

— Пойдёмте, учитель, — наконец не выдержал Фесс. — Пойдёмте... туда, откуда они пришли.

— Что ж, пойдём, — кивнул Тёмный. — В принципе нам всё равно, куда идти. Лишь бы дело сделать. Давай, вычисляй место!..

Это оказалось нетрудно. Серо-зелёная нить брала своё начало в скромном, добротном, ничем не примечательном доме с хлебной лавкой в первом этаже.

— Идём! — скомандовал Даэнур.

Шагая вслед за наставником, Фесс мог лишь поразиться, как изменился, если смотреть на него магическим взором, даже сам воздух весёлого Ордоса. Фесс видел блёклые серые тени, медленно двигавшиеся от крыши к крыше, признавая в них *ххоров*, призрачных вампиров, питавшихся последними эманациями души умирающего; как они могли проникнуть сюда, неужели защита Белых перестала существовать в один миг?

— Ххоры? — обернулся на ходу Даэнур. — Да, вижу... и много-то как... Не обращай внимания, ничего тут уже не сделаешь, да и растерзать они никого не смогут.

Фесс покачал головой — ххоры были вполне способны утянуть за собой во мрак роженицу, младенца, даже трёх-, четырёхлетний ребёнок без родительской защиты не мог чувствовать себя в безопасности! Почему Даэнур так беспечен?!

— Принцип меньшего зла, — проворчал в ответ Тёмный. — Если мы с тобой сейчас разберёмся в происходящем, мы спасём десятки тысяч. Если начнем гоняться за ххорами — спасём двух-трёх, ну, может, с десяток — а эпидемия тем временем будет косить остальных...

— Наставник, но как они оказались здесь?

— Горе и отчаяние, — помедлив, ответил Тёмный. — Людские страх и ужас в силах превозмочь любую магию. «Анналам» известны случаи, когда пущен-

ные магами во вражеское войско молнии рассеивались — если враги *по-настоящему* были готовы биться и готовы были умереть ради своей победы. Так и здесь. Защита Белых крепка, Ордос привык жить за ней без хлопот и забот, а когда пришла беда... ужас и растерянность открыли ворота и ххорам, и этим крысам, и, я боюсь, кое-кому похуже. Впрочем, вот мы и пришли! Кыш, проклятые! — словно воронам, крикнул Даэнур повисшим над черепичной крышей дома призракам.

Ххоры поднялись неохотно, их хриплые голоса звучали недоумённо и негодуяще — но в голосе Тёмного была *власть*, против которой порождения мёртвого мира были бессильны. Пока что бессильны...

Добротная дубовая дверь, недавно покрашенная, была наглухо заколочена снаружи — толстенными досками крест-накрест. И точно так же — широкие окна первого этажа.

— У магистрата свои методы, — проворчал Тёмный, подсовывая когтистую лапу под доску и без всякого усилия выдирая ее вместе с гвоздями. — Входи, Неясыть, времени нет!

Фесс вошёл следом за учителем, не забыв запечатать за собой вход. Он поставил самое сильное заклятие, какое только знал, — в висках аж зазвенело от боли.

— Не трать силы попусту, — бросил Тёмный, не оборачиваясь. — Они тебе сейчас понадобятся. Все без остатка. Ну, чего ты на меня смотришь? Черти Круг Отражения! Черти, прежде чем мы войдём к трупам!

Фесс стиснул зубы и повиновался. Совет Даэнура был хорош... но запечатать вход тоже было нужно. Крысы крысами, а не хватало, чтобы сразу начал разносить ветер.

Круг Отражения. Одно из самых сильных заклятий в арсенале некроманта. Ему учат только на четвёртом году... но у Тёмного имелись свои соображения по поводу темпов обучения.

Здесь могла помочь только *собственная сила* Фесса — и она послушно пришла на его зов, но, не ожи-

данно для него самого, в облике той самой обольстительной Аттики, которую он столь старательно пытался забыть все эти недели. Одета девушка была более чем легкомысленно; Фесс ощутил прилив крови к щекам, и в тот же миг вокруг него сгустилось нечто вроде лёгкого, призрачного тёмного пламени. Миг — и всё растаяло, но защита была уже установлена.

Фесс невольно вытер пот со лба. Атлика... так вот какая у тебя власть! Значит, я, сам того не подозревая, думаю о тебе, беспокоюсь и стремлюсь защитить? Ладно, надо постараться разыскать тебя сегодня...

Думать о том, что девушки уже, быть может, нет в живых, Фесс категорически отказывался.

— Иди за мной! — громыхнул Тёмный. Он уже стоял на пороге комнаты. Неясыть стиснул зубы и шагнул следом.

Ещё совсем недавно это была милая и уютная комната, с камином, большим столом, отполированными лавками, резными сундуками, высоким буфетом — пекарь, очевидно, преуспевал; в углу грудой были свалены детские игрушки — тряпичные куклы, звери, вырезанные из дерева фигурки всадников и пеших, колесницы — тоже не из дешёвых; на окнах — длинные мягкие занавеси, в буфете — парадная посуда. В углу — Лик Спасителя; здесь, наверное, в него искренне верили.

Да вот только не помог никакой Спаситель.

Фессу потребовалось сжать зубы ещё крепче, до хруста и боли, чтобы не отвернуться и не броситься наутёк при виде открывшегося ему зрелища.

Поперёк комнаты лежало тело крепкого, дородного мужчины, так и не успевшего снять пекарский колпак. Он лежал на спине, черты лица были страшно искажены — не от боли, от ужаса; щёки и лоб покрыты ало-синюшными пятнами, в середине каждого кожа лопнула, кое-где обнажилась кость. О запахе не приходилось даже говорить; Фесс едва смог бы дышать, если б не Круг Отражения.

Вот только хватит ли сил поддерживать его достаточно долго?..

Тёмный рывком распахнул плащ, с нарочитым грохотом поставил на стол сумку с инструментами.

— Ххоров тут было много... Неясыть, поищи живых. Должны быть...

— Зачем? — угрюмо спросил Фесс. — Им мы всё равно не поможем.

— Если не поможем — то добьём, чтоб не мучились! — оборвал ученика Даэнур. — Не чувствуешь ауры боли, что ли, Неясыть?

Фесс чувствовал. И, наверное, даже острее своего наставника — потому что был человеком.

— Я буду вскрывать мужчину. Ты мне нужен, так что поторопись.

Фесс двинулся к ведущей на второй этаж лестнице — и тут в самой глубине, в углу за камином, раздался какой-то шорох. Неясыть рванулся туда — на полу, обнявшись, лежали дети. Двое, мальчик и девочка, оба нарядно одетые, словно они собрались на праздник. Мальчику было лет пять-шесть, девочке на глаз едва сравнялось четыре.

— Нашёл живых, — сообщил Фесс Тёмному. Оба ребёнка едва дышали. Красивое платье девочки было всё перемазано зелёной рвотой; слезь сочилась из глаз, из ушей, из носа; она дышала едва-едва, слабо и прерывисто; судя по всему, ей оставалось ещё от силы несколько минут.

Понятно, отчего ххоры пируют...

— Ищи ещё, — скомандовал Тёмный. — Они мне понадобятся... все.

Фесс послушно двинулся вверх по лестнице. Наверху нашлись старик и старуха, мёртвые — тел Неясыть касаться не стал, — и молодая женщина, высокая, полногрудая и светловолосая. Она тоже ещё дышала.

— Неси её сюда! — донёсся приказ Даэнура.

Фесс осторожно поднял тело. Оно казалось каким-то странно мягким, словно не имело костей; голова

неестественно запрокинулась, изо рта поползла по щеке зеленоватая струйка.

Неясыть судорожно сглотнул. Женщина уже не имела сил кричать, она почти умерла — но отчего-то задержалась на самой грани бытия, испытывая при этом все муки, как если бы оставалась в полном сознании. Аура ее замутилась, черви-могильщики призрачного мира, пожиратели того, что остаётся в теле от души после того, как сама душа покинет плоть, уже тянулись к несчастной из всех углов сумрака.

«И что, эта гадость — тоже Тьма? — ужаснулся Фесс. — А ну, брысь отсюда!»

Ненависть удвоила его силы. Из глаз вырвалась молния, лопнула, поражая копошащуюся слизистую нечисть. Круг Отражения предостерегающе затрещал — обрушившаяся на него отдача была опасно велика.

— Прекрати! — взревел там, внизу, Тёмный. — Ты нужен мне здесь!

Осторожно ступая, Неясыть вернулся в большую комнату. Мужчина, уже освобождённый от одежды, лежал на столе. Дазнур склонился над ним с устрашающего вида кривым ножом в когтистой лапе.

— Положи женщину рядом с детьми, — скомандовал Тёмный. — Иди сюда и смотри как следует!

Чувствуя, что покрывается потом, Фесс повиновался. За его спиной раздалось слабое «мама...» — похоже, девочка даже на грани смерти чувствовала рядом мать.

Тёмный резко опустил клинок, словно разя врага на поле брани.

Тело несчастного пекаря раскрылось, точно книга. Фесс ожидал крови, ещё чего-то подобного — вместо этого на пол хлынула зелёная слизь. А среди этой слизи... видимая, конечно, лишь магическим зрением... Чёрная тень, что-то вроде зубастой многоножки, метнулась куда-то вбок. Тёмный от неожиданности отшатнулся, однако Неясыть не подкачал. Сухой треск, мелькание голубых искр — тварь зависла на самой

границе двух миров, отчаянно извиваясь в сотворённой Фессом призрачной ловушке.

— М-молодец... — ошарашенно проговорил Тёмный. — Надо же... а я и не знал... Тащи её сюда, Неясыть... Понятно теперь, почему Светлые ничего не замечали... откуда ж им это знать...

— Учитель! — простонал Фесс сквозь стиснутые зубы. Круг уже еле держал.

— Всё, всё, уже перехватил! — опомнился Даэнур. — Ну, Неясыть, истинный ты Неясыть! Не излови ты этого зверя... Зато теперь легче будет. Надо звать Анэто... если, конечно, он не испугается прийти в заражённый дом.

— Не испугаюсь, — внезапно раздался спокойный и полный достоинства голос. — Мои поздравления, милорд декан, мои поздравления, студиозус Неясыть... я сейчас буду.

— Вот так так... — пробормотал Тёмный, когда в парадной двери что-то коротко полыхнуло, Сила отозвалась лёгкой отдачей и белый маг Анэто, ректор Академии Высокого Волшебства, бестрепетно шагнул через порог.

— Великий Свет! — Он покачал головой, разглядывая корчущуюся в воздухе многоножку. Даэнур уже успел полностью вытянуть её из мира мёртвых в обычный. — Что я могу сделать, милорд декан? Признаю, ваше искусство несравненно.

— Нам с Неясытью нужна Сила, — просто ответил Тёмный. — Как можно больше. Вам этих тварей не изловить, они подвластны только самому чёрному из моего волшебства. Нужны жертвы. Или... Сила, очень много Силы, чтобы изгнать их из Ордоса... или, точнее, перекрыть им сюда дорогу, потом изгнать будет уже легче.

— Ты знаешь их? — Анэто поднял брови. — Впрочем, все разговоры потом... здесь ещё трое живых, мы можем им помочь?

— Да, — кивнул Тёмный. — Эта тварь также способна чувствовать страх и боль, как и ее жертвы. Удер-

живайте её, милорд ректор, я буду вскрывать этого несчастного и управлять Силой, а Неясыть должен заставить бестию мучиться как можно сильнее и дольше. Тогда, быть может, спасём детей и их мать.

Фесс ощутил осторожное касание чужой Силы — Анэто словно принял у него из ладоней скованное магией существо.

— Начинайте, мой добрый друг, — мягко проговорил ректор. — И не стесняйтесь, командуйте мной, поправьте, если я что-то сделаю не так.

— Ну, Неясыть, чего ждёшь? — громыхнул Тёмный. — Или я у тебя зря зачёт по ритуальному мучительству принимал?..

Фесс молча поднял один из инструментов Тёмного и поднёс начищенную бронзу к самому «глазу» существа. Многоножка задёргалась — но Анэто держал крепко. Неясыть приблизил лезвие к самой голове существа.

«Пощади... — внезапно прошелестел в сознании чей-то бесплотный голос. — Пощади, и тебе воздастся... пощади, я обещаю тебе защиту... я проведу тебя тёмными путями, у тебя будет власть, золото, всё, что захочешь...»

— Мне уже предлагали, — громко, вслух ответил Фесс, и лезвие, вскрыв спинной панцирь, коснулось одного из нервных сплетений твари.

В ушах Фесса грянул отчаянный женский вопль, так что непонятно было, кто кричал — не то умиравшая жена пекаря, не то — пленённое им существо...

Казалось, чья-то огромная рука щедро плеснула воды на ещё не просохшую, только что написанную акварельными красками картину — и нарисованное поплыло, смешиваясь, цвета создавали причудливые сочетания. Комната вокруг Фесса странным образом менялась, вниз стекали стены, задрожала и искривилась, точно в ярмарочном потешном зеркале, фигура Тёмного, вокруг расползлось мертвенное зелёное сияние — и Неясыть под своим ножом увидел не отвратительного призрачного гада, хищника и пожира-

теля, пришедшего за добычей из мира мёртвых в мир живых — а тонкую, словно былинку, русоволосую девушку с огромными печальными глазами, одетую в лёгкие развевающиеся золотистые ткани, — тело неподвижно застыло в зелёном воздухе, схваченное невидимыми клещами заклятий Фесса и Анэто. В точёно е плечо девушки был вогнан кривой и ржавый клинок, из-под лезвия толчками выбивалась кровь, словно была задета одна из крупных артерий. Фиалковые глаза затуманились болью, но сознание из них ещё не ушло.

«Пощади...» — вновь с мольбой прозвучало в ушах Фесса. Его взор судорожно метнулся в одну сторону, в другую — никого и ничего. Ни Тёмного, ни ректора Анэто. Он был один; ноги утопали в зелёном тумане, так что даже непонятно было, на чём он стоит.

«Морок! — изо всех сил старалось сознание. — Морок, наваждение, ничего больше!»

— Остановись... больно... — простонала девушка. — Прощу тебя... ну пожалуйста...

Фесс изумлённо уставился на свою собственную руку — оказывается, она сама, без всякого его на то желания, успела вдавить ржавый нож ещё глубже в нежное тело.

Неясыть закричал, словно кривое лезвие терзало его собственную плоть. В памяти вспыхнули лица... много незнакомых лиц, и Неясыть знал, что это те, кого ему довелось убить, — спасая ли свою жизнь, сражаясь ли за чужую — неважно. Царство мёртвых властно потянуло его к себе. Да, он убивал — но убивал в бою, на поединках, в жарких сражениях, где противники сходятся, не видя друг друга под тяжелыми забралами глухих шлемов, — он был воином, но не палачом!

Значит, он не может быть магом? Настоящим Тёмным магом, действующим исходя из принципа меньшего зла, умеющего причинять муки одному и спасти тем самым многих?!

«Слабак! — попытался разозлиться он на себя. — Трус, слабак, тряпка!»

Не помогло. Золотистая туника девушки пропиталась кровью, плотно прилипая к тонкому телу. И руки Фесса одеревенели, уже не повинаясь ему; он почувствовал, как слабеют наложенные на прекрасную пленницу цепи; щекой он ощутил слабые толчки воздуха — так, а не слухом он воспринимал сейчас чужую речь и понимал, что эти толчки — яростный крик мага Анэ-то, перед которым в магическом капкане не прекрасная соломенноволосяя незнакомка с дивными бездонными глазами — а мерзкая многоножка, много хуже любого вампира, упыря, оборотня или ххора; Неясыть понимал это — но сделать ничего не мог.

«Есть много миров... и много обликов. Разве ты не убиваешь для еды?.. — опять прозвучало в сознании. — Для тебя твоя еда не наделена разумом... точно так же и наша еда не наделена разумом для нас. Мы не трогаем магов... потому что вы — очень близки к нам, особенно те, что исповедуют Тьму...»

Обливаясь потом, Фесс заставил левую руку подняться. Наклонил голову — словно ворочал тысячепудовую тяжесть — и что было сил впился в собственную руку зубами. Да так, что разом прокусил чуть ли не до кости.

Странно — он ничего не чувствовал. Тело стало как будто чужим, зелёный свет становился всё гуще, и в голосе фиалковоглазой внезапно прорезались нотки ликования:

«Ты уходишь со мной?!.. О радость, о счастье, я привела нового Брата!»

«Привела?! — взорвалось в сознании Фесса. — Нет уж, я не безмозглый бык, и никому не будет позволено никуда меня водить!» На мгновение в памяти всплыли Эвенстайн с Бахмутом, жёлтая отвратительная струйка на его, Фесса, лице — и ненависть скрутила его настолько тугой судорогой, что вкрадчивый голос девушки тотчас угас. Неясыть с глухим рычанием погрузил нож глубже в прекрасное, соблазнительное тело.

Короткий вопль — и сквозь рвущиеся зелёные за -

весы начал пробиваться привычный свет обыденного мира.

Фесс увидел искажённое лицо Анэто — по лбу волшебника отчего-то струилась кровь; увидел орудующего своими жуткими бронзовыми резаками Тёмного — Даэнур слал на помощь Белому магу одну волну Силы за другой, но ловушка тем не менее таяла — таяла до того мига, когда Фесс пришёл в себя.

...Многоножка билась и вертелась. Её боль обжигала, точно прикосновения раскалённого железа. Из прокушенной руки Фесса тоже сочилась кровь, но на это он внимания не обращал.

— Держи её, Неясыть, держи! Ещё немного... — проревел Тёмный.

Фесс, точно замороженный, не отрывая взора от мечущегося в ловушке злосчастного существа, повёл лезвием чуть в сторону. Он чувствовал предсмертный ужас умирающих людей — это неожиданно укрепило силы. Из вскрытого тела многоножки стал медленно растекаться в разные стороны настоящий рой слабо светящихся зелёных огоньков — точно небольшое пылевое облачко; Неясыть мгновенно ощутил накатившее заклятье Тёмного, увидел знакомые сшивки, торопливо начал плести своё собственное, норовя помочь наставнику; зелёный рой сжался до плотного комка размером с кулак.

— Веди! Веди к этим! — задыхаясь, приказал Тёмный.

Фесс повиновался. Учитель не объяснял, как именно это следует сделать, но у Неясыти в те минуты всё получалось почти что само. Раз прочитанные в книгах прописи становились накрепко вызубренными заклинаниями, они превращались в изящно и крепко сплетённые чары-команды: зелёный клубок поплыл к лезавшим на полу детям и женщине.

— Про тварь не забывай! — словно кнутом, хлестнул голос Даэнура. Скальпель в руке Фесса вновь ожил — хочешь быть магом, умей делать два дела одновременно.

Зелёный шар тем временем завис над головами не-
счастливых, и Фесс, внезапно прозревая — по мере того
как муки пленённого создания-пожирателя станови-
лись ощутимой Силой, — увидел, что на самом деле
это никакой не комок, а самая настоящая дыра, раз-
рыв в ткани мира, прямой ход в ту невообразимую
бездну, откуда неведь почему вырвались эти жуткие
существа.

Тела лежавших дрогнули. Девочка приподнялась,
её тотчас согнуло в жестоком кашле — однако уже в
следующий миг отчаянно цеплявшееся за воздух все-
ми своими конечностями длинное и тонкое тело бес-
тии выскользнуло словно бы из раскрытого рта — и
втянулось в зелёный шар.

За ним последовали второе и третье чудовища; как
только скрылось последнее, Тёмный скомандовал
Фессу:

— А теперь держи это!..

Однако Неясыть не послушался. Бронзовое лезвие
в его руке погрузилось ещё глубже — и едва ощутимое
содрогание нанизанного на острие тела оповестило
его, что явившееся ему в образе соломенноволосяй де-
вушки с дивными фиалковыми глазами существо
мёртво — окончательно и безвозвратно.

Дазнур молча покачал головой.

— Не стоило этого делать, Неясыть...

— Да бросьте вы! — сдавленно прохрипел Анэто,
держась за грудь и сплёвывая кровью — правда, ему
тотчас пришлось вызывать огонь, чтобы сжечь плевок:
маг не может позволить, чтобы столь важная субстан-
ция его тела попала кому-либо в руки. — Бросьте! Что
это было, декан? Что делать теперь?..

— Теперь — вызывать сюда целителей, — угрюмо
бросил Тёмный. — Эти бедняги едва живы, у них об-
ширные внутренние повреждения... но твои лекари
справятся, Анэто. Если, конечно, не будут мешкать.

Светлый маг коротко кивнул, приложил пальцы к
вискам и что-то коротко прошептал — он был на-

столько измучен, что пришлось прибегать к столь архаичной форме невербального общения.

— Команда сейчас будет здесь, — глухо произнёс Анэто — кажется, у него рот опять наполнился кровью. — Говорите же, не молчите, люди умирают каждую минуту!

— Что тут говорить... — проворчал Тёмный. — Я уже сказал, милорд ректор, — или нужны человеческие жертвы, или — вся Сила Академии.

— Ты получишь её, — немедленно согласился ректор. — Вызвать всех магов сюда?..

— Не надо. Пусть составят «кольцо» и перекинут мост вот на него, — Даэнур кивком указал на Фесса. — Он человек, ему будет легче принять вашу Силу, чем мне. Я перейму от него энергию.

— Ты сможешь вышвырнуть их из города? — в упор спросил Анэто. Фесс мимоходом ощутил брошенное ректором заклятие — невероятно быстрое и мощное, Неясыть мог только догадываться, что в нём, — несмотря на то что Анэто, за недостатком времени, не зашифровал свои чары.

Тёмный покачал головой.

— Думаю, что смогу закрыть проход. Тех, что уже проникли сюда, придётся изводить по одной... но теперь с ними уже смогут справиться любые маги, не только чёрные.

Ането молча и отрывисто кивнул.

— Академия готова, — быстро произнёс он.

— Хорошо же они у тебя вышколены, милорд ректор, — усмехнулся Даэнур — похоже, ему просто было нужно перевести дыхание.

— Какие есть, — коротко ответил Анэто. Глаза его гневно вспыхнули, однако Светлый маг сдержал себя.

— Тогда начинаем! — скомандовал Тёмный. — Неясыть, ты знаешь, что делать...

Фесс молча кивнул. Не такое уж сложное дело — служить проводником Силы, тем более — посылаемой несколькими десятками опытных и бывалых волшебников.

В следующие бесконечные мгновения он, блаженствуя, плывал в настоящем океане Силы. Маги Академии не скупились. Фесс угадывал в льющихся сквозь него потоках и розную, вольную мощь ветра, неистовую ярость и жар огня, неторопливую, давящую, всеокрушающую силу земли, волнуемую изменчивость водной стихии, чувствовал алхимиков и травников, святых отцов и тех, что занимались чудовищами, — кольцо редкостного, небывалого единства охватило сейчас всех без исключения магов Академии, всех, кто имел настоящие посохи волшебников.

Чуждая Тьме Сила коснулась Даэнура. Конечно, большая её часть пропадала впустую — Тьма не может пользоваться мощью Света так же хорошо, как он сам, — но и того, что Тёмный мог обратить в своё оружие, оказалось достаточно.

Астрал вздрогнул от ударившего в него яростного потока. Тёмный превратился в острие пущенной стрелы, оголовие брошенного копья, он один видел крошечный разрыв в ткани мира — и подобно тому, как лекарь раскалённым железом выжигает заразу из раны человека, так Даэнур выжигал сейчас пятно гнили, навчавшее разъедать Эвиал.

Отдача смяла Фесса, погребла его под лавиной боли и безумия. Удар, нанесённый Тёмным, в обычных условиях требовал бы долгих и тщательных усилий по балансировке и компенсации, филигранных вычислений, игре на магии противоположностей и тому подобных вещей — однако времени не было, и ответ возмущённого таким вторжением Астрала пришлось принять на себя двум дерзким чёрным волшебникам.

Но Астрал хоть и могуч, но не одушевлён; его *откат* — это просто упругость дерева, от которого отлетает дубинка, ударяя по лбу своего хозяина. Гораздо страшнее был краткий миг — когда боль волшебным образом распахнула горизонт Фессова зрения чуть ли не до самого края Ойкумены и когда он ясно и чётко,

до рези в глазах, увидел короткую дрожь, пробежавшую по окутавшей дальний запад тёмной туче.

Смерть тоже получила сигнал.

И, может быть, весть эта достигла даже того самого Спасителя, в которого так упорно верили местные обитатели?..

В сознание Фесса привёл Тёмный. Неясить лежал на своей узкой кровати, скорее даже — койке.

— Удалось?.. — был первый вопрос очнувшегося.

— Удалось, — кивнул Дазнур. — Но, великая Тьма, чего же мне это стоило!.. Наверное, целый месяц теперь не смогу даже самое простенькое заклятие сплести, придётся тебе исключительно теорией заниматься, — он ещё пытался шутить.

— Учитель... а как же эти?..

— Крысиный их лаз мы заклеили, — задумчиво сказал Тёмный, подавая Фессу низкую чашу с дымящимся, остро пахнущим питьём. — Остались только те, что уже прорвались в Ордос. Это тяжело, неприятно, но пандемией уже не грозит. Хотя, конечно, смерти ещё будут. Нам с тобой не справиться, даже работой мы без сна и отдыха. Дело бы кончилось тем, что либо тебя, либо даже меня утянули бы... туда, на дальнюю сторону. — Он неопределённо мотнул чешуйчатой головой. — И даже «кольцо» нам бы не помогло.

— Учитель... но что это за создания? Серьёзные книги о них молчали... а вот «Анналы»...

Казалось, Тёмный несколько смутился.

— Ну да, так ведь я тебе разве не говорил — кое-что в «Анналах Тьмы» было правдой. Чтобы замаскировать главную ложь. Салладорец писал о чём-то подобном... он побывал *вовне* глубже всех, глубже, чем даже я. Там описано...

— Я помню, что там описано, — тихо проговорил Фесс. — Сбылось одно из пророчеств, предвещающих появление того самого Разрушителя, Тёмного Мессии... у него было много звучных титулов. Если Светлые свято верят в подлинность «Анналов» — что они должны предпринять?

— Во-первых, они должны отбить нападение на Ордос, — проворчал Тёмный, пряча глаза. — Погасить эпидемию, успокоить обывателей. А то, я слышал, все эти герцоги и графы Изгиба совсем, видно, ошалели от страха — раздали вилланам оружие, подняли дружины и расстреливают из арбалетов и луков любое существо, идущее, летящее или бегущее из Ордоса. Не испугались попереть на самих магов!.. Решение-то, конечно, верное, да вот только...

Неясыть понимал, что его учитель вновь умело уводит разговор в сторону.

— Наставник... но всё-таки? Что будет, когда Светлые справятся с болезнью?

— Думаю, выдадут нам наконец-то разрешение заниматься практическим воскрешением и зомбированием на паре-тройке нормальных трупов, а не выеденных паразитами до состояния пустых мешков с костями, — проворчал Тёмный. — Или подбросят денег на ремонт здания. Или...

Неясыть в упор смотрел в немигающие жёлтые глаза.

— Ну, хорошо, — сдался Даэнур. — Ты, как всегда, прав, мой ученик. После всего этого они возьмутся за тебя.

— И что же будет? — суховато, с каким-то отстранённым академическим интересом проговорил Фесс.

Тёмный опустил голову.

— Помнишь, я тебе говорил, что, пока милорд ректор заинтересован в тебе, ты можешь чувствовать себя в безопасности?

— А если они сочтут, что я и есть тот самый Тёмный Мессия? «Анналы Тьмы» не содержат прямого указания на то, что он бессмертен и неуязвим.

— Но грозят великими бедами, если кто-то поднимет на него руку, — напомнил Даэнур.

— Не вы ли говорили об оружии, способном погрузить в тысячелетний сон? — напомнил Неясыть. — И Тьма знает, может, кто-то из Светлых решил пожертвовать собой, только чтобы уничтожить зверя из бездны?

Тёмный промолчал. «Анналы», искусно сплетённая ложь... или невольный, из лучших побуждений, вымысел древних превращались сейчас в могучую и действенную силу. Фесс понимал своего учителя. Что он мог ответить своему донельзя настырному ученику?

— Как бы ни тяжело было мне расставаться с тобой, — неожиданно мягко проговорил Тёмный, — я буду ходатайствовать перед ректоратом о твоём досрочном выпуске. Тем более что предлог у нас имеется. Семиградью позарез нужен хороший некромант!

— Досрочный выпуск? — изумился Неясыть. — Но... зачем? Для чего? И мне ведь надо ещё столькому научиться!

Тёмный печально усмехнулся. Блеснули клыки.

— Тебе надо как можно скорее оказаться подальше от Академии, Неясыть. Наше счастье, что Светлые не умеют чувствовать нас на расстоянии... во всяком случае, нынешнее их поколение. Чтобы отыскать тебя, им придётся прибегнуть ко вполне человеческим средствам вроде шпионов и ищеек. Тебе предстоит нешуточная схватка с Инквизицией... но, если за тебя будут крупные купеческие гильдии, если ты станешь своим в Лесных Кантонах — даже отцы-инквизиторы трижды подумают, прежде чем свяжутся с тобой. А учёба... я дам тебе с собой кое-какие конспекты, я составил их за долгие годы своего безделья, пока ждал ученика. Там — всё то, чего тебе не хватает. Очень лапидарно, коротко, но — тебе хватит, базис у тебя куда как хорош. — Тёмный встал, отошёл к стене, вернулся, неся туго набитый заплечный мешок. — Тут всё, что тебе потребуется на первое время. Рекомендательные письма, снадобья, эликсиры, редкие химикаты, которые ты не сможешь найти даже у торговцев *дивностями*, хронологические таблицы, словари мёртвых языков, инструменты...

Жёлтые глаза смотрели на Фесса прямо и пронзительно.

— Ждать нельзя, — тихо продолжил Дазнур. — До меня дошёл слух, что Мегана покинула Волшебный

Двор и направляется сюда. Для такой волшебницы, как она, — это пара-тройка дней. У неё свои тропы, как болтали в ректорате. Не спрашивай меня о ней, Неясыть, я знаю не больше твоего. Но ничего хорошего от появления этой госпожи не ожидаю. Думаю, что Анэто тоже... и потому я надеюсь на него.

Дазнур поднялся.

— Спи крепко, мой ученик, мой лучший ученик... Я налагаю на тебя заклятие сна — не противься, не надо, завтра тебе понадобятся силы. Потому что если ректорат и согласится на твой досрочный выпуск, отменить выпускные испытания не смогут даже они. Право на посох тебе придётся доказывать — и притом без всяких скидок.

— А как же всё то, что осталось неразгаданным? — спросил Неясыть. — Обряд в катакомбах, Эвенстайн и Бахмут... У нас были только предположения, но никак не уверенность!

— Ты прав, — согласился Тёмный. — Мы очень многого не знаем. Меня, например, тревожит та девчонка, Атлика... мне бы не хотелось, чтобы Инквизиция вцепилась в тебя с самого начала, когда у тебя ещё нет имени и богатые города не могут за тебя заступиться.

Фесса словно пружиной подбросило на койке.

— Атлика?!

Ну конечно. Как же он мог забыть?! Ведь она может сейчас валяться где-то в своей жалкой комнатухе и, корчась от боли, умирать — в то время как её внутренности, её душу пожирает жуткое, неведомое существо, неведомо как прорвавшееся сюда, в славный Ордос...

— Ты что?! — опешил Тёмный. — Забыл, что тебе лежать надо?!

Однако Фесс его уже не слушал. Подхватив свою сумку, с которой ходил вместе с Дазнуром в недавний поход, он молнией вылетел за дверь.

Наставник ему не препятствовал, ведь Тьма — это свобода.

В Ордосе царил сумрак. Фесс мимоходом подумал, наступил ли это ещё только вечер того дня, когда они втроём с Анэто изгоняли прорвавшихся в город тварей, или же он, Неясыть, провалился без сознания весь вечер, всю ночь и весь следующий день до вечера.

Всё так же плыл над городом тревожный, скорбный голос большого колокола, но на сей раз в нём уже не слышалось той тоски и обречённости, что в прошлый. Несколько раз Фесс замечал группки магов Академии по два-три человека — они ходили из дома в дом.

Вторым зрением Фесс различал немало порождений призрачной половины мира, однако их стало заметно меньше. Только ххоры, точно воронье, по-прежнему кружились над многими крышами, но и этих гадов поубавилось много против прежнего.

Атлика! Где тебя искать?!.. Ноги сами несли Фесса вперёд, и он, за неимением лучшего, предоставил им выбирать дорогу.

Вот и знакомый перекрёсток, вот и знакомая вывеска кабачка, вот и... На этом сходство кончалось. Дом напротив был наглухо заколочен, над дверью висало широкое чёрное полотнище. Около трубы висело три или четыре ххора. Да и сам кабачок оказался закрыт — хорошо, что не забит, как поражённый заразой. Нет, тут просто были закрыты все ставни и наглухо заперта дверь. В отдалении, как раз в том переулке, откуда появилась Атлика, Фесс увидел лежащее на брусчатке тело. Сердце замерло и отчего-то оборвалось вниз, хотя никаких причин к этому, конечно же, не было — мало ли какой бедняга нашёл здесь свой конец?

Очевидно, в эту более бедную часть города маги и целители Академии добраться ещё не успели. Однако не прошло и пары минут, как Неясыть услышал негромкое скорбное пение — шесть или семь голосов тянули зауспокойный распев. Из-за угла появилась не-

большая процессия — люди шли с носилками, факелами и длинными крюками. Следом двигалась тяжёлая подвода — насколько Фесс мог понять, она доверху была заполнена телами.

Процессия остановилась возле неподвижно лежащего тела, священник в длинной коричневой рясе нагнулся над несчастным, что-то забормотав. Люди подхватили молитву. Двое поставили на землю носилки, приготовившись крюками перевалить на них мёртвое тело.

— Стойте! — внезапно выкрикнул Фесс. — Остановитесь или вы погибнете!

С необычайной ясностью он увидел сейчас притаившееся в покойнике существо — изрядно лишившееся сил, но всё ещё грозное, сытое и потому — смертельно опасное. Если бы процессия подошла несколько позже... ну, скажем, на рассвете, тварь уже не способна была бы атаковать, впад в голодное оцепенение. Но сейчас она ещё слишком хотела жить.

Люди замерли, изумлённо глядя на дерзкого. Чёрный плащ Фесса сам по себе смог бы ввести их в заблуждение — очень многие носили этот цвет сейчас, в дни траура, — но на запястье молодого волшебника, как назло, предательски сверкнул его безымянный браслет, и люди испуганно шарахнулись. Остался стоять только священник, хотя и он побледнел — это было заметно даже при свете факелов.

— Что тебе здесь нужно, исчадие Тьмы?! — Голос священника дрожал, однако держался он в общем мужественно. — Твой час ещё не пришёл! Мы предадим сего несчастного земле по освящённому Спасителем обычаю, и, коли вышло, что его брменная плоть оказалась отдана смерти, то уж до души его вам никогда не дотянуться!

Сказано было неплохо, искренне и с достоинством. Фессу очень захотелось ответить, во что уже давно превратилась душа этого неведомого бедолаги, однако он смолчал. У него на это просто не оказалось

времени, потому что в этот миг тварь зашевелилась. Разумеется, никто, кроме Фесса, этого не видел.

Не было времени плести сложное заклятие, брать это создание в плен и подвергать пыткам. То, в доме пекаря, просто спасалось бегством — это же само намеревалось напасть.

Фесс ударил. То есть сперва он просто отшвырнул недотепу-священника, а потом уже пустил в ход заклинание. Его пришлось плести быстро, очень быстро, из-за спешки в последовательность символов вкралась ошибка, и Неясыть с ужасом увидел, как тварь материализуется в обычном мире. Мелькнуло чёрное извилистое тело — мелькнуло и пропало, потому что в следующий миг перед оторопевшими людьми появилась милого вида девушка, с падающими на плечи волнистыми тёмными волосами, румяными щёчками и игривыми ямочками на них. Босая, в лёгких золотистых одеждах — точь-в-точь как на её товарке, убитой Фессом в доме пекаря.

Умилительно моргая длинными пушистыми ресницами, она осматривалась по сторонам, словно только что проснувшийся человек.

— С-сгинь! — пробормотал трясущийся священник, с трудом поднимаясь на ноги. — Сгинь, именем Спасителя, трижды святым, заклинаю и изгоняю тебя...

Но стоявшее перед ними создание, наверное, никогда не слышало ни о каком Спасителе. Его магия на неё не действовала.

Не обращая внимания на людей, девушка повернулась к Фессу.

«Зачем ты убил меня?»

Неясыть не ответил. За спиной нарастал вал чёрной и слепой людской ненависти, а прямо перед ним стояла сама Смерть, пугающая и непонятная, с которой невозможно было сражаться обычным оружием. Ему оставалось только атаковать тем, что было.

Людам из похоронной команды, мортусам, показалось, что руки чародея словно бы отделились от его тела — настолько сложную вязь жестов плели они. Не-

ясыть почувствовал, что его внутренности кто-то жестоко и хладнокровно выворачивает наизнанку — плата за использование запредельных для его уровня мастерства сил.

Нет, из пальцев Фесса не потёк жидкий огонь, не ударила молния, не вырвался свистящий смерч. Сейчас было не время и не место для подобных ярмарочных фокусов. Если бы мортусы могли видеть вторым зрением, их взорам предстал бы чудовищный молот, медленно вталкивающий порождение убийственного мира обратно в те неведомые глубины, откуда оно появилось. Фесс сдвигал границы миров, опасно балансируя на самой грани; он щедро расходовал собственную Силу, потому что на «кольцо» тут надеяться, конечно же, не приходилось.

Со стороны это выглядело как «молот»; черноволосая девушка тонко, болезненно взвизгнула, оглядываясь назад. На хорошеньком личике отразился неопишуемый ужас.

«Не хочу-у-у...» — услышал Фесс. Тонкие пальцы с покрытыми алым лаком ногтями на миг вцепились в невидимую даже для Неясыти преграду, однако тотчас же и соскользнули. Тело низринулось вниз, в зеленую бездонную глубину, начав стремительно меняться ещё в полете — возвращаясь к своему обычному кошмарному облику.

«Но ведь ворота закрыты! — мелькнула паническая мысль. — Куда же я её вытолкал?!»

Он ощутил тупой толчок в плечо, и это вырвало его из чёрного транса. Священник уже успел подняться на ноги и теперь что-то тонко вопил, наставив руку с зажатым в ней символом Спасителя — перечёркнутой крест-накрест стрелой — на Фесса. Толчок в плечо оказался увесистой дубиной в руках одного из мортусов.

— Ты вызвал демона!.. — с трудом разобрал Неясыть в общем яростном гвалте и визге. — Смерть Тёмным, смерть им всем!

Забыв о валяющемся под ногами теле, они всем скопом бросились на Фесса.

Священника с выкаченными совершенно безумными глазами и выступившей на губах пеной Неясыть отбросил. Второго, с дубиной, перебросил через себя и заставил успокоиться, пнув носком сапога в горло. Однако, чтобы справиться с третьим, надо было двигаться куда быстрее; прежний Фесс проделал бы это играючи, а вот этот новый оплошал. Удар в бок отбросил его к стене, кто-то покатился ему под ноги, в левой руке вспыхнула острая боль — кто-то, похоже, ткнул ножом.

— Я хотел помочь!.. — вырвалось у Фесса. Ответом был громовой хохот.

Наверное, дело обернулось бы для него совсем скверно и молодому некроманту на самом деле пришлось бы прибегнуть к кое-каким запретным разделам науки, спасая собственную жизнь, но губя душу, если бы из проулка внезапно не вылетела чья-то стремительная тень.

— Кого это вы тут охаживаете? — прозвенел задорный голосок, и Фесс обмер. *Такого* совпадения случайно произойти просто не могло.

Атлика стояла, уперев одну руку в бок, а другой поддевая юбку — куда выше требуемого даже при самом быстром беге. Плащ ее распахнулся, грудь угащённо вздымалась; похоронная команда дружно уставилась на вырез её платья и обнажённые до самых бёдер стройные ноги в нарядных чулках — кроме целомудренно отвернувшегося священника.

Удивительно, но они и в самом деле остановились. Фесс зашипел от боли, но всё-таки поднялся. Ну, теперь держитесь...

— Полюбовались? Может, ещё чего посмотреть захотите? — тем временем избоченилась Атлика. — Но за такой погляд уже деньги платят. Гони монету, или...

— Ты, девка, не выкобенивайся тут, — прохрипел один из мортусов, поднимаясь с земли. В его ладони

Фесс разглядел окровавленный короткий нож. — А то вмиг растянем, и... О-о-о!!!

Атлика метко пнула его каблучком в самое что ни на есть чувствительное место — причинное. В следующий миг Фесс немудрёной задней подножкой швырнул на землю здорового детину с железным крюком в руках и, схватив Атлику за локоть, со всех ног бросился бежать. Как бы ни позорно выглядело это с точки зрения воинской чести.

Позади раздались крики и улюлюканье.

— Держи Тёмных! Бей Тёмных! В огонь их, в огонь! — Священник надрывался так, что один заглушил весь свой отряд.

— Сюда! — Атлика ловко нырнула в какую-то заваленную мусором дыру между домами.

Поворот, поворот, поворот, осклизлые ступени вниз — и наконец спасительная темнота. Непроницаемая, хоть глаз коли, обычный человек, как говорится, не разглядел бы и собственной вытянутой руки.

— Ну, води теперь... Тёмный, — насмешливо произнесла девушка. — Води, я во мраке видеть не умею...

Фессу потребовалось меньше мгновения, чтобы прийти в себя. Они стояли в каком-то пустом подвале; за спиной начиналась ведущая наверх лестница, смутно виднелись захлопнутые тяжёлые створки — между ними не светилось ни единой щели. Станный какой-то подвал...

В дальней стене начиналось два арчатых хода.

— По которому из них? — осведомился Неясыть.

Атлика беззаботно махнула рукой.

— По любому. Это не лабиринт, это просто подвал знатного солеторговца Архаба. Правда, пол тут давно не ремонтировали, можно в какую-нибудь ямину ухнуть... так что гляди в оба. Пройдем квартал насквозь, там вылезем, как раз на углу Припортовой и Солеварной. У меня там знакомцы есть.

— Почему ты помогла мне? — не откладывая объяснения, в упор спросил Фесс. — Только не говори, что ты оказалась здесь случайно!

Некоторое время Атлика молча шла следом за Фессом, держа его за руку. Она оказалась права — пол у знатного солеторговца Архаба и впрямь содержался в отвратительном виде. Глубокие щели, настоящие провалы, в которых запросто можно было сломать не только руку или ногу, но даже и шею.

— Говорить, что оказалась тут случайно, конечно же, не буду, — наконец ответила Атлика. — Ты всё равно не поверишь.

— Не поверю, — подтвердил Неясыть. — Так, а теперь куда?

Они оказались в ещё одном сводчатом тёмном подвале — и тоже абсолютно пустом. Здесь не водилось даже крыс.

— Всё прямо и прямо, — махнула рукой Атлика. — Ещё один такой пройдем и можно будет вылезать... Ну, так не веришь ты мне, а дальше что?

— Слушай, рассказала бы ты мне всё по-хорошему? — попросил Фесс. — Не время сейчас словесами жонглировать. Клянусь честью Чёрного мага, пусть даже я им и не стал, твоей тайны я не выдам.

Некоторое время они вновь шли молча. Девушка за спиной Фесса учащённо дышала. Миновали ещё один подвальный зал, и действительно, впереди Фесс заметил узкую деревянную лесенку, что вела наверх.

— Я хочу познакомить тебя со своими друзьями, — наконец сказала Атлика. — Мы давно хотели... давно искали встречи. Но посторонних в Академию не пускают, и даже я, при всём... гм... ну ладно, не будем, в общем, даже я не смогла туда пробраться. А в город ты выходишь очень редко. Нам никак не удавалось тебя перехватить. Наконец мы собрались все вместе, стали думать... и придумали.

Фесс замер. Что она хочет сказать? Что это её друзья устроили тёмный обряд в монастырских катакомбах?! Но что же тогда получается, они *знали* об Эвенс-тайне и Бахмуте, точнее, о тех, кто прикрылся этими масками?

— И что же вы придумали? — медленно спросил Фесс.

— Выманить тебя. Заставить тебя самого искать нас. Сделать это оказалось нетрудно. Труднее всего было провести сам обряд, чтобы не пронюхал Белый Совет. Ну и раздобыть подлинные прописи, конечно же. Хорошо, что в Книге Тьмы есть приложения...

— В Книге Тьмы? — Глаза у Фесса полезли на лоб.

— Конечно, — простодушно кивнула Атлика. — Великий учитель, чьё имя мы прославляем, написал её давным-давно, когда, как говорится, солнце было ещё юным.

— Ты говоришь о...

— Трактат «О сущности инобытия», разумеется! — торжественным шепотом произнесла Атлика.

Так. Всё понятно. Крошечная кучка последователей Салладорца, неведомо как избегшая когтей Инквизиции и самого Белого Совета. Фесс по достоинству оценил отчаянный и ловкий ход — кто станет искать отверженных, гонимых приверженцев проклятого учения в самой цитадели Света, под носом у милорда ректора и остальных деканов?!

— Погоди, — тем не менее сказал Фесс. — Но почему вы решили провести обряд именно в тех катакомбах, а не где-либо ещё?!

— Да очень просто, — удивилась Атлика. — Ведь это, по сути, единственное место в городе, где такие обряды можно проводить более-менее безопасно. Монахи так погрязли в своей святости, что ничего вокруг себя не замечают — всё созерцают Свет Спасителя. В этом-то весь и фокус, понимаешь? Белый Совет думает, что Тьма и близко не подойдёт к этому монастырю, тем более — к кладбищу святых праведников. Мы просто влезли в катакомбы...

— Не оставив при этом следов, — как бы вскользь заметил при этом Фесс.

— А почему ты думаешь, что мы шли по основному ходу? — удивилась Атлика. — Так бы мы точно наследили, Белый Совет взял бы нас тёпленькими! Мы спо-

койненько нанялись в монастырь на работу... мальчишки — грузчиками, я — поварихой при них... спустились в подвал, оттуда — в катакомбы. Весь обряд вели на привязках — чтобы ноги пола не касались. Потом вылезли наверх и закрыли за собой люк. Всё очень просто!

Объяснение и впрямь было донельзя простым. Простым и естественным. Без всяких там магических вертов. Понятно, что такое решение и в голову не могло прийти милорду ректору Анэто!

— Ну, хорошо, — сказал Неясыть. — Предположим, я тебе верю... хотя учитель мой говорил, не верь никому, только себе, а уж красивой женщине — не верь сугубо и трегубо! Ну да ладно. Предположим, как я сказал. Что дальше, Атлика? Вы проследили за мной, видели, как я лазил по катакомбам... кстати, что я там делал, вы часом не видели? И почему же ты дала мне уйти в тот раз, когда заговорила со мной на улице? Вы потратили такие усилия, проделали обряд — и всё напрасно? Как ты мне тогда сказала? «Моё дело — задницей вертеть» или «на три цехина долго не протянешь»? Почему ты тогда ушла, Атлика?

Девушка долго молчала.

— Ты тогда оказался не готов, — наконец проговорила она. — Размяк, разжалобился... кстати, про жизнь свою я тебе не врала.

— А про что врала? — безжалостно спросил Фесс.

— Ни про что не врала. — Она пожала плечами. — Мы тогда хотели присмотреться к тебе... насколько ты крепок. Получить чёрный браслет — это, конечно, дорогого стоит, но, знаешь... Твой наставник-то с нами говорить бы не стал. И искать нас — тоже. Боится он уж больно, житьё у него тихое, безбедное... вот мы тоже решили ждать. Думали, признаться, что ты... гм... ну, в общем, что ты раньше меня увидеть захочешь. Я ж с того угла и не уходила, считай. Всё в «Красной бочке» сидела. Остальных девок оттуда выжила. — Она хихикнула. — Даже драться пару раз пришлось. Кой-

кого за волосы как следует оттаскать... В общем, пришло время. Пойдём, мальчишки тебя заждались.

— А что потом? — спросил Фесс.

— Как это — «что потом»? — поразилась Атлика. — Станешь одним из нас... будем помогать друг другу... до той цели, что поставил Великий Салладорец, ещё далеко, но мы стараемся...

— А как же эпидемия?

Атлика бесшабашно пожала плечами.

— Как говорится, двум смертям не бывать, а одной не миновать. Да и не очень зараза эта липнет к нам, Тёмным. Из ребят никто не заболел. Ну что, идём, Неясыть? Подходящее у тебя имечко... — Она негромко, зовуще рассмеялась. — Подходящее для нашей компании.

— Атлика, — сказал Фесс, беря её за плечи. Она послушно подалась вперёд — на случай, если ему захочется её обнять. Ему очень хотелось, но... готовность её прямо-таки читалась в глазах, и это было не приятно. — Атлика, послушай... в городе эпидемия. Каждый миг умирают люди. Мы с учителем перекрыли путь этой беде, но теперь надо биться с каждым прорвавшимся врагом в отдельности. Если я сейчас пойду с тобой, умрёт незнамо сколько невинных...

Атлика изумлённо подняла брови.

— Да они и так каждый день умирают. И что тебе за дело до них?... От старости умирают, от болезней — самых что ни на есть обычных, дети мрут... всех не спасти. И разве мы, Тёмные, должны о них думать? Они-то нас точно бешеных псов травят, даже хуже! Попадись мы в руки святым отцам... даже пепла не оставят! А сперва замучают так, что сам будешь у них на коленях казнь вымаливать!

— Атлика, я пошёл в город, разыскивая тебя, — глядя ей в глаза, сказал Неясыть. — Боялся, что ты погибнешь... мечтал спасти. Но не потому, что ты — Тёмная. Я ведь про это и не знал даже. Нет, просто потому, что ты человек...

— Ой ли? — загадочно проговорила девушка, игри-

во махнув юбкой. — Ну так что, идём или нет? Долго ещё тут в подвале торчать будем?

— Идём, — вздохнул Фесс. — Скажи мне, как вас найти, — и я приду. Как только справимся с бедой.

— Вот уж не думала, что ученик Тёмного окажется настолько мягкосердечен! — недовольно фыркнула Атлика. — Ну да ладно, не силой же тебя тащить... За-втра, на закате, приходи к «Красной бочке». Я тебя там ждать стану. Договорились? Смотри не обмани!

— Не обману, — кивнул Неясыть.

Они выбрались на улицу. Тьма быстро сгущалась, южная ночь вступала в свои права. Над оцепеневшим городом по-прежнему плыл тревожный звон большого колокола. Звонари на ратушной башне старались вовсю.

* * *

Эта ночь стала для Фесса подлинным кошмаром. Заметив вившихся над каким-то домом ххоров, он решил войти — дом не был заколочен, лишь наспех помечен чёрной тряпкой над входом, — однако едва унёс оттуда ноги. Хозяин, крепкий и широкоплечий мужик, был уже обречён, но сил у него пока ещё не убавилось. Его жена и дети уже лежали мёртвыми, и бедняга, наверное, просто повредился рассудком. Когда Фесс вошёл, человек бросился на него с мечом. Примагическая магия против него Фессу строжайше запрещал устав Академии, поэтому пришлось пустить в ход увесистый стул, вновь с горечью сознавая, что прежний Фесс справился бы со спятившим бедолагой без малейшего труда, одним стремительным движением... Наконец обезоружив и оглушив безумца, Фесс едва-едва успел стереть пот, как твари решительно полезли к нему из мёртвых тел. Пришлось поворачиваться, прежде чем одну ему удалось сжечь, другую — сгноить заживо, третью — замуровать на самой границе её мрачного мира, четвертую...

Четвёртая вырвалась-таки из своего кошмарного облика. И, опять же в образе молоденькой и соблазни-

тельной девчонки в развевающихся одеждах, она выскочила из окна и бросилась наутек с криком «помогите, убивают!». Пришлось гнаться следом. Бегала тварь на удивление быстро и, наверное, ушла бы — но, к счастью, Фесс вовремя заметил валявшийся на земле лом. Подхватив его, Неясыть метнул тяжёлую железку, точно копьё, — и не промахнулся. Разумеется, убить злобную бестию это не убило, но бежать она уже не смогла. Правда, видевшие это люди поняли всё крайне превратно — так что Фессу вновь пришлось спасаться бегством.

Измученный, запыхавшийся, он добрался наконец до Академии. Тёмный, разумеется, не спал — ждал своего норовистого ученика.

— Ну что? — встретил он Неясыть.

— Насилу спасся, — хрипло ответил Фесс, стягивая сапоги и валясь на койку.

— И конечно же, люди, — почти с уверенностью заметил Тёмный.

Неясыть молча кивнул.

— Люди с охотою бросаются на тех, кого они боятся и ненавидят, — философски уронил Дазнур. — Чем же тут удивляться?

— Но мы же им помогали!

Тёмный негромко рассмеялся, ничего не сказав.

— Ладно, Спаситель с ними, с людьми, — устало махнул рукой Фесс. — Но вот есть интересная история, учитель...

Дазнур резко посерьёзнул.

— Идём ко мне.

...— Не стоит говорить ни о чём серьёзном где-либо, кроме моей лаборатории, — заметил он, когда плотно закрыл за Фессом дверь. — Здесь я могу ручаться, что по крайней мере знаю, когда милорду ректору хочется послушать, как мы перемываем ему косточки. Ну, так что случилось?

Фесс как мог подробно пересказал Тёмному историю Атлики.

Даэну́р долго молчал. Сидел, барабани́ когтями по столу.

— Враньё, — наконец бросил он. — Деву́ща просто старается задурить тебе голову. Нет сомнения в том, что она работает на Инквизицию. Я ведь уже говорил тебе, что почувствовал бы неизвестного Тёмного мага даже в Мекампе или Эгесте. Что же говорить об Ордосе!

— Однако у них может не быть ни одного Тёмного мага, — возразил Неясыть.

— Гм... — Тёмный недовольно закричал. — Верно. Но тогда это значит, что вся стража Белого Совета, боевые волшебники, что без усталости гонялись за теми же последователями Салладорца, даром едят свой хлеб! И не думай, что Инквизиция совсем уж бессильна тут, в Ордосе. Знаешь, какой у них будет праздник, если им удастся взять *гнездо* учеников Эвенгара здесь, в оплоте магической мудрости?

— Но это всё равно не доказательство того, что Атлика работает на святых отцов, — заметил Фесс. — Они и впрямь могли бы укрыться здесь, где отцы-эзекюторы не имеют такой власти, как в остальных землях, где как-никак существует факультет малефицис-тики и Святая Церковь вынуждена с этим мириться...

Тёмный молчал, барабани́ всё громче и быстрее.

— Мне это не нравится, Неясыть. Школа Тьмы была уничтожена уже давным-давно, и за все эти годы ни разу никому из её адептов не удавалось укрыться здесь, в Ордосе.

— Может быть, это воистину последние? — предположил Фесс.

— Может быть... кстати, если эта твоя Атлика и в самом деле принадлежит к последователям Салладорца, я бы на её месте как можно скорее уносил ноги из города — ты забыл, что милорд ректор следит за каждым твоим шагом?!

Фесс с размаху ударил себя по лбу — так, что из глаз чуть было и в самом деле не посыпались искры. Как он мог забыть, осёл, кретин, тупица!

— Сиди спокойно! — жёстко приказал Тёмный. —

Если её взяли, то помочь ты ей сможешь не сейчас. И не тем, что кинешься в одиночку штурмовать церковную тюрьму. Надо будет действовать тоньше. Во время казни, если, конечно, до этого дойдёт дело. Угомонись, Неясыть! Ты забыл, что сегодня держишь экзамен на полноправного мага?! Испытания, кстати, начнутся уже вот-вот — так что советую побыстрее привести себя в порядок и идти к милорду ректору. Вместе со мной, конечно.

* * *

Милорд ректор встретил их отменно ласково. По кабинету гуляло яркое августовское солнце, был самый канун Дня учеников, однако ни один счастливый обладатель серебряного кольца ещё не прибыл в Ордос — его порт был мёртв, а войско герцогов Изгиба никого не пропускало в зачумлённый город. Анэто казался осунувшимся и уставшим, но держался бодро.

— Эпидемия пошла на убыль, — первым делом сообщил он. — За сутки умерло всего две с половиной сотни — вдвое меньше, чем вчера. Вы отлично поработали, коллеги. Дыра запечатана, и хода тварям больше нет... да, прекрасная работа, Неясыть. Ректорат сообща решил засчитать это тебе за выпускной трактат. Ты держался прекрасно. Осталась лишь малая малость, для тебя почти что пустая формальность — публичные испытания.

От любезной улыбки Анэто Фессу почему-то стало нехорошо.

— Твой наставник, разумеется, объяснил тебе правила испытаний?

— В общих чертах, — осторожно ответил Фесс. Он не сомневался, что в радушных словах и любезной улыбке кроется ловушка — вот только где именно?

— Ты помнишь, что можешь в любой момент отказаться от испытаний?

Тёмный издал странный звук — похоже, что в пос -

ледный миг подавил ругательство. Анэто сделал вид, будто ничего не заметил.

— Разумеется, в таком случае ты утрачиваешь право на посох. Но посох подмастерья тебе обеспечен всё равно, можешь не сомневаться. Так что, — Анэто улыбнулся ещё лучезарнее, — бояться тебе совершен — но нечего. Я мог бы назвать тебе десятки имён тех, кто неплохо учился все годы, однако, провалившись на выпускном испытании, не получил даже жезла. Так что... — Он развёл руками.

— Милорд, вы уже составили перечень самих испытаний? — Тон Тёмного был до предела официален и сдержан, однако чувствовалось, что он кипит от ярости.

— Разумеется, милорд декан, — вежливо ответил Светлый маг. — Сейчас мы пройдем в зал испытаний, где уже собрался весь ректорат, и зачитаем вам перечень. Ручаюсь, для вашего ученика все задачи покажутся детской забавой, — ещё одна широкая улыбка, прямо хоть считай их. — Да, кстати, интерес к сегодняшнему событию среди мэтров, магистров да и просто добрых студиязусов очень велик. Было бы несправедливо лишать их возможности увидеть столь редкое зрелище. Поэтому основная часть испытаний пройдет на открытом воздухе — там же, где и в прошлый раз.

— Анэто, — Неясыть видел, как Тёмный выпустил когти, точно расшвирипевший кот. — Я не понимаю твоей игры. Какие зрители? Выпускные испытания, вдобавок в столь опасной части магии...

— Предоставь это мне, Даэнур, — небрежно ответил Светлый маг. — Не заставляй меня напоминать тебе, кто здесь ректор, а кто — декан... до поры до времени.

— Хорошо! — сверкнули клыки Тёмного. — Тогда не будем терять времени... милорд ректор.

— Так-то оно лучше, коллега, — хладнокровно отозвался Анэто. — Идёмте, деканы уже ждут.

Деканы ждали в том самом зале, где Неясыть год назад слушал самую первую свою лекцию в Академии.

В зале, само собой, ничего не изменилось — да и как может быть иначе в заведении, пуше всего дорожившем своими традициями?

Они собрались все. Но на сей раз Даэну́р не под-
нялся, чтобы присоединиться к ним, оставшись сто-
ять рядом с Фессом. Анэ́то занял председательское
место; уперевшись руками в стол, он внушительно за-
говаривал, и речь его разительно отличалась от только
что сказанных в кабинете слов. Голос милорда ректора
стал почти что грозен, глаза, казалось, вот-вот начнут
метать молнии.

— Аколит факультета малефицистики, именем Не-
ясыть! Здесь, перед высоким Советом, реки нам ещё
раз — готов ли ты к досрочному испытанию? Помни,
что никто не станет делать тебе скидку на то, что ты
провёл в наших стенах только один год вместо поло-
женных пяти. Если ты хочешь получить посох мага, ты
должен доказать, что достоин его.

— А готов ли посох для моего ученика? — внезапно
спросил Даэну́р.

— Готов, — нимало не смутившись, ответил рек-
тор. — Вот он, позади меня. — Он сделал знак. Двое
зеленокожих гоблинов осторожно вынесли вперёд
длинный посох чёрного дерева — простой, без всякой
резьбы, охваченный рядом толстых железных колец.
Навершием служил круглый отполированный шар ян-
тарно-жёлтого цвета — на глаз Фесс не мог сказать, из
какого камня это выточено.

Красивый посох. И, как всякая красивая вещь,
почти наверняка бесполезный в бою. Подобные шту-
ки хорошо использовать для церемонной, неспешной
магии длинных ритуалов, никак не для скоротечной
схватки...

— Итак, аколит Неясыть! Внимаешь ли ты моим
словам?

*«Нечто подобное уже было. И причём совсем недав-
но, — подумал Неясыть. — Я тоже проходил испыта-
ния. Но это были просто испытания закончившего пер-
вый год аколита, а здесь...»*

Здесь столкнулись Свет и Тьма, и нет смысла обманывать себя. Это твой бой, Неясыть, и очень может быть, что отсюда тебя унесут мёртвым. Бедный Дазнур, он по-прежнему им верит... верит в своё сакральное равновесие, в то, что «Белый Совет не посмеет...», «Белый Совет не допустит...» и во всё прочее.

— Внимаю, милорд ректор! — ответил Фесс по возможности твёрдым голосом. Ему нечего бояться и некуда отступать. Как говорила Атлика, двум смертям не бывать.

— Тогда слушай. Тебе предстоит поединок. Мы очень старались, чтобы испытание как можно больше походило на то, с чем тебе придётся столкнуться, — если, конечно, ты окажешься достоин Посоха. Обернись!

Тёмный и Фесс повернули головы одновременно. Зал исчез. Вместо него простиралась обширная, чуть всхолмлённая равнина, купы деревьев, длинные гряды кустарника; среди скошенных и сжатых полей петляла узкая просёлочная дорога, чуть в отдалении виднелись тесовые крыши деревеньки и острый шпиль местной церквушки. Серые каменные плиты стояли молчаливой стражей, оберегая покой старого деревенского кладбища...

Такого знакомого кладбища...

Ну конечно же!

Кладбище, на котором погиб Фрегот Готлибский! Да, да, сомнений быть не может... или он всё-таки обознался? Сельские кладбища в Аркине, Эгесте и северной части Империи Эбин очень похожи друг на друга, да и церкви в деревнях не слишком разнятся между собой...

— Действуй, некромант! — прогремело в ушах, и последнее, что слышал из *обычного* мира Неясыть, был негодующий вопль Тёмного: «Это подло, Анэто!..»

Мир сомкнулся вокруг с шумом, лязгом и грохотом, словно тяжёлые крепостные створки.

Фесс стоял по колено в высокой августовской траве, уже чуть тронутой сушью — как после жаркого и

скупого на дожди, но всё же не слишком засушливого лета. Со стороны церквушки доносился мерный перезвон колокола — звонили за упокой. Фесс оглядел себя — скромный плащ, правда, серый, а не чёрный, с руки исчез браслет, в руках — самая обычная суковатая палка, какой хорошо отмахиваться от собак, но никак не плести изощрённые чары. Карманы вызывающе пусты. Ни сумки, ни котомки, то есть — никаких тебе эликсиров и прочего. И, конечно, никаких конспектов.

Фесс усмехнулся и размашистым шагом двинулся мимо серой каменной ограды к видневшейся впереди деревне. Если его испытывают — пусть всё будет по правилам. Прежде чем начинать что-либо, Чёрный маг обязан был снестись с сельским старостой и церковным настоятелем — чтобы не быть сожжённым в застенках святых отцов-эзекюторов по обвинению в незаконной тёмной волшбе.

Кладбище, разумеется, было *беспокойным*. Чтобы это определить, совсем не требовалось протирать штаны в достопочтенной Академии Высокого Волшебства. Хватило бы и нескольких уроков местного чародея, если, конечно, таковой тут имелся. Фесс слышал натужный скрип гробовых плит, бесплотный и злобный шёпот, ощущал устремлённые на него сквозь земную плоть взгляды безглазых черепов; это место и в самом деле пахло смертью.

Впрочем, смертью оно пахло только в его воображении — или в воображении поэта, которому вздумалось бы описать эту сцену, — а вот свежей пролитой кровью тут пахло по-настоящему, остро и сильно. Здесь убивали — вернее, рвали на части, — и притом только что.

Фесс выругался про себя и одним прыжком перемаялся через ограду. Всё понятно. Вот тебе первая развилочка, первое испытание — пойдешь, как положено по договору, представляться старосте со святым отцом или ринешься через ограду — там ведь могут ещё быть

живые?.. Простенькая, надо сказать, ловушка. Ничего не стоит привести соответствующий пункт договора...

Его взору открылась идилическая картина. Ничего похожего на жуткую, леденящую кровь гравюру, запечатлевшую последние минуты Фрегота Готлибского. Все могильные камни стоят как положено. Ни тебе взрытой земли, ни развёрстых ям. Всё чинно-благо-родно.

Однако самая ближайшая могила вся залита свежей кровью. Человеческой кровью... детской, понял Фесс. И сразу же ощутил явственный след чёрной Силы. Кто-то дико, варварски грубо прикончил на могиле несчастное дитя, высосал Силу... но воспользоваться ею как следует не сумел.

Мёртвые под землёй беспокоились. Кто-то растревожил их, разбудил, вдохнул то чёрное подобие жизни, что даёт им власть убивать, убивать и ещё раз убивать — до тех пор, пока их не сразит кто-то более сильный. Но мертвецы пока ещё полежат. Кажется, испытание будет несколько хитрее, чем сперва показалось Фессу; он-то грешным делом подумал, что всё упрётся в самое обычное *упокоение* кладбища. Ан нет, милорд ректор придумал что-то поинтереснее.

Быстрыми шагами Фесс вышел за ограду. Тут, конечно, тоже придётся повозиться — но это уже потом. Сперва — церковь. Тем более что чёрный след, чёткий и хорошо видимый магическим зрением, вёл прямо-ком туда.

Деревня на первый взгляд жила своей обычной жизнью. Дымились трубы над летними кухнями; несли воду женщины; стучали топорами или курили трубки мужчины. Вот только странно — нигде не было видно ни одного ребёнка.

На чужака смотрели внимательно, с известным подозрением, но без особого страха. «Да, хорошо, когда без браслета!..» — невольно подумалось Фессу.

Церковь в деревне оказалась довольно-таки новой, крепко и прочно срубленной, с затейливой вязью резных узоров по тонким наличьям. На высоком крыльце

застыл священник — сухонький старичок с редкой седой бородкой. Правда, ряса на нём была новой и чистой, а нагрудный Знак Спасителя — явно покрыт позолоченным серебром. Для деревни совсем неплохо, подумал Фесс и тотчас же одёрнул себя — да какая это деревня... *испытание* одно, да и только.

— По здорову тебе, добрый человек, — приветливо и притом первым поздоровался священник. — Куда путь держишь, что видел, что слышал? Заходи, гостем будешь, вести из краёв чужедальних перескажешь...

— И тебе доброго здоровья, — напряжённой, чем ему хотелось бы, ответил Фесс. Следующей фразой у доброго чада матери нашей, Святой Церкви Спасителя, у всех, признающих Аркинский Престол, должно было стать «Благослови, отче», однако Фесс-то как раз благословения просить и не мог — словно дикий замекампский язычник или, хуже того, схизматик.

Брови священника удивлённо поднялись.

— Прости, отче, — смиренно сказал Фесс. — Нет ли у вас надобности... *упокоить* тут кой-кого?

Старичок весь вытянулся, словно струна, кажется, тронь его — зазвенит. Магией Спасителя он, бесспорно, владел — пусть и самую малость, однако доставать грамоты и прочее Фессу не потребовалось. Священник сразу понял, кто перед ним. Однако, против всех ожиданий, ответил он мирно и даже, как показалось Фессу, дружелюбно.

— Так вот кого Спаситель к нам послал... ну что ж, чадом тебя назвать не могу... и благословить тоже, но работа найдётся. Да ещё какая! — Старик прицокнул языком.

— Кладбище ваше... — начал было Фесс, однако священник его перебил.

— Кладбище — это, конечно, дело скверное, но пока терпит, и ты, сыне, при помощи искусства своего, быть может, там порядок наведёшь. Но вот в чём дело, завёлся у нас тут в деревне кой-кто... детей ворует, убивает зверинским обычаем, кровь выпивает. Сглаз

наводит, порчу всякую, болезни насылает, скот портит — беда, одним словом.

— А как же отцы-инквизиторы, сиречь экзекуторы? — Фесс вовремя вспомнил ещё один очень важный параграф договора — поперёк Святой Инквизиции лучше не суйся.

— Далеко до них, сыне, да и заняты они очень — ереси вновь голову подняли, экзекуторам работы прибавилось. Так что придётся уж тебе за это взяться.

— Так малефик что же, в деревне живёт? Может, прохожий какой?

Священник усмехнулся.

— Ты, сыне, у нас за много дней первый. Все деревню нашу стороной обходят, точно моровое поветрие у нас тут. Не-ет, тутошний это, тутошний. Я так мыслю, что ведьма у нас завелась. Видел, детвору никто на улицу не пускает? Опасаются люди. И уехать бы рады, да староста против — не велено людишкам с порчей да проклятием просто так разгуливать. От того большие беды могут приключиться. Ну как, сыне, берёшься? Много заплатить не сможем, но и не обидим. Ты нам только ту ведьму сыщи. А там уж мы её сами... — Он сделал выразительный жест.

Фесс молча поклонился. Всё было понятно. Конечно, *на самом деле* священник никогда не станет говорить с ним так мило и вежливо. Иной от страха и вовсе в храме запрётся, сквозь дверную решётку разговаривать станет. Ну да сейчас у нас, как известно, *испытания* — не станем принимать всё это всерьёз. Небось за того же отца святого сам милорд декан говорил.

Фесс медленно побрёл вдоль улицы, пристально глядя по сторонам. Да, не поскупились господа деканы. Это *испытание* так *испытание*. Сколько ж надо плести такую волшбу! И ради чего — досрочного выпуска какого-то там некроманта! Неужто купцы Семиградья и в самом деле настолько сильны?

Угрюм народ. Головы понурены, всё нет-нет да на соседа зыркнул — не творит ли недоброе? И сами ста-

раются на виду быть — не приведи Спаситель, обвинят в чёрном ведовстве — тогда спасения не жди.

Фесс ещё пока не знал, чего он в точности ищет. След, сперва ясный и чёткий, сейчас совсем расплылся, став почти незаметен. До поры до времени он вёл по главной улице селения, никуда не сворачивая. Правда, теперь, когда он практически истаял, Неясыть уже не был в этом так уверен. Ведьма — ведьмак, или оборотень, или любой другой малефик — они могли укрыться где угодно. Распознать скрывшегося под человеческой личиной оборотня — не такая простая задача даже для опытного некроманта. И, кроме того, Фесс-то как раз не относился к бесстрашным истребителям «зла», коих хватало в Академии; тот же оборотень или вампир, в общем, любое существо с Тёмной Стороны само по себе врагом никак не является. Для существования те же оборотни-ликанотропы должны убивать — подобно своим серым лесным собратьям. И подобно самому человеку — Фесс на мгновение представил себе великого героя в образе быка, ведущего смертельный бой с человечеством, гнусным образом пожирающим его, героя-быка, собратьев и сородичей. Так что же сейчас делать?

Самым простым было по-тихому отыскать этого самого малефика и без шума и драки убедить его либо убраться отсюда восвояси, либо раз и навсегда прекратить такие дела. Это будет вполне в духе факультета Тьмы — исполнить свой долг, как можно меньше привлекая к себе внимания. Правда, оставалось ещё и *неупокоенное кладбище*. Фесс очень сильно подозревал, что неведомый малефик приложил руку и к этому. Кладбища являлись прямым делом некромантов; но что, если этот несчастный дурак прозакладывал Неспящим слишком многое? Не оттуда ли и кровь на могиле?.. Обычное *разупокоение* таких крайностей не требует. И этот малефик, конечно, перешёл все границы. Детоубийство есть прямое и чистое Зло в первоизданном своём виде; это прямое нарушение заповедей Тьмы. Разумеется, такое не могло сойти с рук.

Размышляя таким образом, Фесс брёл по улице. Он понимал, что надо торопиться, — те, кто испытывают его, едва ли позволят представлению затянуться до ночи. Это, помимо всего прочего, означало, что *упокаивать* кладбище ему придётся днём, когда заклятия теряют изрядную часть силы, — впрочем, и мертвяки не столь проворны, как за полночь... Стоп! А не лучше ли начать именно с этого? Малефик разбудил мёртвых, но, раз они не вырвались наружу, значит, он сам тянет их Силу. Опытный малефик... нить настолько тонка, что он, Фесс, её просто не заметил. А так по деревне он может бродить очень долго — глупо рассчитывать на случайную ошибку врага, надо самому заставить его ошибаться.

И Фесс решительно направился на кладбище.

Деревенские обитатели, похоже, встревожились. Женщин точно ветром сдуло с улиц; у поспешно запираемых ворот оставались одни мужчины, вооружённые кто чем; и вид их не сулил Фессу ничего хорошего.

Проходя мимо церквушки, он заметил, что дверь плотно заперта, а все окна закрыты тяжёлыми ставнями. Изнутри слабо, едва слышно доносилось медленное пение — тянули молитву «На изгнание зла».

Фесс неспешно дошёл до кладбища. Яркий солнечный день, да ещё и творимая поблизости молитва — *неупокоенные* притихли. Впрочем, это ненадолго.

Вот и приметная могила. Кровь успела впитаться в землю — сильный будет амулет, если всё толково сделать. Находка для какого-нибудь местного колдуна — из тех, что не прошли Академию. Тёмный говорил, что немало провалившихся или отчисленных становилось, так сказать, самими что ни на есть настоящими малефиками — но их путь при этом не имел ничего общего с путём Тьмы.

Фесс остановился. Раскрыл сумку. Да-а... негусто. Поскупились господа деканы вкупе с милордом ректором. Ну что ж, на испытаниях, наверное, так и должно быть.

«Действуй, Неясыть! Не останавливайся. Это ведь

именно то, ради чего города станут нанимать тебя. *Беспокойное* кладбище. Пока ещё мёртвые сами никого не убили, но это вопрос дней. Неплохо бы, конечно, отыскать ведущую к малефику нить, но это уже непозволительная роскошь. Если задачу ставил милорд ректор, он уж наверняка постарался, чтобы эта нить получилась как можно более незаметной. Просиди тут хоть год, а не сыщешь».

Успокоившись, Фесс действовал быстро и чётко, но без суеты. На содержимое сумки полагаться не приходилось. Времени отыскивать нужные корни и травы, отпугивающие мертвяков, — тем более. Значит, это и в самом деле *испытания* — когда полагаешься только на себя. Не слишком-то честно... по-настоящему Фесс никогда бы не принялся за *успоение* без полного магического арсенала, дозволенного некрмантам, — но да уж ладно. Покажем, что и мы не лыком шиты!

Фесс выпрямился. Поднял правую руку — указательный палец и мизинец вытянуты, остальные поджаты, — прицелился в зенит, а потом медленно опустил, наставив на ближайшую могилу, обитатель которой, несмотря на день и молитву к Спасителю, вертелся в своём гробу, точно одолеваемый блохами пёс.

— *Swarm at siidra!* — властно бросил Неясыть. Древняя формула *подъёма неупокоенных*. Всё просто — иногда, чтобы остановить лесной пожар, ему навстречу пускают ещё один — встречный пал.

Пронзительный холод в груди. Интересно, так и должно быть или же это просто добавлено «от себя» милордом ректором, чтобы испытания не казались гладкой дорожкой?

Могильная земля задрожала, покрываясь сетью трещин. В ужасе брызнули в разные стороны кузнечики, жуки, муравьи и прочие обитатели зелёной травяной страны. В деревне истошно, точно перед смертью, взвыли собаки. С окружавших кладбище деревьев сорвались птицы — всё живое спешило как можно скорее убраться с дороги поднявшихся мертвецов.

Фесс чувствовал, как привычная боль *утекающей* Силы сдавливает виски. Неприятно, но вполне терпимо и даже обнадеживающе — значит, заклятие достигло цели, *уцепилось*, и теперь осталось только аккуратно, не сбившись, проделать все манипуляции.

Милорд ректор лишил Фесса даже ритуального серебряного кинжала, что, вообще говоря, было полным абсурдом — ни один некромант в здравом уме и трезвой памяти не пойдёт *упокаивать* без своего оружия. «Ладно, предположим, что кинжал я оставил в борделе, — с внезапной лихостью подумал Фесс. — С кинжалом-то небось каждый дурак может. А вот попробуй-ка голыми руками, безо всего! Хорошо ещё, на поясе остался короткий ножик, более всего смахивавший на обычный кухонный — кусок дрянного железа на грубой деревянной ручке, и всё. Ну и ладно, чем богаты, тем и рады».

Могильная плита со скрежетом сдвинулась. Земля расплескалась вокруг, запахло гнилью, из внезапно раскрывшейся, точно женская утроба, ямы потянуло тем самым «могильным холодом», каковой так любят воспевать поэты. Две костлявые руки в обрывках полуистлевшей ткани вцепились в края ямы; Фесс услышал, как внизу громко трещат доски.

Надо сказать, что вблизи в ходячем костяке, обмортанном кое-где остатками савана, не было ничего сверхъестественно-пугающего. Твари Змеинового леса на вид выглядели куда внушительнее и страшнее. Но непостижимая тайна *возврата* из-за той черты, через которую рано или поздно придётся переступить всем живущим, жуткая тайна *второй жизни* пугала куда больше лязгающих зубов или пустых, но от этого по-своему не менее зорких глазниц.

— *Нв!ре!* — резко приказал Фесс. Спина покрывалась потом, и это было плохо — *неупокоенные* обожают чужой страх, он для них словно второй хлеб. Никогда нельзя бояться, столкнувшись с ними лицом к лицу, говорил Тёмный. Пусть даже ты будешь трижды волшебник. Страх, ненависть, ярость — для них это как

для мухи мёд. Холодное спокойствие — наш щит; о него разобьются любые атаки.

Умом он это понимал. Но именно что умом. Плоть, увы, слушалась крайне плохо.

Правда, *неупокоенный* вёл себя именно так, как и предсказывали учебники. Растопырил руки и полез прямо на разбудившего его волшебника, не торопившегося произносить заклęcia повеления и подчинения, да ещё вдобавок и не защищённого ни Кругом, ни амулетами, ни венками. Лёгкая добыча.

— Иди-иди сюда, мой хороший, — постаравшись, чтобы это звучало как можно более насмешливо, сказал Фесс. Мертвяк не сравнится в беге с человеком, но *неупокоенный*, в отличие от живых, не устаёт. Он будет гнать свою жертву день и ночь, не теряя следа ни в дождь, ни в снег, и рано или поздно настигнет, даже если несчастный ухитрится переплыть море. Впрочем, такого, за кем гонится мертвец, и так не возьмут ни на один корабль — такой человек наверняка проклят, а проклятия словно сами собой притягивают Морскую Смерть в виде бурь, штормов и тайфунов.

Конечно, лучше всего было *поднять* весь погост целиком, но на это у Неясыти не хватило бы сил. Нет уж, давайте лучше побегаем...

Оказавшись в дальнем углу кладбища, Фесс повторил заклęcie подъёма. Раскрылась вторая могила, число преследователей удвоилось, но сейчас его это совершенно не волновало. Он полон сил, он может бежать весь день — пока что бояться нечего. Пусть даже ему нечем ткнуть в мертвяка, сумей тот зацепить Фесса своими костяными руками-граблями.

Неясыть сделал круг по кладбищу. Дождавшись, когда стихнет мерзкий звон в ушах и отступит боль последнего заклęcia, *поднял* третьего *неупокоенного*. Затем — четвёртого, пятого, шестого...

На седьмом, и последнем — остальные *спали* куда как крепко, их малефик расшевелить ещё не успел, — Фесс почувствовал, что начинает терять силы. Мертвяки очень быстро и ловко присосались к его ауре, и с

этим было уже ничего не сделать — зато под землёй резервов у них уже не осталось.

Фесс заставил себя не слышать мерзкий гнилой шёпот, что так и лился в уши, отвратительный призыв мёртвой плоти, с яростью сражавшейся сейчас против *второй смерти*. Нельзя дать ослабнуть воле к жизни и жажде борьбы. Он не должен ненавидеть своих врагов, это так, но вот отчаянно любить жизнь — просто обязан. Иначе его *затянет* в могильный мрак — такое случалось даже с самыми сильными чародеями, понимавшими куда лучше злосчастного Фрегота Готлибского, как нужно *упокаивать* разбуженные кладбища.

Круг, второй, третий... Сердце билось предательски часто, и пот заливал глаза. Плохо. Очень плохо. А ведь надо как следует распалить преследователей, чтобы их волчий голод превратился во всежигающую алчность, чтобы они не видели ничего, кроме него, Фесса, и готовы были... Нет, нету времени!

Фесс резким броском вновь оторвался от *неупокоенных*. Остановился, поддёрнул левый рукав, быстро провёл ножиком по запястью. Потекла кровь, густая *живая* кровь, излюбленное лакомство (помимо страха и прочего) ходячих мертвецов. Очень быстро набралась полная пригоршня. Чувствуя, как колотится сердце, Фесс пригнулся и с размаху выплеснул всю кровь в лица двум ближайшим мертвякам.

Хладнокровный и уверенный в себе маг после этого приёма просто должен был оставаться на месте. Неясыть не выдержал, всё же отбежал чуть подальше.

Мертвецы с рёвом и воем вцепились друг в друга, ломая пальцы, вырывая руки, кроша рёбра. Они дрались что было сил, пытаясь дотянуться до возжеленных красных капель; они не могли сейчас действовать сообща и потому — раздирали друг друга на части. Фесс своими глазами видел, как здоровенный мертвяк вцепился обеими руками в верхнюю и нижнюю челюсти более удачливого соперника, рванул, сдёрнул череп с позвоночного столба и в ярости разбил о ближайший могильный камень.

Не прошло и нескольких мгновений схватки, как перед Фессом осталось всего двое врагов. Остальные валялись на земле бесформенной грудой переломанных костей и разбитых черепов. Они были ещё живы, с ними предстояло ещё много возни, но главное было достигнуто. Неуязвимые для человеческих мечей и копий, *неупокоенные* могли вот так перебить себя только сами. Правда, мало какой маг мог решиться на такой приём, прибегнуть к собственной крови...

Но с последними двумя (в том числе тем самым сорвавшим чужой череп гигантом) Фессу предстояло управляться теперь в буквальном смысле голыми руками. Капающая из запястья кровь сводила мертвяков с ума, они пребывали в состоянии иступлённого бешенства; их сдерживала только высоко поднятая рука чародея. Для *неупокоенных* это было словно поднятый сверкающий меч, окутанный облаком Силы.

Последней Силы, приходится признать...

Начиналось самое противное. Теперь он, Фесс, должен был стать одним из них, влезть в шкуру давно умершего, проникнуть в их полные ненависти ко всему живому мысли — с тем чтобы повести их за собой и накрепко запечатать могилы. Или уничтожить, что, по правде говоря, предпочтительнее. Тем более не будем забывать, что это — *испытания*...

Мёртвые нерешительно топтались на месте. Там, где только стоял их ненавистный враг, теперь появился их собрат, такой же точно, до кончиков белых фаланг. И он, этот собрат, звал их за собой, звал, обещая много-много вкусной солоноватой крови, мягкого человеческого мяса и — самое главное — человеческих страданий, то, что слаще и первого, и второго.

С утробным рыком *неупокоенные* двинулись следом.

Фесс вывел мертвяков с кладбища. Пока ещё они в его власти... пока у него самого хватает сил не сорваться... пока ещё он может их вести. Делать нечего, придётся кончать их возле церкви — что ни говори, но

магия Спасителя имеет некую силу. Сейчас рад будешь и такой помощи.

Окружающий мир Неясыть сейчас видел примерно так же, как и те, кого он вёл за собой. Мутная темнота, алые сполохи чужого страха, ужаса, отвращения... слепяще-белый прямоугольник церкви, свет режет мёртвые глаза, но там, возле белых стен, — очень-очень много живых, очень-очень много страха, и потому мёртвые идут. Нельзя сказать, что они очень уж сильно боятся магии Перекрёщённой Стрелы — ненависть всегда сильнее, она зачастую побеждает даже страх смерти, — и потому *неуспокоенные* идут. Конечно, они не знают, что селение уже вымерло, что его обитатели с громкими отчаянными воплями разбежались кто куда, церковные двери захлопнулись за последними и там что было мочи заголосил хор — словно громкая молитва может помочь лучше, чем даже немая!.. Они не знали, что алые и жёлтые огоньки — лишь искусно поддерживаемая Фессом иллюзия, они верили ему, своему брату, который сейчас вёл их на гибель.

Неясыть одновременно чувствовал и напрягшийся чужой след. Малефик вылез из своего укрытия. Конечно, ему деваться некуда — или срочно нужно принести кого-то в жертву, хоть кого, петуха, кошку, собаку — кого угодно; это поможет, но ненадолго, потому что кладбище уже очищено, и злодею теперь всё нужно начинать сначала.

Но это мы ещё посмотрим...

Да, так и есть — идёт сюда. Надо же! Хватило смелости, вылез... когда всё село сидит по сундукам и подпольям, завывая и мелко трясясь от страха. Хороший малефик, смелый... вот почему же только творит такие злодеяния? В принцип меньшего зла это никак не укладывается. Не было никакой нужды в таких чудовищных жертвах... ни эпидемии, ни иного всеобщего бедствия... Зачем, почему, для чего?

Но с малефиком мы разберёмся чуть позже. Вот она, церковь... скажите, пожалуйста, и впрямь свята... относительно, конечно, потому что в её стенах назна-

чались свидания, а кое-кто даже и целовался, стоя в задних рядах... девчонкам руку под юбки запускать... всё обычно. Но сам настоятель — чист, а такое, говорят, куда как редко. *Неупокоенные* встревожились, разящий острый свет добрался и до их тупого сознания, они чувствуют опасность, ещё немного — и почувствуют предательство. Надо торопиться.

Закусив губу от боли, Неясыть полной пригоршней зачерпнул чужой, заёмной, Святой Силы. Она жгла, колола, резала душу острым ножом, она была совершенно, абсолютно чужда ему; но в том-то и Сила Тьмы, что она способна вобрать в себя всё. Абсолютно всё. Как бы ни было при этом тяжело самому отмеченному Тьмой...

Свет Спасителя принимал в руках Фесса форму короткого клинка. Маловато зачерпнул... рассчитывал, что получится меч, а хватило удержать только простой нож. Придётся идти врукопашную, а это черевато... Интересно, кстати, почему такие вот мечи — настоящие, длинные, смертоносные — не могут делать в схватках с *неупокоенными* сами святые отцы?

Он резко развернулся. Чуть раньше, чем следовало... и второй мертвяк успел отшатнуться. Начисто снесший голову первому нож лишь чиркнул по ключице, не задев позвоночного столба. И сразу же удар, от которого в глазах вспыхнули искры — мёртвые не промахиваются. Фесса опрокинуло на спину, и он с ужасом увидел медленно наклоняющуюся над собой распахнутую пасть с чёрными пеньками давно сгнивших зубов. Мертвец даже прошипел нечто вроде «Предатель!» — настолько велика была владевшая им ненависть. Ведь, по сути, сам по себе оживший труп был ни в чём не виноват — им, словно куклой, двигали совсем иные Силы.

Нож исчез из рук Фесса. Порез на руке успел затянуться. Оставалось только одно средство, и теперь уже всё зависело только от его, Фесса, силы воли.

Жить, подумал он, пока жуткая харя клонилась к нему, явно намереваясь вцепиться остатками зубов в

горло — не прокусить, а разорвать его. Жить, хоть как, но жить! Я не ваш, я продержусь! Как угодно, но продержусь, любой ценой!

Любой? — казалось, насмешливо откликнулась Судьба. Ну что ж, некромант, попробуй...

— Держись! — крикнул знакомый голос. Великая Тьма, откуда здесь, в *испытании*, взялась Атлика?..

Раздумывать времени не было. Фесс ударил всеми оставшимися силами, вдавливая мертвеца обратно в вытолкнувшую его было землю, гася, точно сапогом угли тлеющего костра, то злое подобие жизни, что разжёл в мёртвой плоти хитроумный малефик...

Неясыть словно сам ташил из себя живую кость. Боль пронзила внутренности, он заорал от нестерпимой муки, сам не слыша своего крика, — но мертвецу пришлось и того хуже. Незримый молот рухнул прямо на голый череп, обломки кости брызнули в разные стороны, земля расплескалась вокруг *неупокоенного*, точно вода, чёрный водоворот втягивал бьющийся в *посмертной* агонии костяк, увлекая его всё глубже и глубже, мимо самой плоти этого *мира*, вовне, в безграничность, туда, где, наверное, обитали те самые многоножки, что умели обернуться юными красавицами, перед тем как пожрать саму душу своей жертвы.

— Неясыть! — Атлика приподняла его голову. Глаза у девушки были сейчас как два блистающих чёрных камня — ни белков, ни радужки.

И за ней тянулся явственный чёрный след, след крови и чужих мук.

Она — малефик? Приносила в жертву детей — может, даже на могилах их родителей? Она будоражила мёртвых? Зачем, почему, для чего?..

«Болван! — вспыхнуло в мозгу. — *Забыл последние слова Тёмного? «Это подло, Анэто!»* — выкрикнул Дазнур. *Пытался остеречь, предупредить... а ты — ты решил, что и впрямь действуешь в реальном мире, забыл, что ты — на испытаниях, и... что стоило опытному магу проследить твою приязнь и беспокойство? Светлые не могут чувствовать нас, Тёмных магов, говорил учи-*

тель. Но зато они здорово наловчились ловить нас на живцов, добавил бы теперь сам Фесс».

Беги, захотелось крикнуть ему — язык отказался повиноваться Неясыти. Мир *испытания* вокруг него стремительно таял, декорации уступали место настоящей реальности — и оторопевший Фесс понял, что лежит на плитах широченного двора Академии, лежит посреди расставленных тут и там игрушечных домиков в половину человеческого роста. Здесь была и церковь, и дома, и искусно выполненное кладбище, ограждённое серыми камнями... Кусты и деревья тоже имелись — карликовые, растущие в глиняных кадках, но очень похожие на своих нормального роста прародителей. Всё было как и положено на испытаниях — и даже многоликая толпа, обступившая эту импровизированную сцену. Невольно Фесс поискал глазами Атлику, ожидая увидеть её закованной в цепи и уже влекомой на казнь, — и облегчённо вздохнул, не найдя её среди обступивших людей. Мельком оглядел себя — запёкшаяся кровь на запястье, грудь ноет от удара — наверное, здоровенный синячище будет; а так ничего, вроде бы цел...

— Добрые студиозусы, почтенные мэтры, милорды деканы! — прозвучал над толпой голос ректора Анэто. — Испытания завершены. И теперь я должен задать досточтимому ректорату вопрос — достоин ли сей аколит досрочного вручения ему посоха мага с признанием за оным аколитом всех прав, равно как и обязанностей практикующего чародея-некроманта?

Ни слова об Атлике. Ни слова. Но ищейки отцовекуторов наверняка уже рвут поводки и захлебываются злобным лаем...

— Позвольте мне, о досточтимый и высокоучённый милорд ректор, — неожиданно прозвучал сильный звучный женский голос, низкий и волнующий. — Конечно, я не являюсь членом почтенного ректората, я всего лишь исполняю скромные обязанности управляющей Волшебным Двором...

Мегана! Быстры ж твои тропы и твои кони, вол-

шебница, как видно, ты очень торопилась. Вот только зачем?

— Моё мнение однозначно — прекрасная работа. Аколит явил и мужество, и твёрдость духа, и настойчивость в достижении цели... качества, которым могли бы позавидовать добрые студиязусы иных факультетов! Как жаль, что все эти таланты достались Тьме... я могу только скорбеть об этом. Но сей аколит Неясыть, бесспорно, заслужил посох. Ему нечего делать в Академии, тем более если северные города страдают от нашествий неупокоенной нечисти. Простите меня, милорд ректор, за столь бурное изъяснение чувств и за взятое у столпов ректората слово. Скромно уступаю трибуну тем, кому положено судить и выносить вердикты...

Фесс обратил внимание, что в продолжении всей речи Меганы никто в толпе, похоже, не решился даже вздохнуть. Только теперь Неясыть смог её разглядеть — когда она аккуратно садилась в почтительно пододвинутое деревянное кресло.

Ничего в ней не было на первый взгляд ни смертоносного, ни властного. Невысокая, с длинными тёмно-русыми волосами, по-девичьи заплетёнными в косу, которую она носила перекинув на грудь. Коса, конечно, была знатной — толщиной в полторы руки и длиной чуть ли не до колен; никаких украшений, скромное серое платье с глухим воротом под горло, длиной до самых пят; ничего особенного, ничего, кроме ауры Сисы. Она слепила и обжигала, словно Солнце; собственно говоря, прочесть эту ауру никто бы и не смог как раз из-за этого сияния.

Да, перед такой волшебницей не зазорно было снять шляпу самому милорду ректору.

Правда, после короткого слова Меганы никому отчего-то не захотелось выступать «против». Деканы вставали один за другим, коротко роняли «согласен», или «я за», или «не возражаю». Последним встал Анэто.

— Поздравляю тебя, Неясыть, — мягким и дружеским голосом сказал он. — Ты доказал, что мо-

жешь быть некромантом... прекрасным некромантом, да простит мне Совет такое сочетание слов. Конечно, ты бы мог шлифовать и оттачивать свой талант и дальше... но время тревожное, и твоё... гм... умение нужно многим и многим людям. Мы не сомневались, что ты выдержишь испытание, и ректорат заранее приготовил тебе рекомендательные письма. Тебя ждут в Семиградье, в Арвесте — это на побережье Моря Ветров, у самого Железного Хребта, рядом с Лесными Кантонами, — они, кстати, тоже нуждаются в твоих услугах. Прими же свой посох и собирайся. Тебя отвезёт корабль Академии — ведь порт закрыт из-за ещё не до конца побеждённого мора. Прощай, аколит Неясыть... твой наставник уже несёт сюда посох... преклони же колени и прими знак своего магического достоинства, твоё оружие и твой инструмент!

Фесс несколько мгновений поколебался. Встать на колени перед всей этой толпой? Перед испытующим взглядом Меганы — ох, не нравятся мне её похвалы, ох как не нравятся! И что, что же случилось с Атликой? Неужели они её выследили, выследили из-за меня?!

Шагнувший к Фессу Тёмный был сейчас и в самом деле мрачнее тучи. Блеск жёлтых глаз потух.

— Опустись... пожалуйста! — едва слышно шепнул безгубый рот. Фесс сжал кулаки и последовал совету.

Даэнур торжественно протянул посох. Фесс принял его обеими руками, удивившись тяжести — таким оружием и впрямь запросто можно было убить. Отполированный каменный шар был размером с детскую голову; им, наверное, легко проламывать и стены, если, конечно, он достаточно крепко приделан, невольно подумал Фесс.

Вокруг царило гробовое молчание. Академия безмолвно взидала на вручение аколиту *чёрного* посоха — впервые за незнамо сколько лет. Одновременно сам собой расстегнулся браслет на левом запястье Фесса; Даэнур ловко подхватил его.

— Твой браслет останется здесь на вечные време -

на, — провозгласил Анэто. — Тебе осталось только получить кольцо, которое ты сможешь вручить тому, кто достоин, по мысли твоей, обучаться здесь, в нашей Академии...

Держа посох двумя руками, Фесс выпрямился. На чешуйчатой руке Дазнура уже поблёскивало скромное серебряное колечко — пластинка, где должен был помешаться герб, осталась гладкой.

— Твой герб ещё не составлен, Неясыть, — услышал он голос ректора. — Но ничего, всё равно любой из нас тотчас же узнает твоё кольцо... не сомневайся.

Сомневаться и так не приходится, мрачно подумал Неясыть. Вы использовали меня как живца, наверно уже схватили Атлику, а теперь отсылаете меня прочь, чтобы я не смог помочь ей! И не удивлюсь, что и дальше буду нужен вам... как тот учёный баран, что ведёт остальных под нож мясника...

Он крепко, до боли, стиснул новообретённый посох и вместе с Тёмным быстрыми шагами пошёл прочь. Толпа послушно расступилась перед ним; расступилась и тотчас же сомкнулась вновь. Так море пропускает сквозь себя не способный ранить вечнотекучую стихию угрюмый чёрный камень.

Интерлюдия IV

СКРИЖАЛИ НОЧИ

— Вот уж попали так попали, — вздохнул Эгмонт, выдернув из рукава камзола последнюю колючку. — Вот так полетели... вверх тормашками. Отчаянный у нас предводитель, а, как думаешь, Мел?

— Да уж чего-чего, а отчаянности в Клархен хватает, — проворчал Мелвилл, только-только окончивший собирать своё имущество, разбросанное на полсотни шагов во все стороны. — Это ж надо — сквозь небо сиганули! Эмпиреи местные видели! Только небожителей не хватало...

— Мне казалось, я кого-то видела, — подала голос

Эвис. Молодой волшебнице пришлось отсиживаться в кустах, пока они с Кларой и Райной в шесть рук латали изорванную одежду Эвис. Ей отчего-то досталось больше всех — располосовало на десятки тонких полос. Почему, отчего — кто знает?

— Ох, да какая разница! — Эгмонт с кряхтением потёр поясницу. — Самое главное — тут есть Сила. Сила, провалиться мне на этом месте! Правда, странная какая-то Сила...

— Что ж ты хочешь — закрытый мир, — поневоле неразбочиво из-за булавок во рту отозвалась Клара. — Удивительно, что мы вообще чувствуем её. Это хорошо... значит, можно будет обойтись без крови и всяких там жертв. Не люблю, признаться. Грязное дело.

— Да я, в общем, домой хочу, — заявил Эгмонт. — Весёлое у нас было приключение, ничего не скажешь. Кошельки не пополнились, правда, вот ведь незадача...

— Так что не очень-то домой торопись, — поддел товарища Мелвилл. — Там тебя кредиторы ждут. И уже, наверное, терпение потеряли. А госпожа целительница Лейт в первых рядах...

— Да хватит тебе! — неожиданно покраснел, точно юноша, Эгмонт.

— А что же тут такого? Все знают, ты должен ей крупную сумму, а она чуть ли не во всеуслышание предложила тебе простить все долги, если вы с ней, по её выражению, станете жить в любви и согласии...

Мелвилл ловко нагнул голову, в последний момент увернувшись от пущенного Эгмонтом комка сухой земли.

— Ну будет тебе, будет, не кипятись. — Он примитительно поднял руки. — Ты ж не виноват, что она скупила твои векселя! Ты у неё под окном серенад не пел! К любовным утехам не склонял!

— Вот-вот, не пел и не склонял, — проворчал красный как рак Эгмонт.

— А, кстати, почему? — вдруг лукаво спросила Эвис. — Я знавала Лейт... вроде бы не уродина и не

стерва. Отчего ж её все мужчины Долины за версту обходят? Раскройте тайну, кто-нибудь!

— Да зануда она! — простонал несчастный Эгмонт. — Зануда первостатейная, чистюля, аккуратистка, у неё дома даже пылинки строем ходят! От окна — к двери... И готовит она всякую дрянь! Хотя бы твоя подружка, Клара, её поучила, что ли...

— Ты про Аглаю? — Клара скусила нитку. — Она бы и рада, но Лейт же скорее умрёт, чем признает чьё-то превосходство...

— А как же она Мескот терпит? — спросил Мелвилл.

— А кто тебе сказал, что она её терпит? Терпеть не может — вот будет правильно сказать!..

Слушая, как маги перемывают косточки бедной, безнадежно влюблённой в ветреного Эгмонта цели-тельнице Лейт, Сильвия бинтовала Кицуму пораненную руку. В общем, прорыв — если только беспорядочное и чувствительное падение можно назвать этим гордым словом — вполне удался. Маги отделались синяками и шишками, Тави не пострадала, Райна не получила ни одной царапины.

Отряд Клары очутился на самом краю земли. У самых ног лениво шумела голубая гладь океана, уходившая далеко-далеко на запад — если, конечно, здешнее солнце не имело привычки вставать на востоке. Узкий песчаный пляж порос колючими кустами, в нескольких десятках шагов от моря начинался лес — высокий и вечнозелёный. Слышался гомон птиц, между коричневых стройных стволов искрами вспыхивало их яркое оперение.

Местность казалась безлюдной — или кто тут ещё мог жить? Ни рыбацких лодок на море, ни сушащихся сетей, ни даже следов на песке. Они оказались вдали от всех и всяких поселений? Ну это едва ли, такое райское место не оставят без внимания.

Впрочем, местные обитатели Клару как раз не волновали. Ей вообще незачем тут задерживаться. Скорее, как можно скорее отыскать Долину, оставить там

Тави и двух «найдёнышей» — с тем чтобы вновь вернуться в Мельин. Одной или с теми, кто сам захочет к ней присоединиться — например, с той же Райной. И отыскать наконец там следы этого несносного мальчишки Кэра!..

Но сперва надо выбраться из закрытого мира, а это тоже задача не из простых. Предстоит серьёзная работа — определить радиусы *удержания* и *убегания*, силу магического притяжения, рассчитать координаты точки выхода, чтобы опять не упереться в чёрную сферу границ этого мирка; а самое лучшее — подгадать всё так, чтобы очутиться в нормальной Межреальности, где нет недостатка в Силе, плавно и спокойно текущей от одного полюса Упорядоченного к другому, свершая свой вечный круговорот...

Во всяком случае, задерживаться в этом мире хоть на миг сверх необходимого Клара не собиралась. Как, впрочем, и её спутники.

— Живот так и подводит, — пожаловался Мелвилл. — Клархен, раз уж здесь есть Сила, может, отпустишь нас с Эгмонтом на охоту? Постараемся подстрелить кого-нибудь съедобного.

— Валяйте, — махнула рукой Клара. — Всё равно ж на месте не усидите. Только, пожалуйста, не надо лягушек и змей!

Эгмонт ухмыльнулся. Детская нелюбовь Клары к пресмыкающимся служила давней мишенью насмешек в Гильдии. И это притом, что Клара Хюммель без колебаний вышла бы в одиночку против любого дракона!

— Не беспокойся, — сообщил он, поднимаясь. — Специально для тебя изловлю кого-нибудь поаппетитнее, в пёрышках.

— А можно и мне с вами? — подала голос Сильвия.

— Сиди, — жёстко ответила Райна. — Не видишь — чужой мир? Схарчат тебя тут и не заметят. Я вон тоже сижу.

— Да какой же он чужой? — капризно протянула девчонка. — Солнце — такое же, воздух — такой же...

даже к земле тянет совершенно так же, как и у нас. Может, мы вообще домой вернулись? Где-нибудь в Южном Пределе...

— Ночь настанет, небо увидишь и всё поймёшь, — назидательно сказала Райна. Она, похоже, вознамерилась взять на себя роль воспитательницы. — Звёзды совершенно другие, вот увидишь. Созвездия, планеты — всё иное. Так что...

Сильвия пожала плечиками.

— А до вечера нам что делать?

— Что делать? Шалаш построить и Тави устроить как следует, — поднялась воительница. — Попрошу кирию Клару проверить во-он те кусты, и, если там нет никого магически вредного, займёмся с тобой делом. А то от скуки, по себе знаю, всякие дурацкие мысли в головку твою хорошенькую полезут.

Сильвия отчего-то покраснела и бросила быстрый вороватый взгляд на Эгмонта.

— Вот именно, — внушительно сказала Райна, поднимаясь. — Кирия! Кирия Клара!..

Кустики, как и ожидалось, оказались вполне безобидными. Райна и Сильвия рьяно взялись за дело, хотя, по сути, в шалаше не было никакой нужды. Если есть Сила — значит, есть всё. Кларе ничего не стоило бы возвести над ними, к примеру, шатёр или что-то в этом роде. Ну пусть, пусть займут руки. Это неплохо.

— Ну что, Эвис, поможешь? — Клара наморщила лоб, встряхнула кистями, словно музыкант перед исполнением сложной симфонии. — Надо малость посчитать...

— Ничего себе малость, — усмехнулась молодая волшебница. — Ни тебе астролябии, ни хронометра, ни секстанта. Как будем радиусы определять?

— Ты права, — кивнула Клара. — Инструментов нету... что поделаешь, шли воевать, а не лазить по закрытым мирам. Ничего не остаётся, Эвис, придётся на пальцах прикидывать. Нам ведь точного прицела не надо, лишь бы подальше от этого мирка. — Клара вно вь поморщилась — даже самые простые и требующие ми -

нимум Силы чары сопровождалась здесь короткими болевыми спазмами — обычным признаком закрытых миров, следствием *отдачи*, отката Силы.

В руках боевой волшебницы появилась стопка чистых листов ровного пергамента.

— Здорово, — с завистью протянула Эвис. — Я так не умею...

— Вздор, научишься, — отмахнулась Клара, сдерживая одышку. Заклятие отняло неожиданно много сил — а ведь подобные простые преобразования никогда не представляли для неё никакого труда. Ладно, отнесём это за счёт *закрытости* мира... — Давай прикинем. Сила тяжести здесь, похоже, такая же, как и в Мельине, следовательно... — По пергаменту побежала быстрая вязь символов. — Берём обычные параметры и подставляем...

— А кривизну учла? А искажения при *откате*? — Эвис смахнула выступивший от напряжения пот.

— Кривизну — да, а вот откат... ты права, надо вводить специальную поправку, — вздохнула Клара. — Давай сплетём десяток-другой одинаковых заклятий, постараемся засечь откат... Тут это болезненно, учти.

— Потерпим, — был ответ.

Они принялись за дело. Клара сработала из морского песка круглый алый мячик, после чего они с Эвис по очереди принялись заставлять его прыгать — разумеется, посредством чар. Пергамент быстро покрывался мелкими значками и цифрами.

Наконец они выдохлись.

— Ничего не понимаю, — отдуваясь, заявила Эвис. — Все постоянные тут, похоже, скачут, как зайцы, когда те улепётывают от собак! Ничего невозможно вывести! Ошибка уже в первом знаке! И разброс такой, что...

Клара разочарованно вздохнула.

— Что ж, подождём остальных, Эвис. Попробуем вчетвером. Ты права, при таких значениях... — Клара потрясла пергаментом, — вообще нельзя братья ни за какую серьёзную волшбу! Расплющит, и вся недолга...

Делать было нечего. Отдыхая, волшебницы растянулись прямо на песке.

— Искупаться, что ли, — зевнула Эвис. — Жарковато...

Клара только покачала головой. Молодец Эвис. Вот она, Клара, ни о чём другом не может даже и думать, кроме как о правильном расчёте этого самого заклятия, и жары для неё не существует, а Эмплада — пожалуйста! Искупаться ей, видите ли, надо... Не понимает, что ли, по молодости, что они вполне могут оказаться запертыми здесь навсегда? Или подобное просто не приходит в эту симпатичную, хоть и несколько растрёпанную головку?

Тем временем Райна с Сильвией закончили мазать шалаш и осторожно перетащили туда по-прежнему бесчувственную Тави. Девушке явно становилось хуже — дыхание сбивалось, щёки побледнели, глаза глубоко ввалились.

— Погоди купаться, Эвис, — негромко сказала спутнице Клара. — Надо с Тави закончить.

— Ой, да, прости. — Эмплада вскочила на ноги. — Смотри-ка, твоя Райна целый дворец отгрохала!

Шалаш и в самом деле был высоким и просторным. Сильвия переплела стены какой-то остро, но приятно пахнувшей травой, крупные пурпурные цветы покачивали венчиками — их девочка не срывала, а просто подтянула поближе гибкие плети дикого плюща, в изобилии стлавшегося тут по земле.

Кицум поддерживал голову Тави, стараясь напоить её из фляжки.

— Вкусная здесь вода, милостивая госпожа, ох и вкусная! Кажется, в жизни такой не пивал...

Клара рассмеялась.

— Это оттого, что жаждой мучился, Кицум. Тебе сейчас даже болотная жижа вкусной бы показалась... Ну, ладно, будь на страже, если что-то подозрительное — зови меня. А мы с Эвис займёмся раненой.

Сильвия мышкой-тихоней затаилась в уголке шалаша.

— Помоги нам её раздеть, Райна.

— Слушаюсь, кирия, — по-военному чётко ответила воительница.

— Готова, Эвис? Чувствуешь рану? Видишь боль? Чётко видишь?..

— Чётко, Клара, на всю глубину... ого, что это за паутина по телу пошла? По жилам... от раны... до самой кости!

Клара нахмурилась. Она тоже видела незримые обычным глазом тончайшие чёрные нити, протянувшиеся от неглубокой вроде бы раны к костям, суставам и основным жилам. Что-то мерзкое, липкое и опасное. И — живое.

— Так вот оно что... — протянула Клара. — Какой-то новый паразит. Я таких ещё не видывала. Если удастся, Эвис, постараемся вытянуть живым. В Долине пусть Динтра с ним разбирается. Он, я знаю, нам благодарен будет. Ишь, и корпид-то его почти не сжёг! Ничего себе... Готова?

Эвис молча кивнула. Разведенные руки молодой волшебницы чуть заметно подрагивали, сдерживая уже готовую устремиться с них Силу.

— Начали, — скомандовала Клара, в свою очередь поднимая затворы перед целительным потоком.

Отдача заклятия отозвалась резкой болью — куда сильнее, чем представлялось Кларе. Волшебница закусила губу, чувствуя, как лоб и виски покрываются потом. Две чародейки застыли, простерев руки над раной Тави. Глаза обеих были закрыты, но они и сквозь веки ясно видели корчащуюся в потоках незримого огня чёрную паутину. Эвис жгла её, стараясь разять крючочки, которыми паразит вцепился в плоть Тави; Клара осторожно тянула гада вверх. Это была тяжкая работа — поддерживать конус ловушки, с тем чтобы отчаянно хлещущие во все стороны нити вновь не вцепились во что-нибудь.

Наконец из раны обильно брызнула тёмная застоявшаяся кровь, смешанная с гноем. Опухоль быстро спадала.

Однако держать заклятие с каждым мгновением становилось всё тяжелее и тяжелее. Кларе казалось, что на плечи ей наваливается жадная неподъёмная тяжесть, с невероятной быстротой высасывая силы из волшебницы. За спиной, закрывая весь горизонт, быстро поднималась иссиня-чёрная завеса, прошитая частыми сполохами молний. И ещё один зверь залёг где-то совсем рядом — и тоже алчно тянулся к добыче, перехватывая нацеленные на рану потоки.

Руки Клары начали дрожать. Чёрная паутина ещё и наполовину не покинула тело Тави, а сил уже почти не оставалось. Что же это такое? — в некотором смятении думала волшебница. Что это за твари живут здесь, так хорошо приспособившиеся воровать Силу у налагающего чары мага?!

Не открывая глаз, она взглянула на Эвис. Юная чародейка закусила губу, страдальчески сморщила лоб — видно было, что и она держится из последней мочи, — но заклятие так и не ослабляло.

Неожиданно стало легче — словно кто-то третий подставил плечо под толстое бревно, пригнувшее к земле двоих носильщиков.

Сильвия решительно и отчаянно влезла между двумя волшебницами, положив руки им на плечи. Девчонка действовала на удивление чётко — не пыталась вмешаться в тонкую вязь изошрённых заклятий, а просто принимала на себя часть отдачи и — помогала зачерпнуть как можно больше Силы из этого мира.

Дело сдвинулось. Правда, ни тьма на горизонте, ни та сущность, что укрывалась где-то поблизости, не отступили и не исчезли, но держать заклятие стало легче.

«Молодец, Сильвия!» — мысленно послала Клара девчонке. И тотчас же услышала в ответ: «Стараемся...»

«Не лыком, смотрю, вы там были шиты, в своём Арке», — отозвалась и Эвис.

Теперь чёрные нити паразита вытягивались куда послушней и быстрее. Эвис шла от одной поражённой артерии к другой, быстро заживляя оставленные неве-

домым чёрным гадом рубцы. Грубовато, но действенно — боевые маги всегда латали друг друга на скорую руку, в бою ведь нет времени на долгие процедуры. Сейчас, задним числом, Клара уже жалела, что пренебрегала долгими и скучными уроками высшего целительства у той же Мескот (ну и что, что стерва, зато целитель и в самом деле одна из лучших!), — сейчас эти познания очень бы пригодились.

Правда, беспокоило Клару другое. Их волшба явно вызвала какой-то отклик в этом мире... и причём отклик, совершенно не нравящийся волшебнице. Не потому, разумеется, что туча, вставшая на горизонте, была *чёрной* — каким же ещё быть грозовым тучам? нежно-розовым в полосочку? — а потому, что за этой тучей угадывалась слепая и злая мощь, не имевшая ничего общего с привычной магией, зато странным образом напомнившая тех самых милейших козлоногих созданий, с которыми в Мельине пришлось биться не на живот, а на смерть.

Но потом, все эти высокие материи потом! Сперва — спасти товарища, а дальше видно будет! Сколько раз выручал саму Клару этот нехитрый девиз её Гильдии...

Наконец последний чёрный крючок не выдержал. Извивающийся глубок спутанных чёрных нитей отчаянно бился в незримом, но прочном садке. Тавино лицо вновь порозовело, дыхание стало ровным и глубоким. Рана на ноге, конечно, осталась — но теперь это была просто неопасная и неглубокая рана, оставленная не вражьиим оружием, а скальпелем врачевавшего лекаря.

Клара откинулась назад и дрожащей ладонью утёрла пот.

— Ф-ф-у-ух... Ох... Спасибо тебе, Сильвия, ты здорово выручила... Где ты выучилась так здорово владеть Силой?

— Дед научил, — коротко молвила девочка. Она тоже выглядела неважно — бледная, с синими кругами

ми под глазами. Ей, как и двум другим волшебницам, пришлось несладко.

— Крепкий у тебя был старик... — заметила Эвис, наскоро пытаюсь привести себя в порядок.

— Крепкий-то крепкий, а погиб... — Сильвия неожиданно шмыгнула носом.

— Как же так? — Теперь настала очередь Клары положить руку на плечо девочке.

— Когда Хозяин Ливня пришёл в Хвалин... — начала было девочка. Однако в это время снаружи раздался голос Эгмонта:

— Эгей, встречайте добытчиков!

Однако даже весёлый тон не мог скрыть тревогу чародея.

Клара поспешно выбралась из шалаша.

Эгмонт с Мелвиллом возвращались с добычей — целой вязкой битой птицы.

— Разводи костёр, Кицум, — скомандовал Мелвилл. — Что, нечем? Бери огниво. Клара, пусть Райна ошпишет этих курочек, а мы с тобой давай посекретничаем...

Клара и оба мага отошли в сторону.

— Тут неподалёку, — вполголоса сказал Мелвилл, — в лесу прелюбопытное сооружение. Думаю, тебе стоит на него взглянуть, Клархен.

— Зачем? Какое нам дело до здешних «сооружений»? — пожала плечами Клара.

— До сооружений, ты права, нам дела нету, — кивнул Эгмонт. — Но скажи, вы ведь с Эвис наверняка считали, как нам вырваться отсюда?.. Даю голову на отсечение, вы так ничего и не насчитали. Верно?

— Верно, — обескураженно призналась Клара. — Но откуда ты можешь знать...

— Да всё из того же «сооружения», — с досадой бросил Мелвилл. — Клархен, здешние умельцы, похоже, как следует потрудились над тем, чтобы никто не смог бы сотворить на этом берегу ни одного настоящего заклятия. Понимаешь, Клара? Ни одного. Это чудище пьёт Силу, точно пьяница — пиво. Не знаю,

что это такое — или кто это такой! — но что нам отсюда не вырваться, пока эта штука действует, — точно. Я не слишком силен в вашей высшей чародейской арифметике, но уж за чутьё своё уверен. Мы можем просидеть тут целый год и ничего не добьёмся. А если и попытаемся, нас размажет по небесной сфере в мелкую светящуюся пыль. Обитатели этого мира увидят красивые полярные сияния, только мне выступать в этой роли как-то не улыбается. Хочешь взглянуть на это место сама?..

Клара отрывисто кивнула.

В том, что отряд боевых магов выбросило к какому-то местному артефакту или точке Силы, не было ничего странного — так железо притягивается магнитом. Скорее, было бы удивительно, не обнаружь волшебники на много дней пути вокруг себя вообще ничего подобного. Но вот теперь вопрос — что это за артефакт? Насколько он мощен? Каковы его свойства? Обследование туземных предметов Силы входило в прямые обязанности любого боевого мага, которым доводилось сражаться в десятках, если не сотнях различных миров. Это обследование могло занять день — а могло и месяц. Порой местные чародеи сплетали столь хитроумные сети чар, что пасовало даже искусство магов Долины. Они смогли бы разрубить чужое волшебство, но не распутать его. Сколько времени придётся потратить на сей раз? Неделю? Месяц? Или, может быть, местный год? Кто знает, как соотносится течение времени в этом мире с общим его потоком в Великой Реке? Быстрее тут время или медленнее? Или, может, тут и вовсе стоячая заводь? Клара невольно поёжилась. Впрочем, главное сейчас — выяснить, насколько этот самый артефакт могуч. Быть может, с ним и не придётся возиться, достаточно будет лишь отойти от него подальше, и...

— Знаю, о чём ты думаешь, — проникательно заметил Мелвилл. — Мол, чего с ним возиться, не проще ли убратся отсюда подобра-поздорову? Признаться, я бы тоже это предпочёл. Морское путешествие

куда приятнее этой нудной возни с чужой волшбой. А вдруг действие этого артефакта охватывает весь мир?..

Клара скрипнула зубами и ничего не сказала. Такое тоже было вполне возможно. И тогда у магов оставалось только два выхода: или смириться и стать обитателями этого мира, или... попытаться преодолеть противостоящую им мощь. Последнее было чревато непредсказуемыми последствиями, в первую очередь — для тех, кто испокон веку жил здесь, жил тихомирно, воспитывая детей, в поте лица добывая свой хлеб, и кто даже слыхом не слыхивал ни о каких иных мирах или же Межреальности.

— Райна, пойдём с нами. Эвис, останешься за старшую, — распорядилась Клара. Непреложное правило боевых магов — хоть один полноправный волшебник должен обязательно находиться в лагере. На всякий случай.

Не задавая никаких вопросов, воительница проверила, хорошо ли выходит из ножен меч, и молча присоединилась к отряду.

Идти пришлось недолго. Давнишняя, сильно заросшая тропка вывела четвёрку путников на низкий, пологий холм, открытый с запада вольным морским ветрам. Холм порос низкой и жёсткой травой, что выглядело странным — словно какая-то сила угнетала тут рост растений, в то время как в лесу и на преддверье травяное море поднялось чуть ли не в человеческий рост. На самой вершине холма Клара увидела низкое широкое строение, сложенное из громадных глыб едва-едва обтёсанного белого камня. Толстенные квадратные столбы поддерживали низкую крышу; фундамент давно ушёл в землю. Стен не было, и снаружи можно было увидеть чёрное отверстие ведущего куда-то вниз лаза — в самой середине белого пола. Это несколько походило на портики, которые эстеты возводили в Долине; и совершенно ясно было, что в самом строении, на поверхности нет ровно ничего интересного. За этим самым «интересом» придётся лезть вниз.

Маги и воительница некоторое время молча смотрели на древний портик. Вокруг всё было тихо и мёртво, даже птицы отчего-то избегали этого места.

— С разрешения кирии Клары, — внезапно сказала Райна. — Если на то будет соизволение, я спустилась бы вниз. Я чувствую стража... кажется, он не прочь помериться силами.

— погоди, Райна, — остановила Клара ретивую валькирию. — Не надо ни с кем мериться силами. Может быть, мы справимся и так?..

Эгмонт покачал головой.

— За кого ты нас принимаешь, Клархен? Естественно, мы сделали с поверхности всё, что могли. Теперь надо спускаться. Но ты, если хочешь, повтори...

— Хочу, — отрезала Клара. — И не потому что не верю вам, друзья. Просто... хочу почувствовать.

— Да мы и не думаем обижаться, — усмехнулся Эгмонт. — Давай, Клара. Если надо, мы поможем.

— Помогите. Вы уже настроены на этот артефакт. Помогите мне дотянуться! Райна, а ты будь наготове — вдруг этот страж решит выбраться на поверхность!

Волшебники взялись за руки, точно дети на прогулке, и Клара закрыла глаза.

Сперва была только темнота. Потом в ней неожиданно стали прорисовываться какие-то контуры, смутные очертания; чародейка словно бы оказалась перед висящими в пустоте шестью громадными железными плитами, каждая толщиной в целый локоть. Плиты выглядели совершенно гладкими — даже для магического зрения, каким смотрела на них Клара! Впрочем, скорее всего, так было потому, что они стояли слишком уж далеко. Конечно, валькирия была права — надо спускаться.

Однако даже отсюда Клара ощутила чужую Силу, заключённую в этих странных предметах. Не злую и не добрую, не голодную и не сытую — вообще не жаждущую, не активную, не стремящуюся вырваться из этих железных теней. Силу, направленную куда-то да-

леко-далеко, словно следящую за чем-то, недоступным даже взорам боевых магов Долины.

Холодные щупальца скользнули по лицу Клары, она не шелохнулась. Вниз лезть очень не хотелось, там наверняка полно ловушек, и магических, и обычных; нет смысла тратить время на их обезвреживание.

«Помогите мне!» — мысленно попросила Клара. Друзья-чародеи откликнулись быстро и дружно, тёплый поток Силы ворвался в сознание волшебницы, теперь можно было попытаться выяснить всё, что нужно, с земли...

— Клара! — отчаянный крик Мелвилла. И сразу же — низкий тяжёлый рык, свист клинка Райны, боевое «хэ!» валькирии, звук разрушаемой плоти...

Транс прервался.

Эгмонт и Мелвилл споро тащили Клару под руки прочь с холма, а за их спинами Райна деловито рубила, орудуя двумя клинками, целую орду каких-то низкорослых шерстистых существ, что настоящей волной выплеснулись из чёрного подземного хода. Брызги тёмной крови летели во все стороны — но даже Райне приходилось пятиться, ей так и норовили зайти со спины. А пастям и клыкам этих бестий позавидовали бы самые страшные хищники, известные Кларе.

— Стойте! — крикнула Клара. — Райна, сюда! Хватит крови! Прикрываемся щитом!

Щит невидимости — отличная вещь, когда нужно избежать ненужной схватки. Откат вновь болезненно толкнул Клару в грудь, но заклинание тотчас же подхватили маги, стало легче.

Райна вихрем ворвалась в сгущающийся серый сумрак, быстро поглотивший всю четвёрку. Орда стражей потянулась обратно, разочарованно завывая.

— Н-ничего себе, — выдохнула Клара, когда последняя бестия исчезла в подземелье и волшебники сбросили завесу. — Не хотела бы я столкнуться с ними под землёй!

— Сжечь их, и всё тут! — проворчала воительница, стирая кровь с меча и кинжала. — Кусачие, бестии...

На стальных поножах валькирии остались явственные следы мощных клыков.

Клара отрицательно покачала головой.

— Сжигать тут никого не надо, Райна, нам это не поможет. Крепкий чародей ставил тут защиту, никак не слабее нас с вами... Ну что, Эгмонт, Мелвилл, будем пробиваться вниз? По-моему, это бессмысленно.

— Ты права, — кивнул Мелвилл. — Сила здесь есть. Дотянуться до артефакта можно. Составим кольцо. Нас четверо...

— Пятеро. Сильвия тоже может в кольцо постоять, — заметила Клара.

— Надо же! — присвистнул Эгмонт. — Ну что ж, тем лучше. Четверо в кольцо, один идёт вниз. А стражи эти пусть побегают по окрестностям. — Он усмехнулся. — Им полезно, засиделись-то небось в своём подземелье...

На том и порешили.

«Кольцо» составили немедленно, как только волшебники вернулись в лагерь. Подлечили Кицума, и старик немедленно выпросил у Райны один из её запасных клинков.

— Да зачем тебе, дед? — полупрезрительно хмыкнула было воительница.

Кицум понурился, развёл руками, вздохнул... а потом сделал какое-то неуловимо-быстрое движение, и могучая валькирия растянулась на земле.

— Ополоумел?! — немедленно рассвирепела Райна.

Кицум ловко уклонился от захвата, и в его руке что-то коротко блеснуло — тонкая стальная нить, мигом развалившая надвое сучковатую палку, которой на клоуна опрометчиво замахнулась валькирия.

— Ловок ты, однако... — остановилась Райна.

— Прощения покорно просим, милостивая госпожа, коль обидел, — низко поклонился Кицум. — Не стал бы беспокоить вашу милость, но от тех тварей, что вы описали, моей петелькой отмахиваться несподручно...

Райна дала Кицуму меч, и несколько минут спустя

они уже кружили в поединке, вполне довольные друг другом. Воительница умела уважать чужое искусство.

Четверо магов и Сильвия встали в круг. Эгмонт долго и горячо наставлял девочку, пока Клара не оборвала его излияния:

— Хватит!.. Ей не вниз спускаться. А время дорого.

На сей раз вход в транс был стремительным и почти неосязаемым. Четверо в кольцо — это кое-что значит, вдобавок Сильвия действовала просто здорово, не хуже опытного мага.

Вновь знакомый портик... только теперь Клара видела его таким, как его, наверное, задумали строители. Не ушедшим в землю, а гордо и мощно попирающим её шестью высоко вознёсшимися квадратными колоннами. Отверстие входа светилось нежно-розоватым светом. Что это значит, кто бы знал...

Незримая, бесплотная, Клара скользнула внутрь.

Тьма. Мягкая, спокойная, обволакивающая. Словно в те давным-давно прошедшие годы, когда Клара Хюммель была ещё девчонкой и спокойно засыпала в детской, в доме ещё живых родителей, крепко прижав к себе любимую кошку. Ароматный сумрак... да, кажется, именно так пахли мамины любимые духи. Невольно Клара сдвинула брови — что за шутки шутит с ней это место? Давно пора бы понять, кто сейчас перед ним, и не играть в игры понапрасну!

Никаких коридоров перед собой Клара, конечно, не видела. Пару раз что-то слегка кольнуло — она миновала настороженные магические ловушки, слишком быстрая и неосязаемая для них. Однако они её всё же почувствовали, всё же постарались дотянуться — это было неприятно. Клара рассчитывала, что с такой поддержкой, столь развоплощённая она вообще останется для них невидимой. Не осталась. Что ж, впредь будем осторожнее.

Справа и слева вспухли рыжеватые клубы, в них угадывалось нечто живое — стражники. Тоже что-то учуяли, бестии... Ну ничего, пока вы поймёте, что к чему, меня уже здесь не будет.

И вновь — шесть гладких железных плит. Ну-ка, ну-ка, а вы и теперь будете со мной в прятки играть?

Клара развоплощалась всё больше и больше. Фактически от неё оставалось только её бестелесное «я» с магическим зрением — очень опасная игра, если не кому поддержать тебя и помочь выйти из транса. Но тут Клару *держало* трое испытанных друзей и талантливый найдёныш Сильвия, и рискованная затея волшебницы вполне удалась.

Толчок. Отдача. Боль, пробивающаяся даже сквозь щиты бестелесности. Ого, ну и местечко, кто же создал тебя?..

Словно в ответ, на крайней слева плите сверху, возле самого обреза, медленно проступил смутно знакомый символ — устремлённая вверх стрела, крестнакрест перечёркнутая двумя косыми росчерками. Это не было *написано* на плите, не было тем или иным способом запечатлено на её поверхности — символ просто *всплыл* из глубины холодного железа.

Клара закусила бы губу от злости, если б только смогла. Что за фокусы? Уже давно пора проявиться любому тексту, как бы хитро он ни был упрятан! Ведь она — Клара Хюммель, боевой маг Долины, а здешние заклятия сплетал какой-то самоучка, пусть даже и талантливый!

Бестелесная грудь наполнилась болью, словно мутной водой, распирая, расталкивая рёбра. Перед глазами воскурилась алая дымка. Клара предприняла ещё одно, поистине запредельное усилие и, почти теряя сознание от терзающей всё её существо боли, услышала холодные слова — к ней словно бы обратилось само железо:

«Здесь покоятся Скрижали Ночи. Вам не уйти».

И после этого Клару настигла такая отдача, что волшебница, не выдержав, отчаянно закричала — словно поняв вдруг, что вложила слишком много сил в *развоплощение* и вернуться назад уже не сможет...

А вместе с болью её настигло *знание*. Ответ на тот самый вопрос, который они так стремились получить.

Клара очнулась. Боли как будто не было; но вот только почему так темно в глазах?

Наверное, она произнесла это вслух, потому что ей немедленно откликнулся голос Эвис:

— Потому что сейчас ночь. Ты пробыла без сознания весь остаток дня и весь вечер. — Молодая волшебница наклонилась над Кларой. — Ох и напугала же ты нас! А потом ещё эти твари полезли...

— Рыжие такие, клыкастые? — слабым голосом осведомилась Клара.

— Нет, не те, не из схрона. Просто зверьё из леса. Ох, и зрелище же было — впереди мы с Эгмонтом, за нами Мелвилл с Сильвией, последняя линия обороты — Райна с клоуном. А позади всех лежит бесчувственная Клара Хюммель, в то время как её друзья умирают от страха за неё и одновременно — от любопытства: что же она там увидела такого-эдакого?

— А остальные... все целы?

— Все, не волнуйся, — засмеялась Эвис. — Райну с клоуном слегка поцарапало, но мы их уже подштопали. Все сейчас спят, одна я вот сидела, тебя стерегла... Ну, рассказывай же, Клара, не томи!

Волшебница вздохнула. Даже вспоминать о случившемся было больно.

— Самое смешное, что и рассказывать-то особо нечего... Шесть железных плит, и всё. На крайней — перечёркнутая стрела. Надписей я никаких так и не увидела, хотя очень старалась и, похоже, слегка перестаралась...

— Да уж, слегка! — фыркнула Эвис. — Еле вытащили тебя, Клархен. Нельзя же так!..

— Зато вот что я под конец услышала... — Клара прижала пальцы к вискам в тщетной попытке унять внезапно накатившую головную боль. — «Здесь покоятся Скрижали Ночи. Вам не уйти». И — всё...

— Всё? — недоверчиво переспросила Эвис. — А как

же текст? Судя по всему, это ж явно текстовая крипта! Тем более — скрижали... там должен был быть текст!

— Сама знаю, — вновь вздохнула Клара. — Да только ничего не поделаешь. Нам этот текст не прочитывать, Эвис. Только если по-настоящему вниз прорвёмся,

— Ну, а самое-то главное? — настаивала молодая чародейка. — Вырваться-то отсюда можно или нет?

Клара опустила голову и помолчала. Знание жгло её, подобно раскалённым палаческим щипцам. Это знание возникло в ней в тот самый миг, когда она услышала голос холодного железа.

— Эвис, пока эти шесть плит целы — нам не покинуть этот мир. Даже если нас и эти самые скрижали будут разделять все здешние земли и океаны. Скрижали должны быть уничтожены. Другого выхода просто нет.

Глаза Эвис округлились.

— А что же тогда будет? — отчего-то шёпотом спросила она.

Клара поёрзала — в спину врезался невесть откуда взявшийся тут камень.

— Ну и вопросы у тебя, Эвис... нам тогда точно придётся просидеть здесь всю жизнь, перелопатить все местные легенды и сказания, выпытать всю подноготную у доброй сотни верховных жрецов и пророков, прочесть сотни томов хроник... может быть, тогда мы и сумеем что-то сказать. Когда имеешь дело с артефактом такой мощи, яснее ясного, что так просто его не уничтожишь. Да я и не представляю, какие силы на это потребны, если, в свою очередь, не прибегать к артефактам...

— Как-то не хочется оставаться тут навсегда, — зябко повела плечами Эвис. — Клархен, неужели...

— Ну, способы-то всегда найдутся, — буркнула Клара. — Если, к примеру, пожертвовать моей шпайгой, то, вполне возможно, этот самый — как ты сказала? — схрон не устоит. Но что тогда случится в мире?..

— Так что же нам делать? — Голос Эвис неожиданно дрогнул. — Я не хочу, не хочу тут оставаться!..

Клара отвернулась. Эвис ничего не сказала вслух, но это ясно и так. Она, Клара Хюммель, завела-таки свой отряд в ловушку, из которой, похоже, так просто не выбраться. Задача как будто не имела решения — нужно провести тут целую жизнь, чтобы понять, как *в точности* отразится на этом мире уничтожение скрижалей, и никто не может поручиться, что, даже проведя тут всю жизнь, они отыщут верный ответ.

Эвис тихонько заплакала. Клара молча сидела рядом, чувствуя себя настоящей предательницей. Впору было наложить на себя руки.

Так они и встретили рассвет.

Глава пятая

НЕКРОМАНТ ЗА РАБОТОЙ

На сборы ему оставили совсем мало времени. Посильные милорда ректора отирались возле крыльца факультета малефицистики до тех пор, пока Неясыть не вышел к ним, невольно сгибаясь под увесистым заплечным мешком. Посох только мешал, и Фесс уже гадал, куда бы поудобнее пристроить эту докучливую и тяжеленную палку.

По пути в порт его тоже не оставили одного. На возмущение Даэнура провожатые холодно ответили, что таков строгий приказ милорда ректора и они по мере сил стараются сей приказ исполнить, потому что неповиновение, как известно милорду декану, карается пожизненным изгнанием из Академии.

Фессу очень хотелось спросить — что же с Атликкой? Он несколько раз поднимал глаза на Даэнура, неизменно читая один и тот же ответ учителя — молчи, ни звука здесь!

Очевидно, милорду ректору позарез было нужно, чтобы единственный студизус факультета Тьмы как можно скорее отправился восвояси. И ещё милорд ректор явно не верил в случайности. Как и не полагался на чьё-то слово. Мэтрам было приказано довести

Фесса до самых сходен; а принадлежность корабля к маленькому, но повсеместно известному флоту Академии означала, что командовать судёнышком будет маг, и притом не из слабых, чтобы новоиспечённому некроманту не пришлось бы в голову пытаться завладеть кораблём и по-своему распорядиться собственной судьбой.

И уже перед самым трапом, под плеск волн у причала и крики чаек Даэнур медленно наклонил к Фессу свою чешуйчатую голову, произнеся вслух:

— Ни о чём не беспокойся. Я позабочусь о ней.

Фесс открыл было рот... и вновь прочёл в жёлтых глазах непререкаемый суровый запрет.

Так они и расстались с Тёмным — без слов, без жестов, без обещания писать друг другу, что не преминули бы сделать люди.

— Прошу сюда, мэтр, — сухо произнёс капитан — высокий и краснолицый. Неясыть безошибочно угадал в нём чародея рангом куда выше собственного — Академия не поскупилась. Конечно, в случае настоящего магического поединка шансы у Неясыти всё равно оставались, но идти сейчас на схватку со всей Академией, и Белым Советом, и с Меганой в качестве резерва было бы чистым самоубийством.

И Фесс послушно позволил матросам отнести свои вещи в крошечную каюту на самой корме, молча, без единого слова выслушал длинные ворчливые наставления капитана о том, кто хозяин на судне и чего категорически не следует делать пассажиру; и долго стоял потом, глядя на удаляющийся берег, глядя до тех пор, пока Ордос совершенно не исчез из глаз.

Сколько тайн осталось позади, сухо думал Фесс. Ни одна из них не раскрыта. Кто на самом деле полужельф Эвенстайн и конопатый простолюдин Бахмут? Кто такая на самом деле Атлика? В самом ли деле прямо тут свила своё гнездо одна из последних сект верных последователей Салладорца?.. Какие такие Мечи требовалось от него разыскать — и что он теперь намерен делать с этим странным «заказом»? Впрочем,

поскольку он не взял «аванса», договор можно считать незаключённым.

Обычно путь из Ордоса в Арвест, самый северный город Семиградья, проделывали так: плыли морем до Абардима на побережье Моря Надежд и оттуда удобным сухим путём по хорошим дорогам с отличными почтовыми станциями и гостеприимными трактирами — через Кленовую равнину прямо до места. Однако капитан судна в первый же день положил руль строго на запад. «Горлица» — так назывался кораблик — направилась вдоль берегов Кинта и Змеиного леса к маяку на северной оконечности Кинта Дальнего, явно собираясь огибать весь огромный семиградский полуостров. Белый Совет не доверял молодому чародею.

Фесс стоял у борта, молча глядя на бесконечный танец волн. Похоже, кому-то очень нужно, чтобы он держался подальше от Ордоса и Академии. Но тогда самым простым было спровадить его куда-нибудь ещё дальше — например, в Империю Клешной. Или на Волчьих острова. Значит, в самом Арвесте его, Фесса, будет ждать то, что не позволит ему так запросто разгуливать по всему большому Эвиалу. Надзор? Слежка? Или — что проще — отцы-экзекуторы Святой Инквизиции?

«Что гадать, — сказал себе Фесс. — Ведь может получиться, что на самом деле всё гораздо проще. Анэто и в самом деле был нужен какой-никакой, а некромант на севере Семиградья. Купеческие гильдии — основной источник дохода Академии. Плата за услуги волшебников высока, но для того, чтобы этот поток сохранить, оные услуги необходимо оказывать. Значит, кто-то и в самом деле должен заниматься упокоением; и почему бы не предположить, что его, Фесса, попросту выпихнули из Ордоса, не желая впутывать в разбирательство с «гнездом» Эвенгара Салладорского, буде таковое и в самом деле окажется раскрытым? Может, Анэто просто не хотел отдавать его, Фесса, в руки Инквизиции? То же вполне вероятно...»

Устав, Фесс уходил в каюту. Механически, не всту-

пая ни с кем в разговоры, ел приносимую корабельным коком еду. Подолгу лежал в раскачивающейся подвесной койке и думал, думал, думал... Теперь он старался как можно более полно и точно вспомнить всё, чему его учил Тёмный. Ведь если он отныне полноправный некромант, это значит, что очень скоро ему не на испытаниях, а на деле придётся *упокаивать* восставших мертвецов и заниматься прочей Нежитью, мелкой и не очень, что портит жизнь обывателям славного Арвеста.

Память его не подводила. Он помнил наизусть едва ли не каждую лекцию своего наставника, чуть ли не каждую страницу в только раз прочитанных книгах. Мало-помалу он начал дополнять подаренные на прощание Дазнуром конспекты, покрывая мелким, но чётким бисерным почерком словно специально оставленные широкие поля книг.

Путь «Горлицы» был словно специально расчищен умелыми мастерами погодных заклинаний. Ей не встретилось ни ненастья, ни обычных для сурового Моря Ветров бурь. Строго в назначенный день, в самом начале сентября (Фесс невольно пожалел, что не смог увидеть День учеников — вдруг кто-то ещё избрал Дазнура своим наставником?) кораблик бросил якорь в обширном, хорошо защищённом молами и волнорезами порту Арвеста.

После чумного затишья в Ордосе здешняя гавань поражала обилием кораблей. Они в буквальном смысле кишели кишмя, и мало кто из них мог самостоятельно добраться от горла бухты к пирсам. Крупные мореходные каравеллы тянули к причалам многовёсельные буксиры — судя по всему, рабский труд здесь ценился невысоко.

За пристанями раскинулись кварталы низких серых складов, разделённых широкими подъездными путями для тяжёлых возов, влекомых медлительными волами. Однообразие портового пейзажа лишь слегка скрашивалось высокими шпилями и куполами морского собора, где все уходящие в океан моряки моли-

лись Спасителю и спрашивали покровительства в их рискованных предприятиях.

Когда «Горлица» пришвартовалась, угрюмый капитан чуть ли не впервые за весь путь заговорил с Фессом.

— Ступайте, мэтр. Вон там вас, я вижу, встречают. Это люди нашей Академии. Они проведут и всё покажут. А теперь прощайте! Удачи, само собой, желать вам не стану. Мне теперь заново «Горлицу» освящать придётся...

Фесс молча кивнул, забросил на спину мешок и погнувшимся сходням осторожно сошёл на берег. Не хватало только шлёпнуться в воду на потеху команде...

В Арвесте климат был куда холоднее ордосского. Непокойное Море Ветров то и дело насылало ураганы, отгонявшие далеко на юг тёплый летний воздух. Было лишь начало сентября, а в тёмной воде бухты уже плавали первые жёлтые листья. Подступала осень.

Встречавшие Фесса «люди Академии», к его немалому удивлению, оказались отнюдь не людьми. Один из них, низкий и широкоплечий, принадлежал к расе гномов, другой, устрашающего вида, весь перевитый жгутами мускулов, — и вовсе к народу орков. Их Фессу дотоле видеть не приходилось.

Зеленоватая грубая кожа досталась оркам от их дальних родственников-гоблинов; правда, у орков она была куда светлее. Черты лица были весьма схожи с человеческими, если б не пара острых клыков, торчащих из-под верхней губы. Волосы на голове орки брили, оставляя лишь один густой и длинный не то чуб, не то хвост, перевязанный какими-то шнурками и переброшенный на спину. Щёки орка покрывала сложная татуировка — знаки клана и рода.

— Пр-риветствую, — низким басом прорычал орк. — Прадд, честь имею представиться, Прадд из клана Алого Камня, род Арива. На службе Академии. По приказу милорда ректора. — В подтверждение Прадд вытащил оттиснутую в красном сургуче печать Академии.

— Сугутор, гном, — церемонно поклонился широкоплечий коротышка. В отличие от орка он носил оружие — короткий церемониальный шестопёр.

— Пр-рошу за нами, мэтр-р. — Прадд сделал широкий жест. — За складами нас-с ждёт экипаж-ж.

— Рад встрече, — в свою очередь поклонился Фесс, опираясь на свой внушительного вида посох. И орк, и гном посматривали на этот символ магического достоинства с изрядным почтением, но без примеси страха. — Куда же вы собираетесь меня отвезти?

— Согласно повелению милорда ректора, должны мы разместить господина мэтра в достойном его обиталище, — надувшись от гордости, ответил гном.

— Если только та халупа, котор-рую угодно было снять почтенному Сугутор-ру, может пр-ретендовать на сие высокое звание, — ехидно заметил Прадд.

— О чём ты говоришь? — немедленно возмущился гном. — Конечно, это не царские хоромы, но зато насколько это экономно! Ты не забыл, что молодому мэтру ещё предстоит найти себе работу, а подъёмные очень невелики?

— Оставьте спор, достопочтенные, прошу вас. — Фесс поднял руку. Кажется, эти двое были единственные, кого не пугал его статус адепта Тьмы. — Мои запросы весьма скромны. Благодарю почтенного Прадда за заботу... и вас, почтенный Сугутор, за практичность. — Фесс постарался улыбнуться как можно более приветливо.

— Вот видишь? — Гном тотчас толкнул орка в бок. — А ты говорил — со службы прогонит...

— Почему же я должен прогонять со службы тех, кто подчиняется милорду ректору? — удивился Фесс.

— Согласно эдикту, — по-военному вытянулся Прадд, — мы с сим почтенным гномом, чья скупость может сопер-рничать только с его смелостью, поступаем в полное распор-ряжение милор-рда мэтр-ра. Если, конечно, достопочтенному мэтр-ру окажутся нужны наши услуги... и у него найдутся ср-редства для

выплаты скр-ромного жалованья своим вер-рным слу-гам.

— Гм, — озадаченно сказал Фесс. — Но вы же сами знаете, подъёмные невелики, работы пока у меня нет...

— Мы поверим в долг, — ввернул лукаво усмехнувшийся гном.

— В долг? И насколько? — Уж не являются ли эти двое его тюремщиками, присланными следить за тем, чтобы он не покинул Арвест? Задержать его они вряд ли смогут, но вот регулярно доносить — пожалуйста.

— Пока не найдётся работа, мэтр-р, — пожал могучими плечами орк. — Пр-росто мы знаем, что сейчас твор-рится и тут, и в Лесных Кантонах. Работы хватит, мэтр-р, только успевай золотые считать. — В глазах орка блеснул огонёк. — А с золотыми жизнь всюду хороша, что бы ни говор-рил этот скр-ряга. — И он дружески подтолкнул гнома.

— Ну, хорошо, — медленно сказал Фесс. — Вы что-то упоминали про экипаж? Показывайте дорогу.

Миновав грязные склады, с трудом проложив себе дорогу среди дюжих грузчиков — тут на самом деле пригодился чёрный посох, при виде его люди замирали с разинутыми ртами, — они оказались на вполне приличной, мощёной дороге.

Здесь уже начинались первые дома, перемежающиеся мастерскими, дешёвыми харчевнями, какими-то малопонятными строениями вроде грубых ману-фактур. Лавки и лавчонки, бордели самого низкого пошиба, ночлежки... миновали рынок под просевшим длинным навесом, заполненный разношёрстной толпой.

Экипаж оказался вполне приличной двуколкой, с трудом, правда, вместившей мощного Прадда.

Прадд и Сугутор. Бахмут и Эвенстайн... ничего не напоминает? Или у масок такая дурная манера — всюду появляться вдвоём? Фесс с подозрением покосился на своих спутников; правда, ничего необычного в их поведении не было — гном почтительно рассказывал о

зданиях и заведениях, мимо которых они проезжали, Прадд внимательно прислушивался и вставлял свои дополнения. Рассказы гнома в основном касались достоинств пива, замечания орка — кухни в целом. Ну, а о девушках охотно говорили оба.

Мало-помалу город стал меняться. Дома стали чище и опрятнее, лавки — богаче. Кое-где даже появились чахлые скверики. Когда же миновали горбатый мост через быструю речку, явно бравшую начало в Железном Хребте, грязь с улиц исчезла почти повсеместно. Начались кварталы купеческих гильдий, двух- и трёхэтажные каменные строения, приличные гостиницы, фешенебельные публичные дома, оптовые рынки — суконный, оружейный, пряностей, сахарный... Дорогие лавки, мастерские видных ремесленников — тех же оружейников, часовщиков, ювелиров, портных, сапожников, куафёров...

— Нам сюда. — Правивший двуколкой гном свернул в уютный неширокий переулок, застроенный добротными двухэтажными домами с эркерами, колоннами, башенками и прочими архитектурными излишествами. «Халупами» здесь и не пахло.

Двуколка остановилась перед внушительного вида заведением, с громадным рыжим котом на вывеске.

— Тр-рактир «Ражий кот», — торжественно провозгласил Прадд, спрыгивая на мостовую.

— Может быть, «рыжий»? — удивился Фесс.

— Никак нет, мэтр, — отозвался гном. — Именно «ражий». Тут и в самом деле такой котище живёт — рыжий, камышовый, дикий. Кроме хозяина, никого к себе не подпускает, а уж, простите великодушно, жрёт так, что только держись. Иначе, как ражий, его никто и не называет.

Широкие двери трактира распахнулись. Появился тощий мальчишка лет четырнадцати в засаленном переднике.

— Нет, нет, спасибо, вещи мы сами донесём, — немедленно замахал руками гном.

— Лопнешь ты когда-нибудь, Сугутор, от жаднос-

ти своей, — недовольно проворчал мальчишка, поворачиваясь спиной, — видно, знал, что спорить с гномом бесполезно. — Серебряка ему жалко...

— Ежели серебряками раскидываться, то никаких золотых не хватит, — не остался в долгу Сугутор, ловко вскидывая на спину увесистый мешок Фесса. — Милости прошу, мэтр, нам сюда. Две комнаты на самом верху — наши. Ох и пришлось же повоевать!..

— До долей медного гр-роша дошли, — сообщил Прадд, беря лошадь под уздцы и намереваясь завести её в открытые угрюмым трактирным мальчишкой ворота. — Тор-рговались остер-рвенело, тр-рактирщик аж кр-расными пятнами покр-рылся, но этого скупца разве ж кто перетор-ргует!

— Не будь меня, ты б давно с голодухи помер, орясина, — наставительно заметил гном. — Прошу вас, мэтр, идёте же. И посох попрошу вот так... чтобы все видели, вам, мэтр, вашим посохом гордиться надо, на заказ делали, отсюда вижу...

— Это как — на заказ? — заинтересовался Фесс, поднимаясь на крыльцо.

— Да вот уж так. Обычным-то магам всякий раз особый посох делать — накладно, мы, гномы, свою работу ценим, а ещё больше ценим молчание. Даже Академия бы не потянула. Поэтому маги нам только заготовки заказывают. Ну и ещё украшения там разные, орлов, скажем, или зверей всяких. Волшебницам — тем цветочки, гирлянды, всякие светлые камушки — чтоб красиво было. А уж собирают всё это сами чародеи. А вот вам, мэтр... милорд ректор сами в Лесные Кантоны письмо писали, а такое далеко не всякий год случается! Мол, появился маг необычайный, силы немалой... Ну и наши уж постарались.

— Постой, постой, — в продолжение этого разговора они так и стояли на трактирном крыльце, — когда же милорд Анэто успел это сделать?

— Когда? — Гном снял круглую кузнечную шапочку, почесал затылок. — Да в аккурат после весенних испытаний и успел. Тогда же письмо прислал, просил

как можно скорее сделать. Мол, в любой момент понадобится может. У нас и постарались.

— Спасибо... — несколько растерянно сказал Фесс. — А кто же тогда чары накладывал?

— Чары посоха — это особое дело, — ответил словоохотливый гном. — Говорят, милорд мэтр, что зачаровывает посохи весь Белый Совет в полном составе...

— Даже для нас, некромантов?

— Гм... ну тогда и не знаю, — признался Сугутор, сокрушённо разведя руками. — Пойдёмте, мэтр, что ж мы и в самом-то деле на крыльце торчим, словно деревенщина неотёсанная...

Они вошли.

Трактир «Ражий кот» и в самом деле оказался вполне приличным заведением. С потолка свисали не тележные колёса, уставленные свечками, а аккуратные масляные лампы в стеклянных колпаках, светившие на удивление бездымно и ярко, — Фесс почти сразу почувствовал здесь магию. Очевидно, дела в трактире и в самом деле шли неплохо, если хозяин мог позволить себе регулярно приглашать чародея для обновления утративших силу чар. В зале стояли не грубые длинные столы с лавками, а вполне чинные круглые столики с высокими стульями у каждого. Даже чистые скатерти на каждом столе имелись.

Хозяин, как и положено, обитал за стойкой, в обществе пузатых бочек и пивных кружек. Был он на удивление худ, прямо-таки измождён; на вытянутом лице выделялся длинный нос с горбинкой.

— А... — неопределённо проговорил хозяин, явно стараясь не замечать чёрного посоха в руках своего нового постояльца. — Ми... — Он, наверное, хотел сказать «милости просим», однако вовремя вспомнил, *кто* именно пожаловал к нему в постояльцы. Говорить «милости просим» ужасному и непонятному некроманту, имеющему дело с самым страшным, что только могло вообразить себе простонародье — ходячими мертвецами, — с точки зрения хозяина, было, разумеется, полной нелепостью. — Отомкни им, Отто.

Уже знакомый угрюмый парнишка в засаленном фартуке, шаркая ногами в разбитых башмаках (что являлось, несомненно, символом преуспевания — его сверстники поголовно щеголяли босиком), повёл Фесса и его спутников вверх по широкой прямой лестнице. Они миновали протянувшуюся над общим залом галерею, оставили позади выходившие на неё запертые двери — все как одна хорошей работы, украшенные резьбой — и двинулись ещё дальше вверх.

— Сюды, — буркнул мальчишка. У него явно поджилки тряслись от общества ужасного *некромансера*, однако трактирщика паренёк по имени Отто, несомненно, боялся ещё больше.

— Н-да, — вырвалось у Фесса.

— Что я тебе говор-рил, скр-ряга! — зашипел на Сугутора орк.

— А больше никто и вовсе пускать не хотел! — парировал гном.

Они вошли. Судя по всему, это был самый обыкновенный чердак, наспех приспособленный под жильё. Тут и в самом деле имелось две «комнаты» с низенькими потолками и сильно скошенными стенами. В первой комнате Фесс увидел пару грубо сколоченных кроватей, колченогий стол и три табурета. Во второй, совсем крошечной, — узкая лежанка, открытый сундук вместо скамьи да покосившаяся конторка для письма. В стене виднелся общий для обеих комнат кирпичный печной ход. Больше тут ничего не было, даже самых простых полок.

— А печка? — вырвалось у Фесса. Зимы в Арвесте не отличались ордосской мягкостью. И, хотя Море Ветров здесь не замерзало, северные ветры приносили в город частые снежные бури.

— Печку истопник топит, она этажом ниже, — проворчал Отто. — Хозяин велит всем постояльцам говорить, чтобы не смели, значить, жаровни устраивать, а то сразу... — Он осёкся. Говорить *некромансеру* слова «на улицу вышвырнет» было, с его точки зре-

ния, верхом неразумия. — А то сразу пристава позовёт, — закончил паренёк.

— Понятно, — сумрачно прорычал Прадд. — Значит, милор-рду мэтр-ру мёр-рзнуть пр-ридётся?! Отвечай, когда тебя спрашивают!

— А ты вообще молчи, харя зелёная! — зашипел разъярённым котом мальчишка. — Донесу на тебя святым отцам — враз калёного железа отведаешь! Сам знаешь, у нас в городе вашу орчатскую породу не жалуют!

Фесс в упор взглянул на мальчишку, и тот разом онемел.

— Моё положение дипломированного некроманта, — задумчиво промолвил Фесс, переводя пристальный взгляд на свой чёрный посох, — как известно, допускает применение *человеческих* жертв. Где-то у меня даже есть особая грамота... где же это она у меня... — Он сделал вид, что достаёт кожаный тубус из своего заплечного мешка, однако этого мальчишка уже не видел. Тоненько завывая от страха, он нёсся вниз по ступеням, потеряв по пути оба башмака, — видно, без них бегалось легче.

Гном и орк захохотали.

— Спасибо, мэтр, — с чувством проговорил Прадд. — Но, пр-раво же, не стоило. Я пр-ривык...

— Зато я не привык! — возмутился гном. — Клянись родными горами, если бы милорд мэтр не осадил этого юнца...

— То ты, бор-рода, сам отодр-рал бы его за уши, — закончил Прадд. — Ну и загр-ремел бы в застенок. Знаешь ведь, нас за ер-ресь таскают особенно охотно...

Это было для Фесса новостью. Ордос славился не только веротерпимостью, но и отсутствием вражды между расами. Люди, эльфы, гномы, гоблины (последние пусть даже в основном и на положении слуг) уживались в нём вполне мирно.

— Потом расскажем, милорд, — отмахнулся гном. — Пока что устроиться надо. Эй, каланча, не застывай! Помоги мэтру разобраться!..

— Не командуй, Суги, сам знаю!

— И не смей называть меня Суги! — топнул ногой гном, его борода аж встопорщилась от гнева.

— Хватит, хватит! — остановил спорщиков Фесс. — И не надо звать меня милордом. У меня имя есть — Нейясыть. Или, на худой конец, можете мэтром звать, если уж иначе никак.

Гном и орк разом поклонились.

— Никак невозможно, — хором ответили они. — Мы вежество знаем. «Мэтр» — это как занятие. А «милорд» — обращение. Но за намерения добрые спасибо... милорд мэтр.

Вскоре несложная работа по обустройству была закончена. Гном и орк притащили из хозяйской кладовки собственные мешки и тотчас заспорили, кому спать на кровати у окна. Гном настаивал, что там самое место не боящемуся никаких морозов Прадду, а орк в свою очередь ссылался на то, что обладает очень чувствительным слухом, вследствие чего спать у окна никак не может из-за постоянных кошачьих концертов, каковые концерты никак не могут помешать именно почтенному Сугутору, ибо, всем известно, гномы спят куда крепче камней.

Всех помирил Фесс, предложив поставить к окну стол, а кровати сдвинуть к противоположной стене.

Когда наконец всё было готово, они втроём уселись за стол — тороватый гном сбегал вниз и вернулся с подносом.

— Копчёная кура, хлеб, огурцы и пиво — что ещё нужно? — облизнувшись, провозгласил он.

За едой новоявленные слуги почтительно поинтересовались у милорда мэтра о его, милорда, ближайших планах. Равно как о том, когда им, всепреданнейшим, будет выдан аванс.

— Мне ж не из чего, — развёл руками Фесс.

Орк свирепо покосился на Сугутора.

— Вот скр-ряга! Где подъёмные милорда?!

Гном хлопнул себя по лбу, обозвав всякими слова -

ми, и выудил из-за пазухи тощенький кожаный кошель.

— Серебро, — сказал Фесс, высыпал на стол небольшую пригоршню монет. — Что ж, давайте делить.

— По монете в день — и ладно, — торопливо сказал гном.

Цена явно была завышенной, но Фесс и не подумал торговаться.

— По рукам, — не задумываясь, сказал он. — Я рад, если это серебро пойдёт вам на пользу. На здоровье! — И он поднял кружку с пенящимся пивом.

Орк и гном с энтузиазмом присоединились к нему.

— Милорд, — спросил Сугутор, уплетая за обе щеки курицу, — а когда вы намерены нанести визит почтеннейшему магистрату сего города, да вылезут у них из глоток те деньги, что они дерут с бедных обывателей в виде несправедливых налогов? У вас ведь должно быть к ним рекомендательное письмо?

Для простого слуги гном проявлял немалую осведомлённость.

— Думаю, это стоит сделать чем скорее, тем лучше, — подхватил Прадд. — На месте милорда мэтра я сделал бы это прямо после нашей трапезы.

Тут, наверное, Фессу следовало бы стукнуть кулаком по столу и напомнить, кто здесь кому платит и кто должен кого слушаться. Однако он вовремя вспомнил об Эвенстайне и Бахмуте. Если этой парочке и в самом деле поручено следить за ним, а по возможности — и направлять его действия, не давая сунуть нос куда не следует, то в этом надо убедиться. Сделаем вид, что мы ничего не поняли и приняли всё за чистую монету.

— Разумный совет, друзья, — сказал Фесс, допивая пиво. — Я так и сделаю. Снесите кто-нибудь вниз поднос, и тронемся.

— Пойду распоряжусь насчёт двуколки, — тут же поднялся Прадд. Гному ничего не оставалось делать, как метнуть на орка не слишком дружелюбный взгляд и вынести поднос с грязной посудой и объедками.

...Ратуша славного Арвеста больше напоминала не-
большую крепость — с высокими зубчатыми стенами
и стрелковыми башенками по углам. Ратушу когда-то
явно окружал ров — по обе стороны ворот сохрани-
лись прорези от цепей подъёмного моста.

— Тут когда-то ведь очень немирно было, — пояс-
нил Сугутор. — То с мореходами воевали, то с жителя-
ми Железного Хребта... Те же огры или, скажем, трол-
ли — разуменья на медный грош, а пограбить любят.
Но теперь-то давно не нападают. С Лесными Канто-
нами шутки плохи, а Арвест уже давно только такую
стражу и содержит. Но всё равно случаются набеги,
случаются... А хуже всего, если половинчики объявят-
ся. Тут даже алебардисты не помогут.

— Это почему? — заинтересовался Фесс. — Неуж-
то эти невелички сюда от самого Вечного леса хаживают?

— Спросите лучше, мэтр, куда они *не хаживают*, — проворчал Прадд. — Я слышал, они даже на Утонувшем Крабе бывали. А как ходят — так ведь они маленькие, неприметные, вдобавок замечательно скрываться умеют. Ты и глазом не моргнёшь, а их во-
круг тебя целая орда. С той же пехтурой из Канто-
нов — подберутся ночью, часовых бесшумно стрелами
снимут, а потом спящих перережут, сколько сумеют.
И — поминай как звали.

Двуколка остановилась перед широкими воротами
ратуши. Гном и орк почтительно двинулись следом за
Фессом, препоручив экипаж заботам крутившегося
там мальчишки, что с разинутым ртом глазел на чёр-
ный посох новоприбывшего мага.

— Куда?! — гаркнул стоявший в воротах алебар-
дист в парадных цветах Арвеста — синем, чёрном и го-
лубом. На груди виднелся герб вольного города —
орёл, летящий над морем.

Фесс молча протянул украшенную печатями гра-
моту и для верности внушительно стукнул посохом по
плитам. Воин внимательно оглядел печати, заметил
посох — и судорожно сглотнул.

— Э-э-э... мэтр... прошу... прямо по лестнице на второй этаж...

— Благодарю, — холодно ответил Фесс. Стражник подскочил как ужаленный — кто знает, что значили эти слова в устах кошмарного *некромансера*, могущего поднимать мёртвых из могил?!

Внутри ратуша вполне соответствовала образу преуспевающего купеческо-ремесленного города. Шпалеры на стенах и ковры на ступеньках. Негаснувшие и не дающие копоти факелы на стенах. Позолоченные украшения, резьба, фрески, потолочные плафоны и прочее.

Магистрат, оказывается, в полном составе ждал с самого утра визита прибывшего в город нового вольшебника. Когда Фесс, Прадд и Сугутор вошли в длинный зал, навстречу им из-за вытянувшегося, словно змея, стола под зелёным сукном разом встало полдюжины дородных мужчин в дорогих камзолах, с золотыми цепями и усыпанными драгоценными камнями бляхами на груди — избранные вольным Арвестом магистры.

— Гм, гм... — громко прокашлялся высоченный, необъятный в талии бородач с внушительного вида красным носом. Облачён бородач был в тонкий бархат, отделанный знаменитыми салладорскими кружевами, что стоили дороже золота. Магистерская бляха у него на груди была величиной чуть ли не с тарелку. — Гм... Рад приветствовать вас, достопочтенный мэтр, в нашем городе. Рад, что вы смогли так быстро откликнуться на наш зов... Позвольте представиться — Ольсен, бургомистр Ольсен, временный, так сказать, голова сего прекрасного города... прошу вас, присаживайтесь, мэтр!

Прадд и Сугутор, как и положено сопровождающим, которых берут с собой не для реальных услуг, а для *чести*, остались у дверей, застыли, как изваяния.

Фесс опустил на услужливо пододвинутый стул.

— Я слушаю вас, милорды, — сказал он, обводя взглядом лица магистров. Надо сказать, в отличие от

трактирщика, мальчишек или даже алебардиста, сидевшие в этом зале не боялись. Впрочем, это было понятно — они сами посылали письмо-прошение в Академию.

— Мэтр, — поднялся ещё один мужчина, в тёмно-синем, сидевший по правую руку от Ольсена. — За последний год мертвецы просто обезумели, да простится мне эта бессмыслица. Как учит нас Мать наша Святая Церковь, — он быстро осенил себя знаком Спасителя, и его примеру последовали все остальные — кроме, разумеется, Фесса. — Кладбища одно за одним становятся э-э-э...

— На нашем языке это называется *беспокойными*, — негромко произнёс Фесс.

— Да, да, вы совершенно правы, мэтр. Беспоконными. Только за последние два месяца число умертвий по вине этих... э-э-э... ходячих... трупов превысило сотню. Две деревни полностью обезлюдели. Возникли перебои с подвозом в город хлеба — земледельцы боятся покидать дома. Приходится завозить зерно морским путём, что отягощает...

— Короче, Фрам, — поморщился бургомистр Ольсен. — Полагаю, милорду магу это не слишком интересно.

— Мне нужна лишь карта и список неупоконных кладбищ, — сказал Фесс. — Так я надеюсь справиться с бедой быстрее, нежели чем мне придётся бродить по окрестностям вашего прекрасного города, тратя время на вполне невинные погосты.

— Разумеется, мэтр, мы подумали об этом. — Ольсен расплылся в улыбке. — Прошу вас, мэтр, всё готово!

Перед Фессом немедленно развернулся тугой свиток новенькой карты. Видно было, что её только что закончили.

— Мы отметили места появления *неупоконных* крестиками, — торопился дать разъяснения Фрам. — Извольте видеть, мэтр, эдесь, здесь, здесь и здесь... только за последнюю неделю!

На карте *беспокойные* кладбища — пять крестов —

выстраивались аккуратной дугой, отрезая Арвест от остальной части семиградских земель. Фесс ничем не выказал своего удивления, хотя удивляться тут, конечно же, было чему.

На город словно кто-то заклятие наложил. Такая ровная дуга... это не могло быть случайностью.

— Благодарю вас, милорды. — Фесс слегка наклонил голову. — Нам осталось договориться о цене моей работы, и я немедленно за неё примусь.

Наступило неловкое молчание.

— Понимаю. — Фесс позволил себе слегка усмехнуться. — Какой же купец заключит сделку без доброго, на полдня, торга?

Бургомистр Ольсен скривился, как от сильной зубной боли.

— Мэтр, здесь собрались лучшие из негоциантов Арвеста. Мы потому и стали лучшими, что знаем, когда торговаться следует, а когда — нет. И мы отлично понимаем, что сейчас не время рядиться. Назовите вашу цену, милорд, и мы её заплатим, если, конечно, она не составит сотни и сотни тысяч цехинов — столько звонкой монеты нет во всём Арвесте. Разумеется, мэтр, мы заплатим. Но... об этом не должен знать никто в городе. А в особенности святые отцы.

— Почему? — удивился Фесс. — Согласно договору и эдиктам, мне, прежде чем браться за дело, всё равно придётся спрашивать разрешение у Церкви.

— Она не должна знать, что вы трудитесь за деньги, — нехотя признался Ольсен.

Фесс мог только недоумённо развести руками.

— Дело в том, мэтр, что его преосвященство епископ Арветский был очень против вашего приезда. Говорил, что это обречёт весь град на ужасное посмертье.

— Но, милорды... — запротестовал Фесс.

— Нам с трудом удалось добиться его согласия, — горячо зашептал Ольсен. — И то лишь с тем условием, что приехавший некромант должен будет трудиться бесплатно, жить подаванием и каждый день просить у Спасителя прощения.

Фесс безмолвно поднял брови. За его спиной гном судорожно закашлялся, видно, пытался подавить негодующий вскрик.

— А все деньги, отпущенные магистратом на оплату услуг некроманта, его преосвященство потребовал пожертвовать на нужды Святой Церкви. И сказал при этом, — если вы считаете, что отвратная некромантия может быть угодна Спасителю, пусть некромант делом докажет это. В противном случае его преосвященство пригрозил Инквизицией. Всем нам... и вам тоже, милорд мэтр.

Фесс возмущённо стукнул посохом.

— Согласно договору я не подлежу суду Святой Инквизиции! Мои деяния подсудны только Белому Совету и ректорату Академии!

— Тише, тише, милорд, умоляю вас, — зашептал Ольсен, судорожно вытирая обильный пот дорогим кружевным платком. — Вы совершенно правы. Совершенно. Когда мы покупаем товар, мы за него платим. Мы не пираты и не разбойники. Но Церковь...

— Но мне надо где-то жить, — пока ещё сдерживаясь, произнёс Фесс. — И желательно не в той халупе, которую удалось снять моим верным слугам. Я рассчитывал на ваше золото, милорды! Или вы и впрямь надеетесь, что я стану жить подаянием?!

Наступило неловкое молчание.

— Если я правильно понял недосказанное, — медленно заговорил Фесс, — то, даже если вы мне и заплатите, тратить эти деньги я не смогу, потому что ищейки епископа наверняка станут следить за каждым моим шагом. И, если я, скажем, найму нормальное жильё, вас немедленно притянут к ответу. Я прав?

— Абсолютно и совершенно, — сокрушённо вздохнул Ольсен. — Но, милорд Неясыть! Давайте же искать выход!

— Я не буду просить никакого подаяния, — с холодной яростью бросил Фесс. — И ничьего прощения испрашивать тоже не буду. Если магистрат прекрасно-го Арвеста не нуждается в моих услугах, я немедленно

вернуть в Академию. Возглавлю там кафедру некротантии, в конце концов!

Магистры горестно возопили. Среди прочих голосов выделялся могучий бас Ольсена.

— Милорд, милорд, пожалуйста, не горячитесь. Подумайте о тех невинных, что ждут вашей защиты! Подумайте о их детях, утаскиваемых и разрывааемых на части безжалостными...

— Свойства *неупокоенных* мне прекрасно известны, благодарю вас, — отрезал Фесс. — Но мне совершенно неизвестно, как я должен существовать безо всяких к тому средств! На что вы, собственно говоря, рассчитывали, милорды? Что я соглашусь с бреднями его преосвященства?

Кое-кто из магистров торопливо осенил себя знаком Спасителя.

— Нет, мэтр, — вновь заговорил Ольсен. — Мы надеялись, что вы согласитесь принять пять тысяч цехинов... *после* того, как выполните свою миссию в окрестностях Арвеста. Затем вы немедленно покинете город. Согласитесь, на пять тысяч полновесных золотых монет...

Сумма и впрямь была велика — для севера. Атлика просила за свою любовь три цехина... но в Арвесте за эти деньги можно было снять целый бордель. Хлеб, уголь и железо в портовом городе были дешёвы, что означало невысокие цены и на остальное. Пять тысяч — это два или даже три года безбедной жизни.

— Десять тысяч, — резко сказал Фесс. — Десять тысяч за разбитую надежду. Я хотел поселиться здесь... чтобы Арвест никогда не знал ночных страхов и его жители ходили на погосты, чтобы именно поклониться родительским могилам...

— Мы согласны, — печально произнёс Ольсен. — Когда вы, мэтр, закончите... дайте нам знать. Мы снарядим лучший корабль.

— Тогда пишите расписку, — неприятным голосом приказал Неясыть. — И поставьте печать магистрата.

Слово словом... но в делах должен быть порядок. Мне перед Академией тоже отчитываться придётся.

Видно было, что Ольсен скорее дал бы отрубить себе руку, чем согласился написать такую грамоту. Стоит ей попасть в лапы отцам-экзакуторам... Но, как видно, родной город он всё же любил несколько больше, чем себя.

Фесс аккуратно спрятал расписку и карту в футляр для свитков; молча поднялся. Говорить здесь больше было не о чем.

* * *

— Времени терять не будем, — сказал Неясыть своим спутникам. Орк и гном уже устали изошряться в проклятиях по адресу его преосвященства. — В путь выступаем немедленно. Судя по карте, до ближайшего нужного мне места — день пути. Сугутор, ты можешь нанять лошадей?

— Запросто, мэтр. Не извольте сомневаться.

— А ты, Прадд... сможешь ли ты выяснить, в самом ли деле следят за нами?..

— И поотрывать им башки? — громыхнул орк. — Всё понял, милорд! Вот такая работёнка мне по нраву, мэтр!

— Никому ничего отрывать не надо, — строго сказал Неясыть. — Я просто хочу понять, в самом ли деле его преосвященство так гневается на бедного некрманта или же господа магистры просто не хотят платить?

Орк коротко кивнул и тотчас же растворился в толпе. Как ему это удалось, при его-то росте и ширине плеч — Фесс мог только гадать.

— Что ж, мэтр, — сказал Сугутор. — Думается, лучше всего сейчас мне вас с мешком вашим отвезти на заставу. Там ожидайте, пока я лошадей не пригоню.

Ворота Арвеста сделаны были на совесть. Охранял их целый десяток алебардистов; при виде Чёрного мага, почему-то соблаговолившего остановиться у самой

их кордегардии, у бедняг едва не сделалась медвежья болезнь.

Вскоре Сугутор и впрямь пригнал четырёх лошадей.

— Прадд просил передать, что его ждать не надо. Он нас и пешком догонит, а заодно посмотрит, не пристроился ли кто ненужный за нами, — объяснил гном.

Фесс коротко кивнул и взобрался в седло. Дорога предстояла недалняя. Им надлежало проехать не- сколько лиг на юг и потом свернуть к Лесным Канто- нам — Фесс решил прежде всего управиться с теми погостами, что располагались ближе всего к главному тракту.

Однако не успели они выехать за ворота, как пришлось уступать дорогу длинному кортежу. Стражники носили длинные мечи и короткие арбалеты, немало было конных лучников. Не меньше пяти десятков во- йнов окружало изящный экипаж (непонятно как мо- гущий двигаться по разбитому тяжёлыми возами трак- ту), в котором сидела молодая, изящно одетая девуш- ка — в сопровождении двух служанок и пожилой матроны, видимо дуэньи.

Девушка и впрямь была хороша. Смуглая, необыч- ная для северянки кожа, большие чёрные глаза, вью- щиеся волосы цвета воронова крыла... Правда, не по- нравился Фессу её брошенный мимоходом на него взгляд — испуг, да, но ещё и гадливость, словно смот- рела она не на ладного, крепко сложенного парня, а на уродливое насекомое.

— Ила, дочь Пеммера, главы гильдии суконщи- ков, — негромко произнёс Сугутор. — Он даже богаче Ольсена. И торгует в основном с югом. Ольсен — ко- рабельщик, моряк и воин; Пеммер гоняет свои кара- ваны сухим путём. Оба, как и положено, терпеть друг друга не могут. Ольсен вдовец; по слухам, сватался к Иле, но получил полный афронт.

— Как это почтенный купец не боится посылать свою дочь по дорогам в такое время? — вслух про изнёс Фесс. — От *неупокоенных* и целая армия не спасёт.

Гном выразительно пожал плечами.

— Ладно, об этом после, — решил Фесс. — В путь!

Деревня, около которой находилось намеченное Фессом к *упокоению* кладбище, носила выразительное название Большие Комары. Хорошо ещё, что сейчас, по осени, мелких летучих вампиров уже повымели ночные холода. Село оказалось, тем не менее, большим и богатым. Тракт проходил несколько в стороне, однако и в Комарах имелся просторный постоялый двор, два питейных заведения, храм, несколько лавок, какие-то склады...

— Посторожи коней, Сугутор. Я к здешнему настоятелю.

Вот и настала пора *настоящей* работы, подумал Фесс. Это уже не испытания, и вокруг тебя — не игрушечные домики. И витающий над домами страх — куда более сильный, чем в сплетённом милордом ректором видении.

Да, страх здесь был. Улицы деревни вымерли. Не лаяли собаки, не мычала скотина. Только уныло и мерно звонил небольшой колокол на церквушке — точно в Ордосе во время мора.

Фесс и гном подошли к зданию. Прочные бревенчатые стены носили явные следы зубов. Сугутор присвистнул.

— Видел что-то подобное? — осведомился Фесс.

— Так точно, мэтр, — по-военному ответил гном. — Ходили мы... с мэтром Бланковицем. Насмотрелись. Я еле ноги унёс.

— А мэтр Бланковиц? — спросил Фесс.

Гном нахмурился.

— Сожрали его, мэтр, и косточек не оставили.

— Упокойся в мире, брат, — пробормотал Фесс себе под нос ритуальную формулу.

— Упокойся в мире, — подхватил и гном. — Это *костяные гончие, мэтр. Узнаю по прикусу.*

— Сам знаю, — буркнул Фесс. Впрочем, известные преимущества за Сугутором следовало признать — в отличие от него Фесс видел следы зубов *костяных гон-*

чих только на гравюрах. Неясыть поднялся по ступенькам и постучал в дверь церкви. По договору переступить порог он имел право только после разрешения настоятеля.

Створки долго не открывались. Пришлось гному пустить в ход шестопёр, точнее, его рукоятку.

— Кто там? — спросил дребезжащий старческий голос.

— Неясыть, маг из Академии. Приехал для упокоения Нечисти, — крикнул в ответ Фесс.

— Мы не звали никаких нечестивых упокаивателей! — последовал ответ. — Уходи, откуда пришёл, пока отцов-эксекutores не вызвал!

— Откуда здесь отцы-эксеку... — начал было Фесс и тотчас же, едва лишь бросив взгляд в сторону, хлопнул себя по лбу. Возле постоянного двора стояла выкрашенная в ярко-жёлтый цвет просторная телега — так называемая *позорная телега*, на которой осуждённых за ересь везли к их последнему костру. Верный признак — в селении отряд Инквизиции.

— Вот так попали... — севшим голосом проговорил Сугутор. — Мэтр, позволено ли будет...

— Уезжай, Сугутор, — торопливо бросил Фесс. — Мне они ничего не сделают.

— Я вас не оставлю, мэтр! — возмутился гном.

— А если они тебя сцапают?

— Ну и что? Я ихний Символ Веры наизусть лучше любого монаха прочту! — хорохорился Сугутор.

Фесс положил руку ему на плечо.

— Уезжай, пожалуйста. Если здесь и в самом деле *костяные гончие*, то ты мне не помощник. А если мне придётся тебя вдобавок из лап святых отцов выручать — совсем плохо дело. Постарайся перехватить на тракте Прадда, скажи ему, чтобы сюда и носу не совал. Возвращайтесь в «Ражего кота» и ждите меня там. Ну, а если не вернусь... сами знаете, что делать.

— И думать о том не можете, мэтр! — топнул ногой гном. — И не бойтесь вы за меня! Сейчас сам к эксекуторам пойду и благословения попрошу!

Сугутор решительным шагом спустился с крыльца и двинулся к постоялому двору, к нелепой, ярко размалёванной телеге. Фесс остался стоять возле церкви — он не собирался начинать карьеру с вопиющего нарушения договора.

— Святой отец! Откройте! Неужели нам не о чем говорить?

Дверь внезапно распахнулась. Старенький священник стоял, высоко, точно оружие, подняв пере-чёркнутую Стрелу.

— Ты зачем сюда явился, змей? — громким шёпотом спросил он, наступая на Фесса и воинственно выпятив седую бородёнку. — Чад моих смущать? Мошь Тьмы им являть? Мёртвые из могил встают по Божьему попущению, как кара за грехи наши! Не тебе, чернокнижник, промыслу божественному противиться!

— А что ж вы, отче, в храме затворились? — не выдержал Фесс. — Что ж сами на погост не пойдёте, псам из мёртвого царства себя не отдадите?.. Если всё это по вышнему соизволению?!

— Ты со мной тут распри устраивать не моги! — Старичок продолжал теснить Фесса к краю крыльца. — С палкой тут своей явился, нечестивец, тьфу, пропасть! Как тебя земля-то носит, проклятого?.. У тебя спасения искать — всё равно что самому во Тьму нырять! От Спасительевой воли павший — Спасителем же и поднят будет! Прочь, прочь поди!

Фесс пожал плечами. Ему не слишком хотелось уезжать на ночь глядя, но договор есть договор. Он не мог ничего делать, не получив на то *согласия*.

— Воля ваша, святой отец, — холодно сказал Невясыть. — Но только предвижу я, как сами вы меня о помощи просить будете и в ногах ползать, умолая. Что ж, не хотите — как хотите. Я пошёл.

— Минуточку, — проскрипел чей-то третий голос.

Фесс досчитал про себя до десяти и только потом неторопливо повернулся.

Ну разумеется. Отцы-инквизиторы, сиречь экзекуторы, в полной красе своей неопикуемой. Их явилось

трое, но на шаг впереди остальных стоял маленького росточка человек, едва ли по плечо Фессу. Шириной плеч он напоминал гнома. Одного глаза у него не было, его закрывала чистая белая повязка — не повязка на свежей ране, а именно чтобы закрыть давным-давно опустевшую глазницу. Одет инквизитор был в скромный серый плащ без всяких устрашающих символов, если не считать одного — контур сжатого кулака на красном поле. Знаменитого на весь Эвиал герба Святой Инквизиции.

За ним стояли двое, уже нормального роста, в таких же плащах, но с накинутыми капюшонами, так что нормальным зрением их лиц было не разглядеть.

— Этлау, экзекутор первого ранга, — прежним скрипучим голосом представился священник. — А вы — мэтр Неясыть, выпускник факультета малефицистики, прошедший школу кафедры некромантии в прославленной ордосской Академии Высокого Волшебства?

— Ваша осведомлённость делает вам честь, милорд Этлау, — холодно ответил Фесс. — Чем могу служить?

— Хотя бы тем, что посвятите меня в цели вашего визита. — Этлау приходилось сильно задираť голову, глядя в лицо Неясыти, но, похоже, коротышка не испытывал от этого никаких неудобств. Привык быть сперва внизу, чтобы потом восторжествовать вдвойне, повергнув жертву в ничто?

Фесс пожал плечами.

— В этом нет ничего тайного. Я прибыл, чтобы покончить с творящимся здесь злом. Упокоить кладбище, если быть точным. Завершив это дело, я немедленно уеду.

— Сия община не нуждается в вашей защите, — ухмыльнулся Этлау. — Мы уже здесь, и мы справимся сами. Уезжайте.

— Договор не запрещает мне находиться где-либо в пределах земель, на которые простирается власть Святой Матери-Церкви, — хладнокровно парировал Фесс.

Этлау поднял было брови, но один из его спутников внезапно нагнулся вперёд и шепнул коротышке несколько слов на ухо. Экзекутор недовольно дёрнул щекой, но вынужден был согласиться.

— Что ж, извольте. Кроме того... гм-м-м... мы даже можем провести перед вами практическую демонстрацию и наших методов.

— Буду весьма признателен, — церемонно поклонился Фесс. Произошло явно что-то из ряда вон выходящее, если экзекутор зовёт его, Чёрного мага, в зрители и свидетели своего триумфа. — Вы уже установили первопричину бедствия?

Фесс помнил, что святой факультет в Академии славился опытными магами. Помнил он и то, что священники-маги тоже могли *упокаивать* погосты, только гораздо медленнее, чем самый простой некромант. Фесс ожидал услышать более-менее знакомые ему рассуждения о природе Силы, однако...

— Первопричина любого бедствия есть грехи смертных, — без тени сомнения заявил инквизитор. — Выкорчёвывая грехи, мы уничтожаем первопричину зла. Когда злокозненные еретики и схизматики здесь, в Больших Комарах, будут уничтожены, всё снова станет в порядке. Вы спросите меня — почему же до сих пор остаётся столько мест, где Нежить разгуливает на свободе? Отвечу: потому что туда ещё не успел добраться ваш покорный слуга, скромный экзекутор Этлау.

Фесс медленно спустился с крыльца.

— Каким же образом, дозволено ли будет узнать, почтенный отец-экзекутор выкорчёвывает грехи?

Этлау зловеще усмехнулся.

— Сейчас вечер. Когда зайдёт солнце, настанет пора злых Сил. И — пора тех, кто встаёт у них на дороге. Приходите сюда, к церкви, мэтр, и вы всё увидите своими глазами. Своими глазами, — для внушительности повторил экзекутор, повернулся и с удивительной для его роста быстротой засеменял прочь.

— Святая Церковь поразит Зло! — фанатично вы-

крикнул старик священник за спиной Фесса. Неясить обернулся к нему.

— Ну хорошо, — неприятным голосом сказал Неясить. — Мне нельзя тут работать, это понятно. Но сходить-то на ваш погост я, надеюсь, могу?

— Можешь, — нехотя кивнул священник. — Но смотри, некромант, если только ты начнёшь осквернять наши могилы... копать в них... я мигом призову отца Этлау!

— Разумеется, — холодно сказал Фесс. Нарушивший договор некромант в любом случае подлежал суду Академии, но здесь могут и отказаться утруждать себя подобными формальностями. А недооценивать силу святых отцов может только полный глупец.

Дорожка к кладбищу выглядела неважно. Земля изрыта, повсюду следы острых и длинных когтей — *костяные гончие* уже отыскивали дорогу из могильной тьмы, и значит, с каждой ночью их будет появляться всё больше и больше. Что произойдёт потом — тоже понятно. Наступит миг, когда их ярость и ненависть к живым преодолеют магию висящих в домах образов Спасителя и его почитаемых святыми сподвижников. Какое-то время продержится церковь, но потом обрушатся и её стены. И тогда в этой деревне не останется никого живого. Счастье ещё, что и *костяные гончие* далеко не пойдут — пережрут одна другую, но вот последняя выжившая обратится в подобие «крысиного тигра» и отправится в странствие по градам и весям Семиградья, гонимая неутолимим голодом и столь же неутолимой жадой убийства. Не будет смысла искать в её действиях какой-то расчёт. Нет, она будет просто убивать, убивать, убивать — пока не столкнётся с ним, Фессом. И надо, чтобы это произошло как можно раньше; желательно — здесь, в Больших Комарах, не взирая ни на каких экзекуторов.

Фесс миновал сложенные из серого плитняка ворота кладбища. Предстояло определить, не завёлся ли тут кто-нибудь ещё, пострашнее *костяных гончих*. И определить быстро, потому что, даже просто стоя на

кладбищенской земле, Фесс чувствовал содрогание мёртвых костей и сердец под толстым слоем песка. Они тоже чуяли наступление ночи.

Могильные плиты были не расколоты, не перевёрнуты, а аккуратно подрыты. Верный признак *гончих*; однако дальний от церкви угол показался Фессу уж слишком безмятежным для *беспокойного кладбища*. Неясыть быстро сбросил сумку с плеча, достал серебряный кинжал — его не стоило зря таскать на поясе. Торопясь, очертил вокруг себя заострённым концом почти идеальный круг — чем ближе он к проведённому циркулем, тем лучше, тем крепче защита. Закрыв глаза, прошептал одну из формул Силы — подействует ненадолго, но расходовать себя особенно щедро он и не хотел. Не попусти Тьма, почует святой отец Этлау.

Как только Фесс закончил последнюю строчку литании, как земля на миг вокруг него сделалась прозрачной — вся, за исключением Круга Отражения. Фесс увидел могильные ямы, истлевшие доски гробов, а под ними, под ними...

Его глаза обожгло — внезапно и резко, словно от удара хлыстом. Да, *тем*, что лежали в этих тихих до поры до времени могилах, было что скрывать от не в меру любопытного чародея. Захороненные там кости не имели ничего общего с человеческими. *Костяные гончие*, будучи куда опаснее тех же зомби или просто *неупокоенных* мертвецов, были, по сути, просто слепленными из человеческой плоти и костей существами, отдалённо напоминавшими громадных псов, откуда и пошло их название. Это была уже вторая стадия *неупокоенности*, когда вливавшаяся в отжившее своё тела Сила начинала играть с предоставленным «материалом», добиваясь его наибольшей смертоносности.

А вот в этих могилах начиналась уже стадия третья, о которой даже Дазнур говорил, что такое случается раз в сто лет. Могильная земля изменяла теперь уже не костяки, но сами кости, начиная наращивать на них новую плоть. Здесь в плотных коконах *зрели*, тер-

пеливо ожидая своего часа, те самые *костяные драконы*, о которых с таким ужасом писали древние некроманты — кому посчастливилось пережить встречу с таким драконом. Такого дракона некромант мог создать и сам, но подобное в большинстве случаев требовало человеческих жертв.

Фесс поспешно погасил заклятие. Н-да, весёленькая работка его ожидает. Интересно, что сумеет сделать против *костяного дракона* отец Этлау?

Трижды обрызгав себя самыми сильными отпугивающими мертвецов эликсирами, Неясуть вернулся обратно к церквушке. На площадь перед ней уже тянулся народ — разумеется, в ужасе шарахаясь от явившегося сюда чёрного вестника бедствий — некроманта. Все пугливо теснились поближе к церкви, то и дело косясь на сереющую в вечернем сумраке дорогу, что вела к кладбищу.

Оказалось, что отец-эксекUTOR явился в Большие Комары с целым отрядом. Крепких парней в серых плащах Фесс насчитал почти дюжину; он знал, что это — не трусливые палачи, только и умеющие, что пытать беспомощную жертву; к сожалению, Святой Инквизиции служили неплохие бойцы, и это тоже нельзя было сбрасывать со счетов.

Двое в сером стояли по бокам старшего инквизитора, остальные рассеялись по толпе. Люди пугливо сторонились и их, но вскоре Этлау навёл порядок.

— Добрые люди! — прежним скрипучим голосом заговорил эксекUTOR. Обращение прозвучало злой насмешкой. — Вечной Матери нашей, Святой Церкви, известно стало, что по попущению Спасителя и за грехи ваши жестоко страдаете вы от злых тварей, из Тьмы явившихся, нарушивших покой ваших предков, что лежат на деревенском погосте. То случилось, потому что вы, добрые люди деревни Большие Комары, поддались греху! — внезапно взвыл инквизитор, так что в толпе все без исключения вздрогнули. — Мы, скромные служители Спасителя, явились сюда, дабы очистить ваши дома от скверны. Да, да, очистить от сквер-

ны! Надо найти грешников! Найти и помочь им скорее воссоединиться со Спасителем, молить Его о прощении, стоя на коленях перед Его истинным ликом, даже не перед образами! И, клянусь муками Его, мы отыщем среди вас грешников! И тогда вы убедитесь сами, что Тьма отступает перед светом Спасителя!

Самое страшное, понял Фесс, что этот Этлау искренне верит в то, что говорит. Но что он намеревается делать? Посреди толпы стоит ярко-жёлтая телега, на ней установлена невысокая виселица. Невдалеке — жаровня, над ней железная решётка. Он что, решил устроить тут публичную казнь? Что это ему даст? Вот-вот совсем стемнеет, надо развести людей по домам и дать возможность ему, Фессу, сделать наконец свою работу, пусть даже за неё он ничего не получит! Но нельзя же стоять и смотреть, как несущаяся стая *костяных гончих* в клочья рвёт беззащитных!

Фесс принялся решительно проталкиваться к священнику. Кажется, *шевеление* уже началось... или нет, это ему уже самому с испугу мерещится?

Старик шарахнулся от Фесса, отмахиваясь своей перечёркнутой стрелой.

— Изыди, изыди! — тонким фальцетом взвизгнул было он, однако Неясыть без всяких церемоний сгреб старика за рясу и как следует встряхнул.

— Святой отец, — сквозь зубы процедил Неясыть, — сейчас здесь будет очень много крови. Этлау сошёл с ума, но вы-то должны заботиться о своих прихожанах! Тут сейчас будет целая свора гончих. *Костяных гончих* — слышали о таких? Они каждую ночь грызут венцы вашей церквушки, пытаются пробраться в дома... не говорите, будто ничего не видели и ничего не слышали!

— А-а... н-н-и-и-и... — только и смог выдавить полузадушенный священник.

— Отпусти святого отца, — вдруг негромко сказали Фессу в самое ухо. Он быстро обернулся — так и есть, двое громил экзекутора.

— Вы погубите всех людей!

— Мы их спасём, — презрительно ответил один из серых. — Смотри и учись, чёрный!

«Договор, договор, договор! — стучало в висках Фесса. — Эти безумцы устроят тут бойню, а я даже не смогу вмешаться, потому что ни староста — кстати, где он? — ни священник не разрешили мне работать. И что, мне придётся спасать только и строго самого себя, и чтобы кого-то другого — ни-ни, даже если это будет ребёнок, которого будут рвать живым на куски? Нет уж, дудки. Пусть себе судят. Анэто должен будет понять...»

Выпустив священника, Фесс быстрым шагом отошёл в сторону. Распахнул сумку, достал несколько флаконов с эликсирами, свой ритуальный кинжал, закрыл глаза, сосредоточился...

Толпа внезапно взорвалась криками. Солнце совсем скрылось, деревенскую площадь быстро заливал сумрак. В руках инквизиторов засветились факелы. Этлау следовало торопиться — даже отсюда Фесс чувствовал невнятную возню на кладбище, на самой грани реальности. Ещё немного — и стая чудищ вырвется на волю...

Чтобы встретить его, Фесса. Или, вернее, Неясыть.

Этлау тем временем медленно ходил вдоль застывшего круга жителей деревни. Он не пользовался факелом — очевидно, так же как и Фесс, владел магией ночного зрения. Кто-то истерически всхлипнул, кто-то застонал, кто-то разрыдался — верно, взгляд у отца-инквизитора был тяжёлый.

— Вот! Вот она! — внезапно завизжал экзекутор.

Миг — и он выдернул из толпы какую-то женщину, выволок за косу, намотав её на кулак. Несчастная не удержалась на ногах, и теперь Этлау попросту тащил её по земле за волосы. Бедняжка была совсем ещё молода — но уже носила на голове цветастый плат замужней женщины.

— Она, она, она, — захлёбывался торжествующим воем Этлау, — она грешница! Прелюбодейка! Она опозорила своего законного, Спасителем данного супру-

га! Втайне к полюбовнику бегала! Но от меня ничего не скроешь! Говори, тварь, шлюха, дрянь, говори — правда это или нет?!

Слова сопровождалось сильнейшим магическим ударом — ломая волю к сопротивлению и даже к самой жизни, они заставляли несчастную говорить. Этлау не обманывал народ — молодка и в самом деле наставляла рога своему благоверному, понял Неясыть. Он даже успел понять, с кем именно, — банальная история, бедная семья, богатый и немолодой жених, оставшийся сердечный друг... А дальше произошло то, что должно было произойти, что ежедневно и ежедневно происходит во множестве деревень и городов Эвиала...

— Правда, правда, правда! — завизжала женщина. — С ним, с ним, с Лером, это он, он, он!..

Нельзя было обвинять её в малодушии или в том, что она пыталась купить себе жизнь ценой предательства, выдавая палачам имя возлюбленного. Фесс всей грудью ощущал напор Силы, Этлау оказался могучим магом. Интересно, кончал ли он Академию?..

Из толпы вывалился краснолицый пожилой мужчина, одетый подобротнее, чем остальные крестьяне. Занёс для удара ногу, выкрикнул что-то похабное...

— Нет! — Этлау сейчас был поистине страшен. — Не твоей рукой будет наказан грех, но дланью Святой Матери Церкви! На головы этих прелюбодеев падёт кара! И Спаситель возвеселится и снимет проклятие с ваших мест!.. Сюда их обоих, к телеге!

Толпа взорвалась. Истерические вопли, плач, проклятия, ругательства, крики, стоны тех, кого уже начали топтать в суматохе... Фесс увидел, как к жёлтой телеге выволокли уже скрученного высокого парня в разорванной рубаше и с окровавленным лицом.

— В огонь, в огонь их! Смерть прелюбодеем! — надрывались десятки глоток, хотя Фесс готов был поклясться чем угодно, что почти все в этой жаждущей справедливости толпе сами похаживали налево. Но

раз святой отец указал на *истинных* прелюбодеев, значит, наш грех уже не так и страшен!

Инквизиторы в сером подняли шатающуюся, обеспамятовавшую женщину, поставили на ноги. Этлау ткнул ей кулаком под подбородок:

— Смотри! Смотри, что сейчас сотворит длань Святой Церкви с теми, кто осквернил таинство брака!

С парня уже рвали одежду, выкрутив руки, валили на железную решётку; недостатка в добровольных помощниках не наблюдалось.

«И ты хочешь их спасти, Фесс? — внезапно мелькнула крамольная мысль. — Вот эту толпу, которая могла бы в мгновение ока смести с лица земли всех отцов-изуверов? И не помогла бы Этлау никакая магия, когда на него навалились бы со всех сторон... Они запросто могли отбить осуждённых. Но предпочли откупиться их жизнями...»

Тем временем под решёткой уже начали рдеть угли. Инквизиторы подбросили заранее заготовленных поленьев, а добросердечные и богобоязненные чада Святой Церкви Спасителя уже тащили со всех сторон настоящие дрова. Свою лепту норовил внести каждый.

«Что он задумал, этот Этлау? Он убьёт сейчас этих двоих, замучает, и дальше? Он думает, что это остановит гончих? Да ведь эманации мук и страха только привлекут их! А вдобавок могут разбудить и драконов...»

Однако Фесс не мог заставить себя сдвинуться с места. Гном куда-то пропал, и это было даже хорошо — не станет связываться с инквизиторами.

Парень по имени Лер, растянутый на железной решётке, в этот миг дико заорал, — видно, до него начал добираться жар. Девушка, которую крепко держали под руки двое в сером, забилась, жалко и страшно закричала — верно, чувствовала сейчас те же самые муки, что и обречённый возлюбленный. Внезапно к ней прорвалось с полдюжины женщин; прежде чем другие инквизиторы успели их оттеснить, всё лицо не-

счастливой оказалось изодрано в кровь, платье обратилось в лохмотья. Обманывая самого себя равнодушием, Фесс отвёл глаза от мелькнувшей в прорехах высокой груди.

Лер тем временем кричал всё громче и отчаянней, в воздухе пополз запах палёного. Толпа захохотала, словно в каком-то безумном исступлении.

Фесс ощутил заметный толчок Силы. Этлау, сейчас похожий отнюдь не на смиренного служителя Церкви, а на кровожадного ночного демона, стоял на телеге, широко раскинув руки и подняв лицо к небу. Так, наш доблестный отец-эксекUTOR что-то затеял... что?

Словно в ответ, со стороны погоста донеслось хриплое завывание. Фесс своим надчеловеческим слухом уловил, как скрипят когти, взрывающие землю, как из своих нор выбираются странные, составленные из костей и полусгнившей плоти существа, напоминающие собак с человеческими черепами — вот только челюсти у них совершенно нечеловеческие.

— Этлау! — яростно крикнул Фесс. — Они сейчас будут здесь!..

ЭксекUTOR не обратил на него внимания. Сила вокруг него пришла в движение... знакомая, куда как знакомая Сила! Не веря собственным глазам, Фесс обернулся — так и есть, подручные отца-инквизитора растянули несчастную «прелюбодейку» на широкой, отполированной тёмной доске и, сорвав одежду, сейчас деловито стучали молотками. Гвозди проходили прямо сквозь плоть. Крики молодки на какое-то время заглушили даже вопли поджариваемого заживо Лера.

А *косяные гончие* уже мчались сюда во весь опор, почуяв вожака добычу. Фесс покрепче перехватил посох — в конце концов, теперь он имеет полное основание сказать, что всего лишь защищался.

Палач в сером склонился над женщиной, рука с зажатым в ней каким-то устрашающего вида инструментом опустилась, и пронзительный, срывающийся визг

заставил Фесса поспешно зажать уши, чуть не уронив при этом собственный посох. Это невозможно было слушать. На это невозможно было смотреть. Да заслуживают ли жизни вообще все те, кто терпит такое?! Быть может, ожившие мертвецы творят благое дело, очищая землю от подобной людской плесени?

В этот миг из-за угла вылетели *гончие*, и Фесс инстинктивно вскинул посох на изготовку. Ну, твари, держитесь!..

Однако вместо того, чтобы ринуться на толпу, чудовища внезапно жалобно завывали, словно побитые псы. Остановившись, они принялись отчаянно тереть уродливые костяные морды, словно что-то запорошило им глаза. Разумеется, это была приведённая в ход Этлау Сила... Сила, которой он, маг от Мощи Спасителя, не мог, априори не мог пользоваться должным образом. Фесс застонал, поняв наконец, что делается. Глупец! Трижды глупец! На что он рассчитывает, этот святоша?! Ну да, кладбище успокоится... на три-четыре месяца. А потом из своих гнёзд вырвутся *драконы*... и что тогда?!

А тогда от Больших Комаров не останется ничего. Ни больших комаров, ни маленьких. Только пепелище, проклятое и людьми и духами, здесь вечно будут витать погибшие души, горько жалуясь на судьбу равнодушному, но не отказывающемуся слушать их небу...

Гончие медленно пятились. Толпа, захваченная святым экстазом, их, похоже, не замечала — все повалились на колени и затянули молитву. Этлау по-прежнему стоял на телеге, запрокинув голову, — его взятая у Тьмы Сила и впрямь теснила врага, заставляя его шаг за шагом отступать, — в то время как его подручные деловито пытали двух несчастных, избранных в жертву ради спасения деревни. Фесс понимал — стоит Леру и его возлюбленной умереть раньше срока, и невидимая защита лопнет, гончие бросятся вперёд, и тогда не спасётся даже сам Этлау... Интересно, понимает ли он хотя бы это?!

Похоже, не понимал. Он тратил Силу, как ребё-

нок, что тщится заполнить решето водой. Отдельные капли задерживаются в сите, но львиная доля просто льётся на землю. Ах, если б ему, Фессу, хоть толику этой даром растрачиваемой мощи!..

«А что, если?..» — мелькнула внезапная мысль.

Да, но помогать врагу? Ведь Этлау припишет этот успех себе! И двинется повторить его в следующей деревне, потом ещё в одной, и так без конца. Ты сам умижишь людские муки, Фесс, ты, пришедший защитить их от ужасов ночи! Ты презришь договор, обязывающий побеждённую некогда Тьму выступить на защиту малых сих от собственных Тьмы порождений?

Протяжно воя, гончие продолжали отступление. Вся площадь стояла на коленях, моляще простерев руки к Этлау, — он казался сейчас единственным спасителем.

Неужели ты будешь ещё ждать, Неясыть?

Он чувствовал — жизнь девушки висит уже на волоске, палач оказался то ли слишком усерден, то ли неумел — несчастная умирала. А от исходящего криком на жаровне Лера Этлау достаточно Силы вытянуть не сможет. И тогда...

«Пропади оно всё пропадом. Ты не гнул шею ни перед какими инквизиторами, Неясыть. Неужто согнёшь сейчас?!»

Фесс решительно шагнул вперёд и взмахнул посохом. К нему он ещё не прибегал ни разу, даже испытания проходил без него, и сейчас оказался прямо поражён эффектом. Похоже, не зря его делали на заказ...

Самое первое, самое трудное заклятие легло легко и ровно, словно строчка стежков у хорошей мастерицы. Сила, безжалостно вырванная Этлау у двух несчастных жертв, обрушилась на Фесса гремящим, всесокрушающим водопадом. Жгучая Сила, смешанная с отчаянием, болью, ужасом небытия, кошмаром подступающей смерти — так что сам Неясыть вскрикнул: Сила опалила, словно огонь.

И он ударил этим огнём от души, рубанул сплеча, уже не просто вталкивая *неупокоенных* обратно в их

развороченные могилы, но испепеляя гнилую плоть, заставляя распадаться пылью клацающие кости, лопаться безглазые глазницы, раскалываться, взрываясь изнутри, оскалившиеся черепа.

Со стороны это выглядело так, словно с посоха Фесса, разрывая ночь, потёк вперёд чёрный огонь, тугие струи охватывали монстров, и те тотчас же начали обращаться в ничто. На самом кладбище из развороченных могил вверх ударили фонтаны земли: словно сама Великая Живородящая отторгала восставшие против жизни бранные останки. Остатки гробов, не пошедших в дело костей — всё это взвилось в воздух, в тот же миг вспыхивая уже нормальным, человеческим, всеочищающим живым огнём.

Фесс почти терял власть над Силой, отчаяние и боль умирающих преобразовывались во всесокрушающую жажду разрушения; он чувствовал за спиной гнев и ярость Этлау, понявшего, в чём дело, — ну куда же ему, *святому магу*, было перехватить обратно нити управления Силой у истинного адепта Тьмы!

Покончив с *костяными гончими*, сотворённый Фессом ураган ворвался на погост. Буйный вихрь, в котором тьма была перемешана с огнём, вскрутился тугой спиралью, играючи переворачивая могильные плиты, разбрасывая землю — он рвался вглубь, туда, где дремали чудовищные коконы *костяных драконов*, тварей, перед которыми те же гончие показались бы жалкими щенками.

Они ещё спали, они ещё видели сладкие сны, полные кошмарных видений — пылающие города, беспощадно избиваемые толпы, — когда сверху к ним ринулись не менее жадные и не менее смертоносные шупальца сотворённого Фессом вихря. Земля расплещивалась перед его натиском, словно вода; сам Нейсыть быстрым шагом шёл вперёд, к погосту, оставив за собой обмершую толпу и застывшего в немой ярости Этлау; инквизитор давно бы уже скомандовал прекратить пытку или просто убить несчастных, если бы не понимал, *какая* Сила обрушится на него уже в сле-

дующий момент. И ему ничего не оставалось, как скрежетать зубами и ждать.

«Непременно напишет доносы всюду, куда только сможет», — с какой-то весёлой злостью подумал Фесс. Кровь бурлила, огонь Силы заставлял её просто кипеть, Неясыть догадывался, что и сам сейчас едва ли особенно сильно похож на человека — может, как раз на ту громадную сову, что поделилась с ним своим именем?..

Он оставил позади деревню. Он понимал, что поступает глупо, что надо было дать вихрю возможность разделаться и с *драконами*, однако ему, Фессу, как никогда нужна была сейчас рукопашная. Твари, конечно, не станут покорно ждать конца. Уже сейчас толстые коконы трещат по швам, *костяные драконы* не из тех, что так просто расстанутся с жизнью, пусть даже с тем кошмарным и мучительным даже для них подобием, что их наделила Судьба; они будут драться. Обречённо, без надежды на победу, но будут. В другое время Фесс никогда бы не рискнул пойти на подобную схватку, но сейчас, и особенно после увиденного!..

Он уже стоял на могиле, когда из ближайшей разрытой вихрем ямы начала подниматься чудовищная голова — нет, не благородный *истинный дракон*, обитатель гербов и персонаж героических баллад, а кошмарное порождение того неведомого мира, где всё, даже самая мельчайшая частица, абсолютно и полностью враждебны человеку.

Третья стадия *неупокоенности* — когда из бранных останков начинает создаваться новая сущность, когда могильная земля становится плотью, а полусгнившие кости внезапно начинают расти, жадно втягивая в себя жизненные соки. Человеческий череп — целый и невредимый — внезапно становится глазом, чудовищно удлинившаяся многосуставчатая рука — хвостом, рёбра превращаются в крылья, а уж челюсти — и вовсе ни на что не похожи.

Фесс больше не мог ждать. Тварь ещё не выкарабкалась на поверхность, скрипя и хрустя сочленения-

ми, а чёрный посох уже ударил острым, *холодным железом* окованным концом прямо в безглазый череп, откуда тянулись, жадно ощупывая мир, незримые нити колдовского зрения монстра.

Брызнула неправдоподобно белая и чистая кость. Посох глубоко вошёл в плоть чудовища, круша магические связки, поддерживавшие воедино исполинскую тушу; Неясыть налёг на венчавший его оружие камень, посох уже не просто пронзал, он вспарывал тело врага; и, едва только окованное остриё вырвалось наружу, *дракон* весь словно бы взорвался изнутри, подобно *костяным гончим* несколько минут назад.

— Один, — громко сказал Фесс.

За первым гадом последовали и остальные. С какой-то губительной лихостью Неясыть не стал ставить защиту, вбрасывая всю до капли Силу в свой посох, уже раскалившийся в руках молодого некроманта. Он дрался им, словно диковинным подобием и меча и копья одновременно. И — о чудо! — внезапно начало вспоминаться, казалось бы, начисто и намертво забытое боевое искусство; власть над собственным телом была упоением, счастьем, восторгом.

Последнего, *шестого, дракона* Фесс уложил голыми руками, когда боевое опьянение достигло пика. Он понимал, что из обеих жертв сейчас уходят последние капли жизни — и эти последние капли наделили Фесса такой мощью, что он, подобно северянам-берсеркам, отшвырнул собственный посох, ринувшись к последнему врагу и схватившись с ним грудь на грудь. Это было уже за пределами разума и рассудка — живая человеческая плоть против плоти мёртвой, специально созданной для умерщвления других; кулак Фесса врезался в потянувшуюся к нему лапу, всю усаженную острыми костяными шипами, — и шипы бессильно ломались, столкнувшись с незащищённой никакими доспехами кожей смертного. Подпрыгнув, Фесс обхватил обеими руками уродливую голову, пригибая её к земле; затрещали позвонки зверя, Неясыть рванул в последний раз — громадная башка осталась у него.

Сражение закончилось — и как раз в этот миг иссякла лившаяся Сила. Правда, и того, что Фесс не успел израсходовать, хватило, чтобы намертво запечатать уже опустевшие могилы и заставить подняться поваленные могильные камни. Пусть люди, как и встарь, приходят сюда, ведь поминание нужно не тленным костям, но душе ушедшего, временами незримо витающей возле своего надгробия.

Фесс подобрал посох и неверной походкой двинулся назад. Ничего хорошего он не ожидал; расчёт был лишь на то, что перепуганные селяне не решатся его тронуть, а с отцами-инквизиторами он справится.

— Сюда, мэтр! — внезапно раздался вопль гнома. Сугутор вырвался из темноты, таща за собой храпящих, упирающихся лошадей. — Скорее, мэтр! Этот Этлау ведёт сюда народ... кончать вас, милорд! Надо уносить ноги!

— погоди, Сугутор, зачем нам убегать, мы же не...

— Ну да, ну да, мы ничего не нарушали или же нарушили всё, что можно, это уж как повернёшь! Бежим, мэтр, иначе вам придётся убивать этих дураков несчастных, прости им Спаситель их прегрешения! На коней, мэтр, на коней!

Неясыть стиснул зубы. Позорно бежать после своей победы! Нет, это выше его сил!

Тем не менее в седло он поднялся.

— Да что же вы стоите, мэтр! — простонал гном. — Удираем отсюда, пока целы!

— А ты разве забыл, что нам надо получить подтверждение упокоенности кладбища? — внезапно вспомнил Фесс. — А кто нам сможет его выдать? Только местный настоятель вкупе с сельским старостой!

— Какое подтверждение, — завопил несчастный гном, — какое подтверждение, если они сейчас начнут с нас головы снимать! Ой, ой, ой, ну вот, все они уже здесь!

Из-за поворота дороги выплеснулась толпа — множество факелов. Огненные точки запрудили саму до-

рогу, растеклись окрест, быстро окружая скромный деревенский погост, только что ставший ареной отчаянной схватки.

— Хватайте его!.. Держите слугу Тьмы! Это они, они всё подстроили!.. Хватайте его, в оковы, на дыбу, на виселицу, в огонь!

Перспектива вырисовывалась не из весёлых.

— Эй, добрые люди! — выкрикнул Фесс, высоко поднимая посох. Камень в его оголовье внезапно ярко засветился, заставляя передовые ряды наступающих жмуриться и отворачиваться. — Кого это вы хотите хватать и вешать? Здесь нет никаких слуг Тьмы, а те, которые были, — уничтожены. И притом не милордом Этлау, а мной, скромным некромантом Неясутью. Хотите доказательств? Извольте, они тут, на кладбище, только нужно зайти и осмотреться как следует. Ну, кто первый?

Вилы и косы над головами толпы несколько приопустились. Это мог быть знак растерянности, а мог и напротив — готовности к атаке.

Чувствуя, что весы заколебались, вперёд очертя голову полез сам отец-эзекутор первого ранга.

— Чернокнижник! — брызгая слюной, заверещал он так истошно, что у Фесса заложило уши. — Ты нарушил договор, ты впустил сюда Тьму, ты обрёк всех здешних жителей на вечные муки, они будут отринуты Спасителем!

— Спаситель сам тебе это сказал? — крикнул в ответ Фесс. В подобных спорах истинные аргументы не имеют никакого значения — выигрывает тот, у кого лужёней глотка и кто кого перекричит. — Люди, он просто убил двух невинных и воспользовался *по смертной силой*! Он сам прибег к Силам Тьмы, он, адепт Спасителя, да святится Имя Его! Но воспользовался неумело, так что гончие едва не добрались до вас! Я сделал за него всю работу! Идите и посмотрите здесь, у меня за спиной, на погосте, если не верите!

Расчёт был точен. Ни у кого в толпе не нашлось бы

мужества — или безумия — решиться на такое. Этлау не был исключением.

— Ну? — вновь крикнул Фесс. — А где ваши на-большие? Где святой отец, настоятель вашего храма? Где ваш голова? Мне нужно подтверждение сделанного!

— Подтверждение сделанного? — взвыл Этлау, от ярости забыв про осторожность. — Да ведь это же я всё сделал, я, я!

— Пусть все, кто хочет, войдут на погост и убедятся собственными глазами! — настаивал Фесс.

На его призыв вновь никто не откликнулся. Кроме священника, внезапно выступившего из рядов своих прихожан.

— Ты говоришь, юнак, что *упокоил* погост? — дребезжащим своим голоском осведомился старик. — Тогда я войду. Мы должны знать, что кладбище без-опасно.

— А заодно спросите у святого отца, как сейчас по-гост выглядит, — задорно бросил Фесс.

Этлау невольно попятился. Тут ему не могла помочь даже вся его магия.

Конечно, он нашёлся бы, что ответить, например — «ты успел подглядеть» или «я сделал всю работу, а ты только...» — но уж слишком был разъярён отец-эзекутор. И не нашёл ничего лучшего, как начать грозить немыслимыми карами отступникам — жителям Больших Комаров, если только они поддадутся «этому чернокнижнику».

И это, увы, подействовало. Несмотря на то что священник вернулся с погоста живым и невредимым, ошарашенно покачивая головой от увиденного, несмотря на то что староста Больших Комаров украдкой принялся черкать что-то на клочке пергамента, остальная толпа заволновалась. В разных её местах надсаживались помощники Этлау, подзуживая и страдая поселян.

Толпа раздражённо загудела и качнулась вперёд. В тот же миг Сугутор, дотоле сидевший тише воды ниже травы, неожиданно со всей силы хлестнул ло-

шадь своего хозяина. Животное слепо рванулось вперёд, за ней последовал скакун гнома.

Метнулись навстречу какие-то кусты, мелькнули занесённые для удара цепи и вилы... но ещё миг, и беглецов окутал спасительный мрак. Кони летели, не разбирая дороги, просто чудом не падая в этой темноте — как они находили путь, было для Фесса загадкой. Вскоре вперёд вырвался Сугутор, крикнул: «Давайте за мной, мэтр!» — и свернул куда-то в сторону, где обнаружилась узкая тропинка. Правда, по ней можно было скакать, не пригибаясь к конским гривам — деревьев вокруг не было.

— К тракту пробиваться надо! — отдуваясь, сообщил гном. — Этлау, стервец, наверняка предупредит своих, так что, быть может, нам уже в Арвесте встречу горячую будут готовить... Эх, мэтр, и наломали же вы дров! Нет бы в сторонке отстояться, тихо да мирно. Ну, потеряли бы в деньгах... зато не надо было б от Инквизиции отмахиваться. Тех-то несчастных спасти всё равно было нельзя. Если б не Этлау замучил, свои б на куски разорвали. Да, что и говорить, страшная у экзекуторов власть, верят им, проклятым... — философски закончил гном.

— Ничего, Сугутор. Знаешь, что там на кладбище было? Шесть *косяных драконов*, знаешь, что это такое? — Гном быстро кивнул. — Этлау бы ничего с ними не сделал. Вылезли бы, и... так что уж лучше я с Инквизицией буду дело иметь, чем, прости за громкие слова, с собственной совестью.

— Эх, мэтр, мэтр... Красивые слова — они и вправду красивые слова, а вот что другие деревни скажут, коли святые отцы единственного во всём Эвиале некроманта грамотного на гвоздь посадят? Есть у них такая любимая пытка — обвиняемого на гвоздь сажать... — Гном передёрнул плечами. — Эх, моя бы воля, я б этих самых экзекуторов-инквизиторов...

Фесс не отвечал.

На тракт они выбрались, когда уже стояла глубокая ночь. Два одиноких всадника отправились на се-

веро-восток, к Арвесту, рассчитывая встретить по пути Прадда.

По здоровом размышлении, в самом городе, кишмя кишевшем инквизиторами и прочими святыми отцами всех мастей, Фессу и его спутникам делать было нечего. Их ждало ещё четыре *неупокоенных* погоста, причём один — на самой границе Лесных Кантонов. Туда, собственно говоря, и следовало направиться — пусть-ка собратья отца Этлау погоняются за ними! А когда работа будет сделана, задерживаться здесь им в самом деле станет не резон. Только бы получить с прижимистых купцов обещанные цехины...

Интерлюдия V

ОТЧАЯНИЕ

Утро на неведомом берегу, где коротал часы перед рассветом незадачливый отряд Клары Хюммель, выдалось просто волшебным. Над лесом медленно-медленно поднялось розоватое здесь светило, и тотчас же, словно в ответ, засиял океан. Розовая дорожка пролегла до далёкого, окутанного дымкой западного горизонта; маги, дивясь, смотрели на это чудо.

Запели сотни и тысячи дневных птах; убралась в свои дупла сумрачные ночные хищники; светлый, радостный, тёплый день — для всех, кроме Клары и её спутников.

Тави по-прежнему не приходила в себя — спала ровным и глубоким сном. Её рана быстро заживала, но Клара и не стремилась к тому, чтобы немедленно поставить в строй ещё одного бойца — ведь тут сражаться было не с кем.

Эгмонт и Мелвилл ходили мрачнее ночи. Эвис тихо плакала, забившись в угол шалаша. И только Райна с «найдёнышами» хранили поразительное спокойствие. Впрочем, выдержке валькирии удивляться не приходилось, скорее уж пределам этой выдержки; а вот железное хладнокровие Сильвии и Кицума вызывало у

Клары просто изумление. Через что же им пришлось пройти в своём Мельбине, чтобы так стоически воспринять известие о том, что они — в ловушке. Впрочем, для них, потерявших свой мир, этот — на первый взгляд такой уютный и ласковый — может показаться неплохой заменой.

Клара стояла возле самой черты приборя. Стояла, смотрела на море и думала, думала, думала. До свирепой ломоты в висках и затылке. Выхода нет. Уничтожить Скрижали, конечно, можно — маги Долины владели многими способами аккумуляирования Силы. Составить «кольцо»... и ударить всей мощью, да ещё и вспомнить о чудесном оружии, что есть почти у каждого чародея. Тогда, тогда, возможно, схрон и будет разрушен. Но что тогда случится с этим миром?

К чести Клары, следует сказать, что подленькая мыслишка «а какое мне дело, что с ним случится?» ни разу не пробралась в её сознание.

За спиной боевой волшебницы невозмутимая Райна обучала Сильвию каким-то приёмам. Кицум, покаряхтывая и жалуясь на старческую немощь, с удивительной ловкостью метал ножи, срезая всякий раз по дюйму с воткнутого в песок прутика под аплодисменты несколько отвлекшихся от чёрных мыслей Эгмонта и Мелвилла.

Итак, выхода нет. Точнее, он есть — попытаться найти дорогу к каким-нибудь местным городам и на самом деле разузнать побольше об этих самых Скрижалях. Быть может, уничтожив их, отряд Клары совершит для этого мира великое благо?

Но откуда могут здешние жрецы знать что-то достоверное об этих Скрижалях, если даже маг уровня Клары с огромным трудом смог пробиться к ним? И ничего, ничегошеньки не понял — кто и зачем поставил эти Скрижали, какие Силы заключены в них? Где гарантия, что исконные обитатели этого мира окажутся прозорливее? Быть может, разумнее остаться здесь, встать лагерем и начать медленную, правиль-

ную осаду артефакта по всем правилам магически-военного искусства?

Клара созвала совет. К её удивлению, никто не колебался. Никому не хотелось шастать под чужими личинами по градам и весям, в то время как удачная расшифровка могла сразу принести успех. Правда, предстояло понять, как подобраться к этой самой расшифровке, но это уже дело десятое.

Эгмонт и Мелвилл решительно высказались за осаду. Эвис — тоже. Райна величественно пожала плечами — валькирии всё равно, они рождены, чтобы сражаться. Кицум и Сильвия скромно заявили, что подчинятся решению своих спасителей, каким бы оно ни оказалось.

Итак, осада!

Настала пора потрошить сумки, добывая из них то, что боевые маги Долины годами таскали за собой, не имея случая пустить в ход. Предстояло составить сложные комбинации различных амулетов (концентрирующих Силу или, напротив, рассеивающих её, чувствующих внезапные подвижки в Силе и тому подобное), разместить вокруг схрона целую систему магических устройств, способных реагировать на малейшие изменения внутри самого осаждённого артефакта, и проделывать ещё миллион и одну манипуляцию. Долго, нудно, не обещает верного успеха — но и иной путь не краше.

Эгмонт с Эвис отправились в лес — поискать местных трав с чувствительностью к магии. Мелвилл усадил Сильвию и Кицума делать из накопанной им глины свистульки — на первый взгляд самые обыкновенные свистульки — им предстояло стать «сторожами» в придуманной чародеем дозорной системе вокруг схрона. Райна занялась обустройством лагеря — ведь тут предстояло провести не один день.

Сама же Клара вновь побрела к заветному холму. Волшебница не взяла с собой оружия — ни к чему дразнить спящие в крипте Силы артефактами чужих миров.

Вот и белые камни портика. Всё тихо, всё мирно,

лишь чернеет дыра входа. Что же это, Клара? Чья-то могила или же просто хранилище местных святынь? А может, ключ? Или замок?..

На противоположной стороне холма что-то мелькнуло. Клара мгновенно пригнулась и, словно рысь, метнулась туда. Она не боялась — ведь *простые* звери сюда не заходили.

Никого. Ничего. Только едва-едва ощутимая аура... человеческая.

За спиной вежливо кашлянули. Клара обернулась — Сильвия! Но почему у девчонки на поясе её, Клары, шпага и кинжал с рубинами?!

— Вы забыли ваше оружие, милостивая госпожа, — медовым голосом пропела девчонка, протягивая на вытянутых руках Кларе её клинки. — Мне показалось, что вы слишком глубоко ушли в раздумья, а тут опасные места...

Клара молча протянула было руку — но в тот же миг Сильвия дикой кошкой рванулась в сторону, в мгновение ока очутившись уже у входа в портик.

— Вы все просто трусы! — крикнула девчонка. — Бойтесь всего на свете! Ну, а я не боюсь! Если эти проклятые железяки мешают нам — покончим с ними, и пусть провалятся в бездны!

С этими словами Сильвия очертя голову ринулась прямо в чёрный прямоугольник подземного хода.

— Стой! Стой, безумная! — Клара рванулась следом. — Эгмонт, Мелвилл, Эвис, Райна! Все сюда! Все ко мне! Беда, беда, тревога!

Из глубины крипты донёсся яростный звон стали.

Клара молнией взлетела на вершину холма — и со всего размаху налетела на невидимую стену. Взвыла от боли, покатилась по траве, вновь вскочила — проклятая девчонка оказалась куда сильнее, чем можно было подумать. Умело и быстро поставленный щит — его придётся взламывать, на это уйдут бесценные секунды — остаётся лишь надеяться, что Сильвия ничего не сможет там сделать.

Звон стали сменился утробным воем боли. С кем

билась там безумная волшебница, кого разила магическим мечом?.. Клара лихорадочно пыталась справиться с защитой. Продавить силой — не удалось, теперь приходилось отыскивать узловые точки и бить по ним, а эти самые точки Сильвия спрятала на удивление глубоко!..

Проломившись сквозь чашу, к подножию холма выбежали Эгмонт и Эвис. Им потребовалось куда меньше мгновения, чтобы понять, в чём дело.

...Защита Сильвии лопнула, не выдержав напора трёх опытных магов. Клара, Эвис и Эгмонт ринулись внутрь — когда земля внезапно вспучилась и содрогнулась, по зелёным склонам холма побежали широкие трещины. Воздух резко потемнел, взвыл неведь откуда взявшийся ветер; широкие столбы портика зашатались.

— Назад! — Эгмонт в последний миг отшвырнул Клару назад — сверху рухнула громадная глыба. Крыша рушилась, на том месте, где только что темнел проход, в мгновение ока воздвиглась груда каменных обломков.

— Эвис, помогай! — простонала Клара, отчаянно пытаясь удержать от падения остальной камень. Эгмонт подскочил к завалу, скрестил руки в странном жесте — осколки полетели вверх, словно забил диковинный фонтан.

На шум примчались Райна с Мелвиллом; теперь каменную преграду одновременно атаковало сразу трое магов. Порттик трясся, земля ходила ходуном, словно выплясывая какой-то безумный танец; но поставленная Кларой защита держалась.

Открылся зев чёрного прохода; пахнет кровью, гнилью, трупами; очертя голову Клара рванулась вперёд, не слушая предостерегающих криков друзей.

Короткая лестница... квадратная камера, из неё берут начало три прохода, пол скользок от крови... всюду валяются изрубленные мохнатые тушки стражей... молодец Сильвия, как-то всё-таки сумела заставить оружие повиноваться... кровавые отпечатки ведут в

правый проход... тут снова кровь, обрывки ткани, из стен торчит настоящий частокол когда-то заострённых кольев, сейчас все концы у них обрублены... снова мохнатые твари, перерубленные, раздавленные, словно их топтал какой-то великан... поворот, наполовину сошедшие каменные плиты — они должны были раздавить дерзкого вора, но почему-то не раздавили... вновь камера, на полу — скелет, отчего-то тоже перебитый мечом напополам... на стенах какие-то рисунки, пиктограммы, значки... быть может, и нужно было прорываться внутрь, с раскаянием подумала Клара. Прочесть тут всё... я смогла бы, раз уж это сделала такая соплячка!..

— Не смогла бы, Клара, — услышала она чей-то прерывистый голос. Сильвию едва можно было узнать — похоже, волшебница Красного Арка владела, помимо всего прочего, искусством боевых преобразений. Сейчас она уже возвращалась к нормальному человеческому облику. — Не смогла бы, Клара. Слишком любишь себя... а здесь надо было пройти с одной только мыслью... тогда тебя бы испугались.

Прямо от ног Клары начиналась пустота. Не пропасть, не провал, а именно пустота, в которой плавали, ничем как будто не поддерживаемые, шесть железных Скрижалей. Возле самой левой из них, с перечёркнутой стрелой, ни за что не держась и запросто плавая в этой пустоте, появилась Сильвия — в руках обнажённая шпага Клары Хюммель.

— Не смогла бы, Клара, — повторила Сильвия. Без всякого торжества, по-прежнему задыхаясь, словно после долгого бега. — Потому что не решилась бы. Длань Спасителя, какое ж у тебя замечательное оружие, Клара! А ты так долго не пускала его в ход...

— Что ты задумала?! — выкрикнула Клара. — Оставь, тебе всё равно неведомы все чары этого клинка! Если ты...

— А почему ты решила, что я собираюсь воспользоваться именно твоей шпагой? — усмехнулась Сильвия. — Забыла о *моём* собственном мече? Клянусь по-

гибшим Арком, моим орденом, я заплатила за этот чёрный меч всем, чем только могла. Так пусть же со-служит и мне службу!

Клара готова была поклясться, что ещё за миг до этого в руках Сильвии не было ничего, кроме лишь хорошо знакомой её, Клары, собственной шпаги с рубинами на эфесе. Но девчонка вдруг как-то лихо крутнулась вокруг себя, и рубиновая шпага полетела прямо через пустоту к ногам Клары, зазвенела по камням, а Сильвия с натугой размахнулась исполинским чёрным фламбергом.

— Чтобы рушить Скрижали и вообще символы Порядка, — прозвучал насмешливый голос Сильвии — сейчас она казалась намного старше самой Клары — твоё оружие не годится, волшебница Хюммель. Только вот такой меч, в котором слёзы и горе многих поколений, умиравших под Смертным Ливнем¹! И, клянусь Арком, я имею право разрушить эти Скрижали!

Она широко размахнулась чёрным клинком.

До ушей Клары донёсся миллионноголосый стон, словно все до единого мёртвые этот мира взвыли от нестерпимого ужаса, пробившегося даже сквозь их могильный покой. «Останови её! Останови! ОСТАНО-ВИ!!!»

И боевой маг Долины, фактический глава Гильдии боевых магов, Клара Хюммель сделала то, что, по её мнению, она умела делать очень хорошо. Не мудрствуя лукаво, не тратя время — ведь чёрный клинок уже летел! — она метнула в девочку острую, колючую, пронзающую молнию, щедро высасывая Силу из окружающего мира.

Клара не промахнулась. Она видела, как холодное голубое пламя навывлет пробило плечо Сильвии, девчонка пошатнулась... но остановить успевший набрать

¹ Имеется в виду гибельный для всего живого Ливень, каждую осень обрушивавшийся на северные земли Мельинской Империи; Сильвия владеет чёрным мечом погибшего Хозяина Ливня. Подробнее см. «Алмазный Меч, Деревянный Меч».

разбег чёрный меч было невозможно. Имей Клара хоть на долю мгновения больше времени, она нацелила бы свой удар не в Сильвию, а в её меч, постаралась бы уничтожить этот проклятый кусок железа...

Клара ещё не знала, что это не под силу даже ей.

Фламберг перерубил толстенную железную плиту играючи, легко, прошёл насквозь, словно и не встретив на пути никакого сопротивления. Плита медленно и беззвучно распалась на две части — они камнем низринулись вниз и исчезли в неведомой глубине.

А вслед за первой плитой, внезапно утратив устойчивость, вниз рухнули и остальные пять Скрижалей. Клара застыла на краю пропасти — отчаянно болтая руками и ногами, точно борющийся со стремниной пловец, Сильвия пыталась удержаться — со стороны казалось, что раненую девчонку увлекает вниз могучий, но невидимый водопад. Красная-красная, неправдоподобно красная кровь хлестала из пробитого плеча, шлейфы алых брызг устремлялись вниз — откуда начинал нарастать низкий и непередаваемо грозный рык, словно там, в глубине, пробудилось от векового сна давным-давно дремавшее в недрах чудовище. Клара ощутила толчок Силы, такой мощный, что едва удержалась на ногах. Стены у неё по бокам уже рушились.

Однако этот толчок Силы, словно океанская волна, подхватил раненую Сильвию, швырнув её в сторону. Клара видела, как девчонка пытается направить этот поток, видела искажённое болью лицо — Сильвии удалось-таки повернуть, в следующее мгновение оказавшись выброшенной на трескающийся каменный пол рядом с Кларой.

Фламберг она так и не бросила.

— Не... убивай... — прохрипела Сильвия. Она была вся окровавлена и, похоже, ранена почти смертельно. Молния Клары перебила ей аорту, люди от такого погибают мгновенно, Сильвия держалась только на собственной магической силе. — Сейчас... всё... рухнет. Уходим!.. Уходим, Клара, иначе — смерть!!!..

Кровь хлынула у неё изо рта. Голова бессильно ударилась о камни.

Не раздумывая, Клара подхватила Сильвию на руки. Кое-как подцепила оружие — не бросать же его здесь! — и опрометью кинулась прочь. Девчонка, похоже, была уже в предсмертии.

Долой все сомнения, потом все вопросы, наверх, наверх, наверх!

Спину Клара внезапно опалил вырвавшийся из глубин первый лоскут пламени. Сейчас здесь будет настоящее светопредставление, подумала волшебница, вылетая из подземелья.

— Кольцо! Все сюда, кольцо! — завопила Клара, едва заведя своих спутников.

На бегу хватаясь за руки, они ринулись к лагерю. Ненужными оказались все приготовления, одна безумная девчонка решила справиться со всеми преградами одним махом... и кто знает, что теперь случится с этим миром?..

Однако, если насчёт мира всё ещё оставалось неясным, то судьба этого места уже совершенно определена. Под землёй клокотал огонь, готовый в любой миг вырваться на поверхность.

Несчастную Тави вырвали из сладкого забытья одним ударом — сейчас понадобятся *все* силы. Страшную рану над сердцем Сильвии наспех заклепили, удар — и она пришла в сознание, наполовину человек, наполовину зомби, но от неё сейчас требовалось только одно — поддержать заклятие кольца. Шатающаяся, ничего не понимающая Тави... бледная как смерть Эвис... мрачные Эгмонт с Мелвиллом, застывшая с широко раскрытыми невидящими глазами Сильвия, в чьей груди клоочет кровь... славный отряд, нечего сказать!

И всё-таки они составили кольцо. И, когда под ногами и впрямь разверзся кипящий огненный океан, чудовищная судорога Силы швырнула всех вверх — как им показалось. Каждый пережил мгновения смер-

ти — покидая мир и оказываясь в Межреальности, тем более в такой спешке, с этим сталкивается всякий маг.

И они не видели, как лопнула наконец тонкая корочка земной коры, как забушевавшее пламя рванулось во все стороны, мимоходом слизнув остатки портика, как на месте холма открылась исполинская огненная скважина, настоящая река, канал из мира чистого пламени; как вспыхнул лес, как рванулись ввысь клубы пара там, где огонь встретился с водой; они не видели и не чувствовали уже ничего.

...А когда жизнь наконец вернулась в истерзанные *переходом* тела, оказалось, что страшного чёрного тупика нет и в помине, под ними — ровная и широкая Тропа, и плавно течёт сквозь Упорядоченное великая, вечная, незамутнённая Сила.

Они вырвались из *закрытого мира*.

Глава шестая

ДЕРЕВНЯ ОТПУЧЁННЫХ

По дороге гном не переставал восторгаться своим мэтром, так что Фессу даже стало неловко.

— Да перестань же, Сугутор. Я не вельможа, которому нужно лестью уши конопатить. Думай лучше, где перехватим Прадда. Не придёт ему в голову к Большим Комарам прямой дорогой пробираться?

— Вообще-то может, — подумав, признался гном. — Но едва ли. Если уж этот верзила обещал, что пойдёт по тракту, — значит, пойдёт по тракту до тех пор, пока не нарвётся на конную стражу святых отцов. Не волнуйтесь, мэтр, рано или поздно мы с ним столкнёмся.

— Хорошо бы сперва с ним, а не с отцами-эксекуторами, — заметил Фесс.

— А я что говорил? — тотчас ввернул гном. — Не связывались бы вы с отцом Этлау, вели б себя по-умному — так, может, уже бы с ним первыми друзьями сделались.

— Едва ли, — заметил Фесс. — С таким негодяем...

— Негодяй-то он негодай, да только, с ним подружившись, скольким людям да гномам вы помочь бы смогли, мэтр! Если б вас Инквизиция не трогала!

Неясыть промолчал. Ну как объяснить этому гному, что *не мог* он оставаться в стороне, ну никак не мог!

— Ладно, что сделано, того не воротишь, — наконец махнул рукой гном. — Значит, встретим орка и в Лесные Кантоны, мэтр?

Фесс кивнул. Отчего-то ему стало очень тревожно — но отнюдь не от свары с не слишком почтенным отцом-эзекутором и теми, кто стоял за ним. Нет, этот страх шёл из самой глубины его, Фесса, естества, иррациональный, не поддающийся объяснению страх — словно только что стряслось нечто совершенно ужасное и непоправимое, причём чувствуешь это пока лишь ты один...

Он даже придержал коня — нет, ему не чудилось. Дурнота проходила, страх отступал медленнее, хотя сознание и уговаривало, что если, мол, *страшное* и случится, то не сейчас, не завтра и не послезавтра.

— А вон, вон, смотрите, мэтр, — это ж наш Прадд! — внезапно натянул поводья гном. Для своего невеликого роста он на редкость умело обращался с лошадьми.

Фесс всмотрелся — и точно: в скупом свете внезапно проглянувшей луны вперёд навстречу им по тракту широким шагом двигалась высокая широкоплечая фигура. Коня орк отчего-то вёл в поводу. Несколько секунд — и сам Прадд высоко поднял руку, приветствуя Фесса и Сугутора.

— Моё почтение, милор-рд, — прогудел орк, кланяясь. — Задание выполнено, мэтр. Слежка и впрямь была. Отцы-инквизиторы. Трое шпики в городе, двое скакали следом — думаю, до самых Комаров добрались.

— Сейчас за нами вроде б никого, — заметил гном. Прадд вместо ответа улёгся прямо на камни, приложив ухо к их поверхности.

— Сейчас и впрямь нет, — согласился он, поднявшись. — Оторвались вы от них, мэтр, и самое время сейчас с тракта-то и убраться.

— Мы в Зеленухи собирались, это уже почти Лесные Кантоны, — ввернул гном.

— Ну так пошли, нельзя время терять. Я тут одну короткую тр-ропу знаю, конечно, попетлять пр-ридётся, но зато там нас сам святейший предстоятель не сыщет, не то что там какие-то захудалые ар-рвестские экзекутор-ры! Вот только конь у меня захр-ромал, ми-лорд, сейчас с дор-роги сойдём, следы заметём, да и подлечить бы его, а?

Неясыть кивнул.

Рассвет они встретили уже глубоко в лесах. Предгорья Железного Хребта густо покрывали непроходимые чащобы, тут и там прорезанные узкими речками, бравшими начало на снежных пиках. Сосновые боры чередовались с ельниками, местность имела дикий и безлюдный вид. Нигде ни троп, ни стёжек. Если б не Прадд, им нипочём бы не преодолеть лесные бастиионы. Орк же всякий раз находил лазейку даже в самом неприступном на вид буреломе, так что можно было не только пробраться самим, но и провести коней.

Прадд снял с плеча небольшой лук и несколькими выстрелами сбил трёх боровых краснобровых петухов.

— Славный будет завтр-рак!.. — облизываясь, объявил он. — И совершенно никаких затр-рат, ты это учёл, Суги?!

— Сколько раз можно повторять, чтобы ты не звал меня Суги! — огрызнулся гном, и между ним и орком завязалась всегдашняя перепалка.

— Тихо! — прикрикнул на своих спутников Фесс. — Вон они, Зеленухи... уже близко.

Вокруг них стеной стоял непроглядный лес.

— Беду их чувствую, — объяснил Неясыть в ответ на недоумённые взгляды гнома и Прадда. — Тяжело у них там... *неуспокоенные*... много.

— Что, даже днём, мэтр? — удивился орк.

Неясыть кивнул. Гном озадаченно присвистнул и сдвинул на глаза шапку.

— Жаркое будет дело... не хуже, чем в Комарах, — авторитетно заявил он.

По дороге словоохотливый гном уже посвятил Прадда во все подробности их приключений в Больших Комарах.

— Если тут так плохо, то как бы и здесь на нашу голову отцов-эксекутор-ров не сыскалось бы, — проворчал Прадд.

Они продолжали путь, теперь уже в молчании. Орк шёл первым, то и дело взмахивая громадной двуручной секирой, расчищая дорогу. Фесс успел заметить, что орк явился, вооруженный до зубов и даже выше — меч, засапожный кинжал, топоры большой и малый, секира, лук... Он словно готовился к решительному бою.

Солнце уже стояло высоко над головами, когда они, перевалив через очередной отрог, увидели перед собой деревню — те самые искомые Зеленухи. Село вполне оправдывало своё название — оно прямо-таки утопало в зелени. Несмотря на царивший вокруг сентябрь, высокие тополя стойко сопротивлялись осени, Фесс совсем не видел жёлтых листьев, и это было тревожным признаком. Если уж *неупокоенность* в форме *неувядаемости* дотягивается до деревьев... тут пахло уже не *костяными драконами*, а кое-кем похуже.

Не скрываясь, они двинулись к окраинным домам. По счастью, приметной жёлтой телеги нигде не было видно — оставалось надеяться, что Святая Инквизиция сюда не добралась. Тем более что даже Прадд не знал толком, за кого себя считают жители этой самой Зеленухи — то ли за данников Арвеста, то ли — Лесных Кантонов. Деревня лежала в стороне от главного тракта, что вёл в эту область.

Их заметили издали. К пришельцам немедленно ринулась вынырнувшая словно из-под земли громадная свора свирепых псов, знаменитых лесных волкодавов — пара таких псов справлялась с медведем.

— Ого! — нахмурился Прадд и потянулся было к оружию, однако Фесс предостерегающе поднял руку. И точно — не добежав какого-то десятка шагов, псы один за другим внезапно залились жалобным воем. Падая на брюхо, они ползли прочь.

— Что это с ними? — оторопело спросил Сугутор. — Сколько живу, от таких зверюг ничего подобного не видел.

— Посох мой чувят, — кратко отмолвил Фесс. На самом деле собаки чувствовали, конечно, Силу — куда как непохожую на органически присущую собакам.

— То-то славно, — пробормотал Прадд. — А то я уж думал, сейчас драться придётся...

— Не придётся, — уверенно ответил Фесс. — У них здесь такое, что помощь у самой Западной Тьмы попросят, не то что у нас.

Их дорога пролежала как раз мимо сельского кладбища. Фесс даже закрыл глаза и остановился.

Такого не встречалось, наверное, даже самому Даэнуру. Ярким осенним днём, под безоблачным небом, в пределах серой каменной ограды между развороченными могилами шлялись по меньшей мере три десятка мертвецов. Нет, не *гончих* и не *драконов*, самых простых зомби, но число! Но устойчивость к свету! Их держал только *порог* кладбища — Фесс сразу же почувствовал наложенное на него заклятие, чрезвычайно мощное и древнее, но, увы, сохраняющее свою силу только при свете дня. Ночью вся округа оказывалась во власти этих созданий — удивительно ещё, что не все обитатели Зеленухи сбежали куда глаза глядят!

И в самом деле, над многими крышами из труб поднимались дымки.

Правда, загадка такой стойкости жителей разрешилась довольно скоро, едва Фесс со спутниками добрался до крайнего дома.

— Мэтр! Смотрите! — дёрнул его за рукав гном.

Фесс увидел деревянную табличку, покрытую выведенными каллиграфическим почерком строчками:

«Именем Святой Матери нашей, истинной Церкви

Спасителя Вечносущего, запираем входы и выходы места сего, запираем жителей места сего, запрещаем им покидать место сие и посещать места иные, населённые добрыми чадами Святой Церкви, понеже проклято место сие и за грехи жителей своих да предано будет запустению и разору. Отлучены от Святой Матери Церкви августа 18-го 1498 года от Пришествия. Дано отцом-эксекутором первого класса Рамитом».

— Внушительная штука, — присвистнул орк. — Отлучение! Не встречал ещё такого...

— Ты сюда лучше посмотри, — буркнул гном. — «Да будет предано запустению и разору». Они уже все приговорены, понимаешь?

— Это как? — опешил Фесс.

— Да вот так... придёт отряд конников инквизиторской стражи, дома сожжёт, скотину перережет, а людей как отлучённых и, следовательно, застывших в грехе продадут на галеры...

— На галеры? — поразился Фесс.

— На галеры, — кивнул Сугутор. — И они, эти проданные, ещё будут руки целовать отцам-эксекуторам. Потому что могли всех и на костры загнать. Или перевешать, или головы поотрубать, или в реке утопить, или в землю живьём зарыть...

Гном словно бы с удовольствием перечислял все принятые у инквизиторов Эвиала казни. Неясыть передёрнул плечами.

— А женщин, — с напором продолжал гном, — продадут на Волчьих острова, там бабы в цене. Так что...

— Да таких отцов-изуверов давно следовало бы на вилы поднять! — не выдержал Фесс.

— На вилы, мэтр, их не поднимешь, — вздохнул гном. — Поелику Спаситель, как ни крути, сюда являлся. Чудеса великие творил и всё такое прочее. Ну и верит народ... а образа Его и поныне немалую силу имеют.

Неясыть пожал плечами.

— Это мог сделать любой грамотный маг.

— Мог, — легко согласился Сугутор. — Только, мэтр, это не мне объяснять надо. Перед инквизиторами все дрожат. Тем более... вы сами видели, мэтр, тот же отец Этлау не только на то годится, чтобы коров пасти.

— Это верно, — сквозь зубы сказал Фесс. — Палачом бы ему работать...

— А он небось и работал, — откликнулся доселе молчавший Прадд. — У них, у инквизитор-ров, так: спер-рва учеником у заплечных дел мастер-ра ходишь, учишься гр-рех калёными щипцами искор-рентя. А уж потом наукам обучаешься. Так-то вот!..

Разговаривая таким образом, они медленно ехали по улице отлучённого и проклятого селения. Народу попадалось мало, а те, что попадались, к удивлению Фесса, не обращали на новоприбывших никакого внимания. Казалось, обитателям Зеленухи уже всё стало безразлично.

Неясыть в замешательстве остановился возле наглухо заколоченного храма. Церквушка в Зеленухах казалась куда скромнее, чем большекомарская; однако выглядела она очень уютно и мило, стены до сих пор увиты неотцветшим плющом. Церковные двери были крест-накрест забиты парой толстенных брёвен, с прилепленной к каждому бело-красной печатью отцов-инквизиторов.

— Церковь закрыли... — с непонятной тоской проговорил гном. — Значит, всё, не прощаемы. Знаете, мэтр, я начинаю любить отца Этлау. Он, в конце концов, убил только двоих. А здесь — несколько сотен! Пусть не сразу, но тоже убили. Мёртвых отпевать нельзя, хоронить нельзя — да и как тут похоронишь, небось зарывают где придётся, а эти самые мёртвые на следующий день сами из ям выкапываются.

— Толку-то с тех отпеваний... — презрительно заметил орк. — Нет уж, лучше, как у нас на Вольчих островах, — последний костёр и пепел развеять, чтобы поля лучше родили.

— Не скажи, Прадд, — заметил Неясыть. — Отпе-

вание, как ни крути, *неупокоенность* сдерживает. Но посоветуйте мне, слуги мои верные, как нам поступить в данном случае? Священника в деревне нет, и разрешения просить не у кого.

— Вы *нас* спрашиваете, мэтр? — опешил гном.

— Размышляю вслух, — усмехнулся Неясыть. — Бросайте пожитки! Я пошёл на погост. Если здешние зомби глупы до такой степени, что шляются при свете, то за это их следует наказывать.

— Совсем с инквизиторами поссоримся, мэтр, — покачал головой Сугутор.

— Мы и так их запрет нарушили, — отмахнулся Фесс. — Вошли в проклятую и отлучённую деревню. Понятно, почему на нас никто не смотрит — думают, что мы от отцов-эзекуторов. Кто бы ещё решился против их воли пойти?

* * *

Оставив Прадда и Сугутора с лошадьми возле законченного храма, Фесс и в самом деле двинулся к погосту. Да, деревня *была* проклята. Зло витало здесь в воздухе, злом были отмечены искажённые лица людей — в тех редких случаях, когда они попадались Фессу на глаза. Некромант решил ни с кем не заговаривать. Дело представлялось простым и ясным. Ночью вся эта орда зомби вываливается с кладбища и, оглашая воздух глухим рёвом, шастает по окрестностям в поисках добычи. Далеко от своих могил они не уходят, но от этого не легче. Зомби куда как сильны, могут разнести любую деревянную дверь, удивительно, что в Зеленухе остался хоть кто-то живой.

Когда Фесс добрался до кладбищенских ворот, то, к изумлению своему, обнаружил сидящего возле самого *порожного* камня древнего-предревнего старика в не слишком ароматно пахнущих лохмотьях. Глаза его были полуприкрыты, он опирался на отполированную его собственной ладонью палку.

— Что, уже вылезли? — без всякого выражения

произнёс старик. — Ну, стал быть, дождался, смертничек. Давайте, рвите, что ли! — внезапно взвизгнул старик, вытянув вперёд шею, словно осуждённый на плахе.

— погоди, отец, — осторожно сказал Фесс. — Скажи мне, кто тебя и за что рвать должен? Или ты думаешь, что я из этих, что за оградой бродят?..

— Ух ты, теперь ещё и разговаривать начали, а раньше просто ревели, — прокомментировал старик. — Давай уж, вражина, не тяни, а? Кончай меня, и всё. Нету мочи вас тут больше терпеть. Половину народа выжрали, сына моего, сноху, всех внучат поели — почему ж меня-то оставили?

О невидимый барьер над порогом тупо стукнулся один из зомби, обдав Фесса зловонием; стукнулся, пошатнулся, выпрямился и зашагал прочь. Солнечный свет, похоже, напрочь отбивал у нечисти способность соображать. Старик же, похоже, ничего не заметил.

— Отец, я не зомби. Наоборот, я пришёл известить их всех под корень... — Бесполезно. Старик впал в подобие транса, по щекам катились слёзы, он что-то бормотал, загибая пальцы, похоже, перечислял погибших внуков.

— Батяня! Вот ты где! — неожиданно раздалось со стороны деревни. Обернувшись, Фесс увидел молодого плечистого парня, а с ним — молодую простоволосую женщину.

— Батюшка, да что ж вы так, да куда ж вы... — причитала она на бегу.

— Мир вам, люди добрые, — громко сказал Фесс, едва бегущие заметили его; заметили — и замерли как вкопанные. Молодка, охнув, прижалась к плечу парня.

— Я пришёл вам помочь! — как можно более убедительно произнёс Фесс. — Пришёл уничтожить этих тварей, — он кивнул в сторону погоста. — Возьмите отца вашего! Здесь ему не место.

Парень собрался с духом и осторожно шагнул вперёд.

— Т-ты-ы... — Он протянул дрожащую руку, ука-

зывая на чёрный посох Фесса. — Ты-ы этот... нерко...
ныкра...

— Некромант, — спокойно поправил его Нехсыть. — Уничтожаю нечисть. На манер того, как крысоловы крыс выводят. — Он добился своего, на губах парня и его жены появились слабые, робкие и неуверенные улыбки. — Берите родителя вашего, берите, не стойте! Я сейчас этих, за оградой, кончать буду.

Парень с молодой подхватили старика под руки и осторожно повели прочь, поминутно оглядываясь. Фесс постоял, молча глядя им вслед, затем опустился на корточки и принялся исследовать наложенные на *пороговый камень* чары. Времени много, светлый день длинен, а серьёзного сопротивления от этих самых зомби Фесс не ожидал. Вот когда настанет ночь, тогда да, начнётся серьёзное дело. Такая степень *неуспокоенности* говорит о том, что в кладбищенской земле начинают образовываться *врата*, откуда вот-вот строем ринутся на несчастную деревню такие твари, что в сравнении с ними всё, доселе виденное, покажется пустяками и ерундой.

Природа *врат* давно и крепко занимала некромантов прошлого, но такие случаи бывали раз в столетие, и исследовать их толком так никто и не смог. Особенно много споров велось по поводу того, куда эти *врата*, собственно говоря, ведут.

Заклятие на пороге Фессу попало и в самом деле мощное. Умело сплетённое, оно не потеряло силу и не распалось даже за прошедшие века. Чары надёжно сдерживали зомби... но, увы, лишь при солнечном свете. Ночью сила *неуспокоенных* возрастала настолько, что даже это волшебство им становилось нипочём. Но как же, во имя великой Тьмы, неведомому некроманту удалось добиться такой устойчивости?!

Фесс как раз успел с головой погрузиться в изучение этого вопроса, когда услышал за спиной шаги — шаги многих ног.

— Мэтр! — раздался совсем рядом выкрик Прада. — Мэтр, они идут сюда!

Фесс осторожно поднялся. В виду толпы никогда нельзя совершать резких движений, подобно тому, когда имеешь дело со змеей. Его спутники, Прадд и Сугутор, уже были здесь вместе с лошадьми, и орк явно готовился к бою — поплевав на ладони, перебросил из-за спины свою устрашающего вида секиру.

А со стороны несчастной Зеленухи надвигалась толпа. Правда, толпа совсем иная, чем в Больших Ко-марах, — настроение её Фесс уловил тотчас же. Страх, боязнь... но в то же время и отчаянная надежда обречённых.

Люди в Зеленухе выглядели неважно. Обтрёпанная, поизносившаяся одежда, измождённые лица, затравленные взгляды... Женщины цеплялись за мужчин, многие зачем-то волокли с собой детей. Вместе с людьми шли и собаки, шли неохотно, поджимая хвосты и подвывая, но всё-таки шли.

Наконец толпа остановилась.

— Мир вам, добрые люди, — повторил Фесс, заметив в первых рядах тех самых парня и девушку, что уводили от погоста обезумевшего старика. — Мир вам. Я пришёл, чтобы помочь.

Из толпы вперёд выступил кряжистый мужик с обветренным, задубелым лицом.

— Ты кто будешь? — грубовато, пытаясь скрыть собственный страх, спросил он. — Наше место отлучено и проклято, зачем ты здесь, чёрный колдун?

— Отвечаю — чтобы помочь. — Фесс махнул рукой в сторону погоста, где очередной зомби тарасил на Неясыть бессмысленные глаза из-за непреодолимого пока что порога. — Чтобы извести вот этих.

— Мы же прокляты, колдун, — продолжал мужчина, очевидно здешний голова. — Спаситель не благословит тебя, если ты поможешь отлучённым.

— Почему тебя так заботит моя судьба, почтенный, не знаю твоего имени? — осведомился Фесс.

Толпа глухо взроптала. Деревенский голова мрачно ухмыльнулся.

— Кто помогает проклятым, тот усиливает их грех.

Страданиями своими мы должны искупить вину перед Спасителем. Помогающий нам мешает нашему спасению.

— Голова, это ты сам придумал? — внезапно рявкнул гном. — Или это тебе отцы-эзекюторы напели? Чтобы того, кто придёт на помощь, вы бы с вилами и топорами встречали? — Тут Сугутор преувеличил, толпа по большей части была безоружна.

— Но рассуди сам, почтенный, — подхватил Неясыть, — сказано, что всё случается по воле Спасителя, и, следовательно, мой приход сюда тоже произошёл по Его воле. Значит, ты не должен мне препятствовать. А я выкорочую *неупокоенных* с корнем.

— Но разве ты в силах снять проклятие Церкви Святой?! — выкрикнул голова. — Ты уйдёшь, и всё вновь станет как прежде... даже ещё хуже!

— Не станет, — уверенно ответил Фесс. — Вас просто обманули. Достаточно *упокоить* ваш погост... и мёртвые уснут навечно.

Он чувствовал — толпа заколебалась.

— А что, — раздался несмелый выкрик, — пускай чародей дело сделает! Хуже, чем сейчас-то, небось не будет!

— Вот именно! — воскликнул Фесс. — Вот именно! Хуже не будет! Будет только лучше!

— Тихо! — гаркнул голова, поворачиваясь к своим. Как ни странно, его послушались. — А вот что я святым отцам скажу, когда они сюда приедут и увидят... всё *упокоенным*?

— Так и скажи, мол, пришёл некромант Неясыть, зло и порчу с земли снял, — громко ответил Фесс, и его слова пришлись по нраву селянам. Разом закричало уже несколько голосов, и притом куда бодрее, чем первый, что, мол, сил больше нет жить такой жизнью, руки б на себя наложили, кабы гнева Спасителя не боялись, пусть уж лучше чародей порчу снимет, всё легота настанет! А дальше хоть трава не расти!

Голова попытался что-то возражать, но тут из

рядов вырвалась растрёпанная молодка — та самая, что приходила за свёкром.

— А у тебя, голова, хоть одного малого сожрали?! — завизжала она. — У меня вот — двоих... одного прямо в люльке! Пусть чародей ворожит, пусть, если запла- тить ему надо, так я себя продам, только чтобы кончи- лось бы это! — И она зарыдала в голос. Ей стали вто- рить другие женщины, поднялся несусветный визг, стон и плач, и голова в панике отступил, отчаянно размахивая руками.

— Тихо, да тихо же, балаболки! Вот бабы неснос- ные! Да послушайте же...

Его голос совершенно утонул в криках толпы. Те- перь её словно прорвало — кто-то падал на колени и умоляюще протягивал к Фессу руки, кто-то потрясал кулаками, проклиная всё и вся, кто-то... в общем, во- царился невообразимый сумбур.

— Хорошо! — надсаживаясь, крикнул Фесс. — Я считаю, что разрешение на работу мной у вашего го- ловы получено. Так?

— Так!!! — единой глоткой взвыла толпа.

— Тогда я приступаю. — Неясыть церемонно по- клонился. — Добрые люди, прошу вас, разойдитесь. Спрячьтесь по домам, закройте покрепче двери, потому что дело будет жарким.

Толпа начала быстро редеть. Правда, кое-кто упря- мо стоял, не двигаясь с места, — и в их числе уже зна- комая Фессу пара.

Молодка первой решительно подошла к волшеб- нику.

— Ты, чародей, их истребишь? — решительно спро- сила она. От былой робости не осталось и следа. — Истреби их, а то и вправду тут говорили — хоть в пет- лю сама полезай. Детей воруют и жрут, у батюшки- свёкра моего старшего сына съели... со всей семьёй, так что свёкр мой бедный даже умом повредился. Хо- дит, что ни день, к погосту, молит, чтобы его тоже... Всё, что ни скажешь, чародей, сделаю, только истре- би их!

— Не бойся, красавица, истреблю, — наивозможно более ласковым голосом сказал Неясыть. — А теперь пооди, поди домой. Мне тут простор нужен.

* * *

Когда толпа наконец рассеялась окончательно, Фесс облегчённо вздохнул и приготовился к бою. Истребить бродячих зомби будет нетрудно, но выкорчевать саму *неупокоенность* — куда труднее. Волей-неволей пришлось прибегнуть к конспектам Дазнура — с собственными Фесса дополнениями.

Сугутор и Прадд засели в должном отдалении; их делом было охранять лошадей и перехватывать неосторожных селян, буде кому-то из них всё же вздумается притащиться к кладбищу, поглазеть на работу колдуна.

Силы надо экономить, так что пусть за нас пока поработают снадобья и эликсиры — выпотрошил сумку Фесс.

Экстракт ночного безумника. Выварка из листьев скелетницы бессмертной. Корни дуба дриад — сам Фесс пока ни одной дриады не видел и подозревал, что всё это просто выдумки страдавших от воздержания монахов. Добавить порошка из «толчёных пальцев праведника» — на самом деле белого известкового камня, привезённого с Кинта Дальнего, — там были места, где Сила отчего-то задерживалась скалами, напитывая их своей мощью. Подогреть на огне. Очень медленно, соблюдая все интонационные переходы, прочесть «*Di tewembre pominus*», одну из самых мощных литаний Тьмы, напитывая мощью свежеприготовленный эликсир. Аккуратно окропить порог. Теперь охранное заклятие притуплено. Зомби вот-вот почуют добычу...

Над недалёким лесом внезапно взвились птицы. «Что там такое? Почему я обратил на это внимание?» — успел мимоходом подумать Фесс, прежде чем злая невидимая волна опрокинула его на спину и поволокла по пыльной дороге.

Это была волна злобной и слепой Силы. Она не делала различий для «светлых» и «тёмных». Она просто крушила всё, до чего могла дотянуться — а дотянуться она могла до многого, поскольку катилась через весь мир, неся с собой страхи, боль и муки живших за тысячи лиг от Арвеста и Лесных Кантонов.

Отплёвываясь кровью, Фесс вскочил на ноги. Да что ж это такое? Откуда вся эта беда?..

Долго размышлять на эту тему он не мог. Пузырёк со снадобьем остался у него в руках, охранные чары с порога смело начисто, и с погоста уже валом валили *неупокоенные* — глаза горели от избытка силы. Загадочная волна чуть не расплющила Фесса по земле, однако для зомби она, по всей видимости, оказалась подобна глотку воды в знойный день. При полном солнечном свете они теперь атаковали так, будто вокруг царил ночная мгла, и взгляды их из бессмысленных превратились в полные кровожадной хитрости.

Сила, как известно, силу ломит. Фессу ничего не оставалось, как принять бой — лицом к лицу, не прибегая ни к каким хитроумным уловкам, каких некроманты прошлого придумали множество, стараясь загнать *неупокоенных* в ловушку, из которой им было уже не выбраться. Они очень хотели, чтобы победа доставалась им в результате простого набора формальных заклятий, применения в строгом порядке эликсиров и амулетов. Они дорожили своей кровью — и поэтому их рецепты сплошь и рядом оказывались никуда не годными.

Неясить вскинул свой посох, с размаху всадив его в грудь самого резвого зомби. Теперь экономить не приходилось, но источников лёгкой силы не было, и потому Фесс, ощутив болезненную отдачу, пустил в ход свои собственные запасы. Труп лопнул, кости и плоть разлетелись в стороны; однако Фесса уже обходили с боков, и не было смысла тягаться в *чистой Силе* — тут *неупокоенные* имели заведомое преимущество.

А с погоста валили всё новые и новые твари, их число уже приближалось к пяти десяткам; и примерно

половина их, не обращая внимания на окружённого некроманта, толпой двинулась к деревенской окраине, туда, где их ждала лёгкая добыча.

Фесс зарычал от ярости. Его посох описал полукруг, сияющее алым светом навершие походя сокрушило череп ещё одного врага — но место павшего тотчас занял новый, зомби наваливались все вместе, не думая о себе, мешая друг другу, но при этом не давая Фессу пустить в ход тонкие, истинно некромантские средства из своего арсенала, — подобно тому, как массивный борец принуждает к рукопашной схватке тонкого и подвижного стрелка из лука. На дистанции стрелок даже не дал бы силачу приблизиться — но уж если они таки схватились, лучнику ни на что хорошее рассчитывать не приходилось.

— Мэтр! Мэтр! — донеслось издали. Прадд и гном отчаянно отбивались от пары наседавших на них зомби. Секира орка крушила врага, разрубая его на мелкие куски, — но зомби словно ничего не замечали. Железо не причиняло им никакого вреда, отлетающие куски плоти тотчас занимали свои прежние места. — Уходим, мэтр!

Разумеется, это было бы самым разумным. Никто, даже Дазнур, не смог бы осудить Фесса. Откуда он мог знать, что пройдёт какая-то непонятная, ни в каких хрониках не описанная волна, влягая в мертвецов невесту откуда пришедшую Силу?

Разнеся в ключья третьего зомби, Фессу удалось вырваться из кольца — быстро бегать его враги всё-таки не научились. Два крайних дома деревни, до которых мёртвые уже успели добраться, жалобно трещали, раскачиваемые не знающими устали неживыми руками, с крыш летела дранка, толстые брёвна высккивали из гнёзд. Даже отсюда было слышно, как истошно визжат в этих домах женщины. Спасти их обитатели никак не могли — зомби окружали со всех сторон.

«Ну, последний шанс», — мимоходом подумал Фесс. Время аккуратных, ювелирных уколов утончён-

ного фехтовальщика прошло. Грубой силой врага тоже было не одолеть. Значит, оставалось прибегнуть к высшим, самым сложным и рискованным закланиям, что запросто могли унести и жизнь самого некроманта.

Некромантия редко оперирует высшими закланиями. Они мало того, что опасны, они требуют интенсивной «подкачки» Силы, заимствованной в традиционных враждебных источниках — например, в огне или ветре. Высшие заклания согласно обычаю творятся при помощи ритуального оружия, геометрических фигур, с призыванием существ Астрала и прочими изысками. Ни на что это времени у Фесса не было. Оставался только один путь — воссоздать всё это мысленно, представить себе с такой чёткостью и яркостью, что для Силы и Астрала это станет столь же реальным, как и начерченная на земле пентаграмма или магический эликсир.

У Фесса имелось лишь несколько секунд.

Он вонзил посох в землю, обхватил обеими руками каменное навершие, закрыл глаза и громадным усилием заставил себя забыть обо всём. Вышвырнуть из сознания всех зомби, крестьян, орка с гномом и всё такое прочее. Перед мысленным взором появилась страница даэнуровых конспектов, сложная схема, гексаграмма привлечения Силы, учитывающая расположение звёзд, планет, тех самых загадочных центров, карту которых Фесс составлял так тщательно, учитывающая *напряжения* Астрала (которые ему, Фессу, предстояло определить самостоятельно и за доли мгновения), требующая филигранной отрисовки всех углов, дуг и хорд, помещения в строго определённые места определённых предметов типа сушёных лапок летучих мышей, пойманных над озером Ридо в день первого весеннего новолуния; словом, выполнение всех требований нужного Фессу высшего заклания отняло бы не один месяц.

Ни один, даже самый сильный чародей Эвриала, включая, наверное, саму хозяйку Волшебного Двора Мегану, не смог бы проделать такое. Крики женщин

стояли в ушах Фесса, и он, Чёрный маг со всего лишь одним годом Академии за плечами, оказался способен на миг разорвать порочный круг слабых способностей смертного. Когда Эвенстайн с Бахмутом били и унижали его, пытаясь добиться «выплеска» его магической силы, он остался фактически безучастен. Сейчас, когда вот-вот должны были начать гибнуть обитатели отлучённой от Церкви (и, следовательно, как бы официально «проклятой» Спасителем) Зеленухи, в сознании Фесса словно вспыхнул пожар. Боль была почти физическая, воспоминания хлынули потоком, воля сама, точно искусный каменщик, возводила пирамиду заклания. Перед мысленным взором возникла гексаграмма, дымящиеся курения в *переломных* точках, магические травы и предметы в точках *опорных*, ровные ряды каллиграфически выведенных рун (возвеселивших бы сердце старого Парри) — словом, в мыслях Фесса за один непредставимо краткий, сжатый миг возникла та самая *ловушка для Силы*, без которой ему было б не остановить атаку *неупокоенных*.

А когда грохочущая лавина обрушилась на него, лавина, в которой жар и ярость огня смешивались с мощью раздувавшего пламя ветра, когда жгучий поток обратил почти что в пепел само нематериальное «я» Фесса, он понял, что чудовищный, им самим вызванный к жизни молот выталкивает его куда-то в иную грань Реальности, — тогда Неясыть открыл ворота своей новосозданной армии.

Огонь, молния, вода, вихрь, давящие камни — всё это ничто для поднятых из могил мёртвых. Однажды убитые, они не боятся того оружия, что состоит из плоти покинутого ими мира. Вот почему могущественнейшие из стихийных магов, способные испепелять армии и рушить во прах сильнейшие крепости, бессильны против горстки каких-то жалких зомби.

Фесс стоял с закрытыми глазами, но видел всё, что творилось вокруг. Для него внезапно распахнул свои глубины Астрал, он увидел тьму Межреальности, усеянную сверкающими огнями, точно небо — звёздами,

узрел пути духов, призраков и других существ, для которых смертные так и не подобрали названий, потому что никогда не сталкивались с ними; понял мимоходом, почему Море Призраков носит своё название, увидел грандиозный Храм Морей в самой его середине, сокрытый от обычных глаз храм; и, высоко подняв тот самый молот, что едва не прикончил его самого, он ударил, вышвыривая зомби прочь из этого мира, туда, в слепую черноту, где им, неумирающим, предстояло скитаться, терзаясь от голода, бессчётные столетия, пока не почернеют и не рассыплются пеплом сами звёзды.

Отдача сотрясла всё его тело. Казалось, кости выскакивают из суставов и рвутся сухожилия; но какие-то капли Силы ещё оставались, и Неясыть повернул пока ещё повинующееся ему оружие против того, что ещё дремало на погосте, готовясь открыть путь обитателям полуночи, того самого бесконечного мгновения, прекрасно известного всем магам и некромантам, когда «завтра» превращается во «вчера». Он заглянул в лицо этим обитателям; он должен был бы умереть от ужаса, едва только осознав, по соседству с какими кошмарными порождениями неведомой воли живёт ничего не подозревающий человеческий род; Сила защитила его, однако уродливые пасти раскрылись, и Неясыть услышал слова, произнесённые двумя голосами, в которых не оставалось уже ничего человеческого. Маски не были сброшены, они были просто заменены. Эвенстайн с Бахмутом могли спать спокойно — своё дело они сделали, и те, что когда-то навешали Фесса в их обличье, больше не нуждались в своих марионетках.

«Ты думаешь, что победил? — понял Фесс. Обмев, он смотрел прямо перед собой — не во тьму и не в свет, в то, что лежит за гранью этих стихий, быть может, это были лики Хаоса, — но нет, слишком стройны, слишком упорядоченны для вечно мятущейся и меняющей зримые обличья субстанции; Неясыть смотрел и видел. — Ты думаешь, что победил? Нет. Ты от-

казался искать Мечи; мы привлечём к поискам других. Ты можешь присоединиться, но помни, что у тебя появились могущественные соперники. Смертный, тебе не одолеть нас; когда-то мы были слишком беспечны, но второй раз мы не повторим тех же самых ошибок. Мы знаем, что завеса тайны сдёрнута, ты вспомнил почти всё... кроме самого главного, разумеется. Подумай теперь, ты, *новый* человек, какую из сторон выбрать? Найди Мечи, Неясыть. Найди их, и этот мир, который ты попросил себе в награду, покажется тебе жалкой песчинкой в безбрежном океане других миров, над которыми протянется твоя длань. Мы увеличиваем награду. Но мы предупреждаем — если ты потерпишь неудачу или если Мечи найдёт кто-то ещё — кара твоя не сравнится ни с чьей участью в пределах Упорядоченного. Во Внешний Хаос извергнем мы тебя; нет ничего страшнее для смертного, чем эта последняя, окончательная не-смерть, гибель без конца, без надежды на спасение. Те, кого ты видишь перед собой, маски, как ты правильно понял, обитатели полуночи, станут твоими вечными палачами и мучителями. Подумай ещё раз, Неясыть! Божественное могущество — или вечные муки. Прощай... и торжествуй победу, если сможешь. Потому что времени тебе отпущено — по нашим меркам — совсем уже немного».

Незримые нити, ещё удерживающие душу Фесса в его бренном теле, с тонким звоном лопнули. Он ещё успел разглядеть громадный столб огня, земли и дыма, рванувшийся прямо из центра кладбища, почувствовал корчи тех самых полуживых *врат*, прежде чем всё погасло окончательно.

* * *

Признаться, он надеялся, что ему дадут умереть. Как бы не так. Сознание погасло, но в то же время он странным образом видел своё тело со стороны, словно паря в воздухе. На кладбище всё пылало и горело, пла -

вился камень, огонь дочиста выедал утратившие Силу останки. Горели и зомби; лишённые мощи, они превратились просто в ходячие куклы и теперь жарко пылали — чадным, коптящим пламенем. А над распротёртым телом Фесса уже склонились Сугутор и орк, Прадд рвал какие-то бутылочки и скляницы из сумки Фесса, гном поддерживал голову и пытался влить в окровавленный рот содержимое своей фляжки.

Фессу отчего-то стало очень смешно. Зачем они возятся, если ему так хорошо? Он не хочет возвращаться назад, к частично ожившим мучительным воспоминаниям. Он останется здесь, невидимым духом, лёгким призраком, он полетит через земли Лесных Кантонов, над пиками Железного Хребта, над пушами Нарна, через плодородные земли Эбина — туда, туда, к Морю Призраков, где среди вечно пенящихся волн стоит истинный Храм, не имеющий ничего общего с жалким его подобием, где воспитывают беспощадных ночных убийц... Мимоходом он вспомнил о Центрах Силы, уже почти было решил заглянуть туда, но...

Сугутор на земле в отчаянии всплеснул руками — мэтр не глотал, тёмная жидкость стекала по подбородку, и бесполезны были все эликсиры с противоядиями — бутылочки тёмного стекла сыпались из рук Прадда прямо на землю.

Каким-то шестым чувством угадав, что *дело* конечно, со всех концов деревни бежали люди, помогая соседям гасить начавшийся пожар. К погосту было не подступиться — там бушевал такой огонь, что надо было поливать водой дома, отстоявшие от него на добрую сотню шагов.

А Фесс-призрак, его вольная, вырвавшаяся наконец из оков плоти душа внимала низкому, хрипловатому голосу, что нёсся издалека, от высоких снежных вершин Железного Хребта, исходя при этом из глубоких подземелий, оттуда, где на карте Неясыти стоял кружок, обозначавший Центр Силы по закланиям от нечисти.

«Возвращайся. Возвращайся, ты нужен. Случилась

великая беда... ждать осталось недолго, быть может, несколько людских лет. Возвращаясь, о враг мой. Нам ещё предстоит встреча, но сейчас — вернись же в своё тело, именем...» — дальнейшее потонуло в шуме крови. Незримая составляющая Фесса камнем рухнула вниз, входя в собственное тело; и жесточайший спазм боли заставил мышцы дугой выгнуть спину. Из рта и ушей хлынула кровь, Фесс хрипло застонал... но это было уже как первый крик новорожденного, а вовсе не признак агонии.

Он знал, что выживет.

...Наконец вернулись нормальные зрение и слух. Но ломающие всё тело корчи так и так не давали ничего говорить.

— Пришёл в себя! — завопил Сугутор. — Эй, вы, орясины, ну-ка, быстро взяли почтенного мэтра и отнесли в самый лучший дом!

Ему не пришлось повторять дважды.

— Пра..д..д... лей... голу...

— Лей ему из голубого флакона, тупица!

— Не р-реви, сам знаю, Суги!..

— Ах ты!.. Ну ладно, я с тобой ещё потолкую! — яростно прошипел отщёпанный в сторону гном. Орк выдернул пробку из горла голубого флакона, вылил содержимое в чашу, поднёс к губам Фесса.

— Пейте, мэтр. Пейте, ох, и испугали ж вы нас...

Питьё, которое раньше должно было почти начисто сжечь горло, сейчас скользнуло по нему, точно вода. Несколько мгновений Фесс лежал неподвижно, слушая, как уходит боль, а скачущие мысли становятся более-менее упорядоченными.

Сугутор и Прадд выгнали всех из горницы, осталась только хозяйка, глазевшая на окровавленного и перепачканного чародея широко раскрытыми глазами. Из сеней в щель так и норовили протиснуться головы других любопытных.

— Кажется... всё... уже... в порядке, — прохрипел наконец Фесс.

Гном осуждающе покачал головой.

— Как же, мэтр, в порядке, скажете тоже! Сами весь в кровище, ноги подкашиваются...

— Добрый обед с пивом — и всё пройдёт...

— Хозяйка! — немедленно гаркнул Прадд. — Слышала почтенного мэтр-ра? Обед сюда и пива, и чтобы самое лучшее!

...Еда и в самом деле помогла. Вскоре Фесс уже смог достаточно уверенно ходить.

— Там, эта, депутация до вас, милорд мэтр, — высунувшись на мгновение в сени, доложил Сугутор. — И голова местный с ними. Видеть хотят.

— Ну пусть входят, — кивнул Фесс, для внушительности беря в руки посох.

Депутация — шесть кряжистых, как один похожих на самого голову мужиков — вошла осторожно, ломая шапки и теснясь возле стенки.

— Что вам, люди добрые? — спросил Фесс. — Дело своё я сделал. Вас никто больше не потревожит. Правда, по ходу возникли всякие препоны, из-за чего огонь-то и вспыхнул, но теперь уже всё в порядке. Погост ваш *упокоен* навеки.

— Погост наш... — сдавленным голосом проговорил голова. — О погосте-то мы и пришли порадеть, ваша волшебническая милость... там ведь головёшек и тех не осталось, камни оплавились... косточки родных наших, что там лежали, все небось тоже погорели, так что нам теперь и родителей с дедами помянуть негде честным порядком...

Фесс развёл руками.

— Ну что ж поделаешь. Впрочем, могильные камни-то восстановить можно. Записи-то в храме остались небось?

— Да что ж камни над пустыми ямами восстанавливать? — упрямо возразил голова. — Не-ет, ваша милость, так не пойдёт.

— Погоди, любезный, а что ж ты от меня, собственно, хочешь? — опешил Фесс.

— А выкупа хочу, — дерзко ответил голова. — Пожёт ты, твоё волшебничество, косточки дедов-праде-

дов наших — плати, стало быть. Пеню плати, как за убитых, стало быть, поскольку ты их в самом деле второй смертью убил. А уж что и как восстанавливать — это мы сами решим, без твоей милости обойдёмся.

От подобной наглости Неясыть просто остоленел. Ему казалось, что благодарные селяне должны низко ему кланяться, благодарить за избавление, смотреть с благоговейным испугом... а они пришли требовать мзды!

— Опять же пусть ваша милость не думает, деньги нам не на пропой нужны, а тем же отцам-инквизиторам сунуть, чтобы приехать согласились и проклятие бы сняли, — внушительным голосом продолжал голова. — Ты... вы, ваша милость, милорд мэтр, уедете сегодня, а нам-то тут жить! Ни дитяти имя не наречь, ни отпеть, ни повенчать...

Закончить голове не дал побелевший от ярости Прадд.

— Ах ты, сивая бор-рода! Да я тебе за наглость твою сейчас её всю по волоскам повыдергаю!..

— Сядь, Прадд! — резко приказал Неясыть. — Почтенный староста, а что, если я откажусь платить?

Голова ухмыльнулся.

— Тогда мы, значить, сами у тебя в карманах пошарим, твоя милость. Ты сейчас даже котёнка и того не зачаруешь.

Это было истинной правдой, к глубокому прискорбию Неясыти. Гном и орк, конечно, станут отбиваться, но в конце концов дом этот можно и поджечь.

— А ну назад! — завопил Сугутор, широко размахиваясь шестопёром. Депутация и вправду попятилась, однако откуда-то из сеней с подозрительной быстротой появились длинные и толстые колья-ратовища. Орк, молодецки свистнув, размахнулся секирой, и, наверное, тут не обошлось бы без великой крови, однако Неясыть примирительно поднял руку.

— Хорошо, староста. Я заплачу. Этого хватит?

Фесс сунул руку за пазуху, медленно извлёк нару-

жу. На ладони блеснула кучка золотых имперских цехинов, что ценились по всему Эвиалу.

У старосты немедленно отвисла челюсть. У орка с гномом — тоже.

— Берите. — Монеты со звоном покатались по столу. — Прадд, Сугутор, пропустите их. Пусть убе-
дятся.

Депутация монеты проверила основательно — на вес и на зуб.

— А добавить? — трясаясь от жадности, потребовал голова.

— У меня почти ничего и не осталось, — понурился Фесс. — Вот разве что ещё десяток цехинов...

Новая порция золота перекочевала в дрожащие руки старосты.

— Что вы делаете, мэтр?! — завопил гном, хватаясь за голову и вполне натурально выдирая клочки волос. — То, что я собирал по грошику...

— Не драться же с ними, Сугутор. Вас они в конце концов одолеют, а я смертельно устал, — уныло отозвался Фесс.

— Ладно, чародей. — Голова сгрёб золото и спрятал его себе за пазуху. — Так и быть, можешь уезжать. Мы не выдадим тебя Инквизиции. Скажем — мол, *само случилось*.

— Серьёзно? Ну, спасибо, — отозвался Фесс. — Ну, Прадд, Сугутор, в путь! Только... вот что, любезный голова, оттисни свою печать на свитке, удостоверяющем, что свою работу я сделал.

— Да запросто! — Староста не колебался.

— Вот и хорошо. — Неясыть спрятал грамотку. — Прощай, староста, извини, что ваш погост порушили, но да уж тут ничего...

— Не винись, чародей, верим мы тебе, — оборвал его голова. — Верим ведь, правда, мужики?

Мужики ответили дружным согласным ворчанием.

Из Зеленухи выехали в молчании. Сугутор, похоже, до сих пор пребывал в шоке — милорд мэтр своими руками отдал этим проклятым вымогателям целую

грудю золота! Прадд что-то ворчал себе под нос, сжимая и разжимая огромные кулачищи.

Первым не выдержал именно он.

— Мэтр, а может, вернёмся? Красного петуха им хоть пустим! А то что ж такое получается — голытьба деревенская настоящего чародея одолела?

Неясыть рассмеялся.

— Ты тоже поверил, Прадд? Успокойся, это была всего-навсего иллюзия. Я дал им пригоршню медных грошей, но заставил поверить в то, что перед ними полновесные цехины. Надо сказать, голова до сих пор зверски болит — та волшба мне дорого обошлась.

— Как, мэтр, так то были гроши? — возопил Сугутор. — Ах, мэтр, ну зачем же вы отдали даже их?!

— На тебя не угодишь, гноме, — засмеялся орк.

— Конечно! — возмутился с неподдельной страстью Сугутор. — Этим хамам даже гроша и то много!

— Ничего не нашлось более подходящего, а иллюзия требовалась сложная, — ответил Фесс. — Вспомни, они ведь монеты даже на зуб пробовали! Думаешь, легко сразу шестерым внушить, что монеты надкусываются в точности как золотые? Еле-еле справился, хорошо ещё, что не почувствовали моего волшебства. Погони можно не бояться, иллюзия долго ещё продержится...

Обратно в леса лезть никому не хотелось. Двинулись по неширокой дороге, что вела к уводящему в глубь Лесных Кантонов тракту. Оттуда уже решили выбираться к следующей деревне. Пусть даже будет крюк, зато подальше от отцов-экзекуторов. Как известно, Лесные Кантоны пользовались известной самостоятельностью. Конечно, для Святой Матери нашей, Церкви Спасителя Вечносущего, всё едино — что Кантоны, что Империя Эбин. Однако алебардисты Кантонов научили некоторой почтительности даже инквизиторов.

Кони мягко ступали по жёлтой листве — *неувядаемость*, в отличие от Зеленухи, тут не ощущалась. Прадд на всякий случай взял лук на изготовку и выдвинулся

чуть вперёд; гном держался сбоку, тоже положив руку на шестопёр. Фесс же, отпустив поводья, предался размышлениям — больше ничего не оставалось делать, свою Силу он израсходовал до капли, а при одной мысли, что надо бы сплести заклятия для пополнения оскудевшего запаса, сразу становилось дурно.

Почему им не нужна моя помощь? Бояться чёрного посоха? Едва ли, тот же староста в Зеленухах очень даже быстро оклемался. Первый испуг проходит быстро, а вот потом на его месте появляется... что? Извечная «испорченность» человеческой природы, одиноким в любом мире? Страх перед Тьмой и вообще всем, что хоть как-то с ней связано? Или страх перед инквизиторами? Но если они так лютуют... то в те же Комары должен был явиться большой карательный отряд, а не жалкая дюжина, которую крепкие и вольные хлебопашцы враз подняли бы на вилы, имей они хоть какую-то волю к сопротивлению; вера в Спасителя иррациональна, приписываемые ему чудеса и в самом деле мог проделать любой грамотный маг — кроме, конечно, воскрешения из мёртвых. Так в чём же здесь дело?..

А эта чёрная волна, придавшая зомби такие силы, она-то откуда взялась? Шевеления Западной Тьмы, наверное, сказал бы Даэнур. Но что за «шевеления»? Почему «шевеления»? Отчего «шевеления»? И чей это странный хриплый голос послышался ему, Фессу, когда его душа не хотела возвращаться обратно в тело? Теперь оставалось только горько пожалеть, что в своё время он так и не добрался до Козьих гор — а ведь один из узлов Силы был совсем рядом, можно сказать, рукой подать.

Вопросы, вопросы... а ответов нет. И собственная, несколько ожившая память здесь не поможет. Не вернулось боевое умение, не вернулась память о дальнем прошлом... пришло лишь кое-что из его, Фесса, службы у владыки Мельинской Империи. Похоже, что он неосознанно использовал при построении высшего

заклятия кое-что из своего тогдашнего арсенала — который полностью, увы, ему восстановить так и не удалось. Да, теперь он знал, что такое Алмазный и Деревянный Мечи. Но с чего *маски* решили, что ему должно быть известно, где эти Мечи находятся? Они попали ему в руки и он их спрятал? Ерунда, в подобном случае таким могущественным чародеям, кем бы они ни были в действительности, достаточно просто порыться в его памяти. Ни к чему идти столь сложными путями, предлагая какие-то эфемерные награды вроде великой власти или вполне реальное золото.

Слишком многое осталось позади, Неясить. Атлика, о которой он даже не знает, жива она или нет; её загадочные спутники, быть может, и в самом деле из «гнезда Салладорца»; в общем-то следовало бы вернуться в Ордос и довести это дело до конца, но... слаб человек! Ему так хочется перечеркнуть всё не слишком удавшееся, начать сначала, с чистого листа; он тоже так поступил, позволив отправить себя в Арвест, чтобы потом иметь оправдание для самого себя — меня, мол, отослали насильно. Никто ничего не может сделать с человеком насильно, если только он не закован в цепи и не окружён стражей. Нет, решено, решено — он исполнит заказ арвестского магистрата, хитростью ли, обманом или силой получит свои деньги и немедля отплывёт в Ордос. Лицо Атлики упрямо не хотело уходить из памяти.

Очень длинный день всё тянулся и тянулся. Трое путников ехали в молчании сквозь тихие, подёрнутые золотым налётом осени леса; гном начал было мурлыкать под нос какую-то песенку, но быстро осёкся. Торжественность лесных сводов отнюдь не располагала к подобным песнопениям.

Здесь, наверное, понравилось бы эльфам, неважно, Светлым или Тёмным, — подумалось Фессу. Высокий чистый лес, обилие рек и ручьёв... правда, слишком уж близко к суетливым и докучным людским поселениям, так что если б Зеленоглазые и появились

тут, то лишь в малом числе, отрядом разведчиков или ловцов.

Ближе к вечеру маленький отряд разбил лагерь. Орк и Сугутор, как и полагается почтительным спутникам уважаемого мэтра, не дали Неясыти ни к чему притронуться. Огонь осторожный гном развёл в яме и затянул с ужином чуть ли не до темноты, пока выбирал лишь самые сухие, дающие меньше всего дыма лесины.

Покончив с едой, Фесс поднялся. Не следовало чародею, тем более некроманту, ночевать под открытым небом, не охранив себя Кругом Отражения, пусть даже несильным, скорее сторожевым, а не истинно отражающим. Но творить любую, даже самую слабую волшбу всё ещё было пыткой.

— Не стоит беспокоиться, мэтр, — встал рядом орк. — Мы с почтенным гномом посторожим... если, конечно, этот соня не проспит второе пришествие Спасителя!

— Это кто соня? Я соня? — немедленно кинулся в бой разъярённый гном. — Ты, здоровый зелёный пенёк, сам вечно спишь, как твои каменные родственнички-огры в своих пещерах, не ты ли недавно...

— Хватит, хватит, — развёл спорщиков Фесс. — Не ссорьтесь. Скажите лучше, долго нам ещё до тракта?

— Завтра к полудню выберемся, мэтр, — уверенно ответил Прадд. — А вот потом куда — это уж ваша милость должна нам сказать. В Арвест я бы соваться не посоветовал. Слежка Инквизиции — это не мёд и не сахар. В лесу-то они нас никогда не возьмут, а вот в каменном муравейнике, что Арвестом зовётся, — раз плюнуть. Не люблю поэтому городов, мэтр. Хорошо, что у нас, орков, Свободных, никаких городов нет.

— И сами вы чуть что готовы за дубины схватиться, ежели сосед, до которого день пути, на лесной тропинке как-то косо посмотрит, — проворчал гном.

— А вот вы, гномы, как известно, пол бородами метёте, а потом соревнуетесь, у кого в бороде больше сора наберётся, — немедленно огрызнулся орк.

Фессу пришлось опять утихомиривать спорщиков. Но вопрос от этого сам не разрешился. И в самом деле, куда дальше? Рискнуть — и к третьей деревне, помеченной на карте Ольсена? Или всё же завернуть в Арвест, забрать все пожитки, чтобы потом ничто уже не связывало, когда придём за деньгами?

Колебался Фесс недолго. Всё случившееся — все эти «волны» и прочие прелести — не могло быть случайностью. Свобода рук нужна как можно скорее. Времени терять нельзя.

— Пойдём в... — он развернул свиток, — в деревеньку Петухи. Отсюда, как я полагаю, дня три пути, поскольку петлять много придётся.

На том и порешили.

Интерлюдия VI

СДЕЛКА

Они сидели прямо на Тропе. Никто не озаботился тем, чтобы разбить походный лагерь, хотя здесь хватало Силы и, при желании, потратив не так уж много времени по меркам магов Долины, можно было соорудить настоящий дворец. Истина, разбитая чудовищным взрывом на тысячи кусков, сейчас вновь превращалась в единое целое — каждому из магов при катастрофе достался свой крошечный фрагмент *правды*.

И она, эта правда, была чудовищна. Видения и образы, что возникали перед глазами волшебников, раньше могли привидеться им только в кошмарных снах. Даже то, что встретили Эвис, Эгмонт и Мелвилл в захваченном и разрушаемом козлоногими Созидателями Пути¹ мире, показалось бы детскими играми.

¹ Созидатели Пути — магическая раса существ, противников Клары Хюммель и Семицветья в развернувшейся войне вокруг мира Мельина. Именно они подарили Императору Мельина чародейскую латную перчатку, позволившую ему одержать победу в войне с магами Радуги.

Чудовищная волна Тьмы неслась на только что покинутый волшебниками мир, и остановить её не было никакой возможности. Люди, точно дикие звери, начинали истреблять себе подобных, под покровом лесов дрались насмерть эльфы, гномы, огры... Пламя пожаров охватывало весь горизонт, земля горела, рушились города, реки выходили из берегов, заливая то, что чудом обошёл огонь.

Бледные и подавленные, чародеи избегали смотреть друг на друга. Боевые маги, привыкшие сражаться за деньги и не щадить в случае надобности простых ратников своего неприятеля, считавшие себя хладнокровными и умеющими не отворачиваться при виде чужих страданий, на сей раз не выдержали.

— Нам надо вернуться, — простонала Эвис, закрывая лицо ладонями. — Вернуться, и... неужели всё так и будет?

Клара мрачно пожала плечами. Ничего не понимающая Тави только вертела головой, переводя взгляд с одного своего спутника на другого. Впрочем, сейчас было не до объяснений. Клара ограничилась тем, что просто назвала девушке имена Кицума и Сильвии.

— Красный Арк? — вздрогнула Тави. — Зачем же, кирия, ты взяла её с собой?! — (Тави отчего-то переняла манеру обращения к Кларе у церемонной Райны). — Красный Арк — один из самых могущественных орденов Радуги! И... у меня с ними собственные счёты, — мрачно добавила она, сжимая кулаки.

— Оставь, Тави, — покачала головой Клара. — Клоун Кицум — тот и вовсе ни при чём, а Сильвия... Сильвия натворила такое, что теперь подсудна, наверное, только Суду Долины.

— Да что ж, что она натворила? — настаивала Тави.

Клара лишь покачала головой.

— Потом расскажу, ладно? Мне сейчас даже думать об этом больно.

— Ладно, — разочарованно протянула Тави. — Пойду попытаю Райну, может, она что расскажет...

Как бы то ни было, исправлять содеянное можно

было двумя путями. Первый — прорваться обратно в мир, выяснить всё на месте и действовать по обстановке; второй — как можно скорее достичь Долины.

Ломай голову, не ломай — исход один. Надо каким-то образом найти Долину, потому что — Клара чувствовала: губительная лавина сорвётся ещё не сейчас, одиночные ручейки чистого Зла не сразу превратятся в бушующий поток. Небольшой запас времени пока есть — правда, никто не знает, день составляет этот запас или же год?

Клара больше не колебалась. Сильвия лежит в коме, рана слишком тяжела; целители Долины, конечно, вытащат её, а потом её участь решит суд. Итак, Долина! Сдвинутая общим усилием всех её магов¹, укрытая где-то за складками Межреальности — как отыскать к ней дорогу, да ещё за столь короткий срок?

Клара высказала это вслух.

— Давайте думать, друзья.

Тишина. Все как один отвели глаза, даже Кицум, который уж точно не мог посоветовать здесь ничего разумного.

— А может быть, позвольте мне? — внезапно проговорил вкрадчивый и мягкий голос. Клара аж подпрыгнула от неожиданности — столкнуться в Межреальности с другим магом (а обладатель этого голоса никем иным быть и не мог) можно было не чаще, чем найти крупный бриллиант прямо посреди многолюдной улицы.

Остальные боевые маги тоже вскочили на ноги. Райна схватила за оружие.

Из-за поворота Тропы, из-за складки невидимости, осторожно ступая мягкими невысокими сапожками, к ним вышел человек — без особых примет, средних лет, не носивший на виду оружия, без каких-либо

¹ Маги Долины не приняли боя с козлоногими Созидателями, предпочтя открытому сражению отступление. Клара, боевые маги, даже сам Архимаг Игнациус были против этого решения, но мнение мирных Гильдий возобладало

броских украшений, в простой коричневой куртке и широких, заправленных в сапоги портах. Лицо его не имело возраста — ему смело можно было дать и тридцать и пятьдесят, разумеется, по обычному людскому счёту.

— Мир вам, волшебники, — улыбаясь, сказал человек. — Я вижу, у вас неприятности?

Вместо ответа взлетел меч Райны и тотчас же, отставая на ничтожную долю мгновения, — сабля Тави.

— Кто ты такой? — рявкнула воительница.

Человек осторожно взялся двумя пальцами за лезвие её клинка, аккуратно отвлёл в сторону.

— Как вы прекрасно понимаете, я не из вашей прекрасной Долины, — мягко произнёс он. — Имя моё вам ничего не скажет, а вот кто не надо его может и подслушать. Поэтому не всё ли равно, как вы станете меня звать?

Клара на миг зажмурилась — да, Сила в госте была. И немалая. Впрочем, не сверхъестественная.

— Я пришёл предложить вам сделку, доблестные, — неожиданно сказал человек, всё ещё держась за клинок Райны.

— Кх... какую сделку? — Голос Клары срывался.

— Сделку, напрямую связанную, как я понимаю, с вашими былыми подвигами в мире, который вам известен под названием мир Мельина, — пояснил человек.

— А поточнее? — подал голос Мелвилл. — И, любезный гость, мы не заключаем сделки с кем попало... едва столкнувшись с ним на Тропе между мирами!

— Похвальная осторожность, — кивнул гость. — Но, насколько я понимаю... э-э-э... вы только вырвались из опасной западни, не так ли? И при этом разрушили... э-э-э... некий местный артефакт? Да, да, чувствую, чувствую... Заповеди... нет, не заповеди... ах да, конечно, Скрижали! Скрижали Ночи. Они так любят вычурные названия... Миру тому теперь грозит катастрофа, не так ли?

— Мессир, — вежливо сказала Эвис, — мы очень

заинтригованы вашей речью, но, пожалуйста, нельзя ли перейти к сути?

— Вот эти слова мне нравятся, — усмехнулся чело-
век. — Повинуюсь, прекрасная мадемуазель, и перехо-
жу к сути. Так вот, я мог бы помочь вам справиться с
этой бедой. И отыскать дорогу в Долину — она сейчас
очень крепко запрятана.

— А что же взамен, мессир? — сладким голосом
пропела Эвис, сооротив незнакомцу глазки.

— Суший пустяк, друзья мои, суший пустяк. Два
артефакта из мира Мельина, вы, наверное, уже сами
догадались, какие именно. Алмазный и Деревянный
Мечи.

Спрашивать у клиента, зачем ему понадобилось то
или это, — верх неприличия и вопиющее нарушение
этики боевого мага по найму. Но на сей раз Эвис не
удержалась.

— Мессир, прошу прощения, но обстоятельства
нашей встречи столь необычны... они заставляют
меня заподозрить, что вы попросту следили за нами!
Кто вы, мессир? Назовите себя.

Улыбка на лице незнакомца погасла. Он тяжело
вздыхнул.

— Подойдите ближе, сударыни и судари, прошу
вас, — проговорил он, несколько напыщенным жес-
том поднимая руки вверх.

Они повиновались.

Черты лица незнакомца внезапно дрогнули, на миг
утратив чёткость. Карие глаза исчезли, и вместо них...

Клара отшатнулась. Не может быть!

— Может, моя добрая Клара Хюммель, — спокой-
но отозвался гость, уже приняв свой прежний об-
лик. — Ну, так как насчёт моего заказа? Боюсь, что
иного выхода у вас нет. Да и у меня тоже — если я
начну прорываться в закрытый мир, ему на помощь,
то беды не оберёшься.

Он говорил правду. Ни один мир не выдержит этой
Силы, поняла Клара. Станный гость обречён ски-
таться по Межреальности; любой мир показался бы

ему тесен, он просто лопнул бы у него на плечах, как слишком узкая рубаха. Когда-то давно он мог спускаться в миры — увы, это качество он уже утратил. Странствия по Междумирию не проходят даром даже для таких, как он.

— Мессир... — откашлявшись, осторожно сказала Клара. — Поиски Мечей потребуют нашего возвращения в Мельин...

Незнакомец покачал головой.

— Это мы проверили в первую очередь. Мечей там нет. Мы проследили весь их путь, до самого места последней битвы — а дальше след оборвался.

— Они покинули тот мир? — высказала предположение Эвис.

Незнакомец кивнул.

— Скорее всего, да. Я говорю «скорее всего», потому что мы... потому что те, кто искал их там по нашему слову, потерпели неудачу. Так что...

— Но это может занять годы! — воскликнула Клара. — Тем более мы не знаем, как течёт время в этом закрытом мире! Мы можем просто опоздать, мессир!

Незнакомец задумался, потом энергично кивнул.

— В ваших словах есть резон, сударыня. Ну что ж, тогда, в качестве авансового платежа, я покажу вам дорогу в Долину. Кроме того, вернувшись туда, вы обнаружите, что Гильдия боевых магов отныне не будет знать нехватки средств. Взамен я рассчитываю, что вы, посоветовавшись с Архимагом Коппером, выступите немедленно. Слышите меня — немедленно!

— Мы слышим, мессир, — невольно отступая перед полыхнувшим в глазах нечеловеческим гневом, промолвила Клара.

— Тогда скрепим сделку? У меня всё с собой, — усмехнулся гость.

У него и в самом деле всё оказалось с собой. Обычный пергамент с обычной для Гильдии «шапкой» договора и положенный традицией красный сургуч. Клара аккуратно оттиснула гильдийскую печать, остальные маги поставили свои личные. Незнакомец печатей

ставить не стал, быстрым росчерком пера поставил своё имя. Клара взглянула на подпись и поскорее от-вернулась. Рот наполнился слюной, в животе появил-ся липкий и тяжёлый комок страха.

— Это имя должно остаться в полной тайне, — вынужительно проговорил незнакомец... Впрочем, те-перь он уж перестал быть незнакомцем. — Надеюсь, вы это понимаете. Я очень рискую... мои враги могу-щественны. А теперь прощайте! Как говорят в сказ-ках — ступайте по этой тропинке, она приведёт вас прямо домой.

Не тратя больше слов, человек повернулся и скрыл-ся за изгибом Тропы.

Маги, оторопев, смотрели на подпись. Ни один не решился повторить это имя даже про себя, даже в мыслях. Поэтому имени этого нет даже здесь, в сей Летописи.

Отказаться они не могли, пути назад не было. Ос-тавалось только одно — идти вперёд, по указанной удивительным гостем Тропе.

Глава седьмая

НАСЛЕДСТВО САПЛАДОРЦА

На второй день пути Фесс и его спутники выбра-лись из лесов. На пути не встретилось ни приключе-ний, ни опасностей — извилистая дорога вывела их из Лесных Кантонов. Заезжать в деревни они избегали — ни к чему без дела пугать людей чёрным посохом.

Тем более что Фессу было совсем не до встреч и разговоров. Ночью являлись кошмары, громадная ла-вина слепящего света неслась с запада на восток, ос-тавляя за собой выжженную землю. Нельзя было ни убежать от этой волны, ни скрыться. Оставалось толь-ко умирать.

Правда, гном и орк ничего не чувствовали. Для них ночи проходили спокойно. И, когда трое путни-ков оказались наконец на тракте, они не заметили в

округе никаких признаков тревоги. Запрятав как следует среди поклажи посох Фесса, они остановились в придорожном трактире.

Здесь было шумно, весело, многолюдно и дымно. Жарились дичина, подавались грибы во всевозможных видах, пенилось пиво, и не было тут никому дела до каких-то там ночных страхов.

Очень скоро Фесс убедился, что основной темой для разговоров служат как раз его подвиги в Больших Комарах.

— А некромансер-то кэ-эк даст им тогда! — захлёбываясь, размахивал руками высокий рыжий парень с обмотанным вокруг пояса кнутом — возчик. — Огонь полетел, да чёрный, как ночь, и давай мертвяков давить-крушить, только ошмётки от них и полетели!..

— А как же это ты чёрной ночью чёрный огонь-то углядел? — скептически заметил один из слушателей.

— Дура ты! — обиженно надулся рассказчик. — Тот огонь чёрный был с простым огнём перевит, понятно?.. И оттого всё видно стало!..

— А говорят, там великую пропасть людей изрезали да извели, — заметил ещё один гость.

— Да-а! — тотчас же подхватил рыжий. Глаза у него так и горели. — Страсть сколько! Ножам резали и топорами рубили, на огне поджаривали и на дыбе растягивали...

Рассказчик, похоже, уже и сам начинал верить в собственное враньё.

Фесс взглянул на мрачные физиономии своих подручных. По орку было видно, что он готов вот-вот кинуться в драку.

— Не вздумай, Прадд, — негромко сказал Нейсыть. — Дело кончится тем, что бить тебя, зеленокожего, бросится весь кабак. Ты этого хочешь?

— Да раскидаем мы их, мэтр, — проворчал орк, однако словам Фесса всё-таки внял.

Сугутор и Прадд отдали должное кухне, не обращая внимания на не слишком-то дружелюбные взгляды соседей. Фесс ничего есть не мог. Тревога, не по-

кидавшая его всё это время, переросла чуть ли не в ужас — что-то очень, очень злое зрело совсем рядом, и помешать он мог только ещё большим злом, пренебрегая тем самым Принципом зла меньшего.

— Что с вами, мэтр? — отвлёкся от трапезы Сугутор. — Что не едите? Нам с вами сейчас с тракта сворачивать, через Арвестский лес по чащобам снова ноги ломать, там трактиров отродясь не наблюдалось.

— Беда близко, гноме, — глухо отозвался Фесс, массируя гудящие от боли виски в тщетной попытке хоть как-то её ослабить. — Того и гляди накроет...

«Но это ещё не волна, — подумалось ему. — Волна ещё далеко... очень далеко. Но, похоже, тут её чувствую не только я. Неужто и *неупокоенные* тоже?..»

Его риторический вопрос остался без ответа. Двери трактира распахнулись — и на пороге перед изумлённым Фессом предстал отец-эзекутор первого ранга преподобный Этлау.

Трактир застыл, словно туда влетело привидение. Ложки с варевом замерли, не донесённые до рта; у кого-то медленно лилось на пол пиво из накренившейся кружки.

Корчмарь опрометью бросился вперёд. Святую Инквизицию боялись — но не ненавидели. Фесс уже успел убедиться — её и впрямь считают защитой перед ночными страхами.

Этлау величественным жестом (именно величественным, несмотря на свой малый рост) остановил хозяина.

— Не волнуйся, чадо моё. Прикажи отдельно подать обед для меня и вон того доброго сына Святой Матери нашей, — не лишённым изящества жестом Этлау указал на Фесса.

Неясить чуть не лишился дара речи от изумления. Что нужно этому инквизитору? Решил расплатиться за позор в Больших Комарах? Тогда он выбрал не самое удачное место... или, как раз напротив, очень удачное. Чем больше жертв — тем тяжелее обвинения. А жертв

будет действительно много, если только он, Фесс, все-рьёз сцепится здесь с отцом-эксекутором.

Трактирщик засуетился, раздавая подзатыльники недостаточно расторопным, по его мнению, служкам. Этлау, походя раздавая благословения, прошествовал к столу, где застыли Фесс и его спутники.

— Я хотел поговорить, — не тратя время на приветствия, холодно сказал инквизитор. — Полагаю, беседа будет для нас безвыгодна.

Что?! Святая Инквизиция в лице своего обер-мушкетера первого ранга предлагает сделку?

Очевидно, это слишком явно отразилось на лице Фесса, и Этлау угадал, о чём думает его визави.

— Да, я хочу кое-кто тебе предложить.

Народ вокруг них медленно расползлся кто куда. Конечно, святые отцы ведут страшный и многотрудный бой против многоликого греха, перводвигателя отца всех бед, труд их тяжёлый и свят, но... кто ж, скажите честно, сам без греха? А вдруг выкорчёвывать оный грех начнут именно с тебя, да ещё, поймав на нетвёрдом знании канона, обвинят в ереси? Нет, лучше уж убраться отсюда подобру-поздорову.

— Пойдём отсюда, — внушительно сказал Этлау. — Поговорим без лишних ушей.

— Мои друзья не могут быть лишними, — твёрдо сказал Фесс.

Этлау пренебрежительно наморщил нос.

— Не геройствуй понапрасну. Твои слуги просто выполняют приказ. Им ничто не грозит. Гном известен как доброе чадо Святой Церкви, на орков же махнул рукой даже Аркин. Они закалились в язычестве, и кара, ожидающая их в посмертии, куда страшнее всех мук и пыток этого света.

Глаза Этлау вновь фанатично блеснули, и Фесс в который уже раз подумал, что инквизитор, похоже, и в самом деле ничуть не сомневается ни в правоте своего дела, ни в той участи, что, по его мнению, ожидает сородичей Прадда.

— Ну хорошо, — Фесс поднялся. Сейчас он уже горько жалел, что посох остался среди поклажи.

Трепещущий от почтительности корчмарь проводил их в небольшую чистую горенку, застеленную разноцветными домоткаными половиками. Стол был покрыт праздничной расшитой скатертью, и на нём уже дымились миски с горшками.

— Садись, Неясыть. — Этлау опустился на лавку. — Садись и не смотри на меня волком. Оставим на время раздоры и поговорим.

— О чём же, святой отец? — Фесс не сумел сдержать сарказма, и инквизитор поморщился.

— Оставь. Тебя это не красит.

— Убийство невинных не красит тебя куда как сильнее, — резко ответил Неясыть. К воронам! Почему он должен вертеться, как уж на сковородке? Бояться слова, шёпота, взгляда — какой он тогда чародей?!

— Какие же они невинные, — пожал плечами Этлау, без тени сомнения принимаясь за аппетитную птичью грудку, тушённую с грибами. — Прелюбодеи они. И ты это знаешь.

Этлау не лгал.

— Если казнить каждую жену, изменившую мужу...

— То рано или поздно останутся только те, которые не изменяют, — невозмутимо бросил инквизитор.

— Скорее не останется вообще никого!

— Ты настолько плохого мнения о тех, кого собираешься спасать от порождений той самой Тьмы, которой столь верно служишь?.. М-м, отличное пиво.

— Да почему плохого?.. Просто такое бывает сплошь и рядом. Неравные браки, постылые свадьбы, когда дети просватаны с малолетства... что же им делать?

— Покориться судьбе, — внушительно сказал Этлау. — Нести свою долю невзгод, как каждый из нас. Тогда Спаситель возрадуется, и, когда грех на земле будет избыт навеки, Он вернётся и возьмёт нас всех в своё лоно!..

— Тогда почему бы не истребить весь род людской раз и навсегда, Этлау?

— Если б такое было угодно Спасителю, Он совершил бы это сам. Нам, слабым и недостойным слугам Его, остаётся только выкорчёвывать отдельные сорняки. Очистить раз и навсегда всю пашню только в Его власти.

Наступило молчание.

— В чём ты хочешь убедить меня, святой отец? В том, что моё дело...

— Я ни в чём не хочу убеждать тебя, Неясыть. Не считай меня тупоумным глупцом, опьяневшим от крови и убивающим направо и налево ради нескольких мгновений власти, — внушительно произнёс Этлау.

— Тогда о чём же мы будем говорить? — невольно удивился Неясыть.

Этлау сделал паузу.

— Сначала поешь. Извини, я с дороги и голоден, а ты, застыв здесь в позе вечного укора, портишь мне аппетит.

— Ты мне аппетит испортил раз и навсегда — там, в Комарах! — резко сказал Фесс. — Смерть за прелюбодеяние...

Инквизитор опустил серебряную вилку и вздохнул.

— Так мы никогда не сдвинемся с места, Неясыть.

— Тогда скажи мне то, что хотел сказать, и расстаемся, — бросил тот.

— Хорошо, — неторопливо сказал Этлау. — Вот что я тебе хотел сказать, некромант. Там, где я выкорчёвываю грех и пусть даже страхом, но заставляю других от него воздерживаться, то есть по мере слабых сил своих приближаю наступление Его светлого царства, ты, напротив, сеешь грехи, словно землепашец весной. И тем самым отдаляешь великий миг торжества Спасителя, ибо Он хочет спасти нас не своим приказом, но нашей осознанной волей. Мало-помалу это поймут те, кого ты сейчас защищаешь. Ты упокаиваешь кладбища, так? Но если б ты не перехватил мою силу в Комарах, как бы ты поступил? Стал бы мучить несчастных и уж точно ни в чём не повинных кошек? Вся вина которых заключалась бы в том, что они не

могут говорить, являясь бессловесными тварями, и у них нет души? Но боль они чувствуют точно так же, как мы. И страх, и всё прочее. Тебе кажется, ты совершил благо. А призрак тобой замученного кота станет незримым летать вокруг деревни, звать к отмщению — и на место упокоенных тобой мертвецов встанут другие чудовища.

— С чего это ты взял? — высокомерно ответил Нехать, воспользовавшись паузой в словах инквизитора. — Да и про кошек ты говорил полную ерунду. Люди выращивают скот, кормят его с рук, оберегают и холят, а потом хладнокровно режут. Принцип меньшего зла в чистом виде. То же самое и здесь. Про кошачьи призраки я ничего не слышал, но не думаю, что они опаснее *костяных гончих*, не говоря уже о *драконах*.

— Не слышал... — вздохнул Этлау. Он, верно, хорошо подготовился к этому разговору. От того узколобого палача-гонителя, каким он предстал в Больших Комарах, не осталось и следа. — Конечно, ты не слышал! Ты много о чём не слышал! А как ты отнесёшься к тому, что там, где выкорчеван грех, *неупокоенность* себя почти не проявляет?!

Фесс пожал плечами.

— Очень просто, святой... отец. Убивая жертв, ты делаешь то же самое, что и простой некромант, вынужденный мучить кошек, чтобы уберечь людей. Тебе кажется, что ты «выкорчёвываешь грех», — а на самом деле ты просто упокаиваешь кладбища. На краткое время, не навсегда, конечно.

— Ага! — Глаза Этлау торжествующе блеснули. — А ты слышал о Сугробах?!

— Магистрат сказал, что там тоже *беспокойное* кладбище, — осторожно сказал Фесс.

— Так вот! — Голос Этлау торжественно зазвучал. — Я только что получил энциклику его преосвященства епископа Арвестского. Люди в Сугробах, доведённые до отчаяния, дружно раскаялись в грехах, отказали всё своё имущество Святой Церкви, облачи-

лись во власяницы и трое суток без сна и отдыха молились, невзирая на дождь и ветер. Твари Ночи бродили вокруг них, но молитва была столь сильна, что никто не дерзнул напасть на молящихся. На четвёртые сутки с погоста раздались вопли и стоны богохульства, а потом захрустели кости, мёртвые сами вползли в свои усыпальницы, где и остались, никому более не делая вреда! Вот так, некромант!

— Надо посмотреть на всё своими глазами, — пожал плечами Фесс. — Как говорится, «вести из дальних краёв редко бывают верными». Ты, святой отец, этого ведь и сам не видел.

— В Святой Инквизиции не лгут, если ты этого ещё не понял, некромант. Мы получили донесение от отца-настоятеля храма в Сугробах. Он прекрасно понимал, что навек погубил бы свою душу, решишь он на ложь своему духовному надстоятелю.

— Прекрасно. — Фесс поднялся. — Если тебе больше нечего сказать мне, святой отец, позволь мне откланяться. В магистрате я слышал о пяти *беспокойных кладбищах*, и, хотя магистры не заплатили мне ни гроша, свою работу я намерен выполнить. Прощай!

— погоди, — внезапно сказал Этлау. — погоди, не кипятись, некромант. Хочешь добрый совет? Уезжай отсюда, и как можно скорее. Ты должен понимать, что я, конечно, во всех подробностях изложу случившееся в Больших Комарах. Договор тобой нарушен. Ты свершал волшбу против воли тамошних обитателей и не получив разрешения настоятеля их церкви. На тебя ополчатся все, включая твою собственную Академию. Поэтому уезжай. Я даже готов дать тебе денег. Уезжай в Мекамп, за Восточную Стену — для тебя там найдётся работа.

— Откуда такая трогательная забота обо мне? — усмехнулся Фесс.

— Скажем, ты мне нравишься как мужчина, — неожиданно ухмыльнулся Этлау. Звякнув, на стол лёг кожаный кошель с деньгами.

— Как видишь, я не бросаю слов на ветер, — сказал инквизитор.

— Благодарю, но я не привык к подаяниям, — отрывисто бросил Фесс и вышел.

Что за странный разговор? Мораль, этика, жертвы... потом странное сообщение о *самоуспокоении* погоста в Сугробах и, наконец, обещание денег вкуче с предложением уехать. Ясно, что инквизиторы хотят убрать его из Арвеста. Он для них опасный конкурент. Возможно, есть у святых отцов и еще какие-то цели, пока что ему, Фессу, неведомые и непонятные. Вот — слух о Сугробах. Явный расчёт на то, что он бросится туда со всех ног.

А не кажется ли тебе, Фесс, думал он, пробираясь обратно к тревожно ожидавшим его гному и орку, — не кажется ли тебе, что тебя просто не хотят допускать в Арвест? Сугробы находятся на самом побережье. Путь туда отнимет несколько дней. Не должно ли за это время случиться в Арвесте что-то особо важное? Нечто такое, что он никак видеть не должен?..

— Не дождётесь, — сквозь зубы сказал Фесс. И, не давая ни орку, ни гному даже открыть рта, коротко бросил: — Поднимаемся. Наши планы изменились — надо спешить в Арвест.

Прадд и Сугутор переглянулись.

— Уж слишком отец Этлау стремится удержать меня эти несколько дней подальше от города, — пояснил Неясыть. — Как говорится, послушай святого отца и сделай всё с другого конца. Едем!

* * *

Дорогой гном и орк долго и дотошно выпрашивали Фесса обо всём, что сказал отец-эксекUTOR. Пришлось пересказать всё со всеми подробностями несколько десятков раз, пока от бесконечных повторов не разболелась голова.

До города они добрались без всяких происшествий. Отец Этлау остался в трактире доедать свой обед;

инквизитор Фесса уже не занимал. Гораздо интереснее было другое — что же такое задумали святые отцы?

На первый взгляд казалось, что город живёт совершенно обычной, всегдашней жизнью. Правда, у ворот толклось слишком уж много алебардистов, а сами ворота оказались наполовину прикрытыми. Но глубже в городе ни Фесс, ни его спутники не увидели ничего подозрительного. Та же толпа на улицах, те же торговые возы, те же крики разносчиков и те же шлюшки, осторожно проскальзывающие среди толпы, постоянно косясь по сторонам — не появятся ли где достойные экзекуторы, неутомимые борцы с грехом?

Всё как обычно оставалось и в «Ражем коте». Гном с тяжким вздохом порылся в карманах, обнаружил там несколько мелких монет и отправился на кухню — поразведать насчёт съестного. Прадд принялся точить секиру, и без того острую, как бритва. Фесс вошёл во вторую комнатку, сел на лежанку и закрыл лицо руками. В темноте отчего-то думалось лучше.

В тот же миг за окном раздался подозрительный шорох. На пороге молниеносно возник Прадд, игнорируя всякие условности типа стука в дверь. В руках орк сжимал секиру и вид имел весьма грозный.

Распахнув окно, орк на миг высунулся наружу. Послышалась какая-то возня, писк; Прадд уже существенно медленнее втиснулся обратно, и Фесс только рот разинул — в мощных лапах орка оказалась не кто иная, как Атлика!

В мужской одежде, перемазанная, со свежей царапиной на щеке — но Атлика!

Фесс уже устал удивляться. Рассуждающий на темы морали инквизитор вычерпал его запасы удивления до самого дна.

— Да отпусти же ты меня! — яростно прошипела Атлика, пытаясь брыкнуть Прадда обутой в потрёпанный сапожок ножкой.

— Отпусти её, Прадд, — опомнился Фесс.

— Вы знаете её, мэтр? — подозрительно спросил орк.

Неясить кивнул.

— Я рядом буду, — мрачно сообщил Прадд, закрывая за собой хлипкую дверь.

Несколько мгновений Атлика и Фесс молча смотрели друг на друга.

— Я искала тебя, маг, — без всяких предисловий сказала наконец девушка. — Почему ты исчез?

Фесс почувствовал подступающую к щекам краску.

— Так получилось, — нехотя процедил он.

— Короче говоря, ты сбежал, — резюмировала Атлика. Прошла к лежанке, села, с отвращением содрала с головы бесформенную шапчонку, тряхнула рассыпавшимися по плечам волосами.

— Перейдём к делу, Атлика, — сухо сказал Фесс. Происходящее ему не нравилось. Очень не нравилось.

— Перейдём к делу... — донёсся смешок с лежанки. — Так говаривал один негоциант, мой... гм... клиент. Это означало, что мне пора раздеваться.

— На сей раз это означает совсем иное. Атлика, не будем ссориться...

— Не будем?! — взвизгнула девушка, вскакивая на ноги. — Не будем?! Хотела бы я знать, как отцы-инквизиторы вычислили всё наше гнездо в Ордосе! Ничего не хочешь сказать мне по этому поводу?

Фесс понурился. Так, значит, то видение было истиной... Милорд ректор не терял времени даром. Хорошие у него испытания!

— Атлика... Понимаешь...

— Ты выдал их! Выдал наше *гнездо*! Последнее *гнездо* последователей великого Учителя!.. — Из глаз Атлики внезапно брызнули слёзы.

— Я никого не выдавал! — Фесс возвысил голос. — Не выдавал!

— Выдал! — завизжала девушка. — Ими ты купил себе свободу!..

— Да как же я мог это сделать, — гаркнул Фесс, — если ни разу их не видел и не знал, где они собирают

ся?!.. Я проходил испытания, досрочный выпуск, меня стали экзаменовать, это было полное погружение в созданный магией мир, там... там действовал злобный малефик, я пошёл по следу... а след привёл к тебе. Вот и всё, ничего больше, клянусь Великой Тьмой!

Атлика чуть присмирела. Оно и понятно — некро-мант поклялся Великой Тьмой, причём — по собственной воле, не вынужденно...

— Я думал, тебя схватят прямо там... ожидал увидеть твою казнь... рад, что этого не случилось, Атлика.

— Н-да, — после некоторого молчания сказала девушка. — Не ожидала... не ожидала, честное слово. А с ребятами произошло вот что — я пришла к ним сказать, что вот-вот приведу тебя, потом выбралась... а через час их всех повязали инквизиторы. Мне удалось скрыться. Чума в Ордосе кончилась, порт открыли... у меня были кое-какие деньги, заплатила капитану... как следует, добралась сюда.

— Ты знала, что я здесь?

— Конечно. Не требовалось великого магического искусства; достаточно было просто как следует порасспрашивать в порту. Я отправилась за тобой.

— Постой... — внезапно спохватился Фесс. — А как же трактат, он с тобой?

Атлика торжественно кивнула.

— Наследство учителя, наследство великого Салладорца, — проникновенно молвила она, доставая из маленького заплечного мешка завёрнутую в тряпки книгу.

Рука Фесса словно сама по себе потянулась к тому — и отдёрнулась.

— Ты боишься книги точно так же, как и меня? — насмешливо спросила Атлика. — Или всё же сильнее?

Великая Тьма, ну когда им наконец надоест подталкивать нас к безрассудствам, обвиняя в трусости?

— Что же было дальше, Атлика? С твоими товарищами в Ордосе?

— Все сожжены на медленном огне, — отчеканила девушка. — Вернее, зажарены. Их обдували из специ-

альных мехов, чтобы они ни в коем случае не задохнулись в дыму и не умерли слишком быстро.

— Да пребудут души их в благословенной Тьме, — пробормотал Фесс.

Атлика повторила — тоже шёпотом.

— Что же ты хочешь делать дальше? — спросил Фесс. — В Ордос тебе, конечно, возвращаться нельзя. Но и здесь, в Арвесте, Инквизиция свирепствует всю, искореняет грехи...

Атлика пожала плечами.

— Всё, что нужно делать, сказано здесь, — она хлопала ладонью по завёрнутой книге, — буду искать тех, кто может уверовать, буду создавать новое гнездо, будем вместе отыскивать дорогу к воплощению... А заодно — находить деньги, отбивать у Инквизиции пленников, убивать кровавых палачей... Всего и не упомянешь! А ещё, — она подалась к самому уху Фесса, — а ещё — мстить! Тем, кто радовался нашей гибели! Кто подтаскивал поленца к нашим кострам! Кстати, здесь, в Арвесте, лет сорок назад тоже уничтожили гнездо — двадцать семь человек. Все сожжены. Так что — к Арвесту у меня тоже есть счёты. Ты будешь со мной.

Она не спрашивала — она утверждала.

— Почему ты так решила? — угрюмо спросил Фесс.

Атлика всплеснула руками.

— Но ведь это же, — словно неразумному младенцу, принялась втолковывать она ему, — это же «Трактат о сущности инобытия»! Проникнуть туда, слиться с Великой Тьмой, это же...

Земля и небо, ещё одна фанатичка, подумал Нейсый. В сущности, наверное, не так и отличающаяся от того же отца-эзекютора.

— Ты знаешь, я ведь, собственно говоря, этот трактат и не читал ни разу...

— Ты не читал? — изумилась Атлика. — А, понимаю, понимаю, твой декан, этот трус... конечно, он боялся, что ты покинешь его и двинешься путём Салладорца. Ну, ночь впереди длинная, читай!

И она сдёрнула покрывавшие переплёт тряпки.

— А у меня ещё дела есть, так что я пойду, — заявила Атлика, шагнув к окну. — Читай, на рассвете я вернусь.

Она скрылась, с кошачьей ловкостью скользнув по крыше. Фесс остался сидеть, глядя на лежащую книгу так, словно перед ним свернулась в клубок ядовитая гадина.

Академия уничтожает эти книги и всех, кто их читал. Академия идёт здесь рука об руку с Инквизицией, которую вообще-то терпеть не может — известны случаи, когда отцы-эзекуторы сжигали за ересь людей с очень сильными магическими способностями, которые вполне пришлись бы ко двору в Ордосе. Даже Даэнур старался удержать своего ученика от этого трактата. Почему же он считается настолько опасным? Чем может быть так опасна обычная книга, пусть даже и воспевающая Тьму?

За дверьми давно уже маялся принёсший ужин гном, давно уже расхаживал взад-вперёд потерявший покой Прадд — а Фесс всё сидел в постепенно сгущающемся мраке, неотрывно глядя на чёрный, без единого знака или символа, переплёт трактата. Он чувствовал опасность. Открывать эту книгу нельзя. Ловушка, запятанная там, слишком коварна и хитра, если не сказать больше. Уже столько лет люди идут и идут на смерть ради неё! Сам того не подозревая, Салладорец, похоже, оказал Святой Инквизиции громадную услугу. Остаётся только выяснить — не содержит ли сама эта книга в себе какого-нибудь чародейства — ну, например, чтобы её легко обнаруживали даже самые неискусные из магов-священников?

Тут Неясыть, признаться, даже несколько испугался собственной смелости. Подумать, что Эвенгар был всего-навсего *шпионом* на службе Святой Матери нашей казалось просто кошунством.

Но, как известно, одно из правил дедукции гласит — «отбросьте всё заведомо невозможное, и то, что останется, будет истиной, сколь бы неправдоподобно оно ни выглядело». Вместо того чтобы раскрыть книгу

и погрузиться в чтение, Неясыть принялся копаться в своей поклаже. Надо выяснить, обязательно выяснить... хотя, с другой стороны, это не оригинал, это всего лишь копия, причём сделанная с другой копии. Едва ли кто-то из чёрных магов мог приложить к этому руку. Единственный, кто мог как-то зачаровать книгу, оставался сам Салладорец, давным-давно сгинувший, не то слившийся с вечной Тьмой, не то просто исчезнувший...

Способ сделать это был только один. Рунная магия. Сейчас Фесс запоздало пожалел, что эта область осталась ему практически неведома — заштатная кафедра, до которой аколит факультета малефицистики так и не успел добраться. Эх, был бы здесь старик Парри, мельком подумал Неясыть. А ведь он должен жить где-то не слишком далеко... относительно Северного Клыка, конечно. Найти бы, показать... нет, тогда бедняга либо умрёт от страха, либо кинется доносить. Ни того, ни другого ему, Фессу, совсем не нужно.

Пришлось начинать осаду. Долгую, правильную, нацеленную на *любые* признаки волшебства. Как нацелить заклятия специально на рунную магию, Неясыть, увы, не знал. Поэтому приходилось расширять круг, что неизбежно оборачивалось снижением чувствительности и избирательности чародейства.

Роковой труд Салладорца окружила узкая дорожка из розоватого порошка. Достав компас и сориентировавшись по сторонам света, Неясыть специальным пестиком осторожно сделал в порошке четыре углубления — северо-восток, северо-запад, юго-восток и, соответственно, юго-запад. Далее, словно составляя какой-то грандиозный пасьянс, принялся выкладывать на столе в строгом порядке, то и дело сверяясь с чертежом-наброском, разноцветные камни, какие-то резные фигурки, корешки, засушенные листья и прочие атрибуты магического ремесла. Атака требовала долгой «инженерной подготовки», как сказал бы осадный мастер. Смысл — синтез, слияние *теней*, отбрасываемых великими стихиями и отражающихся во

многих живых существах, растениях и минералах, наделённых свойством *цеплять* Силу.

Наконец все углы, дуги, хорды, центры всевозможных пересечений и связываний в начерченной Фессом сложной фигуре вокруг книги Эвенгара были заполнены. Баланс вроде бы приличный. Чувствительности должно хватить.

Неясыть высек огонь и поднёс тлеющую лучинку к заполненным чёрной маслянистой жидкостью углублениям в розовой дорожке. Вспыхнуло бледное прозрачное пламя, над столом задрожал воздух; розовый порошок с шипением начал плавиться. Дедовские методы, раздражённо подумал Фесс.

Некоторое время ничего не происходило. Баланс заклятий не нарушался, Сила текла свободным и широким потоком, ни одного сбоя — и никаких результатов.

Фесс прошипел ругательство.

И в тот же миг пламя над чёрными лунками внезапно обрело цвет и жар, взметнувшись чуть ли не к потолку острыми рыжими языками. Внезапно ворвавшийся в окно вихрь смёл со стола все столь любовно выстроенные Неясытем коренья, травы и амулеты. Чёрный переплёт книги распахнулся сам собой, и над жёлтыми страницами, покрытыми мелкими ровными строчками — переписчик, как видно, был мастером своего дела, — появилось человеческое лицо. Высокий лоб, буйные кудри, острый подбородок, глубоко сидящие глаза, сросшиеся на переносице кустистые брови. Взгляд пронзителен и остёр. Салладорец собственной персоной!

Текли мгновения. И опять ничего не происходило. Наконец Фессу надоело ждать, и он дерзнул осторожно пощупать застывший в воздухе призрак совсем-совсем простеньким закланием поиска.

Пламя с шипением исчезло, точно залитое водой. Книга сама распахнулась не то на третьей, не то на четвёртой странице. Злым огнём на каждой из них горели невидимые обычным зрением знаки, в которые

слагались совершенно на первый взгляд безобидные буквы классического имперского алфавита.

Так и есть. Салладорец наложил-таки на книгу какое-то заклятие... но вот вопрос — какое? Действительно ли это была гениальная затея кого-то из Белого Совета, помогающая вот уже сколько лет без долгих разговоров ловить и отправлять на костёр всех недозволенных и тянувшихся к другим источникам знания, или же эти чары имели совсем иное назначение? Эх, Дарри, Парри, как же мне тебя не хватает! Уж ты-то бы мигом разобрался во всех этих хитросплетениях...

Пока заклятие не погасло, Фесс торопливо стал зарисовывать незнакомые очертания странно искажённых рун. Когда-нибудь он найдёт ответ на эти вопросы. Когда-нибудь.

* * *

Атлика и в самом деле вернулась на рассвете, пошатываясь от усталости и еле держась на ногах. Впрочем, глядя на неё, трудно было предположить, что эта усталость вызвана долгими занятиями любовью. Одежда покрылась дырами, кое-где полы кафтанчика оказались прожжены. На лице прибавилось царапин, костяшки кулаков тоже были содраны.

— Ты дралась, что ли? — удивился Неясыть, приподнимаясь на лежанке и протирая глаза. Гном и Прадд ещё блаженно спали сном праведников.

— Не, по стенам лазила, — мотнула головой девушка. — Слушай, поесть ничего не найдётся? Зверски голодна.

— погоди, кухарка ещё и плиту не топила, так что только если чего холодного Сугутор достанет, — развёл руками Неясыть.

— Спаситель с ним, пусть холодного, — отмахнулась Атлика. — Только пусть пошевеливается, а то его самого съем!

Растолкав гнома и объяснив ему задачу, Фесс вернулся к девушке. Атлика уже успела забраться на его

лежанку, не чинясь, укрылась его одеялом, разбросав по подушке свои роскошные волосы. Трудно было понять — то ли это приглашение к более близким отношениям, то ли человек просто устал и вымотался до такой степени, что ему уже не до приличий. Одежда Атлики валялась на полу бесформенным комом.

— Будь любезен, подай мне нож, — попросила она с набитым ртом, жадно вгрызаясь в краюху подсоленного хлеба.

Слегка оторопев, Фесс исполнил просьбу.

— Хороший ты мальчик, хоть и учился у Тёмного. — Атлика поддёрнула сползающую с груди простыню. — Ну, рассказывай, что прочёл, что понял?..

Неясыть покачал головой.

— Я не читал трактата, Атлика.

Девушка застыла, не донеся до рта отрезанный ломоть ветчины.

— Как это — «не читал»?!

— Спал я, — напрямик бросил Неясыть. — Вчера тоже повозиться пришлось. Выяснял тут кое-что. — И прежде чем Атлика дала волю священному гневу, высоко поднял листок с зарисованными рунами. — Тебе это ничего не напоминает?

Подняв брови, Атлика несколько мгновений рассматривала рисунок.

— Нет, конечно. Разве что вот этот — ну точь-в-точь сатир, трахающий нимфу.

— Тьфу! — рассердился Фесс. — Я тебе о деле говорю. О том, почему ваши *гнёзда* так легко вычислялись и брались.

— Ты нашёл предателя? — Глаза Атлики округлились. — Ты можешь назвать его настоящее имя?

Фесс вздохнул.

— Атлика, то, что ты видишь, — опознавательный знак, чёткая магическая метка. Руны — из арсенала так называемой рунной магии. Переписчики старательно копировали книги Салладорца, а вместе с ними — и эти руны. Невольно, конечно, самих рун они и вовсе не видели. А вот потом кто-то очень ловко на-

учился чувствовать это рунное заклинание. И безошибочно наводить на ваши кованы или святых отцов-эксекуторов, или стражу Академии.

— Ты хочешь сказать... — Голос Атлики не предвещал ничего хорошего.

— Я просто хочу сказать, что ваши книги — меченые. И Академия этим искусно пользуется, — торопливо проговорил Фесс. — Предатель действительно был — в ближайшем окружении Салладорца. И он — или она — каким-то образом *поставил* текст. После этого Святой Инквизиции оставалось только следить и ждать. Как только *гнездо* набирало силу, становилось опасным — его уничтожали. Позабывшись при этом, чтобы кто-нибудь спасся, унося с собой роковой трактат.

С лица Атлики сошла вся краска. Она забыла о еде, так и застыв с надкушенным ломом ветчины в руке.

— Отсюда следует, Атлика, что мы попались, — жёстко произнёс Фесс. — Бежать бесполезно, я не сомневаюсь, что за домом следят. Я также не сомневаюсь, что каждый твой шаг известен отцам-эксекутрам. Боюсь, что очень скоро нам придётся драться.

— И ты знал всё это... и спокойно спал, дожидаясь меня? — прошептала Атлика. Губы её предательски задрожали.

Неясить пожал плечами.

— Не люблю оставаться в долгах. А спать там — не спать... неважно. Если б отцы-инквизиторы пожаловали, я бы их и так почувствовал. Да и, кроме того, скрывается только виновный. А я за собой вины не чувствую. Вот и ждал тебя... сестра.

Атлика растерянно молчала, глядя то на книгу, то вновь на Фесса.

— Ну так что же делать, маг? — Кажется, это называется «стон последней надежды».

— Ничего, сестра. Не бойся... живой в руки святых отцов я тебя не отдам.

Атлика тихонько взвизгнула, сама зажав себе рот ладонью.

— Выброси книгу, — с нажимом сказал Фесс. — Выброси, а ещё лучше — сожги.

— А... а ты не ошибся? С этими рунами? — почти с мольбой прошептала девушка.

Неясыть пожал плечами.

— Может быть, и ошибся. Во всяком случае, как видишь, никуда не бегу. Так что можно сказать, что занимаюсь проверкой. Если мной сказанное — правда, то должны за нас святые отцы взяться. А вот если не возьмутся...

— Значит, ты ошибся? — с надеждой воскликнула Атлика.

— Возможно. Впрочем, это может также означать, что в Святой Инквизиции есть люди не глупее нас с тобой, которые сочтут более выгодным выпустить нас сейчас, чем навек похоронить доселе безотказный способ. Так что, — Фесс развёл руками, — как видишь, я жду. Да ты ешь, ешь, чего замерла?

— Тут замрёшь... — проворчала Атлика. — Когда такое услышишь... Послушай, а как эти руны в точности действовали, ты не понял?

— Пока не понял, — признался Фесс. — Знаю лишь, что они есть и что их можно обнаружить. А вот подавали ли они сами о себе весть инквизиторам или тем приходилось какие-то ещё чары плести — сказать не могу.

— О-ох, — только и вздохнула Атлика, принявшись дожёвывать ветчину. Фесс отвернулся к окну.

Осенний ветер, набрав скорость и разбег над морскими просторами, ворвался в Арвест, точно орда лихих заемампских номадов. Он, подхватывая жёлтые листья, понёс их, швыряя из стороны в сторону, закручивая в разноцветные вихри — так и стоял бы целый день, наблюдая за игрой чужой силы... Силы? Ох!..

Это походило на укол раскалённой иглой. Фесс захрипел, из лёгких словно в единый миг выжали весь воздух. Незримая волна вновь прокатилась над его головой... чудовищная, злая волна, одинаково чуждая и Тьме, и Свету.

С трудом удерживаясь на подкашивающихся ногах, он нашёл в себе силы обернуться. Атлика лежала лицом вниз, рука бессильно свесилась с узкой постели. Неясыть с трудом заставил себя сделать короткий шаг к ней; девушка застонала, сиюсь приподняться.

— Что это было, Неясыть?

Он не ответил. Смотрел на неподвижно лежащую книгу и словно наяву чувствовал исходивший из неё жуткий, чудовищный напор, словно сам неистовый Салладорец приказывал сейчас из своего загадочного далека:

«Не стоять! Действовать! Отомстить! Всем, всем, всем!»

Фесс поднял руку — инстинктивным жестом отстранения, защиты, и, как ни странно, злой напор тотчас же исчез — будто и не было.

Как ни странно, Атлика уже пришла в себя. Сумела даже сесть на постели. Оправила волосы, потянулась за одеждой.

— Отвернись.

Фесс повиновался. Вновь выглянул в окно — да так и замер, точно боясь выдать себя резким движением.

Не скрываясь, из узкого слухового окна на крышу дома через улицу один за другим протискивались арбалетчики в цветах Лесных Кантонов, но с вычеканенным гербом Арвеста на кирасах. Протискивались, занимали свои места, поднимали самострелы... Они прекрасно видели молодого мага, однако, судя по всему, не имели никаких приказов стрелять по тем, кто не пытается скрыться.

Сделав невозмутимое лицо, Фесс перевесился через подоконник. Так и есть. Улица перекрыта. Алебардисты в полном боевом, среди них — конные воины в монашеских сутанах, серые рясы отцов-инквизиторов... Всякой твари по паре.

— Атлика, — негромко сказал Неясыть. — Кажется, у нас гости.

Девушка слабо вскрикнула. В тот же миг кто-то громко и властно постучал в наружную дверь. Стуку

ответил сварливый голос Сугутора, на что последовал настоящий взрыв яростного рёва и брани. Явившиеся требовали отворить, и притом немедленно — именем Святой Инквизиции!

— Глупы, видно, арвестские борцы с грехом, — стремясь подбодрить Атлику, сказал девушке Фесс. — Кажется, нас схватывать пришли... значит, им придёт-ся тебе потом побег устраивать.

— Фесс... ты обещал... — донеслось с лежанки.

Атлика сидела смертельно бледная и дрожала всем телом. Зубы выбивали дробь; не то чтобы она сама была отчаянной трусихой, это просто трепетала перед неизбежными пытками слабая человеческая плоть.

— Погоди, — быстро сказал молодой волшебник. Шансов на то, что фокус выгорит, немного, но, с другой стороны... Сейчас он уже корил себя, что не ушёл немедленно, как только понял, в чём дело. Ждал за-чем-то... хотя было совершенно ясно — если руны в наследстве Салладорца и впрямь с хитростью, отцы-инквизиторы только руки бы потирали, узнав о его побеге. И стражу бы наверняка удесятирили во всех без исключения воротах славного Арвеста.

Дурнота прошла бесследно, тело слушалось. Фесс метнулся к роковой книге, торопливо зашептал заветную формулу, обеими руками проделывая пассы. Не велика щель, а малой мышке и того хватит, чтоб от ко-та уйти.

Гном тем временем продолжал препираться с явившейся стражей, точно понимая, что нужно выиграть время. И засов он откинул ни раньше ни позже — в аккурат когда терпение у стражи уже кончилось и когда Неясыть успел проделать все манипуляции.

Атлика поспешно нырнула под одеяло, натянув его до самого подбородка.

Дверь в комнатёнку распахнулась. На пороге стоял верзила в коричневом кафтане инквизиторской конной стражи — солдат, не монах. Поверх кафтана — внушительная кираса, на голове — добрый шлем, по-ручни, поножи, как будто всё это может помочь, если

начнётся настоящий магический поединок! Зачем же отцы-эзекуторы послали вперёд этого болвана? Посмотреть, не всадит ли в него обеспамятевший некромант кое-что из своего сокровенного, неведомого Светлым запасам?

— Именем Святой Инквизиции! — взревел грома. В руках он держал здоровенный меч — не слишком удобный для боя в тесном помещении. — Назвать себя и следовать за мной!

— Полномочия! — резко бросил Фесс. Он уже видел, что и Сугутор, и Прадд стоят лицом к стене с заложенными за головы руками, а в затылок каждому смотрит по арбалетной стреле.

— Что? — опешил солдат. Судя по всему, у Святой Инквизиции никто и никогда не требовал полномочий. — Да как ты...

— Забыл, кто я, десятник? — Фесс ухмыльнулся как можно более отталкивающе и резко откинул шторку — в углу гордо стоял длинный чёрный посох с каменным навершием. — Тебя послали арестовать мага, а вдобавок — некроманта? С дипломом Академии и жалованной грамотой арвестского магистрата? Никогда не читал договора, дубина?

Скорее всего десятник читать не умел и вовсе. Но внезапная атака Неясыти его с толку отнюдь не сбивала.

— Нет мне дела ни до каких нерко... нурко... манов! Приказано заарестовать, и точка! Вставай, господин хороший, покудова пятки к затылку не завернули! И ты, девка, тоже вставай — на твой счёт у меня тоже слово имеется...

С трактирной лестницы вперёд уже лезли молчаливые, сосредоточенные эзекуторы в серых рясах с алыми, точно вырванные из груди сердца, гербами Святой Инквизиции. Прадд оглянулся — клыки так и сверкнули. Взгляд его говорил одно — прикажите, мэтр! Не давайте вязать! Погибнем, так не на коленях!..

У народа орков были свои давние счёты с отцами-инквизиторами.

Солдат шагнул вперёд, грубо сдёрнув одеяло с Атлики. Девушка истошно заверещала, словно оказавшись голой.

Фесс негромко, но так, чтобы слышали всё и в соседней комнате, произнёс короткую фразу на уже забытом Светлыми мёртвом языке, сопроводив слова коротким, стремительным, неувимым жестом. Десятника отшвырнуло обратно к дверям, он ударился шлемом о косяк и еле удержался на ногах.

— Полномочия! — вновь потребовал Фесс. Он прекрасно понимал затеянную святыми отцами игру. Вызвать его на использование чар из арсенала Тьмы, тех самых, что классифицируются всеми инквизиторскими наставлениями как исключительно еретические. Не выйдет, господа хорошие. Не на таковских напади. — И позови сюда того, кто разговаривать умеет.

Десятник обалдело лупал глазами и, судя по всему, был сейчас уже совершенно невменяем.

Очевидно, кто-то из отцов-эзекуторов сообразил, что дело поворачивается куда-то совсем в иную, весьма даже и нежелательную сторону. Но на столе лежала книга, книга в чёрной коже без единой буквы на обложке, и глаза инквизиторов прилипли к ней, точно мухи к мёду.

— Чтение альбо хранение книги анафемствованной! — выкрикнул один из них, тыча пальцем. На подмогу к солдату полезло ещё двое, однако Фесс сам схватил со стола чёрный томик и, высоко подняв его, раскрыл наугад страницу. Добрые чада Святой Церкви Спасителя немедля прикрылись рукавами, словно застигнутые врасплох нагие купальщицы.

Смех, да и только. Что ж получается, один человек с трактатом Салладорца в руках может целую толпу отцов-эзекуторов разогнать?.. Ну, чего зажмурились? Вот сейчас бы по вам и врезать, да так, чтобы душа из вас вон!.. Но нет, нельзя, нельзя, надо выполнять договор.

— Смотрите, смотрите сюда! — выкрикнул Фесс. — Смотрите, это *мой* трактат, из библиотеки Академии

взятый, с печатью и росчерком! Да отворите же вы zenки, наконец!

Отворили. Двое в сером с красными кулаками на балахонах недоверчиво уставились на поднятый Не-ясытем том.

— Читайте, читайте! — подбодрил их Фесс. — Тракта́т о ядах, противоядиях и ядолечении. Листайте, милорды, не стесняйтесь!

Атлика глядела на Фесса со священным ужасом.

Двое экзекуторов — оба бритые наголо — внимательно и тщательно пролистали книгу. Переглянулись. Фесс напрягся, готовый в любой миг усилить и так сжатое до предела заклятие, изменившее чуть ли не каждую букву на страницах рокового трактата. Но — всё обошлось, книгу спокойно положили на конторку.

Ну, теперь всё? Теперь вы уберётесь отсюда?

Однако Святая Инквизиция была отнюдь не богатейшей, где собрались одни лишь тупоумные фанатики да закоренелые садисты. Двое в сером неожиданно повернулись к Атлике.

— Отвечай, чадо, веруешь ли ты в Бога истинного, святого, Спасителем нами названного, с небес спустившегося и грехи наши на себя принявшего?

«Молчи!» — хотел закричать Фесс, но было уже поздно. Очевидно, в этом деле святые отцы поднастроили куда больше его — применять магию на допросах было для них привычным делом. И, уж конечно, они знали, как обращаться с теми, кто истово веровал в учение Салладорца!

Они не ошиблись. Атлика зашипела, словно разъярённая кошка, глазищи засверкали; казалось, по волосам вот-вот побегут искры. Заклятие держало её куда крепче цепей; а Фессу, не успевшему отбить или исказить это волшебство, осталось только скрипеть зубами да незаметно от инквизиторов вонзать ногти в ладони.

Отцы-экзекуторы вновь переглянулись — с пониманием, но без всякого торжества.

— Гнездо... — сказал один.

— Ковен... — отозвался второй.

Они ловко подхватили внезапно обмякшую Атлику под руки и поволокли прочь из комнаты.

— Эй, эй! — гаркнул Фесс, загораживая им дорогу. — Она ещё свои деньги не отработала!

Ответом ему стали две язвительные полуулыбки. Инквизиторы не сочли даже нужным отвечать на столь явную ложь.

— Она не ответила на вопрос о Символе Веры, не-
кромант. Она — из салладорцевых птенцов, у них тут
опять возник ковен, как видно. Не отягощай свою
душу заступничеством за неё, иначе...

Инквизитор не договорил. В этот миг у Прадда лопнуло терпение, и громадный орк прыгнул, сметая обоих арбалетчиков, что держали на прицеле его и гнома. Сугутору понадобилась лишь доля мгновения, чтобы вырвать у падающего солдата нож. Взмах руки — инквизитор опрокинулся, клинок торчал у него прямо из эмблемы; красная краска смешивалась с на-
стоящей кровью. Сковывавшие Атлику чары исчезли, девушка неожиданно и резко ударила второго экзеку-
тора ребром ладони в горло, да так, что кровь прямо брызнула во все стороны; ещё мгновение потребова-
лось Прадду, чтобы вогнать ещё не до конца опомнив-
шемуся десятнику сзади в шею короткий и широкий меч, выхваченный им у кого-то из солдат.

Схватка окончилась в несколько мгновений. Уце-
левшие экзекуторы горохом посыпались вниз по лест-
нице; их бегство сопровождалось истошными вопля-
ми. Никто из них не помышлял о схватке — они торо-
пились унести свои бранные кости. Как всегда, самые
смелые погибали первыми — даже в Святой Инквизи-
ции.

Пристанище Фесса мгновенно превратилось в бой-
ню. Весь пол и стены оказались забрызганы кровью. Мёртвые тела валялись бесформенными грудями — и Прадд, и Сугутор умели биться. Но зачем верным слу-
гам милорда ректора было ввязываться в схватку со

святыми отцами? Не понимают, что их теперь ждёт? Или же, напротив, понимают даже слишком хорошо, потому и взялись за оружие?

— Падайте! — крикнул Неясыть за миг до того, как арбалетчики на соседних крышах принялись осыпать окна стрелами. Дрожащая Атлика едва успела после- довать примеру плюхнувшихся прямо там, где стояли, орка и гнома, как стена за ней превратилась в дико- винное подобие громадного, вставшего на дыбы ди- кобраза.

— Ну и что теперь? — бросил Фесс подкатившему- ся к нему Сугутору. — Ополоумел ты, что ли, гноме?

— Никак нет, не ополоумел, милорд мэтр. — Не- смотря на лежащее положение, гном даже помотал го- ловой от усердия. — Нам всем амба была б, утащи нас с девчонкой в застенки. Символ Веры не повторила — всё ясно. А уж в застенке из неё всё выжали бы. Они давно наострились... на таких вот, как она. И нам не уцелеть, мэтр. Академия далеко... а что же до кладбищ *беспокойных*, то сами видели, как отец Этлау их упока- ивал. Варварски, конечно, на время — но упокаивал! А ежели снова какие мертвяки полезут — так и ещё народу вздёрнет, ему грех найти — что нам плюнуть. Так-то... Вы, мэтр, может, ещё и отговорились бы — а нам точно каюк. Жилы все клещами изорвут и со- шлют на галеры. За пиратами гоняться. А за пиратами гоняться, скажу я вам, мэтр... — Гном затряс боро- дой. — Так что делать нечего, мэтр, берите девочку — и дёру. Через Железный Хребет я вас проведу — а там и Нарн, эльфы Тёмные... Они, конечно, тоже не пода- рок, но всё-таки лучше отцов-эзекуторов.

— Понятно, — медленно проговорил Фесс. Инте- ресно, неужто Этлау и в самом деле хотел его спасти? Или... или, напротив, всё было ловко разыгранной пьеской, глупому и ненавидящему инквизиторов не- кроманту настойчиво советуют НЕ ездить в Арвест, твёрдо зная, что как раз после такого совета он по- мчится в город сломя голову — и угодит в аккуратно расставленную ловушку. Серьёзные ставки сделаны в

этой игре, и, похоже, дело тут не только в его собственной голове или там «еретичности». Похоже, что Святая Церковь решила наконец всерьёз попробовать Академию на зуб, выбрав для этого тот орешек, что сами Светлые гниловатым считают: пойдя что не так, всегда отговориться можно. Значит, нужно выбирать — на нём, Фессе, крови пока что нет, но, если идти на прорыв, — появится непременно. А святым отцам только того и надо.

— Штур-рмовать собир-раются, — подал голос Прадд, осторожно наблюдавший за происходящим на улице, укрепив на палке осколок зеркала. — Надо же, и не бояться совсем... или считают, что мы лапы вверх ср-разу поднимем? Мэтр, посмотр-рите, нет ли кого на крышах соседних?

Фесс кивнул, взял посох непереверес, повел вокруг себя каменным набалдашником.

— Ратники внизу собрались, — произнёс он, полужакрыв глаза, — в зале трактирной... вверх пока не идут, чего-то ждут... А на крышах... на крышах, Прадд, народу хватает. Стрелки, алебардисты, копейщики... с мечами двуручными вон вижу... Всего до двух сотен собралось. И наёмники, и инквизиторская стража. Кажется, они от своего не отступят.

Атлика лихорадочно всхлипнула.

— Неясыть... не отдавай меня им. Убей... убей сам. Усыпи... как-нибудь, чтоб не больно. А им потом скажи, мол, сам с преступницей расправился. Тебе и твоим это зачтётся...

— Глупости не болтай, дурёха! — рассвирепев, гаркнул гном. Глаза у него так и сверкали. — Говорят же тебе, я вас выведу! Только если мэтр через кольцо проломится — им нас уже не взять! Уйдём в Нарн, а милорд ректор пусть сам со святыми отцами разбирается!

Так, всё одно к одному. Уйти в Нарн, конечно, хорошо, эльфы народ вольный и к чужакам терпимый, ежели оные чужаки, конечно, лесного закона не нарушают; но вот прорваться?..

Арбалетчики, до этого сделавшие небольшой перерыв, вновь с похвальным усердием принялись опустошать колчаны, щедро растрачивая казённые стрелы — словно мальчишки, радующиеся возможности просто поиграть с грозным оружием.

Прорываться... Да Чёрный маг даже в одиночку, не слишком утруждаясь, справился бы с сотней обученных солдат, попотев, справился бы и с тысячей, одолел бы и *святую волю* отцов-эксекutorsов (они всё же больше на палачий топор уповают, не на собственные силы), но как быть, если в дело ввяжется кто-то из настоящих магов? Из Светлых? А они непременно ввяжутся, потому что он, Фесс, — не Спаситель и не может единым мановением руки испепелить две сотни человек, окруживших дом. Кроме того, Неясити как-то не слишком-то хотелось убивать ни в чём не повинных алебардистов и стрелков из Лесных Кантонов, которым не было никакого дела до него и его спутников — солдаты просто выполняли приказ города, которому присягнули. Нет, здесь надо иначе...

Фесс крепче ухватил посох и зажмурился. Когда от тебя все ждут *прямой атаки*, её скорее всего отобьют. Тоньше здесь надо, тоньше... именно тонкости всегда не хватало Чёрным магам, если только верить древним хроникам Светлых.

Упругий толчок Силы. Иномировая мощь послушно отозвалась на прикосновение его разума. Причудливая вязь заклęcia вилась сама, Фесс не трогал ни эликсиров, ни талисманов — только его собственный разум и ничего больше. Как тогда, в Зеленухах, — теперь это выходило и свободнее, и легче. Только бы эти несчастные дураки не начали штурм раньше срока...

Однако они начали. Очевидно, кто-то из святых отцов сумел почувствовать магию. По крышам и ступеням затопали ноги; в тот же миг виски словно сдавило незримыми тисками, в глазах помутилось — хорошо известный и описанный в бесчисленных летописях *святой удар*, наиболее распространённое оружие отцов-эксекutorsов, безотказно действующее на *по-*

рождения Тьмы, как они говорили, и безвредное для добрых чад Святой Матери-Церкви. Простое заклятие, отец Этлау — ах умница, хитрец Этлау! — тот в одиночку даже и применить не рискнул, понимал, что некромант такое шутя отобьёт да обратно *с догрузом* отправит; а вот когда тут этих самых экзекуторов собралось чуть ли не полсотни...

Фесс сдавленно застонал. Любовно выплетаемое заклятие рассыпалось, таяло как дым — инквизиторы давили, медленно, неспешно, но неотвратимо, подобно тому как деревянный пресс на винодельне плющит сочные виноградины.

Тут уже не до шуток. Не до изысканности и тонкости, когда Неясыть ещё надеялся решить дело почти что миром, прорваться хитростью, без крови и жертв. Не выходит. Ещё полминуты — и ты, некромант разлюбезный, от боли просто в обморок свалишься. Возьмут тебя бесчувственного, и... что с тобой будет, одной Тьме ведомо, а вот спутников твоих, и Атлику чумовую, их всех и в самом деле — под корень, да ещё неспешно, чтобы каждой жилочкой прочувствовали, каково это — против Святой Матери-Церкви идти. На площади пытать будут, публично...

Нет!

Уже совсем близко, уже готовы к последнему рывку штурмующие. Всё идёт по плану — некромант не оказывает сопротивления, осталось повязать гнома с орком — и айда, братва, обратно в казармы, начальство по такому случаю непременно на увольнительные с *гульбёжными грошами* расщедрится!

Будут вам сейчас гроши гульбёжные...

Ну, Неясыть, давай!

Ласковая тёплая волна непроглядного мрака толкнулась в сознание, начисто смывая боль. Пообещай кому следует *последнюю кровь*, много живой крови — и жадные, полуразумные силы сделают для тебя всё. Ты в крутых долгах, некромант, но сдаваться — это ещё хуже. Фесс потянулся к Великой Шестёрке, вспоминая каждого из Тёмных Владетелей по именам. Аххи,

Дарра, Уккарон, Зенда, Шаадан, Сиррин. Много, много тёплой крови пожертвую вам, доброй и вкусной крови, чтобы вы возрадовались и возвеселились! Помогите разорвать цепи, помогите разбить оковы, дайте толлику вашей силы!

Ох, как же не хотелось обращаться к ненасытным чёрным утробам, давать обещание, которое *непрерменно* придётся выполнить, иначе — смерть, но что же делать?

Он почувствовал ответ. Словно шесть рук протянулись к нему через бескрайние просторы, бесплотные ладони упёрлись в плечи, удерживая от неминуемого падения в бездну беспамятства; злая мощь переполняла тело, казалось, взмахни сейчас Фесс рукой — стены дома разлетятся, словно составленные из пергаментных листов.

— Лечь всем! — заорал Фесс. — Лечь и головы прикрыть!

...Отбросить первым ударом солдат и инквизиторов, разорвать наброшенные сети их заклятий, а потом вновь вернуться к своему заветному заклинанию, в надежде, что потом всё ещё как-нибудь да образуется.

...Команду Фесса все выполнили мгновенно, даже Атлика. Чёрный посох взлетел в воздух, навершие описало широкий круг — вверх с треском полетели обломки досок и стропил, волшебство вдребезги разнесло потолок, перекрытия и саму крышу, под ногами у опешивших стрелков и алебардистов внезапно разверзлась пропасть, раздались крики падающих людей; это было самое большее, что Фесс мог для них сделать. Арбалетчиков на соседней крыше смело, словно ураганом, роняя оружие, солдаты отчаянно пытались удержаться на разваливающейся кровле; внезапно закруживший над улицей смерч рвал и разбрасывал в стороны людей. Строй солдат развалился, стойкие воины Кантонов не могли противостоять нечеловеческим силам некроманта — вихрь просто валил их с ног, и даже самый мощный силач не мог удержаться. Инквизиторов разбросало тоже, их отчаянные попыт-

ки остановить, погасить вражеское заклинание разбились, словно льдинки о камень, — помощь Великой Шестёрки не шутка. Сдавливавшие Фесса тиски лопнули. Повсюду в разваливающемся «Ражем коте» слышались вопли бегущих, под штурмующими ломалась лестница — Фесс искренне надеялся, что никто не свернёт себе шею. Над головами теперь было чистое осеннее небо; враг в панике отступал, нужно воспользоваться его растерянностью, второго шанса не будет!

— Бежим! — завопил гном.

— Нет! — перекрывая рёв урагана, гаркнул Нейсать. — Рано! От погони не уйти! Они только отброшены, ничего больше! Сейчас, друзья, сейчас!..

Скорее, скорее, восстановить распавшиеся было связи. Вспомнить все узлы сложной плетёнки заклатья. Помедлите, секунды, помедлите, мне надо совсем немного, ещё каплю... всё!

Удар давящей боли — обычная отдача от сверхсильного заклатья — заставил Фесса в муке застонать. Атлика ринулась к нему испуганной птицей:

— Тебя ранили?!

— Нет... сейчас... пройдёт...

Чары уже работали. Упрощая дело и махнув рукой на стремительно растущий долг, Фесс вновь зачерпнул сил у Великой Шестёрки. Как говорится, семь бед — один ответ.

Фесс наяву слышал, как застонала земля, как закрипели выворачиваемые могильные плиты. Старые города всегда стоят на чьих-то костях, и неважно, как давно они были зарыты в землю. Мёртвые спят чутко и всегда ждут зова. Вот, теперь дождались и эти — останки первооснователей Арвеста. Здесь, на дальней окраине, когда-то было их кладбище, стояла небольшая церквушка, потом её уничтожил большой пожар вместе со скромными деревянными надгробьями. Потом пожарище заросло, потом, когда город стал расти, сюда пришли строители... Здания вставали на недобрых фундаментах, мёртвые не любят, когда их давят чем-то тяжелее обычных могильных плит. И сейчас

неупокоенные охотно пришли на зов. Они и так уже почти готовы были пробудиться, надо было подтолкнуть их совсем чуть-чуть...

С улицы раздалась дружные вопли. Пехота Лесных Кантонов умела сражаться с любым противником, но — с живым. Бывалые наёмники хорошо знали, что зомби и мертвяки неуязвимы для обычного оружия, мечи, стрелы и алебарды им нипочём. А в таком случае что толку зря погибать? От *неупокоенных* должны прикрывать маги.

Фесс словно наяву видел, как, ломая доски, сворачивая камни, выбивая двери подвалов, сюда, к «Ражему коту», идёт его необычная армия. Ему удалось поднять не так много зомби — всего лишь дюжину, но для отцов-эзекуторов хватило и этого. А для только что *поднятого* из могилы *неупокоенного* едва уловимый *запах святости* — приманка ничуть не хуже только что разлитой крови.

Двенадцать *мертвяков* вывалились на улицу перед полуразрушенным трактиром. Самые смелые из стрелков, оборачиваясь на бегу, разряжали своё оружие — разумеется, без всякой пользы. Святые же отцы вновь доказали своё благоразумие и понятливость — они улепётывали так, что, как принято говорить, пятки сверкали. Ни один не принял боя.

И вновь внутри у Фесса шевельнулась гаденькая мысль — а не этого ли они от меня и добивались? Не к этому ли хотели принудить?

Когда некромант вырывает мертвеца из могилы одним ударом, без долгого, обставленного соответствующими ритуалами раскапывания ямы и всего прочего, толковый зомби из этого покойничка не выйдет. Своего хозяина он слушаться не будет, обуреваемый только одной «мыслью» — кого-нибудь сожрать. На улице добычи не осталось, и зомби, проявив при этом несвойственную им сообразительность, принялись ломиться в дома.

— Вот теперь — уходим! — скомандовал Фесс.

Его команда не заставила просить себя дважды.

От ведущей вниз лестницы остались одни обломки балок, сиротливо торчащие из стен; Атлика испуганно пискнула. Не обращая на неё внимания, Фесс ринулся вниз. Скорее, скорее, пока зомби не вломились куда не надо!..

Прыжок — под ногами трещит выдираемый из стены обломок, — ещё прыжок — Неясыть повисает на руках и наконец оказывается на твёрдой земле.

Пустые буркалы *неупокоенных* разом обратились к нему. Фессу даже показалось, он слышит разом вырвавшееся из дюжины прогнивших глоток слово «До-быча!»; как по команде, они двинулись к волшебнику. Сожрать *поднявшего* — это ещё слаше, слаше даже отца святого, брюха большого.

За спиной затопали. Значит, спустились друзья-товарищи. Можно начинать, вернее — с зомби заканчивать.

— Останови их, безумец!

Что такое? Чей голос? Женщина кричит, как будто задыхаясь от быстрого бега. Это кто ж такой в славном городе Арвесте смелый — против дюжины *неупокоенных* вот так запросто выйти?

По брусчатой мостовой с трудом бежала дородная женщина в просторном развевающемся не то платье, не то балахоне. Лицо округлое, полноватое, но приятное. Глаза подслеповато прищурены. Да кто она такая, Свет меня спали?

За спиной взвизгнула Атлика. И не потому, что мертвяков испугалась — что ей мертвяки, Салладорца почитавшей и почитающей! А испугалась она...

Ну конечно. Где мои глаза были? — подумал Фесс.

— Останови своих монстров, негодяй!

Зомби шагали. Им оставалось пройти не более двенадцати шагов. Интересно, неужели могучая волшебница не знает, что *неупокоенные* сожрут своего создателя с не меньшим аппетитом, чем случайно подвернувшуюся добычу?

Тратить на неё время Неясыть не мог. Вскинул посох над головой, описал каменным навершием *испепе-*

ляющий круг — когда сам зомби понял, уничтожить их ещё труднее, чем просто с *беспокойного кладбища*, — начал литанию...

Удар в грудь. Резь и мгла в глазах, ощущение давящей паутины, стремительно спутывающей руки и ноги. Неясыть дёрнулся раз, другой — всё напрасно. Не из простых чародеек, как видно, оказалась эта волшебница. И она одна преуспела больше, чем все отцы-экзекуторы, вместе взятые.

Проталкиваемый в лёгкие воздух превратился в сонм острейших, кромсающих трахею ножей. Глаза отказывались даже глядеть на свет, откуда пришла такая боль. Паралич. Бессилие. Осталось только одно чувство — жгучего стыда: как же эта толстая тётка ухитрилась настолько играючи уложить его на обе лопатки?

И уже не глазами — иным чувством Фесс ощущал мерный, неотвратимый шаг им же вытщенных из гробового сумрака мёртвых. Конец? Так глупо и просто? Один небрежный жест далеко уже не молодой чародейки — и он, некромант, не спасовавший перед *неупокоенными*, лежит на спине, спелёнатый по рукам и ногам, и даже не в силах пошевелить головой?

Медленно-медленно, как во сне, над ним появилось лицо Атлики. Очень серьёзное, почти молитвенное — а в руках чёрный том наследства Салладорца.

«Положи, дурёха!» — попытался закричать Неясыть, но губы отказались повиноваться. Да и поздно было что-то кричать или класть. Даже ослепнув, он чувствовал гадливое изумление волшебницы, чувствовал её закипающий гнев...

— Именем Эвенгара Салладорского, в вечной Тьме свободным пребывающего, — внезапно достиг слуха мерный голос Атлики. — Снимаю пути твои, снимаю боль твою, снимаю чары твои — встань и иди, сын Тьмы! Именем Эвенгара Салладорского!

И она коснулась плеча лежащего Фесса заветным чёрным томом.

Какое чародейство было совершено при этом —

кто знает? Но путы и вправду спали, Фесс вскочил на ноги, словно и не было падения, слепоты, боли...

Зомби были уже совсем рядом.

Он ударил наспех сплетённым заклятием, классическим, из старого арсенала некромантов, гасящим голод и на краткое время пробуждающим почти что человеческую тоску, — это заклятие в принципе могло вернуть *неуспокоенных* к мирному сну. Разумеется, не в таком числе и не только что поднятых, но выбора у Фесса не было. Хоть на мгновение придержать их натиск! Собраться с силами, и...

Зомби остановились. Покорно и тупо. Их незрячие глаза неотрывно смотрели на чёрный томик в руках Атлики. И Фессу показалось, что он слышит глухие стонущие голоса, медленно, с расстановкой выговаривающие отрывистые фразы:

— Отпусти нас. Отпусти нас. Отпусти нас...

Сколь же велика твоя мощь, наследство Салладорца, оторопело подумал Неясыть, почти машинально выговаривая опять же классическое заклятие освобождения зомби.

Мёртвые тела валились на мостовую, кости гремели о брусчатку. *Вторая жизнь* уходила из них, словно том Эвенгара помогал разорвать оковы земной плоти и слиться с Тьмой. На мгновение и Фесс ощутил этот кошмарный, неотрывный зов, породивший острое, сосущее чувство и холод в груди... но в этот миг Атлика дёрнула его за руку, и они бросились бежать.

Правильное решение. Ни к чему связываться со светлой волшебницей и отягощать себя ещё и этим. А сама чародейка, выпучив глаза, всё ещё таранилась на валявшиеся костяки, словно только сейчас поняв, что ей грозило...

— Ходу, ходу, кто жить хочет! — что было мочи завопила Атлика. Пока растерянно замерла волшебница... пока не опомнились и не вернулись солдаты с экзекуторами... ещё есть шанс выбраться из города, и тогда, как и предлагал гном — через горы, в привольный Нарн, где находит убежище каждый, кто не ужил -

ся в Империи Эбин, Эгест, Аркин или Семиградье. Для этого нужно немного, сущий пустяк — всего-то навсего ужиться с Тёмными эльфами, хозяевами того края.

Из дверей наполовину разнесённого трактира с похвальной быстротой вылетели орк и гном. Оба тащили на спинах увесистые тюки — кажется, они вынесли вообще всё, что было в комнатах.

Сугутору не потребовалось много времени, чтобы понять, как и что надо делать.

— За мной! — скомандовал он. — В туннель... ук-роемся, я вас за стену выведу, а там и Нарн недалече!

Судя по всему, гном знал, что говорил. По крайней мере, вперёд он бросился куда как решительно. Прадд, сжимая в ручищах небольшой арбалет, заряженный короткой и толстой стальной стрелкой, выразительно покосился на волшебницу — та, похоже, начала приходить в себя.

— Нет! — едва успел остановить его Неясыть. — Не надо, Прадд! Не оставляй на наших следах невинную... не оставляй *зряшную* кровь. Уходим!

— Да не стойте же вы, не стойте! — завопил гном. — Атлика... или как там тебя! Ходу, ходу, сейчас из нас отбивную сделают!

Девушка не заставила просить себя дважды.

Все трое устремились следом за гномом. Низкорослый и широкоплечий, с короткими ногами, Сугутор тем не менее явил чудеса ловкости, проскальзывая в такие щели, где тяжко приходилось даже тонкому Фессу. Прадд же, как истинный орк, не утруждал себя подобными мелочами. В ход вновь пошла его любимая секира, и, когда требовалось расширить какой-нибудь узкий лаз, орк не скупился на удары. Понятно, это оставляло хорошо видимый след — но что делать, сейчас спасение в быстроте. Отцы-экзекуторы и так очень быстро отыщут беглецов. Для этого в достатке имелось и магических ищеек, и обычных псов с острым нюхом.

— Сюда! — гаркнул Сугутор, указывая на какие-то неприметные створки. — Прадд, помоги!

Могучий орк подсунул невесть откуда взявшийся в его руках железный крюк под скобу замка. Крак! — жалобно сказал замок, в последний раз горько пожаловавшись на несправедливость судьбы. Открылась тёмная яма, откуда пахнуло жуткой вонью.

— Н-нам туда?.. — испуганно пролепетала Атлика, и Фесс удивлённо взглянул на неё — девчонка не боялась Инквизиции и чёрной чумы, так неужто?..

— Там крысы. — Словно прочитав его мысли, Атлика виновато взглянула на него.

— Кто желает, может оставаться! — сверкнул глазами гном. — Но, предупреждаю, в застенках у отцов-инквизиторов есть твари и похуже крыс! В первую очередь они сами...

Атлика стиснула зубы и, зажмурившись, сиганула вниз. Раздался приглушённый всплеск.

— Прыгаем, прыгаем, — торопил всех Сугутор. — Я последним пойду, створки прикрою. Авось подольше нас искать станут...

Они оказались в полной темноте. Фесс уже готов был сплести несложное заклятие ночного видения, однако Прадд тотчас же схватил своего мэтра за руку.

— О чём вы, мэтр?! А если, не ровён час, выследят? Нет уж, обычный факел — он как-то вернее.

Факел нашёлся у Сугутора. Гном с одного удара высек огонь, затрещало пламя.

Над головами нависал низкий кирпичный свод. Под ноги же никому смотреть не хотелось.

— Ничего, тут пол ровный, проверено, — гнусаво сообщил Сугутор — гнусаво по причине собственно — ручно зажатого носа, — так что идите смело.

Делать было нечего. Четвёрка побрела вперёд, хлюпая сапогами по густой жиже.

— Ничего-ничего, — подбадривал их Сугутор. — Это путь верный, вот за стены выберемся, пробежимся — там в предгорьях одно озерко будет... ключи тёплые бьют... искупаемся!

Ему никто не отвечал. Атлика ухватила Фесса за руку, словно боялась упасть; Прадд тяжело шлёпал позади — могучий орк всё не верил, что им так просто удалось оторваться от погони.

Фесс тоже не верил. Но все его магические чувства молчали — никто не пытался сплести нацеленное на них заклятие поиска, никто не гнал следом солдат, не спускал псов с цепей... И та волшебница, что почти прикончила его на улице, подле «Ражего кота», — как будто бы тоже отказалась от преследования.

Слишком хорошо, чтобы быть правдой, подумал Фесс. Слишком хорошо.

Впрочем, пока что жаловаться ему было не на что. Они благополучно миновали лабиринт подземных тоннелей — идти оказалось нетрудно, хотя почти две трети пути они проделали согнувшись, дружно завидуя низкорослому гному.

Дважды путь преграждали решётки, и дважды гном без всяких усилий выдёргивал заранее расшатанные железные, изъеденные ржой прутья. Складывалось впечатление, что он давным-давно приготовил эту дорожку на тот случай, если придётся улепётывать во все лопатки. Боялся Святой Инквизиции?

После почти трёхчасового пути тоннель сузился, так что пробираться пришлось едва ли не на корточках, погрузившись в зловонную жижу до самого пояса. Атлика держала чёрный том трактата высоко над головой.

— Ну, вот и всё! — выдохнул гном. Впереди забрезжил слабый свет.

Тоннель открывался в старый каменный карьер. Место, судя по всему, было давным-давно заброшено. И звери, и птицы, и люди его, конечно же, избегали — места, куда изливались отходы большого города. Что, само собой, было на руку беглецам.

— Смотреть на себя не могу, — с отвращением произнесла Атлика, поднимая глаза к небу.

— А чего тут смотреть, и так всё про-ро себя знаешь...

— Ничего ты не понимаешь, верзила! Нам, девчонкам, на себя не смотреть...

— Разговорчики! — прикрикнул гном. — Рано радуетесь! Теперь будем погоню по лесу водить. Ночью я вас к ключам выведу...

«Неужели нам и в самом деле так просто дадут уйти? — невольно подумал Фесс. — Непохоже на отцов-эксекutores: хватка у них бульдожья. Или опять ловушка? Ловушка наоборот, наподобие той, что мне расставил Этлау? Только какой им с того прок, если мы и в самом деле доберёмся до Нарна? Там ведь нас никакая Инквизиция не достанет».

Длинные, пологие гряды, протянувшиеся далеко на запад от Железного Хребта, густо поросли лесом. Крестьянские фермы, деревни и хутора тоже остались далеко на закате. Лесные Кантоны лежали южнее. А здесь, у самых городских стен шумного Арвеста, начинался почти что девственный лес, правда, в основном молодой, годящийся разве что на дрова.

Мало-помалу солнце клонилось к закату. Долгий осенний день подходил к концу. Все устали и выбились из сил, даже двужильный Прадд.

— Сугутор! Может, пер-редохнём? Не видишь, девочка еле ноги пер-реставляет!

— Ага, ты зовёшь меня полным именем! — доволь но осклабился гном. — Ты не безнадёжен, Прадди. Ещё немного времени, и из тебя получится вполне приличный орк, с которым не стыдно будет выйти в свет!

В ответ Прадд молча швырнул в насмешника увесистой еловой шишкой, угодив гному точно между глаз. Сугутор зашипел рассерженным котом и, похоже, всерьёз решил пустить в ход кулаки, но тут вмешалась Атлика.

— Ничего я не устала! — категорически заявила она. — Тоже мне, придумываете всякие глупости! Да я первая у твоего источника буду, гном! Смыть с себя всё это... — Она брезгливо передёрнула плечами. — Пошли, нечего стоять!

Надвинулся мрак. А с ним к Фессу вернулось и его беспокойство. Чувство, что они идут напрямик в расставленную западню, стало просто непереносимым. Воздух между угрюмыми деревьями, казалось, сгустился от ненависти. Холодные глаза смотрели в спину волшебнику, не отрываясь ни на миг, — однако никакое его искусство не смогло бы отыскать смотрящих. Здесь чувствовалось искусство, куда как превосходящее его собственное. В дело вступили Светлые? Но Арвест не мог похвастаться большой колонией действительно могущественных чародеев. Большой частью занимались они погодой, предсказаниями, целительством да охраной от воров. Арвест давно уже научился жить в мире с воинственными обитателями Волчьих островов, состоя, на зависть другим полисам Семигрядья, чуть ли не в союзе с северными мореходами. Конечно, стычки всё равно бывали, но как раз на этот случай город содержал многочисленную и хорошо обученную стражу, нанятую в Лесных Кантонах.

Так что же происходит? Отцы-экзекуторы оказались умнее, чем он сперва подумал о них?

Атлика осторожно взяла его за руку — словно там, в тоннелях.

— Ты что-то чувствуешь? — понизив голос, спросила она, глядя при этом прямо в глаза Фессу.

Тот молча кивнул.

— Я тоже, — отвернулась Атлика. — И... ты знаешь... это не позади. Это впереди, на перевале.

— Кто тут что-то говорит о перевалах? — отдуваясь, фыркнул гном. — Что ж, по-вашему, Сугутор такой дурак, что поведёт вас мимо сторожевых башен? Конечно, дорога в Нарн охраняется! Да только та стража — не про нас, гномов. У нас свои пути. Где под землёй... а где и по скалам.

— По скалам? Ну конечно, что ещё ожидать от гнома... — проворчал за спиной Фесса Прадд. — Мы, ор-рки, скал не любим. Вот пещеры — другое дело.

— Будут тебе и пещеры, Прадд, — пообещал Сугутор. — А на скалы ты у меня первым взберёшься.

— Это ещё почему? — опешил орк.

— Потому что если последним пойдёшь да сорвёшься, всех за собой потянешь, — простодушно объяснил гном. — А если первым...

— Так на голову свалюсь!

— Не свалишься, — посулил Сугутор. — Я тебя отдельной тропой пушу. В стороне от главного хода... Впрочем, чего это мы про горы да про скалы! Нам ещё по лесам сколько времени ноги ломать!..

...Была уже глубокая ночь, когда в лица им неожиданно потянуло теплом, запахло водой и серой. Гном остановился, блаженно потянулся.

— Дошли! Говорил же я вам — Сугутор вас до самого места доведёт. Держитесь меня, и до самого Нарна, как по улице гладкой, дотопаем.

— Будет хвалиться, гноме, — буркнул Прадд. — Это пока ещё всё игры. Не станут нас инквизиторы по лесам ловить. Знают, что эта охота их самих кровью заставит умыться. Не-ет, Сугутор, они нас в горах брать станут. У вас, гномов, конечно, свои пути... да только кто тебе сказал, что они Инквизицией не вычислены да на их карты поганые не нанесены?

Сугутор с великолепным презрением пожал плечами.

— Да куда им!.. А кроме того, наши ведь теми путями ходят — и ничего. А ведь отцы святые многие головы в кругленькую сумму оценили! Мол, кто схватит и доставит... Однако на путях никого ещё не взяли.

— Может, оно и так, — пожал плечами орк. — А по мне, так лучше глаза там дер-ржать отк-рытыми! И смотри, Сугутор, по самой лучшей тропе не веди! Клык даю, они нас там ждать станут!..

— Прорвёмся, — неожиданно низким голосом сказала Атлика. — Вот это поможет. — Она высоко подняла чёрный томик Салладорца.

— Спрятала б ты её, Атлика, — покачал головой Фесс. — Не проси помощи у мёртвых... потом сама рада не будешь. Уж в этом ты мне поверь. Сам некро-мантии обучался.

— А вдруг то, чему тебя учили, — неправда? — с горячностью возразила Атлика. — Без Учителя — что бы ты делал, герой, когда тебя та тётка на обе лопатки положила, точно трахнуть собралась? В позе наездницы? — подбоченившись, прибавила девушка.

Фесс пожал плечами. Не связываться же с негодницей?

— Проверять, чему меня учили, предпочитаю в обстановке тихой и спокойной. Желательно — в Нарне, если, конечно, Тёмные эльфы разрешают некромантию...

— А если нет — ты струсил? — задорно спросила Атлика.

— Негоже тем, кто ищет убежища, нарушать законы тех, кто предоставил им таковое, — ответил Фесс церемонной фразой.

— Негоже... — проворчала Атлика. — Какой же ты после этого Чёрный маг, если собираешься всё на свете соблюдать? Так не бывает, сам только что убедился.

— Не будем спорить, — примирительно сказал Фесс. — Что толку препираться сейчас? Нарн далеко, за горами. Кто-то тут страстно мечтал окунуться в горячий источник?.. По-моему, самое время.

Атлика ничего не ответила. Просто отвернулась и медленно пошла прочь, туда, где klokотали вырывающиеся из-под земли тёплые ключи.

Путники оказались перед высоким каменистым откосом. Боковые склоны покрывала не по-осеннему зелёная трава, на самом верху угрюмо застыла стража вековых елей; а под каменной стеной, вырываясь из-под гнёта земных пластов, в глубокой и широкой — шагов двадцать, а то и более — гранитной чаше бурлила, шипела и пенилась вода.

Фесс окунул руку — вода была горячей, однако не обжигала. То, что надо сейчас усталым и перемазанным путникам.

— Интересно, — вслух сказал Неясыть. — Что же, в Арвесте ничего не знают о таком местечке? Да здесь

уже давно должны были купальню построить и с проходящих плату брать!

Место и впрямь казалось совершенно диким. Непохоже было, что люди хотя бы изредка заглядывали сюда.

Сугутор помедлил.

— Да так, мэтр, — нехотя проговорил он, — слушки всякие про это место нехорошие ходили. Мол, кто окунётся, тому живым не быть. Мол, приходит какое-то чудище сюда да всех пожирает. Ну, я над этими слухами, конечно, только смеялся...

— А твои др-рузья-пр-риятели? — рыкнул Прадд. — Не слыхал я, чтобы и гномы сюда хаживали!

Сугутор нехотя кивнул.

— Дурная слава — она штука сильная... Гномы тоже к этим побасенкам прислушиваются.

— А ты? — напирал орк.

— А я — нет! — гаркнул гном, окончательно лившись терпением. — Полезай в воду, дубина зеленокожая! От тебя смердит больше, чем от всех нас, вместе взятых! И я с тобой тоже полезу, чтобы... чтобы тебе страшно не было, — издевательски прибавил он, решительно стаскивая с себя измазанную одежду.

— Ну уж нет! — возмутилась Атлика. — А ну-ка, все прочь отсюда! Я первая, и никаких разговоров!

— Желание прекр-расной дамы — закон для истинного ор-рка, — галантно прогудел Прадд, отворачиваясь. Фесс последовал его примеру. Он чувствовал, что покуда преследования можно не опасаться, слова Прадда о засаде в горах казались более чем разумными. В самом деле, зачем нападать на четвёрку отчаявшихся, загнанных в угол бойцов в глухом лесу, где засевшего не видно, а нападающий — как на ладони? Гораздо проще сделать это на горной тропе, где справа стена, а слева — пропасть, и некуда ни отступать, ни бежать.

За спиной раздавался плеск и довольные охи-вздохи Атлики.

— Только не слишком долго, — не выдержал

гном. — Быстрее надо... нам ещё идти и идти, до самого рассвета. Там будет укрытие.

Призыв его, однако, пропал втуне. Атлика не успокоилась, пока не отстирала одежду.

...Луна уже одолела изрядную часть своей всегдашней ночной тропы, когда кое-как приведший себя в порядок маленький отряд изготовился выступить дальше. Прадд принёс каких-то трав, их бросили в костёр, одежду подвесили в дым, изгоняя мерзкий запах.

— Теперь главное — ноги в руки, — поучал всех гном, хотя его об этом никто не просил. — Отмылись-отчистились, дерь... ну, этим самым не воняем — так что пошли!

Оставив позади исходящую по ночному времени паром купель, они вновь углубились в лес. Гном вёл их всё выше и выше, по длинному-длинному, кажущемуся бесконечным склону. Под ногами не обнаруживалось и малейшего подобия тропы.

— Эх, и наследим же! — услышал Фесс бормотание Прадда у себя за спиной.

...Остановились они при первых лучах зари. Все валились с ног от усталости.

— Привал! — осипшим голосом объявил Сугутор. — Всё, считай, почти дошли. Торная дорога кончается. Теперь будем по камням скакать.

Густо заросший склон уводил дальше на восток, однако Сугутор уверенно взял левее, принявшись спускаться в узкую ложбину с крутыми, почти что отвесными скатами. Здесь идти стало совсем трудно, через заросли приходилось едва ли не прорубаться.

— Тут и остановимся, — отдуваясь, сказал гном. — Переждём... до полудня. Отцам-эксекуторам по такой крепости нас всё равно не достать. Верхами тут не пробьёшься, а тропы один я знаю.

— Сладко поёшь, — проворчал орк. — Говорю ж тебе — не хвались, покуда в Нар-рне не окажешься!

— Окажешься, окажешься, — самоуверенно заявил гном.

Фесс привалился спиной к еловому стволу и с наслаждением закрыл глаза. Ему по-прежнему не слишком верилось в такое везение, но... не буди лихо, пока спит тихо, не накликай беду неверием в удачу!

Тянуло в сон; посидев немного, Неясыть поднялся. Спать будем после, в Нарне, если там всё и в самом деле так, как описывает Сугутор.

Гном тем временем раскрыл свой мешок.

— Перекусим, чем ещё осталось, — позвал он остальных.

— Мы... — начала было Атлика, и в тот же миг Фесс одним броском опрокинул её наземь, накрыв собственным телом.

Кто-то резко свистнул — совсем рядом, в чаще. И тотчас же невидимая засада засвистела, заорала, заулюлюкала.

Со всех сторон густо полетели стрелы. Хлопали спущенные тетивы арбалетов, раздавались звучные команды вроде «Заходи слева!»; маленький отряд окзался в самом центре западни.

— К оружию! — взревел Прадд — смертоносный веер стрел каким-то чудом не задел громадного орка. Сугутору повезло меньше — пущенный в упор короткий и толстый болт пробил кольчугу, засев в левом плече гнома.

— Именем Святой Инквизиции! Всем бросить оружие и сдаться! — проревел чей-то голос из зарослей. — Некромант Неясыть, любое волшебство будет расценено...

Фесс не колебался ни мгновения. Боевое заклятие сплеталось само собой, боевая ярость вновь ожила в груди, и одновременно он вместо вполне естественного страха ощутил какое-то дикое, первобытное чувство полной, ничем не ограниченной свободы. Свободы убивать.

Он не выкрикивал высокопарных и глупых слов. Тьма подступила совсем-совсем близко, искательно заглядывая в глаза, словно спрашивая — ну теперь-то ты мой? Или всё ещё нет?

«Нет, — ответил он незримой собеседнице. — Ты получишь меня, как и всех, но — не сегодня. Во всяком случае, я постараюсь, чтобы этого не случилось».

Боевые заклятия некромантов отличались изощрённостью. Это вам не примитивный огненный шар-файербол, излюбленное оружие служителей пламени. Некромантия, обращённая к самой тонкой и таинственной из всех мистерий человеческой жизни, имела свои средства и методы.

Правда, приходилось мириться с медлительностью таких вот заклятий. Они требовали подготовки, амулетов, гримуаров, редких ингредиентов, сложных геометрических построений — этим хорошо заниматься при осадах, но не когда внезапно оказался с глазу на глаз с врагом.

Вспарываемый стрелами воздух над головой Нейсы ощущал словно собственную пронзаемую плоть. Гнев придал силы, Фесс вскинул посох, словно арбалет, чувствуя, как дрожит от сдерживаемой пока ещё силы чёрное древко. Мощь магии послушно обретала форму, позволявшую терзать если не души (сплести *такое* заклинание просто не хватило бы времени), то хотя бы плоть.

С округлого каменного навершия чёрного посоха одна за другой срывались стремительные кружащиеся тени, серые, словно предвечерний сумрак. Отдалённо напоминая не то звериные, не то человеческие черепа, они закружились в безумной пляске, волоча за собой длинные шлейфы сероватого дыма.

Земля полна мертвецами. Где теперь густые леса, некогда шумели многолюдные города. По непроходимым ныне чащобам тянулись дороги и тракты; стояли постоянные дворы, храмы и — кладбища. Конечно, Фесс и не думал о том, чтобы *вызвать неупокоенных* — для этого его Силе нужно было зацепиться хоть за что-то материальное. Материального ничего не нашлось — но призраки, ужас, на века переживший тех, кто его испытал в свой последний час, — этот ужас всё ещё жил. И он охотно ответил на призыв.

Мгновение спустя из зарослей раздалась отчаянные вопли. Призрачные зубы впились в незащищённую *холодным железом* плоть. Фесс живо представил себе, как стрелки роняют свои арбалеты, падают, отчаянно катаясь по земле в тщетных усилиях отодраться от себя намертво впившихся невидимых тварей.

Отцы-эзекуторы не замедлили с ответом — видно, имели время подготовиться. Их удар был страшен — Фессу он показался слепяще-белым вихрем, огненным плащом, скрывавшим совершенно ужасную и смертельно враждебную некромантии сущность. Неясить ощущал колебания земли под шагами созданного волшебством инквизиторов существа.

Под ним отчаянно затрепыхалась Атлика, охваченная слепым ужасом. Этот ужас удесятил её силы, она играючи отбросила Фесса в сторону, слепо метнулась вперёд...

Фесс уронил голову в ладони, заскрежетал зубами. Погибла, дурочка... Чувствуя, что ещё немного — и его собственные глаза лопнут, не выдерживая напряжения борющихся воль, он всё же заставил себя влить ещё толику Силы в начавшее слабеть заклятие, подгоняя своих серых коршунов дальше и дальше, туда, за линию солдат, стрелков Лесных Кантонов, туда, где стояли сами отцы-эзекуторы, очевидно, чувствуя себя в полной безопасности.

Неясить трясся, как в жестокой лихорадке, — несущийся сквозь него водопад свирепой Силы мят и рвал каждый фибр его собственной души — освободив древний страх, он должен был сейчас поддерживать его и питать каждый миг.

Однако усилия были не напрасны — из глубины леса доносились крики. И уже не летели стрелы. Фесс с трудом поднял голову — гном бессильно сидел, привалившись к стене, и стрела торчала у него не только из плеча, но и из груди — прямо под правой ключицей. Глаза Сугутора закатились, топор выпал из разжавшихся пальцев. Атлики видно не было, а вот Прадд был целёхонек — орк, как всегда, всё рассчитал точно

и сейчас оказался прямо за спиной выскочивших из зарослей трёх алебардистов в серых кирасах наёмников. Издав боевой рык, Прадд взмахнул собственным топором, ловко перерубив древко одной из алебард.

«Надо встать, — внезапно вяло и отстранённо подумал Фесс. — Надо встать, помочь орку, вдвоём мы продержимся, продержимся, потому что шагов созданного магией экзекуторов существа я уже не слышу. Сейчас... сейчас встану. Почему это земля так сильно качается? Почему меня не держат ноги? Почему всё плывёт перед глазами? Отдача... отдача от заклатья? Или... нет... не могу...»

Шатаясь, Неясыть сделал три или четыре шага, одновременно пытаясь поднять для боя свой посох. Куда там — он едва удерживался на ногах. И как бы со стороны, точно зритель в цирке на гладиаторских боях, он видел, что Прадд рассёк-таки топором одну из серых кирас и в тот же миг другой воин ловко опустил тупой обух своего оружия на незащищённый затылок орка. Прадд взмахнул руками, роняя оружие, и упал.

«Конец, — вяло подумал Неясыть. — Я даже испугаться не могу — заклатье отняло все силы. Что там творится, в зарослях? Неважно... сейчас меня убьют. Или возьмут в плен?.. Проклатье, им это будет совсем нетрудно сделать. Идти... идти, не падать. Алебардисты... двое... поворачиваются ко мне... замирают, рты широко разинуты, глаза лезут на лбы... что это с ними?»

Фесс сделал ещё один шаг. На большее сил уже не было. Где-то в лесу ещё крутилось, описывая всё уширяющиеся круги бесконечной спирали, его заклинание, без труда находя себе всё новые и новые жертвы. Сила всё текла и текла, и Неясыть уже не смог бы остановить её поток, даже если б и захотел. Он поздно осознал, что гнев завёл его слишком далеко, заклатье стало «саморазогревающимся», оно поддерживало уже самое себя — правда, при этом сам создавший такое заклинание маг неизбежно должен был погибнуть от истощения всех сил.

«Пусть», — подумал Фесс. Алебардисты медленно пятились к лесу, выставив перед собой оружие; на лицах был написан неодолимый животный ужас. Прадд и гном лежали неподвижно.

«Надо что-то делать, — подумал Фесс. Снизу, от живота, поднималась вверх тупая ноющая боль. — Это конец. Я убиваю себя сам. Не знаю, сколько инквизиторов полегло сегодня, но даже сейчас я чувствую, как они умирают, как мой гнев, обретший плоть, рвёт и раздирает их на части, и как они гибнут, не в силах отбить эту атаку, — потому что, если маг умирает, его последнее заклятие остановить очень трудно, почти невозможно; конечно, окажись здесь милорд ректор или чародейка Мегана' — они бы, наверное, придумали, что делать. Но экзекуторы только смогли создать какого-то своего убийцу... святого убийцу... а на большее их уже не хватило. Надо было думать о том, как спасти собственные шкуры... Эй, вы, с алебардами! Вы же видите, что я еле стою! Не удирайте, как трусы, идите сюда, сразимся, и я умру, как подобает мужчине, от честной стали в честном бою, а не испущу дух, корчась на дыбе и воя от непереносимой боли! Сражайтесь же, проклятие на весь ваш род, сражайтесь!..»

Наверное, он выкрикивал это вслух — потому что солдаты внезапно истошно заверещали, побросав свои алебарды, и пустились наутёк с такой быстротой, что нечего было и думать гнаться за ними.

«Ну, вот и всё, — сказала ласковая Тьма. — Теперь ты мой. Приди же ко мне, тебе больше нечего делать в этом мире, он отверг тебя, и только я теперь могу тебе помочь...»

«Помочь? Нет, я помогу себе сам, — словно заклинание, принялся твердить в ответ Фесс. — Я не уйду, мне ещё рано уходить, ты не получишь меня, ты слышишь — не получишь!»

«Я вовсе не хочу тебя получать, — мягко возразила Тьма. — Ты не вещь. Ко мне приходят по доброй воле. Ты путаешь меня со смертью, бедный мой маг, ты очень хорошо научился убивать моим именем, а вот спасти —

нет, не умеешь, да и что ж поделать, как-никак ускоренный выпуск, что с тебя возьмёшь... Посмотри, твои друзья лежат убитые или умирая от ран, а ты — ты вместо того, чтобы им помочь, отчего-то вздумал умирать сам! Но ты же держал в руках наследство Салладорца, ты смог увидеть его Великие Руны, запечатлевшие величайшее заклятие из всех, когда-либо сплетённых смертным; ты сможешь пройти его путём, сейчас или никогда, ну, идём же! Ты станешь мною, ты станешь куда больше, чем просто Бог, — ты будешь всюду, всевидящ, всезнающ, всепроникающ...

«Быть всюду — это значит быть нигде, — задыхаясь, подумал в ответ Неясыть. — Нет, Тьма, я ношу твои цвета, я пользуюсь твоей без толку пропадающей Силой — но идти в тебя мне ещё рано. У меня есть дело в этом мире!..»

«А... — неожиданно понимающе откликнулась Тьма, — ты имеешь в виду Мечи? Но ты хотя бы понимаешь, кто просил тебя отыскать их?»

«Какая разница? — Фесс вполне натурально пожал плечами, словно и впрямь обращаясь к невидимому собеседнику. — Какая разница кто? Мне ведь и впрямь надо их отыскать».

«Зачем?» — удивилась Тьма.

«Разве обязательно точно знать, зачем ты делаешь то или это?»

«Хорошо, — неожиданно уступила Тьма. — Ты нравишься мне... ты меня забавляешь. Когда являешься всеведущей, всепроникающей и вездесущей, то волей-неволей начинаешь сама выдумывать себе границы, которые стараешься не переступать — чтобы собственное сознание не распалось, чтобы осталось способным понять вас, чудаков-смертных. Хорошо, Неясыть. Я разорву твоё заклинание. Но помни — второй раз ты отправишься прямиком ко мне. Мне неинтересно делать что-то дважды. Один раз я тебе помогу, но...»

«Благодарю тебя, Тьма», — успел он сказать, прежде чем тянущая боль исчезла и взор его прояснился.

Смертоносное заклинание, гибельное и для врагов, и для него самого, разжало свои клыки.

Тяжело дыша, Фесс привалился плечом к стволу. В правой руке оказался зажат меч; так, надо вытаскивать орка и гнома, пока не поздно...

Однако он не успел сделать даже шага. Затрещали ветви; с трёх сторон показались враги — алебардисты вперемежку со стрелками и немногие уцелевшие инквизиторы. Серые плащи и серые кирасы; наклонённые алебарды; лица людей казались безумными — столкнулись ужас перед некромантией и страх перед Святой Инквизицией. Последний победил.

Фессу оставалось одно — бежать. И — о чудо! — только что он едва удерживался на ногах, сейчас же каждый мускул трепетал, готовый к бою.

Прощальный подарок Тьмы.

Он ринулся напролом через заросли — не вытаскивать друзей, так хотя бы увести от них погоню. Если, конечно, они ещё живы... Раны гнома на первый взгляд не казались смертельными, да и Прадд был, скорее всего, просто оглушён.

Его трюк вполне удался. Стрелки послали ему вслед дружный ливень арбалетных болтов — Фесса не задело только чудом. Инквизиторы вновь начали чудить что-то с волшбой; но это ничего, авось не успеют, да и не нацелить им заклятие как следует!

Фесс мчался сквозь лес, точно уходящий от облавы волк-одиночка. В правой руке меч, в левой — посох. Хорошо ещё, что не снял заплечный мешок — сохранились книги, амулеты, эликсиры...

Первоначальный план охоты рухнул, Фессу не надо было прорываться сквозь кольцо — его просто гнали вперёд, и всё дело заключалось в быстроте. А этим тяжеловооружённые пешцы Лесных Кантонов похвастаться не могли. Мало-помалу они стали отставать; дольше держалась лёгкая стража Святой Инквизиции; но мало-помалу след Фесса потеряли и они.

...Он уже чувствовал, что вырвался из западни, но о том, чтобы остановиться, и речи быть не могло.

Фесс шёл и шёл, шёл обратно, на запад — прорывать —ся одному через перевалы Железного Хребта могло оказаться чистым самоубийством. Отцы-инквизиторы, оказывается, вовсе даже не дураки. Каким-то образом они выследили его и спутников; неужто он был прав и Наследство Салладорца на самом деле притягивает Святую Инквизицию, как мёд — мух?

В таком случае оставалось только попросить Тьму послать Атлике быструю и лёгкую смерть от меткой стрелы.

Глава восьмая

СУДЬБА АРВЕСТА

Горька судьба клятого одиночки, обречённого мерить все дороги этого мира собственными шагами, не имеющего ни огня, ни угла, но ещё горше доля того, кто, познав *одиночество*, обрёл товарищей — и потерял всех в один момент.

Оторвавшись от погони, Фесс сделал широкую петлю по предгорным лесам, отыскивая правильное направление каким-то диким, нечеловеческим чутьём. Он ничего не ел — все припасы остались у гнома и орка, однако совершенно не чувствовал голода. Тело словно бы понимало, что пришла пора показать, на что оно способно.

После двух дней блужданий Неясыть добрался до места схватки. Следов осталось предостаточно. Наёмники, несмотря на свой железный, казалось бы, обычай, не вынесли всех своих, настолько, как видно, боялись этого проклятого места. Осталось немало оружия, Фесс подобрал себе добрый клинок, куда лучше того, что оказался в его руке во время боя, с одного из мёртвых снял добрую кольчугу. Нашлась и пара кинжалов, а в брошенных ранцах — немного засохшего хлеба и копчёного мяса. Фляжки оказались наполнены вином. Нашлись и деньги — немало. Великий грех перед Спасителем — подбирать оставшееся на смерт-

ном поле, но тут уж не до совести. Да и вещи эти мёртвым уже никогда не понадобятся. Фесс долго примерялся к арбалетам, но потом всё же решил не брать — тяжело.

Разумеется, никаких следов Прадда, Сугутора или Атлики. Бессильно оказалось даже волшебство. Они пропали, канули, точно брошенные в тёмную воду камни — даже круги не пошли.

Что делает человек, потерявший спутников? Возвращается туда, где, как ему думается, друзья могут ждать его. А таким местом был только Арвест.

Сперва это показалось Неясыти чистым безумием. Их наверняка ищут на всех углах. Стража предупреждена, наёмники Лесных Кантонов славятся спаянностью и за своих мёртвых всегда мстят неотвратимо и свирепо, так что рассчитывать на ротозейство или попустительство стражников не приходится. Да и хозяин «Ражего кота» его, Фесса, до смерти теперь не забудет!

И всё-таки он возвращался в Арвест. Нечего было зря тешить себя пустой надеждой — едва ли орку и гному удалось ускользнуть от Инквизиции. Прийти в себя, уурачевать раны, скрыться... нет, на такое рассчитывать нечего. Их почти наверняка надо искать в городе — и желательно побыстрее, пока всех троих, вместе с Атликой, не сожгли на медленном огне.

Неясыть пробирался на запад, не имея пока и малейшего понятия, как он окажется в Арвесте. Через сточные тоннели хорошо убегать из города, но отнюдь не наоборот.

...Когда леса остались позади и внизу, под холмом, пролегла коричневатая лента широкого тракта, Неясыть остановился. Идти дальше с посохом некроманта — всё равно что громко кричать «вот он я, держите меня!». Недолго думая, Фесс закопал посох под приметным раздвоенным деревом. Если судьба мне улыбнётся, я вернусь, посулился он. А если нет... что ж, лежи тогда здесь, отдыхай, мой верный товарищ. Ты не долго мне служил, но не подвёл ни разу.

Мысленно простившись с посохом, Фесс надел

кольчугу под куртку, постарался получше спрятать оружие и бодрой походкой вышел на тракт, выждав момент, когда на дороге никого не оказалось.

Без посоха и плаща, с хорошим оружием он вполне сошёл бы за странствующего наёмника, продающего свой меч, каких немало хаживало по дорогам и Семиградья, и Империи, и Мекампа. Время, когда за оружие должен был браться каждый от мала до велика, спасая себя и род от полного и поголовного истребления, давно прошло. Великие вторжения с востока навсегда остались только в пропитанных кровью и пропахших дымом хрониках. Пришла пора малых войн, когда стало возможно с малой, но хорошо обученной армией творить большие дела. Пришла пора наёмников.

Неясыть сейчас горько сожалел, что от его бывшего боевого умения остались лишь жалкие остатки. Он по-прежнему был неплох... по меркам этого мира, но — не более, чем неплох. И выйти в одиночку против шестерых он бы не дерзнул.

В душе человеческой нет места двум *настоящим* талантам. Кто придумал это жестокое и глупое правило? В эти минуты Фессу как никогда захотелось целиком и полностью стать воином. Чтобы жестокая боль *отдачи* не обращала его в человека, беззащитного в ближнем, самом страшном бою, когда дело доходит до рукопашной!

Несмотря на пустой желудок, он шёл быстро. Сlishком уж живо стояло перед глазами это видение — гном, привязанный к решётке, под которой уже алеют угли...

Чем ближе к Арвесту, тем оживлённее становился тракт. Фесс обогнал длинный обоз, запряжённый медлительными волами, его самого обошли несколько всадников в тёмных плащах, украшенных гербом купеческого города. Последний неожиданно придержал коня, поворачиваясь к Неясыти.

— В город идёшь, воин? — дружелюбно спросил

наездник, высокий и тёмноусый. По выговору в нём без труда можно было распознать мекампца.

— Иду, куда дорога ведёт, — осторожно ответил Фесс. Не следовало с готовностью отвечать на вопросы первого встречного.

— Да ты не чинись, — усмехнулся длинноусый. — Ежели тебя дорога в Арвест приведёт, не пожалеешь! Город ныне свой собственный полк нанимает, чтоб, значит, не только парни из Кантонов его охраняли. А то, не ровён час... Так что давай, ступай прямо, никуда не сворачивая. В воротах у стражников спроси, как кордегардию найти. Они покажут.

— И что? — осторожно поинтересовался Неясыть. — Жалованье там какое? Да и что за нужда возникла?

— Жалованье славное, — уверил его усатый. — Спросят, кто послал, скажешь — Келем Усатый. Что, подходящее прозвище?

— Ты вербовщик, почтенный Келем? — в упор спросил Неясыть. Конечно, так говорить не полагалось, сперва надо было завести разговор на околичностях и только потом осторожными намёками выяснять всю правду.

— Угу, — кивнул Келем. — А что тут такого? Ты ж из настоящих, сразу видно. А для настоящих солдат удачи хороший вербовщик что мама родная. Мне ж ни подпаивать вас, ни лгать вам не надо... Сами всё знаете. Погоди, сейчас твою роту угадаю. «Коты Хабарда»? Нет... не похоже. Вид не такой разбойничий. — Он снова усмехнулся. Его товарищи придержали коней, поджидая отставшего. — Или «Весельчаки Арпаго»? Тоже нет, усов не носишь. Ладно, что гадать, скажи сам, парень.

— «Волки Фостера», — ни секунды ни задумываясь и без тени сомнения ответил Фесс.

— Как ты сказал? — заинтересовался вербовщик. — «Волки Фостера»? Новая рота никак? Вот только который же это Фостер? Рыжий такой, из Кин-та Дальнего, или Фостер-коротышка, или же Фостер-святоша?

— Фостер из Арраса, — последовал ответ. Неясыть отвечал наугад и уже готовил рассказ о том, кто этот новый среди кондотьеров ротный, но, как ни странно, ничего объяснять не потребовалось.

— А-а... знаю. Молодец, раз сумел до ротного до-служиться. Ишь, новую роту сколотил... А где ж остальные, парень? Или следом пожелают?

— Ага. Меня квартирьером выбрали, — продолжал вдохновенно врать Фесс.

— Ясно. Тогда скажи так — десять монет в месяц простому воину, двенадцать — стрелку и пятнадцать — если что-то ещё умеет. Ну, а с десятниками и выше по-свойски столкуемся, — усмехнулся вербовщик. — Жратва за счёт города... ну да это уже с Фостером сговариваться будем. А в город ты сходи. Обязательно. Только смотри, с ребятами из Лесных Кантонов не задирайся. А то, не ровён час... они парни лихие.

Горячо заверив вербовщика, что не преминет так и сделать, Фесс дождался прощального взмаха рукой. Всадники хлестнули коней.

Совсем, видно, скверны дела у вольного Арвеста, коли вербовщики не брезгают уже и одиноким путником!

* * *

Расставшись со словоохотливым вербовщиком, Неясыть двинулся дальше. Арвест был уже недалёк.

«А может быть, бросить всю эту некромантию, будь она трижды неладна? — невольно подумал Фесс. — Тем более что судьба сама подсказывает выход. Стать для начала простым наёмником. И, если Дазнур не ошибался насчёт «одного таланта в душе», ко мне, должно вернуться прежнее умение. А тогда...»

Но сперва, конечно, он должен выручить из беды друзей — ну, если не друзей, то тех, кто встал рядом с ним и не покинул в трудную минуту, сделав куда больше, чем требовал простой долг получающего деньги за

свой труд слуги, пусть даже и преданного. Отцы-эскуторы станут искать некроманта, чародея с посохом, возможно, попытавшегося изменить свой вид, и едва ли кто обратит внимание на скромного наёмника, солдата удачи, явившегося попытать счастья на арвестских харчах! Главное — пробраться в город, а там видно будет.

Неясыть не знал, конечно же, что *настоящий*, прежний Фесс, ещё в мире Мельина, не раз полагался не на тщательно составленные планы (имеющие обыкновение рушиться), а на интуицию воина, подсказывавшую верные решения.

Но, прежде чем идти в город, требовалось избавиться от улики. Стража Лесных Кантонов вполне могла опознать его оружие, собранное на поле боя. Искать толкового скупщика времени не было, и потому Фесс завернул в первую попавшуюся на пути деревню.

Кузнеца Неясыть застал за работой, причём вполне мирной — хотя до весны было ещё куда как далеко, рачительный мастер уже принялся чинить лемеха, бороны и прочее, без чего не обойтись землепашцу.

— Кого там несёт? — не слишком вежливо рыкнул бородач, звонко ударив молотком; дюжий молодой парень-молотобоец послушно опустил кувалду на указанное мастером место. Брызнули алые искры.

— Путник переходный, — усмехнулся Фесс, останавливаясь у двери.

Кузнец соблаговолит слегка повернуть всклокоченную голову. Очевидно, недостатка в клиентах он не знал.

— А коль переходный, так и переходи себе дальше, — отворачиваясь, бросил мастер. — Не люблю наёмников, гость незванный. Так как — сам уйдёшь или помочь тебе дорогу найти?

— Сам уйду, — спокойно ответил Фесс. — Вот только не скажешь ли, почтенный, кто бы купил у меня ненужное оружие? Может, не все в округе относятся к нам, солдатам удачи, так же, как ты...

— Оружие продать хочешь? — в тот же миг ястре-

бом налетел кузнец. Куда только делись его презрение и надменность! — Так что же раньше молчал! Дело надо сразу говорить, а не толкаться у дверей! А то ходят тут всякие... толкаются, понимаешь, а потом беды не оберёшься. Давай, показывай! А ты, — он повернулся к молотобойцу, — не стой столбом, работай, коли в самом деле мастером заделаться хочешь!..

Фесс вытащил свою добычу. У кузнеца заблестели глаза.

— Сорок пять цехинов, — быстро сказал он. Цена наверняка была занижена, самое меньшее вдвое, но Фесс торговаться не стал.

— А взамен не нашлось бы у тебя какого-нибудь клинка, почтенный? — осведомился он, выразительно косясь на длинный ряд развешенных по стене мечей и топоров.

— Глаз не стало, что ли? — фыркнул мастер. — Выбери любой. Я всё равно тебе ещё должен останусь.

Фесс встал, прошёлся вдоль новенького оружия.

— Вот этот.

Этот клинок был чуть искривлён, с длинной рукояткой, рассчитанной на две ладони, по лезвию тянулись тёмные руны, незнакомые Фессу, несмотря на все его штудии в области древних языков.

— А... — хмыкнул кузнец. — Знаток, сразу видно. Выбрал лучшую штуку из заглазника старого Варга. Только за неё ещё приплатить придётся.

— Сколько? — подозрительно спросил Фесс.

— Сотню, — невозмутимо бросил мастер. — Руны видишь?

— Ну, вижу. И что?

— А вот смотри.

Кузнец ловко подхватил какую-то тряпицу, подбросил вверх. Тряпка упала на подставленное лезвие меча и беззвучно распалась надвое.

— И за этот меч — всего-навсего сто сорок пять цехинов, — невозмутимо сказал кузнец.

Неясить, не отвечая, взял оружие в руки.

Клинок совершенно явно стоил много больше.

И непохоже было, что старый кузнец не знает его истинной стоимости. Значит, хочет избавиться, но в то же время и боится продешевить.

— Проклятие на нём, что ли?

Кузнец вздрогнул, и Фесс понял, что угадал.

— Да ты не бойся, мастер, я его всё равно возьму. Только Расскажи правду!

И Неясыть зазвенел цехинами.

Кузнец долго и тщательно пересчитывал монеты, проверил каждую на зуб и только после этого окончательно вручил Фессу оружие.

— Ножны, что называется, не родные, сам делал, — признался кузнец. — Без излишеств, ну да тебе они и ни к чему. Едва ли ты внимания лишнего хочешь, солдат. А история у него... в общем, когда тут пару месяцев назад появились мертвяки ходячие, отец Бернар наш не стал отцов-эзекуторов звать, а выписал откуда-то из Салладора знатного воина-охотника за Нежитью. В общем, этот охотник... не преуспел тут. Сожрали его вместе с отцом Бернаром. Ну, а я утречком рано первый на то место пришёл, гляжу — четыре мертвяка в мелкую крошку изрублены, а рядом этот меч валяется. От рыцаря того даже доспехов не осталось, от отца Бернара — только символ нагрудный. Вот такая история... У меня который уж день на сердце неспокойно. Всё кажется — вот-вот мёртвый за своим мечом явится. Или что ещё похуже случится... Ну что, берёшь, солдат?

— Беру, — глядя прямо в глаза кузнецу, ответил Неясыть. Хотя ясно было, что на клинке — проклятие умершего рыцаря и ярость победивших *неупокоенных*. — Кстати, а куда они делись потом?

— Святая Инквизиция справилась-таки, — нехотя буркнул кузнец. — Двух грешниц сожгли...

Всё было понятно.

— Прощай, кузнец.

— И ты прощай, солдат. Не знаю твоей роты, но всё равно — удачи! Чувствую, она тебе понадобится, и притом очень скоро!

Неясыть мрачно кивнул.

«Вновь судьба делает мне подарок, — размышлял Фесс, шагая по арвестской дороге. — Уж не та ли парочка, Бахмут с полуэльфом, решили, что меня надо поддержать в моих поисках? Но мне пока что и в голову не приходило искать эти самые Мечи! Или я продвигаюсь к ним, сам того не замечая? Или они следят за мной и теперь мне надо попасть в какое-то им нужное место и они подсунули мне это оружие? Изрубить четырёх зомби, надо же! Видать, клинок и впрямь зачарован. Эх, эх, жаль, что посох запрятан, не разобраться толком, что к чему...»

Арвестские башни появились в свой черёд. В воротах стояла стража — наёмники Лесных Кантонов, раза в два больше, чем обычно. Фесс уплатил пошлину, но пропускать его не спешили.

— Ты откуда, парень? — мрачно осведомился пожилой капрал, командовавший привратным дозором.

Фесс повторил свою выдуманную историю. Если вербовщик уже успел побывать здесь...

— Угу, — проворчал капрал. — Складно поёшь, мальчик. Что это за новая рота? Мы о такой ничего не слыхали, а уж такие новости, можешь мне поверить, среди наших ребят разносятся быстрее ветра.

Фесс как можно более равнодушно пожал плечами.

— Не знаю, как насчёт ветра, просто сюда ещё никто из наших не добирался.

— А где ж работали? — любопытствовал стражник. — Где сейчас жарко?

— Кинт Ближний, — пожал плечами Фесс. — Там работы всегда навалом. Сами ведь знаете, капрал, — то лихая компания из Кинта Дальнего подвалит, то зверюшки сторожевую цепь прорвут...

В этом Фесс не лгал. Дела Кинта Ближнего всегда живо обсуждались в Академии, и он не боялся быть пойманным на вранье.

— А что ж на север подались? Аль у султанов с мощной плохо стало? — не отступал капрал.

— С мошонкой у его светлости плохо стало, а не с мощной, — грубо, в истинном стиле наёмных рот со-стрил Неясыть, вызвав хохот охраны. — Жара надоела, мухи эти, змеи, пиявки, стрелы отравленные... Отпросился вот у ротного.

— Так что же это, за тобой сюда вся ваша рота подтянется? — тотчас насупился капрал. — Нам, парень, этого совсем не надо. Шел бы ты тогда отсюда подобру-поздорову. Мы тебя, конечно, не обидим, и пошлину вернём, и накормим на дорогу, но, сам понимаешь, мы службой дорожим. А то одного тебя пропустишь — а потом и вся рота пожалует, — закончил старый служака.

— А что, тут работёнка и для нас найдётся? Я так и знал, — усмехнулся Фесс.

— Работёнка... работёнки тут для всех хватит, — проворчал капрал. — Вести одна тревожней другой. Кто говорит — опять орлы с Волчьих островов заявятся, кто — разбойнички Кинта Дальнего... Ладно, проходи, парень. Но помни, если ваш ротный сюда придёт и вздумает цены сбивать — будет иметь дело с нашим! А наш ротный, это, я тебе скажу...

— Спасибо, капрал, обязательно учту, — усмехнулся Фесс, минуя стражу. — Да только не думаю, что наш капитан сюда всю роту приведёт. Скорее уж я к нему вернусь. У султанов заработок хоть и противный, да верный. А тут того и гляди на самом деле порешат. Звери-то, они без понятия...

...Распростившись с охранниками, Фесс двинулся дальше в лабиринт узких арвестских улочек. План его был прост и незатейлив — разузнать о судьбе спутников и, как говорится, действовать по обстановке.

Опытный глаз, конечно же, мог заметить, что город в тревоге. На улицах то и дело попадались патрули Лесных Кантонов; и при каждом патруле непременно ошивался отец-эзекутор, пусть даже самого незначительного на первый взгляд ранга.

Фесс не стал избегать этих встреч. Несколько раз он ловил на себе пристальные взгляды из-под серых

капюшонов, однако даже и не думал отворачиваться, лишь поспешно бормотал подходящую по времени молитву да творил обычный знак верующих в Спасителя. Патрули проходили мимо. Совершенно ясно было, что они ищут мага-некроманта, при посохе и прочем, и совершенно обычный на вид воин-наёмник ничем для них не интересен.

...Долго бродить по Арвесту ему не пришлось. Ноги сами принесли Фесса на площадь Правосудия; уже издалека он слышал крики глашатаев:

— ...А паче того, подвергнуты будут казни ужасной и позорной двое, нарушивших закон, порядок и уложение, двое, гном именем Сугутор и орк именем Прадд, Тьме служение принявшие, Тьму в сердца свои нечестивые впустившие и ныне кару за это понести долженствующие!.. Слушайте все и не говорите, что не слышали! Приходите все, дабы увидеть, и потом не говорите, что не видели! Свершится правосудие Спасителя посредством Святой Инквизиции, длани пестующей и карающей, завтра, ровно в полдень, после троекратного колокольного сигнала!.. Слушайте все и не говорите, что не слышали!..

Всё ясно. Добрые обыватели славного Арвеста уведомлялись о готовящемся судилище. И, зная нравы того же отца Этлау, можно было не сомневаться — Святая Инквизиция спит и видит, как мятежный некромант сам явится на площадь, дабы выручить друзей, и тотчас же окажется в капкане. Не так уж сложно найти и привезти сюда тех, кто опознает его в лицо — того же отца Этлау, например. Окружить площадь тройным кольцом алебардистов, расставить по крышам стрелков... Дело наверняка представляется им простым и лёгким. Даже бывалому некроманту не выдержать схватки с сотней отцов-инквизиторов — свора псов справится с волком-одиночкой.

Фесс постоял, послушал, посмотрел... Площадь Правосудия, похоже, специально застраивалась так, чтобы никому и в голову не пришло пытаться отбить осуждённых. Вокруг — мрачные стены казарм и тю-

рем. На площадь ведут всего три улицы, и их легко перекрыть в любой момент, для чего — вон они видны! — стоят по бокам внушительного вида рогатки. А уж в казармах наверняка полно стражи, и наёмников, и собственно инквизиторов.

От ворот же угрюмой крепости Святой Инквизиции к лобному месту тянется поднятый над площадью мост, опирающийся на внушительные, толстенные сваи.

Посвистывая, Фесс вразвалочку обошёл всю площадь, купил у разносчицы горсть жареных орехов и так же неторопливо двинулся прочь. Всё, что нужно, он узнал, теперь оставалось только действовать.

* * *

На ночь он остановился в дрянном трактире на самой окраине — кошелёк показывал дно. Несколько девиц лёгкого поведения пару раз шёпотом предложили ему пойти поразвлечься — он только качал головой.

Итак, гном и орк попали в плен, а Атлика каким-то образом скрылась. Если, конечно, святые отцы не схватили и её, по каким-то причинам решив пока не оповещать об этом своего врага. Что ж, будем надеяться, что ей повезло несколько больше, чем Прадду и Сугутору.

Ночью Фесс заставил себя уснуть лишь предельным напряжением воли. Выскреба последние остатки своего серебра, он снял-таки отдельную каморку и вечером, вынув новоприобретённый меч, до боли в плечах и ладонях упражнялся с ним, отчаянно пытаясь вспомнить то, чем он когда-то владел — там, в начис-то стёршемся из памяти *ином* мире.

Надо забыть о магии, как заклинание, твердил себе Фесс. Пусть даже и на время, но забыть. Только тогда у меня есть шанс. Они будут искать чародея, точно свора псов, будут принюхиваться, отыскивая малейший след моего волшебства, — пусть себе принюхива-

ются. Но, если всё опять повернётся, как с Эвенстайном и Бахмутом...

Фесс поёжился и запретил себе об этом думать.

Утром он поднялся до света. Спокойный и собранный. Все сомнения остались там, в ночных кошмарах, послушно отступивших при первых же проблесках света. Собрав свой нехитрый скарб, Неясыть отправился на площадь Правосудия.

Он шёл, уже твёрдо зная, что собирается делать. Магия лежала в самом дальнем уголке его существа, крепко запертая на десять замков. Он не имел права дать Святой Церкви обнаружить себя раньше им самим назначенного мгновения, однако, уже спускаясь по ступеням скрипучей трактирной лестницы, он понял, что его первоначальный план не удастся.

Воздух был пропитан Злом. Ожиданием Зла, предчувствием Зла, чуть ли не его предвкушением; обученный некромант просто не мог не заметить этого. И причём это было вовсе не алчное ожидание казни; Фессу внезапно вспомнился Ордос, неожиданно нагрянувший чёрный мор, странные существа, явившиеся из-за грани этого мира. Сперва Неясыть подумал, что жуткая эпидемия готова вот-вот поразить и Арвест; но нет. Волнами накатывающаяся злоба имела ту же первооснову, но совсем иную природу. Совсем, совсем иную...

Впрочем, Фессу было сейчас недосуг думать о высоких материях. Надо было спасать своих, а заодно и себя — после того, как дело будет сделано.

Как он и ожидал, народ начал стекаться на площадь задолго до начала церемонии. Здесь не было ни трактиров, ни закусочных — их заменяли бойкие лоточники-разносчики. Люди всё прибывали и прибывали, Фесса мало-помалу оттесняли прямо к толстым брёвнам ограждения, возведённого вокруг дощатого помоста в самой середине площади. Чего, собственно говоря, и добивался Неясыть.

Он заставил себя не думать о приближающемся Зле. Чистая стихия разрушения и умерщвления, бес-

смысленного и бессердечного, убивающая не ради пропитания или чтобы дать дорогу новому взамен отжившего; убивающая не ради извращённого удовольствия или ради денег, богатства, власти; убивающая только потому, что это — единственный способ её существования. Стоящая вне морали и этических постулатов, не способная к какому бы то ни было обобщению или переговорам, эта стихия близилась... и Фессу оставалось только надеяться, что он успеет исполнить свой долг до того, как на Арвест обрушится неведомый пока что молот судьбы.

К полудню вся площадь Правосудия была запружена народом. Для арвестских обывателей казни всё ещё не потеряли ни своей остроты, ни, соответственно, привлекательности. Может, оттого, что каждый в любой момент сам мог оказаться на месте приговорённых?

Народ гомонил, словно собравшись посмотреть за бавное представление, а не кровавую казнь. Перебрасывались шутками, большей частью — плоскими и сальными. Походя шупали вертевшихся тут же девиц, отвечавших положенным визгом. Пили пиво из высоких деревянных кружек — пиво, не сомневался Фесс, было дрянным и разбавленным, но по случаю казни и такое сойдёт. Неясыть старался не слишком выделяться — точно так же гоготал над дурацкими остротами, точно так же глотал тёплое никудышное пиво.

Господа экзекуторы не спешили. Народ ждал, ничем не выдавая своего нетерпения — ведь ожидание удовольствия тоже своего рода удовольствие.

Солнце перевалило за полдень. Казнь всё не началась, а Фесс всё явственнее и явственнее ощущал приближение того самого бездушного, иррационального Зла, отнюдь не связанного с грядущей казнью. Оно было уже совсем близко, это Зло; и Неясыть с внезапным ужасом понял, что беда уже набрала разбег и никаких его сил не хватит, чтобы встретить её лицом к лицу. Оставалось уподобиться тому дикарю, что гре-

ется у лесного пожара, — то есть попытаться спасти друзей, а в остальном — положиться на удачу.

Но вот на башенках более похожего на крепость здания Святой Инквизиции появились трубачи. Над площадью Правосудия зазвучал низкий суровый сигнал — сигнал к началу судилища, а точнее — казни. Стоило умолкнуть трубам, как ворота раскрылись. На помост ступила стража — сумрачные ряды собственной стражи отцов-эзекуторов. Похоже, они не слишком доверяли даже наёмникам Лесных Кантонов.

Стражники шли быстро, что было совсем не в обычаях Святой Инквизиции. Их плотные шеренги совершенно скрывали от глаз собравшейся толпы и инквизиторов, и их жертвы — вещь тоже небывалая.

«Берегутся святые отцы, — подумал Фесс. — Ждут, когда же я начну. Замерли, напряглись, готовые учуять малейшее движение магии; ждите-ждите, не дождётесь. Нашли дурака», — злорадно закончил Неясыть.

Процессия достигла круглого каменного помоста, где совершались казни. Только теперь стражники отступили назад.

Фесс, как и все, вытянул шею, стараясь увидеть больше.

Связанные, Прадд и Сугутор едва держались на ногах. Грудь гнома была перевязана, тряпки покрылись бурыми пятнами.

Своим присутствием церемонию не почтил никто из высших иерархов Церкви, кроме отца-эзекутора Этлау. Этот стоял у самого края помоста, с вызовом обводя толпу взглядом. Ему нельзя было отказать в смелости — Этлау вызывал огонь на себя.

«Не дождёшься, — вновь подумал Фесс. — Но неужто они рассчитывали, что я клюну на столь несложную приманку?»

Вперёд вновь вышли герольды. Развернули свитки, начали зачитывать толпе вынесенный преступникам приговор. Фесс пропустил его мимо ушей. Он рассчитывал шаги, удары и секунды. Когда-то — знал он — ему не потребовалось бы никаких расчётов. Он про-

шёл бы к осуждённым подобно косе над травами, и горе тем, кто оказался бы у него на пути!..

Герольды закончили, опустили положенные им церемониальные горны, шагнули назад, пропуская вперёд палачей в низко надвинутых серых капюшонах.

— Кажется, мы влипли, Суги, — услышал Неясыть неестественно спокойный голос Прадда, неожиданно далеко разнёсшийся над притихшей площадью.

В спокойном осеннем небе тихо, неспешно плыли белые клубистые громады облаков, белые исполинские тени на голубом фоне — и вдруг, внезапно и бесшумно, эту умиротворённую белизну рассёк длинный чёрный росчерк — дымная черта, тянущаяся за выпущенным из катапульты зажигательным ядром.

Мало кто заметил её, кроме Фесса, а из тех, кто заметил, ещё меньше поняли, что это. Ядро рухнуло где-то за домами, оттуда повалил густой дым, но просто-народе этим было не испугать — выстроенный из камня, Арвест не боялся опустошительных пожаров, когда, случалось, в деревянных городах от одной лучины сгорали сотни и сотни домов.

Фесса же словно толкнуло в грудь.

Зло пришло в Арвест.

Однако за первым ядром последовало второе, третье, четвёртое — и толпа всколыхнулась. Первыми истошно завизжали женщины, людская масса качнулась из стороны в сторону, точь-в-точь словно морская волна. Кого-то, как водится, сбили с ног, кто-то понял, что дым появился аккурат в том месте, где стоял его собственный дом, и сейчас, забыв обо всём, прорывался вперёд, пустив в ход и кулаки и локти.

Вопящая человеческая волна швырнула Фесса прямо к подножию каменного помоста.

Сейчас или никогда, сейчас, пока экзекуторы растеряны, пока вместе со всеми пелятся, выпучив глаза, на падающие ядра!

Неясыть прыгнул, уцепился за край каменной платформы; сбить его вниз, убить совсем сейчас не соста-

вило бы труда, но отцы-эзекуторы проморгали его рывок, отвлекшись, растерявшись — падающие зажигательные ядра явно не входили в их планы.

А когда отец Этлау наконец повернулся, Фесс уже резал верёвки на осуждённых.

— Прыгайте! — рывкнул он, бросаясь наперерез шагнувшему было вперёд солдату, слишком смелому или слишком глупому, чтобы бросать вызов такому противнику. Стражник попытался ткнуть Фесса алебардой, тот успел уклониться.

Орк и гном, однако, никуда прыгать не стали. Прадд, недолго думая, огрел громадным кулачищем по голове ближайшего стражника и выхватил из разжавшихся рук отполированное длинное древко.

— Ух, и пойдёт же теперь потеха! — заорал он так, что перекрыл даже вой и крики обезумевшей толпы внизу.

Сугутор поступил ещё лучше. Гном попросту прыгнул на шагнувшего вперёд и уже поднявшего руку Этлау; сцепившись, они покатались по помосту. Пудовые кулачищи гнома работали, словно два кузнечных молота.

Однако инквизиторы быстро опомнились. Подались вперёд растерявшиеся было солдаты, ошетинившись сверкающим рядом алебард; свистнули первые стрелы, со звоном ломаясь о камни помоста; а Неясыть ощутил привычные уже тяжесть и боль в висках — вражеская магия набирала силу, отцы-эзекуторы готовили контрудар. Фесс не знал, чьи ядра летят сейчас через крыши и крепостные стены, но, кто бы ни шёл сейчас на приступ Арвеста, он давал ему единственный шанс ускользнуть, и этот шанс нельзя было не использовать.

Неясыть ткнул солдата мечом пониже края кирасы и, на момент избавившись от противника, чуть ли не силой потащил вошедшего в раж орка к краю помоста. Гном наконец отбросил от себя бесчувственного Этлау — вся изощрённая магия инквизитора оказалась бесполезной в обычной драке.

— Да прыгайте же! — завопил Фесс, чувствуя, что стрелки вот-вот возьмут наконец верный прицел, и тогда не поможет даже некромантия — ну разве что потом превратить в зомби самого себя...

Его усилия наконец-то возымели результат. Два солдата и отец-эзекутор лежали на помосте, стражники — в крови, и это явно сдерживало энтузиазм инквизиторов. Ядра в небе мелькали всё чаще, где-то за домами уже слышался яростный рёв — там, похоже, началась рукопашная и наёмные роты Лесных Кантонов собственной кровью отрабатывали полученное жалованье; собравшиеся поглазеть на казнь зеваки во все лопатки улепётывали с площади Правосудия.

Прадд и Сугутор упали в кипящую толпу, словно камни в бурное море — люди разлетались от них в разные стороны, подобно брызгам. Никто и не подумал преследовать беглецов или заступить им дорогу — видно, Святую Инквизицию здесь не слишком-то жаловали. К тому же у горожан хватало иных забот — ядра падали всё чаще, дым пожаров поднимался всё выше, а грохот боя слышался всё ближе.

Не медля больше ни секунды, Неясыть тоже прыгнул вниз. Камень площади тяжело ударил в ноги, Фесс пошатнулся, взмахнул руками, выпрямился, невольно обернулся — и наткнулся на горящий взгляд святого отца-эзекутора преподобного Этлау. Инквизитор успел прийти в себя и даже подползти к краю помоста — правда, против ожиданий Неясыти, инквизитор не пытался атаковать.

— Помоги... — неожиданно донеслось до Фесса. Этлау говорил шёпотом, но магия донесла его голос прямо до слуха Фесса, несмотря на царивший вокруг хаос. — Помоги, слышишь, помоги не мне — Арвесту, которому ты и так уже служишь! Ты же защищал его народ от порождений Ночи!.. Помоги, нам сейчас не до тебя, все владеющие магией инквизиторы идут в бой рядом со Светлыми волшебниками, тебе удастся уйти, но помоги остановить вторжение!..

Магия Этлау была сейчас очень сильна, похоже,

что она сжимала само время, потому что вся его речь длилась для Фесса не более доли мгновения.

— Ага, чтобы те, кого я буду в очередной раз спасать, сами же меня потом и сожгли! — резко и уже на бегу бросил в ответ Неясыть.

Посланное ему вслед прощальное заклятие Этлау Фесс отбил. Не сказать, чтобы играючи, но — отец-эзекутор не смог как следует сжать и нацелить своё незримое оружие, и накатившаяся было на Фесса волна холода растаяла без следа, ледяные когти не смогли даже прорвать плащ на плечах Неясыти.

В считанные секунды — пока не взяли прицел арбалетчики — беглецы смешались с толпой.

Стража и маги-инквизиторы, похоже, и в самом деле не пытались преследовать их. Верно, святым отцам и впрямь судьба Арвеста была дороже казни пары преступников, пусть даже столь видных. Не стала бить в спину и стража, опасаясь, наверное, задеть случайно оказавшихся рядом с беглецами зевак.

Толпа, в которой оказались Неясыть, Прадд и Сугутор, словно пенный вал, катилась прочь от площади Правосудия по широкой мощёной улице; сперва казалось, что и пожары, и шум сражения остались позади, но нет — из примыкавшей справа улочки внезапно раздались крики и лязг мечей; спустя миг Неясыть воочию увидел тех, кто сегодня пришёл испытывать судьбу под стенами Арвеста.

Они были высоки, смуглокожи, в странных, утыканных шипами зелёно-алых доспехах, похожие на причудливых морских существ. Пришельцы сражались не обычными мечами, копьями или топорами, но длинными и широкими косами, причём действовали они этим неудобным в общем-то оружием на удивление ловко. Часть воинов сражалась широкими прямыми клинками, насаженными на длинные, в полтора локтя, рукояти. Щитов у нападавших не было совсем.

Около полусотни воинов в красно-зелёном уверенно теснили отчаянно отбивающихся алебардистов в серых кирасах пехоты Лесных Кантонов. А позади,

за спинами сражающихся, к немалому изумлению Фесса, шли не грабители, не мародёры, а факельщики, деловито забрасывавшие в окна и двери домов (которые для этого вышибались специальным тараном) чёрные дымящиеся горшки и факелы с удивительно стойким, негаснущим пламенем. Никто не пытался набрать пленников для продажи, никто не пытался поискать тайников с припрятанным золотишком или хотя бы просто пошарить по обречённым домам, прежде чем там разгуляется огонь, — в общем, нападавшие вели себя совершенно не так, как положено вести себя завоевателям в только что взятом на шит вражеском городе.

Над нападавшими висела густая, вязкая, тяжёлая аура почти что непроницаемой, чужой и злой магии. Не требовалось быть особо искущённым в волшбе, чтобы почувствовать это.

Вся улица за спинами воинов в зелёно-алом была затянута дымом, из окон многих домов уже вырывалось пламя, слышались отчаянные крики и мольбы о помощи.

Известно, что войны жестоки. Но известно также, что не бывает с одной стороны невинных страдающих мучеников, а с другой — отвратительных, опьянённых кровью убийц. Воину, как правило, нужно что-то ещё, кроме простого боевого азарта, чтобы вот так просто сжигать заживо безоружных и не моргнув глазом давать погибнуть в огне богатейшей добыче.

Неясно ещё не успел ничего сделать, а Прадд с Сугутором уже ринулись в бой — строй алебардистов подался назад, пяток воинов в зелёно-алом прорвался вдоль стены за спины защитникам Арвеста.

Орк так и не бросил выхваченную у стражника на помосте алебарду и сейчас, широко размахнувшись, кинулся на оказавшегося впереди врага. Сиреневая коса взметнулась навстречу, но сталь алебарды, соединившись с богатырским размахом Прадда, взяла верх. Сиреневый клинок переломился, а лезвие алебарды, продолжая смертельный полукруг, развалило надвое голо-

ву воина в высоком шипастом шлеме и, разрубив доспех, глубоко увязло в нагрудном панцире.

Орк яростно выругался на своём языке.

— Куда?!! Назад!! — заорал было Неясыть, но было уже поздно. Вслед за орком в самую гущу схватки ринулся Сугутор — отважного гнома не смутило даже то, что он безоружен. Подхватив выпавшую из мёртвой руки поверженного наёмника алебарду, гном одним махом переломил о колено слишком длинное для себя древко, укоротив его себе по росту, и, испустив воинственный клич, тоже сцепился с врагом.

Гном и орк, оба — из нечеловеческих рас, отчего-то не колебались ни секунды, вступать ли им в бой или всё же лучше спасти свою шкуру, убравшись отсюда подальше и скрывшись в неизбежной всеобщей суматохе.

Мятущаяся толпа чуть не сбила Фесса с ног, отшвырнув к стене, — люди искали спасения в бегстве, однако и впереди, там, куда вела широкая улица Справедливых Судей, неожиданно взметнулись дымные клубы и послышались отчаянные, полные смертного ужаса вопли.

Сломив сопротивление защитников Арвеста вблизи порта, захватчики стремительно продвигались в глубь города, действуя чётко, хладнокровно и грамотно — те места, где наёмники вкупе с примкнувшими к ним жителями оказывали слишком уж упорное сопротивление, нападающие просто обходили, чтобы потом атаковать уже со всех сторон. Так, похоже, произошло и на сей раз.

Теперь люди бежали уже назад, обратно к площади Правосудия. Мало кто пытался сражаться, да и чем? — найти на улицах Арвеста пусть даже и простую дубину представлялось не слишком-то простым делом.

Тем временем алебардисты, получив неожиданную помощь от орка и гнома, сумели выровнять строй и даже слегка потеснить неприятеля. Сугутор орудовал сломанной алебардой, точно здоровенным топором, ловко отражая летящие со всех сторон изогнутые си-

реневые клинки. Прадд как-то сам собой оказался в середине людского строя, о него, как волны о береговой утёс, разбивались попытки нападавших прорвать столь неожиданно возникшую перед ними преграду.

Клинок в ножнах Фесса так и рвался в бой, но сейчас нужна была магия, а не сталь, пусть даже и несущая на себе могучее чародейство. Неясыть на миг зажмурился, потянувшись вторым своим зрением к тому, откуда пришла беда.

В краткий, по человеческим меркам и вовсе неразличимый миг он увидел длинные зелёно-алые галеры, заполонившие весь просторный арвестский порт. Не жалея ядер, они засыпали город своими горючими снарядами, и пламя пожаров поднималось в полуденное небо. В самом порту всюду пылали на свою беду случившиеся там суда — и крутобокие купеческие, и стремительные длинные военные. Все они оказались беспомощны перед вторгшимися, сделавшись лёгкой добычей огня. Удивительно, но пламя почему-то щадило корабли нападавших — летящие во все стороны пылающие головни, подхваченные потоками раскалённого воздуха, упрямо не попадали на яркие раскрашенные борта и палубы. Порт напоминал сейчас не прерывно извергающийся вулкан, огненную гору, сквозь узкую глотку которой рвётся наружу кипящий гнев подземных Богов. Было уже поздно спасать хоть что-то в этом раскалённом хаосе.

С галер на пирсы быстро переправлялись всё новые и новые отряды воинов в зелёно-алых доспехах; казалось, что им не помеха даже огонь и нестерпимый жар.

Над кораблями нападавших, как показалось Фессу, застыла странная, жемчужно-переливчатая туча, струи диковинного тумана текли и пересекались, время от времени принимая обличье гротескно-огромного лица. Неясыть взгляделся в него — и вздрогнул от неожиданности! Он знал, он где-то уже видел эту жен-

щину с заплетёнными в косу волосами!.. Но вот только где?

Ясно, что не в мире Эвиала. Все здешние воспоминания отличались у Фесса необычайной чёткостью и ясностью, он готов был поклясться, что не встречал подобного лица даже среди ярмарочной толпы!

Туча была Злом. Щитом Зла, мечом Зла, полным его посланником; на миг Фессу почудилось, что он ощущает там, внутри этого жемчужного сверкания, чей-то чужой разум, ограниченный, как и у всякого злодея, но всё-таки разум, на который можно воздействовать логикой; однако это ощущение длилось лишь краткую секунду даже для него, а в людском мире прошло и того меньше времени, потом вновь пришло осознание полной иррациональности явившегося сюда монстра. Впрочем, монстра ли? Даже у самых тупых чудовищ присутствуют хотя бы главные инстинкты — есть, пить, размножаться, сохранять себя; жемчужная туча гнала людей на убой, совершенно не обременяя себя какими бы то ни было раздумьями. Неясыть сомневался, есть ли у неё вообще хоть какая-то цель, или разрушение является для неё единственно мыслимой формой существования.

Разумеется, Неясыть оказался не одним столь умным. В городе жило немало других волшебников, и далеко не все из Белых праздновали труса в тот день; Фесс заметил тянущиеся к туче плети голубых молний; мелькнул огненный шар, направленный в одну из галер — файербол проломил борт и, словно хорошее катапультированное ядро, начинённое огненной смесью, разорвался внутри. Невольно Фесс даже залюбовался этим жутким зрелищем — взрыв подбросил палубу вверх, словно крышку на перекипевшем котле, разорвал борта, толкнув их в разные стороны; пылающие обломки мгновенно погрузились в воду, огонь и дым сменились паром, скрывшим последние мгновения трагедии.

«Где ж они были раньше?» — недоуменно подумал Неясыть. Почему не перетопили вражью армаду на

подходах к порту? Проморгали? Тогда почему не прикончили сейчас?..

Чудовищное лицо в жемчужной туче исказилось, как показалось Фессу — от гнева.

На зелёно-алых кораблях нашлись и свои собственные маги. В отличие от Белых волшебников, прошедших обучение в ордосской Академии, они не использовали привычное стихийное волшебство, подчиня своей воле и перестраивая элементали. Неясыть с внезапной дрожью ощутил поток Силы, устремившийся к тому месту, откуда вылетел удачно поразивший галеру файербол. И с ещё большим изумлением Фесс вдруг понял, что эта Сила невероятно, до невозможности схожа с его собственной, только доведена до почти что полного совершенства. Это была некромантия высшей пробы. Удар незримой плети напрочь вышибал жизнь из жертвы, не оставляя даже изорванной в клочья души; это была *вторая смерть*, истинная, неподдельная, когда чародея не вернёт даже весь Белый Совет.

Неслышимый для прочих крик, достигший слуха Фесса, заставил молодого волшебника содрогнуться от поистине леденящего ужаса.

Оружие нападавших нашло свою цель.

...Холодная сталь пронеслась совсем рядом с ним, вырвав из магического созерцания. Битва вокруг него продолжалась, и в спины алебардистам нацеливалось никак не менее двух десятков воинов с длинными косами.

— Да не мешкайте же, мэтр! — отчаянно выкрикнул Сугутор, тряся Неясыть за рукав. Только теперь Фесс увидел, что у него под ногами лежит зарубленный гномом воин в зелёном и алом, шипы на доспехах изломаны, кровь залила кирасу; а на улице Справедливых Судей «работает» мясорубка, длинные косы секут и секут бегущих, за спинами воинов идут факельщики, горят дома, горят не успевшие выскочить люди...

Словно Смерть уже овладела всем миром и настали его последние часы.

Фесс оттолкнулся от стены. Да, он — некромант, и Смерть — его чуть ли не ближайшая помощница. Но то, что пришло сегодня в Арвест, стократ хуже любого, самого чёрного его волшебства. Принцип наименьшего зла в чистом, самом что ни на есть неприглядном виде...

Неясыть быстро огляделся, шагнул к распростёртому на камнях умирающему солдату Лесных Кантонов. Ранен тот был тяжело, но, быть может, его ещё можно было бы вытащить... в другое время и в другом месте. Фесс осторожно коснулся пальцами судорожно содрогающейся жилки на шее, почувствовал горячее истечение жизни... и, привычно бросив заклятие, во-брал в себя этот горячечный поток.

Глаза раненого закрылись, на губах задрожала слабая улыбка — жизнь ещё оставалась в нём, а боль Фесс уже забрал.

Некромантия, да поразят её адептов разом все Тёмные и Светлые Силы.

Неясыть скривился, как от удара. Это сейчас *его* разорванная плоть корчилась в предсмертной муке, это он сейчас шёл через серый предел в ту страну, откуда нет возврата; однако и боль, и страдания волшебным образом оборачивались Силой, той самой, что могла возвращать мёртвых в их унылые обиталища.

Или отправлять туда же живых.

Меньше мгновения потребовалось Фессу, чтобы сплести заклятие, на которое раньше он потратил бы несколько часов. И гораздо меньше времени прошло, прежде чем заклинание начало действовать.

Можно сказать, это был высший класс для некроманта — совершить такое, не прибегая ни к обрядовой, ни к ритуальной магии. И даже сами враги не сразу поняли, что происходит, — их души ещё жили, в то время как плоть начала стремительно умирать. Кожа ссыхалась и отваливалась целыми пластами, глаза выпадали из орбит, болтаясь на стремительно истончающихся ниточках жил, отваливались ногти, оружие падало, оголившиеся фаланги пальцев не в силах были

его удержать; Неясыть ещё успел почувствовать дикий ужас умерщвляемых заживо воинов, прежде чем его настиг откат, отдача от не прикрытого амулетами и оберегами заклинания. В глазах помутилось, он тяжело осел на окровавленные камни; но своё дело Неясыть сделал. Почти девять десятков врагов, включая и идущих следом за солдатами поджигателей, превратились во прах, от них не осталось даже костей, и приведшая их сюда Сила не успела защитить своих марионеток.

Уцелевшие алебардисты, оцепенев, уставились на враз опустевшие доспехи своих врагов. Прадд и Сугатор уже суетились, поднимая полубесчувственного Фесса на ноги.

— Эй, ребята, это никак он сделал, что ли? — воскликнул один из солдат.

— Не твоё дело, приятель, благодари лучше мэтра, что сам жив пока остался, да помоги нам его отсюда вынести! — не поворачивая головы, бросил гном.

Все оставшиеся в живых алебардисты, как один, ринулись помогать. Они прекрасно понимали, что, не пусти волшебник в ход своё чародейство, здесь очень скоро не осталось бы никого живого.

Фесса подхватили на руки.

— Надо наших найти! — крикнул один из наёмников, постарше, с капральским значком на помятом шлеме. — Ежели их волшебническое достоинство в себя придёт, так мы всех этих вражин покрушим!

— Мэтр тебе что, катапульта дубовая? — заорал в ответ гном. — Выносим его, тебе сказано! Он ещё и не очнулся!

Неясыть слышал эту перебранку, словно очень-очень далёкое эхо, медленно всплывая назад из глубин небытия. Мир, пусть кровавый и жестокий, властно звал его назад... однако тут в дело вмешалась ещё одна сила.

Фесс услышал слабый, но внятный и властный зов. Вокруг простиралась абсолютно непроницаемая тьма, ночь без малейших проблесков, когда не видишь не то

что вытянутой руки, но и поднесённых к самому лицу пальцев.

Эта Тьма не была ни злой, ни доброй, ни жестокой, ни милосердной. Она просто была, поглощённая собой, не единая, не монолитная, говорящая сразу тысячами бесшумных, загадочных голосов; эти-то голоса и сливались для Фесса в невнятный, но могучий и притягательный зов.

Постепенно на их фоне выделился один, звучащий для Неясыти отчётливее и резче остальных. Невозможно было понять, мужчине принадлежит этот голос или женщине, молод его обладатель или стар — магия гасила все характерные черты, оставляя только смысл.

«Теперь ты видишь меня воочию. Ты видишь, как прекрасно то, что окружает тебя ныне. Ты пусть и смутно, но догадываешься, какие величайшие тайны Мироздания скрывает под собой этот тёмный полог, к каким сокровенным истокам бытия ведут начинающиеся здесь тропы. Остановись и прими меня. Остановись и подумай над тем, что я говорю. Только тут ты станешь истинно свободным, единый во множестве, множественный в едином. Здесь бессмертие, сила, власть. Здесь каждый из нас равен Богу...»

Этот зов казался почти неодолимым. Неясыть не мог понять, в чём его притягательная сила, но сопротивляться уже не мог. Тьма не угрожала ему, она оставалась такой же, как всегда, — пассивной, но совершающей, недвижной, но проникающей повсюду. Тьме было всё равно, вольётся в неё ещё одна частичка по имени Фесс или нет. На зов откликался сам Неясыть, отзывались какие-то глубокие струны его души, о существовании которых он и сам до сих пор ничего не знал. Ему предстояла борьба не с Салладорцем — что давно слившемуся с Тьмой гениальному волшебнику-самородку ещё один смертный! — но с самим собой.

Тьма не обещала покоя. Она не обещала забвения. Она вообще ничего не обещала, кроме... кроме *всего совершенно иного*. Быть может, там, за Великим Поро-

гом, и впрямь ничего нет, один обман, и голос Эвенгара — не более чем иллюзия; а может, наоборот, и всё, о чём говорилось в «Трактате о сущности инобытия» есть истина, великая и страшная, и может быть — кто знает! — чем скорее все живущие уйдут во Тьму, сольются с нею, тем лучше?..

Как всегда, на помощь пришла боль. Самая обычная, боль его тела, которое, похоже, никак не желало согласиться с происходящим. Резкая и острая, боль вырвала Фесса из погибельного транса.

Он открыл глаза.

Вокруг вновь был горящий Арвест, а над самим Фессом склонилось полубезумное лицо Сугутора.

— Очнулись, мэтр, хвала подземным Богам, которых я, Сугутор, никогда не видел! — возопил гном, чуть не пускаясь в пляс от радости. — Вставайте, мэтр, вставайте, если можете, и если не можете — тоже. У нас тут, похоже, затевается знатное веселье!

Фесс заставил себя подняться. Ноги ныли, словно он только что отмахал три десятка миль по бездорожью.

К кучке выживших в первом бою алебардистов успели присоединиться ещё два отряда и не меньше сотни арвестских обывателей, вооружённых кто чем. Все они смотрели сейчас на него, Чёрного мага, некроманта, совсем недавно хладнокровно добившего одного из раненых, чтобы только заполучить силы для разрушительного заклятия; люди готовы были идти за ним, и цвет уже не играл никакой роли.

Сцены, одна соблазнительней другой, вихрем пронесли в сознании Фесса — он, Неясыть, — спаситель Арвеста, коленопреклонённая толпа, умоляющая его возложить на себя ещё не успевшую остыть после плавления горна причудливую корону; в первых рядах стоят отцы-инквизиторы, босые, с непокрытыми головами, смиренно ожидая его строгого суда...

Неясыть даже помотал головой, отгоняя некстати нахлынувшие привязчивые видения. Надо как-то выбраться из горящего города; а там будет видно.

Но собравшиеся вокруг него люди были, похоже, совсем другого мнения.

— Веди нас, мэтр! — крикнул тот самый капрал, что первым сообразил, кому он и его товарищи обязаны спасением. — Веди, твоё волшебничество! С тобой мы весь город очистим!

— Веди, ве́ди нас! — гулким эхом отозвалась толпа.

— А... Э... — только и смог сказать Неясыть.

— Да погодите вы, не видите — только в себя пр-и-шёл! — укорил Прадд расшумевшуюся толпу.

— С-сейчас... — выдал из себя Фесс. — Надо... осмотреться...

Он зажмурил глаза.

На сей раз заклятие получилось удивительно легко, он даже почти что не ощутил болезненной отдачи.

Неясыть словно бы воспарил на Арвестом.

Почти весь город затягивала густая, местами совершенно непроглядная пелена дыма. Сквозь немногочисленные разрывы в ней виднелись алые пятна пожаров; отдельные их пятна сливались в сплошное море огня, наступавшее широким полукругом на юг. Порт уже, похоже, догорал, волшебники нападавших всё-таки вынудили магов-защитников Арвеста отступить. Правда, победа далась им недёшево — тут и там над водой торчали верхушки мачт от потопленных галер. Что творилось на пирсах, Фесс разглядеть не смог — там всё ещё властвовал огонь.

Оборонявшая Арвест пехота Лесных Кантонов не смогла сдержать порыв штурмующих. Наёмники сражались мужественно, но, памятуя, что потерять жизнь куда хуже, чем даже кошелёк, видя безнадёжность положения, небольшими отрядами стали прорываться прочь из города. Упорнее других держалась, как ни странно, стража Святой Инквизиции. Эти до сих пор отбивались, засев в своём очень смахивающем на крепость здании, что на площади Правосудия, и ещё в нескольких кварталах, прикрывая (тут Неясыть и вовсе едва не разинул рот от изумления) выход из пылающего города женщин с детьми. Мужчины Арвеста нако-

нец-то вспомнили о том, что они мужчины, и взялись за оружие, но было слишком поздно.

«Интересно, а где же у нас преподобный Этлау?» — мельком подумал Неясыть, и заклятие, словно услышав, тотчас же услужливо явило ему отца-эксекютора.

Этлау выглядел неважно. Ряса перепачкана грязью, копотью и кровью, прожжена во многих местах, лоб рассечён, левая рука висит на грубой перевязи. Отец-эксекютор прикрывал отход — за его спиной трое молодых послушников помогали тащить узлы и детей несколькими женщинами. А перед инквизитором скапливались, готовясь к удару, по меньшей мере, десятков семь воинов в зелёно-алых доспехах. Среди них Фесс наконец заметил и стрелков — с очень длинными, в полный рост человека, луками, один конец которых воины упирали в землю.

Этлау стоял, высоко подняв руки, и, как видно, нападавшие уже понимали, что это значит, — в инквизитора не полетела ни одна стрела и ни один солдат не пересёк незримой границы.

Отец-эксекютор почувствовал чужое присутствие мгновенно, поднял голову, невидящими глазами взглянул прямо сквозь горящие дома в лицо Фессу.

— Пришёл посмотреть на мой конец, некромант? Ну как, много набрал Силы? Для тебя сегодня ведь раздолье... — отрывисто бросил Этлау. Его слова были словно плевков.

Кто-то из воинов в красно-зелёном, очевидно, почувствовал, что вражий маг впереди отвлёкся на что-то другое, и тотчас же пустил стрелу. Этлау небрежно отмахнулся рукой — стрела сломалась в полёте, её горящие половинки разлетелись в противоположные стороны. Лицо волшебника скорчилось от боли — отдача была сильна, — однако сам он даже не пошатнулся и не шагнул назад.

Воины в ало-зелёном не рискнули сделать вперёд ни шага. По-прежнему топтались на месте, ожидая непонятно чего — может, своих собственных чародеев?

Этлау заговорил снова:

— Что, не верил, будто инквизиторы могут спасать безоружных и помогать беспомощным? Придумал себе врага, решил, что среди отцов-эксекutores только отъявленные негодяи, кровожадные убийцы и палачи, считающие, что день прожит даром, если никто не отправлен на костёр, упивающиеся чужими муками?

— Я пришёл не для того, чтобы смеяться над тобой, инквизитор, — сказал Фесс.

— Зачем же тогда? — скривился Этлау.

— Чтобы помочь, — внезапно вырвалось у Фесса.

— Помо-очь... — протянул инквизитор. — Ну что ж, помоги. Ты сейчас... ага, на углу Справедливых Судей и Шерстяного Вала. Сворачивая по Валу, идите к порту — отсюда бежит народ, а у меня уже не осталось людей послать им прикрытие. Эти, с Клешной, посекут всех своими косами, точно траву...

— А, так, значит, нападающие — из Империи Клешной?

— А ты что, не знал?.. Впрочем, неважно. Действуй, некромант. Спасай...

Этлау хотел добавить что-то ещё, но тут ряды воинов в шипастых доспехах внезапно взволновались и качнулись вперёд. Неясыть уловил слабое эхо нацеленного в инквизитора заклинания. Там начинался бой.

Видение погасло.

Теперь Неясыть знал, куда идти.

В самом деле, чем отличался его нынешний бой от тех, к которым он уже успел привыкнуть? Тем, что здесь его врагами оказались не мертвяки, не зомби, а обычные смертные?..

...Дальнейшее смешалось в кровавый, но, по существу, однообразный хаос. Отряд Фесса прорвался вдоль Шерстяного Вала, отбросив хозяйничавших там врагов; он понёс потери, но они оказались тотчас же восполненными — к отряду присоединялись всё новые и новые жители Арвеста. Неясыть ещё дважды пускал в ход своё чародейство, сметая появлявшиеся у них на

пути заслоны. Вскоре дальше продвигаться стало уже невозможно из-за бушующих пожаров, погасить которые не смог бы даже сам мастер Огневик.

Своими заклятиями Неясыть пробивал дорогу наспех собравшемуся вокруг него воинству. Отдача сотрясала всё его существо, не было времени вить тонкую и причудливую вязь каналов в Астрал, чтобы смягчить боль. Фесс скрипел зубами и принимал удар на себя.

Однако этого было мало. Он пустил в ход самые чёрные и разрушительные из известных ему заклятий, не прибегая, однако, ни к одному виду стихийных чародейств. Только некромантия. Дважды он ощутил короткое сопротивление, словно находившиеся где-то невдалеке чужие чародеи пытались ему воспрепятствовать; он смял это сопротивление, но дорогой ценой: с каждым заклинанием всё шире и шире распахивалось незримое для прочих окно в реальности, сквозь которое на Фесса властно смотрела госпожа Тьма. Фессу казалось — каждое заклятие словно бы отрывает его от земли, стремясь унести туда, где ему слышался столь манящий зов. Как будто бы осталось сделать одно последнее усилие — и судьба Салладорца станет его собственной судьбой; хорошо ещё, что земное сращение крепко держало молодого волшебника.

К тому моменту за спиной у Фесса собралась внушительная толпа, сотни полторы вооружённых мужчин и почти вдвое больше женщин с детьми. Надо было пробиваться прочь из горящего города, предоставив его огню.

...И они сделали это, опрокинув по пути ещё два вражеских отряда. После последнего чародейства Фесс совсем обессилел. Вокруг было разлито богато эманаций того, что он, некромант, сумел бы превратить в свою мощь, но отчего-то Фесса начинало трясти при одной мысли о том, что он вберёт в себя последний мучительный вздох сгорающего заживо ребёнка.

...За городскими воротами отряд невольно остановился. Позади лежал охваченный огнём Арвест, и, по-

хоже, кто-то не жалел сил, раздувая пожар всё сильнее и сильнее, намереваясь, как видно, сжечь даже сам камень. Из горящих развалин вырвалось не так уж и мало народа; однако следом за беглецами из разбитых ворот мерным шагом выходили и зелёно-алые вражеские колонны, причём без малейшего следа копоти или сажи на шипастых доспехах.

Обитатели ближайших к городу ферм и дешёвых постоянных дворов уже успели сбежать, и не подумав прийти на помощь горожанам.

При виде стройных колонн врагов арвестских беглецов вмиг охватила паника. Воинов среди них оказалось совсем немного — пехота Лесных Кантонов исполнила свой долг и, не сумев остановить противника, сама почти вся полегла на улицах Арвеста; Неясыть не знал, выжил ли кто-то из Белых волшебников — пока что, во всяком случае, он не чувствовал никаких следов волшбы ни с той, ни с другой стороны.

Фесс хотел бы узнать, что случилось с отцом-экзекутором преподобным Этлау, но сил сейчас не оставалось даже на то, чтобы взглянуть на город магическим зрением. Да и к тому же не хотелось лишний раз прибегать к чародейству — Неясыть слишком хорошо запомнил смотрящие прямо ему в душу очи Тьмы.

Нападающие тем временем и не думали бездействовать. Разворачиваясь широким строем, они двинулись вперёд. За спиной Фесса раздались истошные вопли женщин; кто-то, подхватив детей, уже бросился бежать.

Прадд, Сугутор, уцелевшие наёмники — все, оказавшиеся вокруг Фесса, смотрели сейчас на него.

Давай же, чародей. Смети их! Ведь ты можешь, можешь, мы знаем!..

Если бы Неясыть умел черпать Силу в простой человеческой вере, он, наверное, смог бы сейчас погасить солнце и вновь зажечь его. Но...

Фесс закрыл глаза. Бой в городе взял у него всё, что только возможно. Остался последний резерв, за которым — только Тьма.

Развоплощение.

— Нет, Неясыть, — сказал вдруг рядом очень знакомый голос.

Фесс поднял глаза — возле него стояла Атлика, живая и невредимая, только очень осунувшаяся и обрванная. Похоже было, что всё это время она провела в лесах и ничего не ела.

— Я сделаю это сама. — Глаза девушки горели фанатичным огнём. — Не знаю, куда выведет меня эта тропа, но...

— Стой, о чём ты? — не понял Неясыть. — Откуда ты взялась, где была, как нашла меня?..

— Если бы ты прочёл трактат, ты бы не спрашивал, — надменно бросила Атлика, игнорируя все прочие вопросы. — Прийти к Учителю можно разными путями... в том числе — и захватив с собой побольше врагов. Вот как сейчас, например.

— Постой, но ведь...

— Чем больше людей войдёт во Тьму, тем лучше, — пылко произнесла Атлика. — Пусть даже... не совсем по их желанию.

— Стой! — запоздало поняв, что она задумала, отчаянно выкрикнул Фесс, но было уже поздно.

В руке Атлики сам собой оказался уже знакомый чёрный том рукописи Салладорца. Книга открылась; буквы ярко светились, и Неясыть даже отшатнулся — через эти страницы в мир сейчас рвалась такая мощь, перед которой все его заклятия были не более чем сухие осенние листья, гонимые холодным ветром.

Неясыть поднял было руку... и тотчас понял, что надо бежать. Атлика здесь уже ничего не решала, роковая книга гениального чародея всё делала сама, за неё. Девушка была обречена, и самое лучшее, что могли успеть оказавшиеся рядом, — это как можно быстрее убраться отсюда подальше.

Следом за мэтром ринулись орк и гном.

Двое или трое алебардистов рванулись было к Атлике, но их оружие вспыхнуло, едва коснувшись невидимого купола, окружившего девушку. Мелькнул пу-

щенный каким-то уцелевшим чародеем огненный шар — он разбился о ту же невидимую преграду, рассыпался веером ярких искр, не причинив никакого вреда.

Атлика стояла, гордо выпрямившись, высоко вскинув подбородок, громко читая какие-то фразы из книги Салладорца — Фесс предпочитал не слышать, какие именно.

А потом над их головами стало раскрываться небо.

Оно не подёрнулось ночным сумраком, на нём не проступили звёзды — нет, посреди яркой дневной голубизны внезапно стали появляться абсолютно чёрные воронки. Они становились всё шире, стремительно росли, поглощая вспыхивавшие жалобным розоватым светом облака; свет быстро мерк, тут и там раздавались испуганные крики; а потом из этих чёрных воронок вниз рванулись бешено вращающиеся, туго закрученные смерчи. Десятки смертоносных хоботов разом коснулись земли — и Фесс услышал, что земля сама закричала в этот миг от нестерпимой боли.

Конечно, это были не обычные смерчи. Там, где они касались земной плоти, разом начинали бушевать сразу все четыре великие стихии в своих самых разрушительных ипостасях. Горел нестерпимо белый огонь, куда ярче солнца, так что на него невозможно было смотреть; хлестали во все стороны струи воды, каждая с лёгкостью навывлет пробивала вековые, поросшие мхом каменные глыбы; завывал ветер, свёрнутый в тугие разящие плети вихрей; грузно ворочались, дробя всё и вся, тысячепудовые, от века не знавшие подвижек камни.

Усеянное людьми и жалким скарбом беженцев поле за спиной Фесса мгновенно превратилось в чудовищную бойню. Чёрные хоботы хаоса металась из стороны в сторону, оставляя за собой глубокие широкие рвы; летели в разные стороны изувеченные тела, обломки рушащихся домов, горящие комья земли; Атлика застыла в самом сердце невиданного шторма, вызванного магией Салладорца, — её холм буря пока об-

ходила стороной, зато у подножия бушевала с такой яростью, что живым к тихому месту никто не смог бы подойти; с небес спускались всё новые и новые хоботы смерчей, теперь они захватили и вышедшее из Арвеста войско Империи Клешной, обращали в пыль городские кварталы, ещё не уничтоженные огнём; те же, где успело потрудиться пламя, становились даже меньше, чем прахом. Башни, дома, крепостные стены взлетали на воздух удивительными фонтанами дробящегося камня; чудовищное оружие Салладорца достигло порта, обращая в ничто вражеский флот; чёрные воронки не просто топили галеры, они высосали всю воду из гавани, превратив боевые корабли в горсти невесомого праха.

И там, в порту, волшебство Салладорца сошлось лицом к лицу с той Силой, что привела сюда, в Арвест, воинов Империи Клешной.

Этот момент Фесс увидел своим вторым зрением даже против собственной воли.

Десятки рухнувших с неба чёрных смерчей, точно копья, насквозь пробили всю толщу жемчужно-серой тучи, и Фессу показалось, что он слышит стон бесильной ярости и неистовой злобы; чёрные плети стали отрываться от материнских воронок в небе, туча втягивала их в себя одну за другой; но даже она не могла вместить в себя всю Великую Тьму, наступавшую сейчас лишь ничтожной частью своих неисчислимых легионов. Запасы чёрных стрел не иссякали, и вот — жемчужные бока тучи набрякли свинцово-серым, в последний раз мелькнуло искажённое болью и злобой смутно-знакомое женское лицо — и туча исчезла, поглощённая, разорванная на части натиском Тьмы; а на том месте, где она только что находилась, пересохшее дно арвестской бухты внезапно рассекла огнедышащая трещина; остатки волноломов и пирсов, похожий на обглоданную кость остов маяка — всё это рухнуло в новосотворённый провал.

И тотчас же, словно кто-то поднял незримые за-

творы, вперёд хлынула вода — волны Моря Ветров стремились вновь вернуться в привычное лоно...

Армия Империи оказалась в самом эпицентре бури. Едва ли уцелел хоть кто-то из высадившихся сегодня утром на арвестских пирсах; против использованного Атликой волшебства защиты не существовало.

«Интересно, — мельком подумал на бегу Неясыть, — если Салладорец сумел измыслить *такое* — то почему же не пустил в ход, когда западня захлопнулась и он сам угодил в ловушку?..»

Гроза всё ширилась, захватывая новые и новые пространства; не проницаемая ни для глаза, ни даже для магии завеса висела над гибнущим городом, после того как пришлое чародейство погибло. Ни один маг, за исключением разве что милорда ректора Анэто, не смог бы пробиться сквозь неё.

— Кажется, не уйти, мэтр! — заорал в самое ухо Фессу гном. — Сделайте что-нибудь, мэтр! Погибнем ведь все!..

Сугутор неожиданно повис на руке Фесса, вынуждая того остановиться. Шторм и в самом деле почти что настиг беглецов. Кое-кто из отставших уже оказался во власти хаоса; и двигалась буря явно быстрее даже самого резвого бегуна.

Неясыть ещё не успел даже ничего понять, как ясно видимая, несмотря на всё творящееся, фигурка Атлики выронила книгу и моляще протянула вверх обе руки.

Шторм остановился. А потом все, все до единой воронки вдруг ринулись, словно хищные птицы на добычу, к тому холму, где застыла Атлика, лишней раз терзая и без того обезображенную жуткими шрамами дымящихся рвов землю. Тьма рванулась с небес, Тьма вмиг поглотила защищавший девушку невидимый купол — и потом все до единого уцелевшие на поле услышали жуткий, нечеловеческий и даже не звериный крик боли и отчаяния: чёрные плети смерчей подняли судорожно трепыхающуюся фигурку Атлики вверх, потащили в небо, трепля по пути, словно ребёнка тря-

пичную куклу; Атлику втянуло в чёрную дыру, и врата хаоса в тот же миг захлопнулись.

Арвест встретил свой судный день и свою судьбу.

* * *

Уцелевшие опомнились не сразу. Не выжил никто из наскоро сколотившегося отряда, с которым Фесс вместе сражался на улицах Арвеста; только орк и гном по-прежнему были рядом, не отходя от своего мэтра ни на шаг.

Рассеявшиеся по полям люди растерянно стояли, глядя назад, туда, где ещё совсем недавно лежал гордый и богатый город. Теперь на этом месте осталась только гигантская, миль восемь в поперечнике, глубокая чёрная воронка; её склоны кое-где дымились, кое-где их покрывала жирная влажная грязь, исходящая тяжёлым паром; от моря воронку отделяла невесть как возникшая каменистая стена, увенчанная сверху острыми зубцами.

Никаких следов вторгшегося флота или армии Империи Клешной не осталось, как не уцелело даже праха тех, кто не успел выбраться из Арвеста или выбрался, но оказался слишком близко от разгулявшегося шторма.

Воистину, Тьма сегодня получила царский подарок.

А Неясыть уже ощущал стянувшееся над чёрной воронкой Зло, но Зло обычное, для Фесса почти не страшное — простор для обычной некромантии. Через пару лет, когда Зло вылупится наконец из своего кокона, здесь будет немало работы — а пока здесь делать нечего, подобно тому, как нет смысла просеивать по зёрнышку все семена в поисках сорняков — их следует выпалывать, когда они уже взошли.

И всё равно — тяжело и страшно было стоять здесь, на краю громадной могилы, только что поглотившей тысячи, если не десятки тысяч душ; Фесс скривился, словно от невыносимой головной боли.

Сугутор осторожно коснулся руки молодого волшебника.

— Пойдёмте отсюда, мэтр, — вполголоса проговорил гном. — Пойдёмте, здесь хватает Белых, людям будет кому помочь. Пойдёмте. Ежели всё по толку пройдёт, денька через три в Нарне окажемся...

Неясыть тяжело вздохнул. Ноги отказывались по-виноваться, на них словно повисла неподъёмная тяжесть; Прадд, присоединяясь к гному, осторожно потянул Фесса за другую руку.

— Идёмте, идёмте, мэтр, — прогудел орк. — Сугутор дело говорит. В Нарне укроемся, тогда и разберёмся, что и как делать...

Гном, Прадд и Неясыть зашагали вперёд. Позади осталась чёрная выжженная тень города, навек впечатанная в Астрал ужасом и болью погибающих.

Зло, пришедшее в Арвест, оставило по себе долгую память.

Интерлюдия VII

— Ну, вот и пришли, — вздохнула Клара.

— Долина... — пробормотал Мелвилл.

— Однако далеко запрятались, — отметила Эвис.

Остальные молча кивнули. Удирая от козлоногих, маги Долины оставили позади столько миров, что Клара со спутниками чуть не стёрли до дыр свои сапоги на Тропах Межреальности. Время очень причудливо течёт в пределах Упорядоченного, и потому в одних мирах успевает пройти месяц, в других — год, а в третьих — целая вечность. Сколько времени успело минуть здесь, в Долине, не знал никто.

— Смотри-ка, охрана-то поразболталась тут без меня, — проворчала валькирия Райна. — Где дальний секрет? Мы, понимаешь, дошли до самой заставы, а нас никто даже и не окликнул!

Впереди сквозь переплетение ветвей колючего тёрна виднелась застава — сонный стражник сидел, при-

валившись к стене, сладко похрапывая. Копьё стояло рядом.

— Дрыхнет на посту! — возопила валькирия. По её понятиям, такое преступление должно было караться смертью на месте.

— погоди, Райна, — заметила Эвис. — Может, тут и хорониться-то не от кого...

— Всё равно, — упрямо покачала головой валькирия. — Сейчас не от кого, а завтра появится...

— Да будет вам! — сердито прошипела Клара на спорщиков. — Мне это тоже не нравится. Игнациус такого никогда бы не допустил... Ладно, пошли. Но, друзья, будьте готовы!..

— Думаешь, докторишки с погодничками могли нам тёплую встречу устроить? — хладнокровно осведомилась Эвис, демонстративно хватаясь за эфес. — Что ж, я давно уже хотела задать славную трёпку этой горячке Ирэн...

— С ума сошла, девчонка, — проворчал Эгмонт. — Только внутренней свары нам и не хватало. Клара права — пошли, но ухо держать востро и без дела за железо не хвататься! Тебя, Сильвия, это тоже касается.

Девчонка-волшебница, взорвавшая таинственную скринку в закрытом мире, скромно потупилась. Её страшная рана отчего-то заживала необычайно быстро, Сильвия сама вышла из комы, не дождавшись помощи от целителей Долины. Клара сперва собиралась устроить ей хорошую взбучку, но затем, передумав, махнула рукой. Сильвия только хлопала ресницами и невинным голоском утверждала, что хотела лишь помочь своим спасителям, сделав за них грязную работу и приняв этот грех на себя. Она кротко выслушала яростную тираду Клары о гибнущем мире и о том, что её, Сильвию, как чародейку ждёт Суд магов Долины; а выслушав, ответила, что с радостью предаст себя в руки справедливого суда и безмолвно склонится перед любым приговором — потому что хотя бы так, но она отблагодарит тех, кто её спас, и дальнейшее уже не имеет никакого значения. Всю дорогу назад они с Ки-

цумом держались тише воды, ниже травы, самоотверженно ухаживая за оправлявшейся от раны Тави и беспрекословно подчиняясь Кларе. Правда, истинного раскаяния в Сильвии волшебница всё равно не чувствовала.

Боевые маги старались не вспоминать о заключённой сделке. Клара не призналась бы даже душевной подруге Аглае Стевенхорст, что одно только имя того, с кем чародейка заключила договор на забытой Тропе Межреальности, заставляет Клару трепетать. Мощь, пусть даже и поверженная, всё равно остаётся Мощью, тем более опасной, что пытается отомстить, не останавливаясь ни перед чем, даже перед собственной гибелью. А излишне говорить, что *истинная* гибель такой Силы заставит тысячи миров содрогаться в огненных корчах агонии.

Клара не могла сказать даже себе, решится ли она признаться в содеянном Архимагу Игнациусу. Отчего-то волшебница не сомневалась, что старый чародей её решения не одобрит. Архимаг вообще всегда советовал своим подопечным держаться подальше от Богов. А уж от Павших — тем более.

Не скрываясь, маленький отряд вышел к заставе. Стражник даже не вздумал просыпаться. Райна скорчила зловещую гримасу и потянулась к мечу горе-вои, так что Кларе даже пришлось ухватить воительницу за рукав.

— Оставь его, — вполголоса буркнула волшебница. — Нам всем сейчас предстоит идти к Архимагу... и, скажу, я предпочла бы встретиться с тысячей козлоногих, нежели чем заводить этот разговор.

Эгмонт философски пожал плечами.

— Дело сделано — что о нём жалеть? Мы приняли на себя обязательство — его надо выполнять, и Игнациус только подтвердит это.

Мелвилл кивнул, согласилась и Эвис; Тави вообще молчала, не вполне понимая, о чём идёт речь; Сильвия и Кицум с деланно-покорным видом склонили головы; одна только Клара задумчиво хмыкнула. Так по-

лучилась, что Игнациуса она знала чуть ближе... и понимала, что суровый волшебник зачастую может поступить совершенно по-иному, чем все от него ожидают.

Тави, Сильвия, Кицум во все глаза смотрели на открывающуюся перед ними панораму Долины. Мельком взглянула, не удержавшись, и Клара — здесь всё оставалось по-прежнему. Мягкий солнечный свет, лёгкие облачка на небе, прохладный ветерок, отгоняющий жару; вдали блестит голубизна Круглого озера; уютные особняки магов увиты всегдашним плющом, покрытым голубыми, розовыми, жёлтыми цветами — в соответствии с пристрастиями хозяина; гоблины-дворники уже подмели мощённые цветным мрамором улицы, и путники шли словно по великолепному двору, где крышей служит само голубое небо.

Они пришли в Долину, когда здесь ещё царило раннее утро. Солнце только-только поднялось над чёрными острыми пиками окрестных гор; короткая и тёплая ночь Долины миновала, начинался длинный, нежаркий и приятный во всех отношениях день.

Разумеется, для тех, кто постоянно жил в Долине.

Тави как открыла рот, так и не закрывала его всё то время, пока маленький отряд шёл к дому Архимага. По дороге им не встретилось ни одной живой души — погодники, целители, мастера урожаев, строители и члены иных мирных Гильдий Долины любили понежиться в постелях.

Двери в дом Игнациуса были распахнуты настежь. А сам Архимаг сидел возле крыльца на своей любимой деревянной скамейке и задумчиво покуривал трубку, выпуская сизые колечки дыма.

Вся компания невольно остановилась перед оградой. Клара внезапно ощутила, что краснеет, — нельзя было всё-таки являться к пожилому, почтенному Учителю вот так, прямо с дороги, невымытой и неубранной, в грязной, порванной одежде, со спутанными волосами...

— Ну, что встали? — ворчливо произнёс Архимаг,

не поднимая головы. — Входите, бродяги переходящие, рассказывайте, что натворили...

Четверо магов переглянулись, точно нашкодившие школьники.

— Так и знал — натворили, — вздохнул чародей. — Ну, раз уж пришли, выкладывайте. Тянуть — только хуже будет. Входите в дом, рассаживайтесь... можете умыться, кстати.

Разумеется, Архимаг не был бы Архимагом, если бы ранних гостей не ждал на столе праздничный завтрак.

— Говорите, — сказал Игнациус, отставляя в сторону блестящий серебряный кофейник. — Да и спутников ваших представьте, кстати, а то что они жмутся за столом, как неродные...

Эвис, Мелвилл и Эгмонт разом повернулись к Кларе. Игнациус усмехнулся:

— Вижу, всё вижу... Мол, Клархен, давай, тебя старик больше любит, может, нам потом не так сильно влетит. Говори, Клара. Вижу ведь, что вы влипли.

— Учитель... — Клара прочистила горло. — Учитель, по дороге из Мельина мы каким-то образом сбились с дороги. Нас привело к одному из закрытых миров, в место, где не было магии. Нам пришлось устраивать друг другу кровопускания... Там мы нашли Кицума и Сильвию — Сильвия была волшебницей в мире Мельина.

— Моё почтение, мадемуазель. — Архимаг церемонно поклонился юной чародейке. Неожиданно Сильвия, во все глаза глядевшая на него, порывисто вскочила с места, упала перед магом на одно колено и ловко поцеловала его сухую, морщинистую руку.

— Что с вами, сударыня? — Перепуганный Игнациус поспешно отёрнул руку.

Но было уже поздно. Сильвия упала и на второе колено, глаза её вспыхнули настоящим фанатичным огнём.

— О, Великий... я, ничтожная, молю тебя о великой чести... позволь мне мыть посуду и подметать полы в твоём доме, позволь выпалывать сорняки в ого-

роде, позволь чистить отхожее место, лишь бы быть рядом с тобой!..

— Что вы такое говорите, мадемуазель? — ещё больше перепугался Архимаг. — Во-первых, у меня в доме такого не требуется, во-вторых...

— Сильвия! — негромко, но с угрозой сказала Клара.

Девчонка не обратила на неё никакого внимания.

— О, Великий Учитель... я целую прах меж стоп твоих... — Она и в самом деле простёрлась ниц, припав губами к полу у подножия Трона Черепов.

— Во-первых, мадемуазель Сильвия, здесь нет ни какого праха. — Игнациус недовольно поморщился. — Поверьте, пол в моём доме тщательно подметается и моется. Во-вторых, чтобы стать моей ученицей, нужно совсем, совсем иное, нежели патетические слова и жесты. Встаньте, мадемуазель, прошу вас, и если вы и впрямь... — Чародей нахмурил кустистые брови, пристально всматриваясь в замершую Сильвию. — Если вы и впрямь небесталанны, как хотите мне показать, то вы сами догадаетесь, что нужно сделать для того, чтобы попасть ко мне в учение. А теперь успокойтесь, пожалуйста, и сядьте. У меня потом к вам будет несколько вопросов. Вас, насколько я понимаю, ждёт дознание и суд. Так что о каком ученичестве вообще может идти речь? Сядьте, мадемуазель, и не мешайте нам.

Сияющая Сильвия повиновалась без звука. Казалось, она и думать забыла о предстоящем суде, который, знала Клара, за такие дела вполне может приговорить юную волшебницу к смерти.

— Рассказывай дальше, Клара. — В голосе Игнациуса слышалось лёгкое раздражение.

Клара Хюммель вздохнула и продолжила своё повествование. Несколько раз Игнациус прерывал её, уточняя детали, попросил взглянуть на сохранённый Сильвией Чёрный Меч, долго смотрел на него, покачивая языком и покачивая головой. Когда рассказ дошёл до таинственной скрины и её уничтожения Сильвией, Игнациус только тяжело вздохнул. Клара трепе-

тала, точно школьница, которой вот-вот скажут, что выпускное испытание она провалила — и притом без права переэкзаменовки.

Наконец повествование добралось и до заключённой сделки.

— Учитель, мы... — Клара опустила голову. — Мы не могли... У нас не получалось... не выходило... Мы не могли допустить гибели целого мира, гибели из-за нашей неосторожности. Поэтому мы согласились на сделку...

— Великая Четверка, ну с кем еще? — простонал Архимаг, хватаясь за голову. — Я так и знал! Так и знал! Нет, Клархен, тебя положительно нельзя отпускать одну на дальние прогулки!.. Ну, так кто тебя нянял на сей раз?

Клара молча протянула Игнациусу подписанный незнакомцем пергамент.

Архимаг Игнациус Коппер мельком взглянул на витиеватый росчерк напротив алой гильдийской печати... и переменялся в лице, по щекам разлилась смертельная бледность. Сухие пальцы чародея задрожали, пергамент выпал из них, сам собой свернувшись в трубочку. Игнациус откинулся на спинку своего знаменитого кресла, рванул ворот мягкой рубашки — его словно сдавило приступом удушья. Пергамент откатился обратно к Кларе.

— Учитель! — Маги, все как один, ринулись к нему; но проворнее всех неожиданно оказалась Сильвия, с ловкостью молодой рыси перемахнувшая прямо через стол. Клара только мельком успела ощутить, как девчонка метнула прямо в мага туго свитый из её собственной жизненной силы шар, заставляя разжаться цепкие когти подступившей беды.

— А-ах... — Игнациус глубоко вздохнул. — Благодарю вас, мадемуазель... Вы успели вовремя... Ах, Клара, Клара! Что же ты наделала!..

— У нас не было другого выхода, Учитель! — Чародейка сжала зубы.

— Думаешь, я этого не понимаю? — Игнациус

опустил голову, подпёр её ладонью, так что Клара совершенно не видела его лица. — Ну что ж...

«Обещания надо выполнять», — закончила про себя Клара.

— Этот пергамент — порви, сожги, а пепел развей по ветру, — решительно сказал Игнациус. — Желательно где-нибудь около Дна Миров. О данном обещании — забудь. Сиди в Долине и не высовывай отсюда носа. Вас, мальчики и девочки, это, кстати, тоже касается. — Чародей обвёл всех присутствующих тяжёлым, выразительным взглядом.

Клара остолбенела. Если б Игнациус приказал ей немедленно раздеться и заняться при всех с ним любовью, она и то удивилась бы меньше. Потому что никогда, никогда, *никогда* за всю историю Гильдии боевых магов ни один из её членов не отказывался от данного слова — да притом ещё и скреплённого алым сургучом с оттиснутым драконом, обвивающим меч. Герб Гильдии знали во множестве миров. Знали короли и принцы, законные правители и бунтовщики-ренегаты, знали благородные борцы за справедливость и алчные властолюбивцы, знали волшебники, колдуны, ведьмы, чародеи, знали Боги отдельных миров, знали... И все знали, что Слово Гильдии нерушимо. Маг может погибнуть, исполняя обещанное, он может убедиться, что поставленная нанимателем задача неисполнима и, приведя веские доказательства, вернув аванс (за вычетом некоей суммы «за беспокойство»), отказаться от дальнейшего — но никогда и нигде маг Гильдии, получив от кого-то помощь в обмен на обещание оказать услугу, не отказывался столь открыто и столь цинично от данного слова.

Это означало бесчестье — для боевого мага хуже смерти. Это означало всеобщее презрение, остракизм, бойкот. Позорное изгнание не только из Гильдии, но и из самой Долины. Потерю всего.

Это означало конец Клары Хюммель и её спутников как боевых магов по найму.

— Учитель... — только и смогла простонать Клара.

Эвис, Эгмонт и Мелвилл, похоже, онемели от изумления.

— Если один из Павших ищет что-то, — голосом тихим, но таким, что от него все почему-то задрожали, сказал Игнациус, — он ни за что не должен этого получить, пусть даже это будет с виду обычный камень, палка или, к примеру, меч, сделанный в одном из обычных миров тамошними чародеями, чья сила не сравнима с нашей. Потому что Павшие никогда ничего не ищут зря. Значит, эти самые Мечи наделены силой куда большей, чем полагали их создатели. Думаю, у них никогда и мысли бы такой не возникло. И если Павший не нашёл их до сих пор, если ему пришлось прибегнуть к найму других — значит, сам он никогда их и не сыщет, потому что нанимают кого-то они только в самых крайних, экстренных случаях, когда никакого иного выхода уже не осталось. Вы поняли меня? — Он вновь по очереди взглянул каждому в глаза. Выдержала и не потупилась одна Сильвия. — Потому что я даже представить боюсь, что произойдёт, если в руках Павшего окажутся эти самые Мечи...

— Н-но... но что они могут... — заикнулась было Эвис.

— Не знаю! — громовым голосом внезапно рявкнул Архимаг, так что Клара даже подскочила от неожиданности. — И никто во всём Упорядоченном не знает, кроме разве что Великого Орлангура!.. Молчать! — гаркнул Игнациус, видя, что Эвис пытается ещё что-то сказать. — Сопляки, болваны, недоучки!!! Где были мои глаза?! Вас всех надо... надо... я просто не могу даже представить, что с вами надо сделать! Отвечайте — вы взяли от него золото?!

Клара еле-еле выдавила из себя, что Павший, мол, пообещал: Гильдия ни в чём не будет знать теперь недостатка.

— Это золото, — прежним жутким голосом продолжал Игнациус, — расплавим. Всё, до последней крупинки. Перегоним в свинец. Заставлю этих лежбоек Алхимиков как следует потрудиться!.. А вы все — вон, прочь, уходите с глаз моих! Сил видеть вас нет!

Марш по домам, и носа не показывать, пока я не позову! Дай сюда пергамент, Клара!

И тут Клара Хюммель, почтительная ученица доброго старого волшебника Архимага Инациуса Коппера совершила, наверное, свой самый безумный поступок за все триста лет жизни.

— Слово мага больше его жизни, — медленно сказала чародейка — нет, не просто чародейка, а истинный боевой маг по найму, глава стариннейшей и гордой Гильдии, никогда не нарушавшей своего слова. — Пусть погибнет мир и я вместе с ним, но обещание своё я выполню. Или умру, выполняя его. У тебя есть власть над моей жизнью, Архимаг Коппер, но нет над моей честью. Честь моя принадлежит мне и только мне. Останови меня силой, если захочешь. Я буду драться, куда в жилах останется хоть капля крови, и не сдамся живой. Прощай, Архимаг. Я ухожу. Обратное. Выполнять своё обещание.

Глаза Игнациуса полезли из орбит.

— Т-ты... ты-ы-ы... — просипел он, вытягивая трясущуюся руку.

— Кто-нибудь хочет пойти со мной? — вставая, сказала Клара. — Никого не зову, но...

— Да простит меня милостивая госпожа, но я был бы счастлив и горд служить вам в этом походе, — неожиданно проговорил Кицум. — Мне, милостивая госпожа, тут, среди чародеев, делать нечего. Мне б к простым людям попасть — а там хоть на плаху.

— Я тоже не оставлю вас, кирия, — поднялась Райна. — Я присягнула вам на верность, и от этой клятвы меня освободит только смерть, — в обычном своём высокопарном стиле закончила воительница.

— Я пойду с той, кто дважды спасал меня. — Тави встала плечом к плечу с валькирией. — Пусть я простая смертная, но мы не забываем добро.

Трое магов мрачно молчали. А вот Сильвия уже невесть каким образом оказалась возле самого кресла Архимага и сейчас гладила свесившуюся с подлокотника сухую, морщинистую руку. Взгляд её не предвещал Кларе ничего хорошего.

— Так, значит, решено, — легко, даже весело бросила Клара, хотя сердце её болезненно сжалось — она надеялась, что хотя бы кто-то из друзей-волшебников думает так же, как она. — Рада была видеть вас, Архиманг. Счастливо оставаться, господа чародеи. Встретимся в лоне Великого Духа, если такова будет наша судьба!

И Клара Хюммель, громко хлопнув дверью, вышла вон из дома Игнациуса Коппера.

Ей предстояло исполнить своё Слово.

Эпилог I

СТРАНСТВУЮЩИЕ В НОЧИ

В узком ущелье среди гор Железного Хребта, в ущелье, похожем на оставленный след от удара чудовищным топором, на крошечном каменистом уступе, прилепившемся к обрыву, в одну смутную, ненастную ночь горел небольшой костерок.

— Да бросьте вы кручиниться, мэтр! Ну, подумаешь, город сожгли — так знали б вы, сколько его раз жгли! И не только жгли — с лица земли стирали! Людишек всех — под корень, кого в рабство, кого на месте... Когда Война Веры случилась — даже пепла на месте Арвеста не осталось! Я уж про людей и не говорю. Ан нет, не вышло у Костлявой — опять всё отстроили! И люди — откуда только взялись! Вот и сейчас — не сомневайтесь, опять всё восстановят! И пары лет не пройдет. Мы с вами в «Ражем коте» ещё попируем!..

— Точно, мэтр, точно Сугутор говорит. Всё отстроится. От века здесь войны были, от века города разорялись... так уж на свете заведено. Мы вот, свободные оррки, мы между собой не воюем, но у людей ведь другие законы. Может, им так на р-роду написано — воевать, чтобы всем места хватало.

— Ох, Прадд, послушал бы ты сам, что несёшь...

— А что я несу, Суги?..

№ 98

— Сколько раз тебе говорено, зеленозадый, — не смей называть меня Суги!!!

— Ну ладно тебе, ладно, др-ружище, только в др-ра-ку не лезь, а то и сами с тобой в пр-ропасть свер-рзим-ся, и мэтр-ра за собой потянем...

— А ты не мели чепухи!

— А ты руками не маши понапр-расну!

— Ладно вам, ладно... Сугутор, пожалуйста, — сколько нам ещё до Нарна?

— Пешим ходом, мэтр, да ещё по такой погоде — дня три, не меньше. Дорога-то сами видите какая...

— А помнится, ты, почтенный Сугутор, ты обещал нас за тр-ри дня от Ар-рвеста до Нар-рна пр-рово-дить...

— Ну не вышло, не сложилось, всякое ведь бывает!..

Наступила тишина. Вновь начал накрапывать утихший было к ночи нудный осенний дождик.

Фесс сидел, привалившись к скале, и молча смотрел на огонь. То, что он для себя определил как чистое, незамутнённое Зло (если только ко Злу применимы такие слова), нанесло в Арвесте свой очередной удар. Мор в Ордосе, как сильно подозревал теперь Не-ясыть, был первым.

И следовало ждать ещё худшего.

И непонятно было, что делать ему самому — в одночасье ставшему изгоем, преступником, подлежащим суду Белого Совета. Ну хорошо, сейчас они идут в Нарн, а потом? Или ему предстоит провести в этом огромном и мрачном лесу весь остаток дней?

Остались неразгаданными тайны этого мира. Центры Силы, спрятанные в далёких горах, а порой и среди вполне даже обжитых земель; Неясыть очень сильно подозревал, что, пока он не разберётся, что это такое, Зло останется непобедимым.

И, не приходилось сомневаться, смерть и ужас не успокоятся. Их удар по Арвесту был далеко не последним. И, значит, долго задерживаться в Нарне он, Неясыть, просто не имеет права. Под Арвестом он потерпел поражение. Больше он такого не допустит.

Нет, они не станут прятаться. Во имя всех тех, кого

он, Фесс, не спас в этом бою, они покинут владения Тёмных эльфов, и притом очень скоро.

Фесс не замечал внимательных взглядов орка и гнома. Лишь когда веки волшебника сомкнулись, а дыхание стало мерным и редким, Прадд и Сугутор осмелились вздохнуть с облегчением и сами стали устраниваться на ночлег — с теми удобствами, какие только были возможны под морозящим дождём.

Неясыть спал.

И видел во сне Эвенстайна с Бахмутом.

Полуэльф и человек стояли возле самого края крутого обрыва; за их спинами закатное солнце медленно погружалось в западное море. Быть может, они находились сейчас в Семиградье, а может — в Кинте Дальнем или и вовсе на загадочном острове Утонувшего Краба.

— Ты не стал искать Мечи? — вкрадчиво осведомился полуэльф.

Неясыть пожал плечами.

— У меня были дела поважнее. Да и как-то не с руки заниматься поисками, когда у тебя на плечах висят отцы-экзекуторы.

— Неясыть. — Бахмут шагнул вперёд. Вид у него был не слишком приветливый. — Ты, похоже, всё-таки не понимаешь. Этот мир обречён. И сумеешь ли ты выбраться из-под его обломков, зависит теперь только от тебя. Найди Мечи, и ты сможешь вернуться домой. Понимаешь? Домой.

Фесс пожал плечами.

— Я уже много раз слышал, что мир гибнет. Каждый раз слухи о его кончине оказывались несколько преувеличенными.

— Я же говорил тебе, он не поверит. — Полуэльф презрительно скривил тонкие губы.

— Тогда ему надо показать, — заметил Бахмут.

— Вот и пусть смотрит, — неприятно рассмеялся полуэльф. — В ближайшие несколько лет тут будет твориться много интересного...

— Как бы ты не опоздал уверовать, человеке, — вновь повернулся к Фессу Бахмут.

— Мне надоели эти игры, — холодно ответил не-
кромант. — Я не люблю пустых угроз. Если вы так мо-
гущественны, как хотите казаться, — то действуйте, а
не тратьте слова понапрасну.

Эвенстайн и Бахмут переглянулись.

— Тогда вини в бедах этого мира только лишь себя
одного, — тихо произнёс полуэльф.

— Маски могут остановить Смерть?

— Нет, — покачал головой Эвенстайн. — Как ты
понимаешь, нам нет сюда хода. Мы вынуждены при-
бегать к посредникам.

— Тогда зачем эти угрозы?

— Получив Мечи, мы спасли бы этот Мир! — на-
пыщенно воскликнул полуэльф. — Не стану лгать,
они нужны нам совсем для другого, но с их помо-
щью...

— Я подумаю, — медленно ответил Неясыть.

— Думай, — кивнул Бахмут. — Только не слишком
долго...

...Над тремя уснувшими в ущелье путниками,
словно непроглядная тёмная вода, плыл ночной мрак.
От края до края мира тёк он; тёмное покрывало вели-
кой Ночи, всеобщей утешительницы и помощницы,
сомкнулось над измученными землями. Все спали, да-
же те, кто пережил арвестский кошмар, потеряв и
дом, и близких. Даже недреманная эльфийская стража
на рубежах Нарна оказалась во власти тяжёлого сна.

Фесс спал. Рождённому магу предстояло долгое
странствие.

Эпилог II

ПУТЬ В НИЧТО

Пусть брат восстаёт на брата и Император — на
магов, пусть рати гномов и Дану кровавым стежком
отмечают свой путь по имперским пределам, яростная
зима всё равно в свой черёд уступит место весне. За-
кон вечен и непреложен, на этой вечности и непре-

ложности стоит, по сути, людское бытие — как бы ни было плохо, надейся! Беды в конце концов отступят, ведь не может же быть всё время плохо!

...После закончившегося миром сражения с гномами и Дану под Мельином многим показалось, что и впрямь наступила передышка. Вопреки всеобщим ожиданиям, война с магами не переросла в кровавое и всеобщее избиение. Видно, трусили чародеи, не сдюжили супротив молодого правителя, несмотря на всю свою силу. Присмирела Радуга, присмирела — так судачили в имперских легионах.

...Император ни словом, ни делом не стал пенять тем легионерам, что отступили и показали врагу спину в приснопамятном бою. Первый легион — точнее, уцелевшие из него, — те да, тех возвеличили, и отныне они сделались легионом Серебряных Лат, личной гвардией правителя Империи; Первый легион набирали заново, из добровольцев, давая двойную плату, но и муштру вдвое.

...Угрюмые гномы своими руками восстанавливали Мельин. У них просто не оставалось другого выхода. Драгнир исчез, небольшая армия очутилась в самом сердце вражеского государства. Гномы принялись работать — честно, не покладая рук, потому что дали слово.

Однако те, кто остался в западных горах, думали по-иному. И огромный обоз с провиантом, посланный Императором к вратам нового гномьего царства, упёрся в наглухо запертые створки. В людей не стреляли, на них никто не нападал — но посланцы Каменного Престола чётко и недвусмысленно дали понять, что от *хумансов* им, Подгорному Племеню, ничего не надо. Тем же, кто принял жизнь из рук правителя людей, предложено было в родные горы не возвращаться.

...Император сидел верхом, окружённый, как всегда, молчаливыми Вольными ближней стражи. Маленький отряд замер на вершине Замковой Скалы; внизу расстилался Мельин, сейчас похожий на громадный муравейник. Снег давно стоял, улицы превра-

тились в покрытые жидкой грязью реки, где люди увязали по колено, а гномы, случалось, — чуть ли не до пояса.

— Гномам объявлено о слове Каменного Престола? — спросил Император у замершего перед ним гонца.

— Да простятся мне эти слова, но никто не дерзнул этого сделать, мой повелитель.

— Хорошо, тогда я это сделаю сам, — кивнул Император. — Отправляйся к их набольшим и передай, что я буду говорить с ними.

— Повиновение Империи! — отсалютовал воин и бегом бросился прочь.

Маленькая узкая рука осторожно коснулась воронёных лат Императора, и он тотчас же повернулся — словно ощутил эти пальчики даже сквозь толстый металл. Несмотря ни на что, Император с доспехами не расставался. Сежес могла ведь и передумать. В любой момент.

— Ты хочешь говорить с гномами? — тихо спросила Агата. Она сидела верхом на своей лошадке, мирно стоявшей рядом со злым боевым конём Императора.

— Да, Тайде. — Император часто звал её этим именем — людским переложением слова Thaobî, Видящая, на языке народа Дану. — Есть шанс заполучить их в подданные.

— Ты радуешься этому? — по-прежнему тихо спросила Сеамни. — Тому, что они изгнаны?

Император помолчал. По старой привычке потёр левую руку — хотя на ней уже и не красовалась магическая латная перчатка из белой кости. Сеамни Оэктанн не терпела лжи — пусть даже «во спасение».

— Радуюсь, — признался Император. — Если мне удастся устроить их... это будут настоящие подданные, такие же, как половинчики, как орки... — «И не как Вольные, — закончил он про себя. — Не как Вольные, о которых я до сих пор не знаю, кому они служат, — то ли мне, то ли своему Кругу Капитанов...» — Я хочу...

— Знаю. — Ручка Агаты скользнула под волосы, коснулась шеи Императора. — Ты хочешь быть пове-

лителем всего, всех рас — и людской, и всех иных. Так, мой Император?

На людях она всегда называла его так. По имени, ею самой придуманному, — лишь когда они оказывались в постели.

И вновь он ответил правду.

— Так. Но разве это не лучше бесконечных свар и дразг? Дану столетиями воевали не только с людьми, но и с гномами, с эльфами, не говоря уж о северных орках!

Агата опустила голову и ничего не ответила.

Всю эту зиму они были вместе, расставаясь лишь на краткий миг. Сеамни была его тенью. Молчаливой черноволосой тенью — правда, чёрные волосы пробила ветвящаяся молния ранней седины. Любая волшебница играючи исправила бы этот недостаток, не говоря уж о краске, — но Сеамни никогда не прибегала ни к чему искусственному. Была такой, какая есть.

Император уже хорошо изучил это её молчание. Куда как красноречивое, оно, казалось, говорило: «Оставь эти затеи, люби меня, восстанавливай Империю — зачем тебе новые земли?»

— Не могу, Сеамни, — негромко произнёс правитель. — Ты же не забыла о Разломе?..

Черноволосая головка опустилась ещё ниже.

Ну, конечно же, она не забыла о Разломе. Как не мог забыть никто в мире Мельина, и на севере от Внутренних Морей, и на юге. Чудовищная трещина, расколовшая Империю почти пополам, пролегла от побережья до Царь-Горы — изменили свой путь реки, обрушились горы, стали непроходимыми старые тракты, и никто ещё так и не смог выстроить моста над бездонной, курящейся живым белым туманом расщелиной.

Император помнил, как побледнела и едва не лишилась чувств Сежес, впервые взглянув на Разлом. Волшебница покачнулась в седле, её глаза закатились — не подхвати её Император под руку, чародейка непременно рухнула бы вниз, под копыта.

— Я готова сама призвать Спасителя, чтобы только

Он закрыл *это*, — простонала она, приходя в себя и по-прежнему тяжело опираясь на руку Императора.

В те дни он ещё носил белую перчатку.

— Что это такое, Сежес? — Император пристально вглядывался вниз, однако в хлопьях белого тумана разглядеть что-либо было невозможно.

— Это Разлом, — холодно сказала волшебница, на-конец опомнившись и отпуская руку Императора. — Это врата в иной мир... или даже миры, я не могу сейчас сказать точнее. Только после исследований... если, конечно, Бесцветные соизволят наконец вылезти из своей скорлупы... тогда, может, ты услышишь от меня что-то ещё.

— А этот туман? Он оживляет камни и превращает людей в чудовищ!

— Сгущённый магический эликсир в чистом виде. — Сежес была смертельно бледна, несмотря на мороз. — Сильнейшая магия, волшебство, не подвластное Радуге. Мы ничего не можем сделать с ним самим, нам остаётся только бороться с последствиями; причина нам не по плечу и едва ли когда окажется.

— И что же? — нетерпеливо спросил Император.

Сежес покосилась на неподвижно застывшую Агату.

— Выставить стражу, — нехотя проговорила она. — Оградить Разлом забором...

— Ничего себе забор — через всю Империю, — хмыкнул Император.

Глаза Сежес зло блеснули — как это он посмел перебить её! — однако чародейка вовремя опомнилась.

— Будет лучше, если к остальной нечисти прибавится ещё и порождённая Разломом?

Император промолчал. От чудовищного шрама на теле земли подданные и так бежали куда глаза глядят, так что пришлось выставить на дорогах заслоны и чуть ли не силой осаживать беглецов на новых землях.

— Что могут сделать маги? — резко спросил он. — Вы в состоянии предложить хоть что-то, помимо заборов?

И вновь Сежес пришлось проглотить обиду.

— Да, можем... мой Император, — не слишком охотно прибавила она под пристальным взглядом правителя. — Можем выставить дозорные посты и сплести соответствующее заклятие, предупреждающее о зарождении злобных тварей.

— Когда это будет сделано и сколько вам потребуется на это золота? — спокойно спросил Император.

Сежес аж передёрнуло от оскорбления. Несмотря ни на что, Император не просил помощи! Он *покупал* услуги магов Радуги, словно нанимая каменщиков или древоделов для восстановления Мельина!

— Нам потребуется не меньше месяца, — злорадно сообщила волшебница. — Мы справились бы и быстрее, но, когда столько наших собратьев погибло...

— Ничего, обойдётесь теми, кто есть. Учеников вы пока ещё не заслужили. Справьтесь с Разломом — и тогда мы посмотрим...

...Император пристально взглянул на Агату.казалось, она тоже помнила тот разговор. Конечно, Радуга не управилась ни за месяц, ни за два, ни за три. Живой туман над Разломом начисто сметал все возводимые на его пути заклятия, даже простые дозорные. Ничего не оставалось делать, как заняться привычным делом — строить валы со сторожевыми башнями и час-токолы, перебрасывать легионы с границ и из глубины страны, объявлять новые наборы, всё больше и больше истощая казну. За эту зиму имперская сокровищница опустела больше чем наполовину. Хорошо ещё, что удалось обойтись без большой войны с восточными провинциями — пригодились Второй и Пятый легионы, отправленные было добивать Дану. Штурм Селинова Вала был отражён.

При одной этой мысли пальцы Императора сжимались в кулаки. Свои же, люди, не эльфы, не кобольды, свои же ударили в спину, едва прослышав о случившейся беде. А вот почитавшиеся дикими людоедами северные орки прислали депутацию, всемилостивейше прося даровать им возможность работать на Импе-

рию и тем спастись от голодной смерти в бесплодных тундрах... Император дозволил, и теперь на восточных рубежах не было более рьяной и зоркой стражи. Правда, возмутились пограничные бароны, но тут уж Император не церемонился. Во время вторжения из Семадры многие перешли на её сторону — что и было запомнено. Граф Тарвус утопил мятеж в крови. После этого наступила тишина.

Радуга, едва-едва оправившись после разгрома, тоже сидела тихо, мало-помалу разбирая архивы погибшего Ордена Арк. Из всех магов Император допускал к себе только одну Сежес — животный ужас волшебницы перед белой магической перчаткой на руке Императора, казалось, навсегда впечатался ей в память. Правитель не прибегал больше к услугам магов-целителей, довольствуясь травниками; искусные лекари были и среди Вольных, несколько десятков которых, кстати, неожиданно пришли на службу Империи.

— Да, Тайде, я хочу собрать все обитаемые земли под свою руку. Ты не забыла, что никто из корабелов ни разу так и не приставал к берегу Запретных земель — там, далеко, за Поясным Океаном?

— Я помню, — тихо сказала Агата, не убирая руки с плеча Императора.

— Когда-нибудь мы вернёмся туда. — Глаза Императора сузились, он видел перед собой не развороченную, истерзанную огнём утробу громадного города, а стройные шеренги идущих в бой манипул — там, далеко-далеко, где солнце круглый год стоит в зените.

— Но только сначала надо закрыть Разлом, мой Император. — Пальцы Дану осторожно погладили мужчину под ухом, чуть-чуть царапнув ноготком.

— Закрыть Разлом... да что ты, Агата! Если спасовала вся Радуга!..

— А разве ты спасовал перед Радугой? — парировала Агата.

Император недоумённо взглянул на неё.

— О чём ты, Сеамни? Мы и так караулим вдоль всего Разлома! Что же мне, вести легионы *вглубь*?

— Вот именно над этим и следовало бы поработать Радуге, — произнесла Агата. — Враг никуда не делся, мой Император. Они остановлены, но они здесь. И просто выжидают время, чтобы вернуться. Настанет день, когда это случится — и кто знает, устоим ли мы тогда?

Император молчал.

— Я чувствую эту угрозу. — В голосе Агаты послышались слёзы, столь непривычные для неё. — Я не могу ошибиться, я же была Видящей, у меня кое-что осталось...

Император знал, что она права. Дар предвидения, особенно предвидения беды, у Агаты и впрямь остался, погружая порой бедняжку в оцепенение от видений грядущих войн и бедствий. Она, например, сумела предугадать нападение из-за Селинова Вала — и с тех пор к её словам прислушивались особенно внимательно.

— Никто из легионеров не пойдёт вниз, — угрюмо сказал Император. — Даже Серебряные Латы. Да и как можно их вести, пусть даже под прикрытием чар, если... ты же видела, что делает этот проклятый туман с людьми!

Агата видела. И не раз, когда сопровождала Императора в его нескончаемых поездках вдоль Разлома. Вырывающиеся из чудовищной трещины белые капли, попадая на человека, обращали его в такое страшилище, что диву давалась даже многоопытная Сержес. По первости эти чудища уложили немало народа — прежде чем на вооружение арбалетчиков не поступили отравленные стрелы, сработанные наконец-то отринувшим добровольную схиму Нергом. Обычное оружие убивало тварей, но лишь после того, как их удавалось изрубить на куски. Новый яд валил их с ног — или лап — мгновенно.

— Надо придумать, чтобы они пошли, — непреклонно проговорила Агата. — Иначе... Мы столкнёмся кое с кем похуже этих чудищ.

Она не произнесла вслух «козлоногие», Император

понял её и так. Жутковатые друзья-враги, чей прорыв еле-еле остановила Радуга где-то в ином пространстве — но уже у самых границ мира Мельина. Никто так и не понял, откуда они пришли и что им нужно, — но Радуга стояла против них насмерть. Император невольно свёл брови — ясно ведь было, что козлоногие разыграли с ним несложную комбинацию, подбросив ему могущественный артефакт против мощи магов Семицветья, что, собственно говоря, и сделало возможной саму войну, в противном случае восстание было бы подавлено ещё в самом Мельине.

— Если козлоногие столь могущественны, как же они не сумели прорвать заслоны магов?

— Радуге помогли, — уверенно сказала Агата. — Собственно говоря, главный-то удар пришёлся как раз и не по магам. Его принял на себя кто-то иной...

— Знать бы кто... — вздохнул Император.

Признание в этом он с трудом вырывал в своё время из Сежес. Опираясь на один простой аргумент: если какая-то там перчатка позволила ему, Императору, чуть ли не перебить всё Семицветье — как же тогда Радуга устояла против совокупной мощи врагов, рвавшихся наверх?.. Волшебница долго отнекивалась, но в конце концов призналась. Впрочем, тайна загадочного защитника так и осталась неразгаданной. Как и то, куда исчезли Алмазный и Деревянный Мечи; как и то, куда пропал императорский советник Фесс.

Императору было не до загадок. Наступила весна, время, когда с юга приходят пираты, когда, ошалев от бескормицы, с севера начинает напирать нелюдь, когда эльфы, совершив свой праздник Возлияния Соков непременно должны отметить начало плодородного сезона свежей хумансовой кровью; когда удальцы восточных земель, не забывших зимнее поражение, могут попытаться вновь — и хорошо ещё, если они не сговоятся с пиратами...

И хорошо, если у Дану не найдётся второй Видящей.

Крошечная кучка Дану, выйдя из Бросовых земель, обосновалась в остатках Друнгского леса, что

вызвало ропот в Хвалине, Остраге и Ежелине. Прямой, как стрела, тракт пришлось переносить — теперь он огибал древнее владение Дану с юга. Император не ошибся в предвидении — жалобы от городских голов повалили кучей.

Дану крадут детей... Дану отравили пастбище... Дану стреляли из луков по стаду коров... Дану обобрали купца... Пришлось выслать две полные когорты. На какое-то время порядок восстановился, но Император не сомневался — скоро этому придёт конец. Кровавая память о походе двух сотен Дану через Империю сотрётся не скоро.

Император вздохнул.

— Поедем, Тайде. Хочу взглянуть, как подвигается работа в катакомбах.

* * *

Развёрстые зевы катакомб глотали, казалось, без всякого для себя ущерба десятки и десятки возов с битым камнем. Неведомые лабиринты ходов, проложенных в забытые времена забытыми племенами, дразнили строителей — уровень щебня рос, как и положено, а потом внизу словно открывалась какая-то крышка — и вся лавина камня низвергалась во тьму. Волшебники Радуги, приставленные к мастерам-гномам, только разводили руками. В их взглядах Император читал неприкрытое злорадство; впрочем, он не тешил себя иллюзиями, что его война с Семицветьем так быстро забудется чародеями. Они начнут плести заговоры. Наверняка последуют и покушения. Левая рука Императора была затянута в чёрную кожу обычной перчатки, но белая, магическая латная, тоже была рядом. Никогда нельзя оставаться рядом с магами без защиты. Хотя у Тайде такое невероятное чутьё на волшбу...

Император сделал знак приблизиться старшему рабавших возле провала гномов. Низкорослый крепыш с перепачканной каменной пылью бородой по-

дошёл неспешно, соблюдая достоинство, поклонился едва-едва, с вызовом заложив руки за пояс. Несмотря ни на что, гномы не были трусами.

— Как тебя зовут? — поинтересовался Император.

— Ваши люди Баламутом кличут, — дерзко ответил гном, «забыв» присовокупить что-нибудь вроде «повелителя» или «моего господина». За спиной Императора послышалось раздражённое шипение охраны — людей, разумеется. Вольные безмолствовали, хотя, естественно, от гнома в тот же миг не осталось бы и мокрого места, отдай Император соответствующий приказ.

— Как продвигается забивка, Баламут? — невозможно поинтересовался Император.

— С разрешения Вашего императорского величества, дерьмово она продвигается, забивка-то, — ёрнически ответил гном. — Валим, значить, камень туда, валим — а толку чуть.

— А почему раствор не кладёте, как я велел? Или вам приказа не читали?

— Приказ-то нам читали, — ухмыльнулся Баламут, сверкнув зелёными разбойничьими глазами. — Да только глупый это приказ, вот что я вам скажу. Без ума составленный. Потому что ежели камень проваливается, значит, там, под землёй, ещё пустоты есть. А если пустоты — значит, там кто-то и завестись может или ещё как пролезть. А у тварей подземных такие зубы, что никакая щебёнка их не остановит. Не-ет, Ваше императорское величество, сыпать тут и сыпать. Докель не заполнится, — вновь ухмыльнулся гном.

— Ну, хорошо, — ровным голосом сказал Император. — А как обращение? Кормят нормально? Жалоб нет? Может, кормовые срезают или мяса в котёл недо-кладывают?

— Кормят-то как раз на убой, пожаловаться не на что, — ответил гном. — А вот только скажи, Император, когда нас по домам распустишь? Сам скажи, не через бирючей своих передавай! Когда? Когда город восстановим? Весь до последнего гвоздя? Так ведь не

нами порушен, да и столько тут работы, что и за пять лет не управишься!..

— Баламут, — сказал Император, глядя прямо в зелёные глаза гнома. — Скажи мне, могу я тебя обмануть? Правду скажи.

Гном набычился, засопел, раздувая широкие мясистые ноздри.

— А что? — наконец ответил он чуть сдавленным голосом. — Ты и соврёшь — недорого возьмёшь. Вы, хумансы, все такие. Веры вам нет. Эх, кабы не...

— Выпустил бы мне кишки, понятно, — сказал Император прежним спокойным голосом. — Но я получил грамоту от Каменного Престола... и хотел бы, чтобы о её содержании узнали все гномы твоей ватаги — как, впрочем, и других.

— Это какую такую грамоту? — подозрительно спросил гном. — Насчёт выкупа, что ли? Так давно пора, когда уж к ним послано было!..

— Каменный Престол ответил, — не обращая внимания на слова Баламута, сказал Император. — Они не дадут выкупа.

Кулачищи гнома сжались, перепачканная борода гневно встопорщилась.

— Врёшь! Врёшь, хуманс! Не может такого быть!

— Грамоту, — не оборачиваясь, негромко приказал Император.

В подставленную левую руку тотчас же лёг тугой, перетянутый витым шнурком свиток.

— Печать Каменного Престола опознаёшь, гноме?

— А кто вас, хумансов, знает, — опуская глаза, проворчал Баламут. — Может, маги ваши морок навели, а ты нам теперь подсовываешь.

— Ну ладно, я прочту, а там видно будет, — сказал Император.

— Да не хочу я ничего слушать! — вскипел гном и тотчас осёкся, натолкнувшись на тяжёлый взгляд Императора.

— Гноме, — медленно проговорил правитель, — я тебе зла не желаю, хотя вы нарушили мир и убили

многих моих подданных. Я мог бы отдать вас уцелевшим жителям тех городов, где вы славно погуляли на своём пути к Мельину. Я этого не сделал. Дал вам работу и корм. А вот ваш Каменный Престол отрёкся от вас и проклял тех, кто, как они выразились, позором купил себе жизнь, приняв её из рук презренных хумансов. В этой грамоте всё подробно изложено. Ну как, будешь читать или продолжишь твердить, что всё это — хумансами наведённый морок?

Баламут уже справился с собой.

— Можешь меня убить, хуманс. Но подделок твоих я читать не стану. Пойду лучше я, вот что. Работы ещё по горло, не сделаем положенное — кормы урежут.

Не поклонившись, гном повернулся спиной к Императору и зашагал прочь. За спиной раздалось осторожное покашливание начальника стрелков охраны.

— Пусть уходит, Кирстен, — спокойно ответил Император. — Из него выйдет хороший подданный... со временем, конечно. Дальше!

Кобылка молчавшей всё время Агаты поравнялась с жеребцом Императора.

— Не надо было отпускать его, — прошелестел тихий голос.

— О чём ты, Тайде? — удивился Император. — Думаешь, следовало всадить ему стрелу в спину? Или попытаться за непочтение к особе императорской крови?

— Нет. — Огромные глаза Дану метнули короткий взгляд на правителя. — Надо было отправить его в горы. Дать грамоту, дать охрану... и пусть бы он уходил.

— Думаешь, потом он бы вернулся? — недоверчиво спросил Император. — Знаешь ведь сама... разбойников хватает. Радуга...

— Этот бы — вернулся, — негромко заметила девушка. — Если бы ты взял с него слово.

— Хорошая мысль, — усмехнулся Император, поворачивая коня.

...Увидев возвращающийся кортеж, Баламут, похоже, уверовал в то, что его всё-таки колесуют. Во вся-

ком случае, щёки его слегка побледнели, когда он предстал перед правителем Империи.

— Вот что, Баламут, — сказал Император, глядя в глаза гному. — Подумал я над твоими словами и решил тебя... отпустить. Ты говоришь, что я лгу, не веришь даже в печать Каменного Престола... ну так иди себе домой. Дайте ему подорожную, — бросил правитель через плечо. — И денег... немного, а то пропъёт. Иди, Баламут. Но сперва дай мне слово, что, если я окажусь прав, ты вернёшься сюда. Что скажешь?

— Даю слово! — мрачно кивнул гном. — Даю слово... и исполню его, Император.

— Вот и славно, — уронил правитель на прощание, давая шпоры коню.

* * *

Походная ставка Императора располагалась на южной окраине Мельина — правитель велел в первую очередь восстанавливать дома добрых мельинских обывателей, исправных налогоплательщиков, и лишь потом — свой собственный дворец.

Перед входом быстрым шагом мерил площадку человек в форме имперского курьера. Агата отчего-то сразу вцепилась Императору в рукав — не иначе как почувствовала беду.

«Что на сей раз? — мрачно подумал правитель. — Восточные бароны предались Семадре? Мятеж в пограничных легионах? Радуга подняла восстание?..»

— Хуже... — еле слышно прошептала Агата.

— Разлом... — с бессильным гневом пробормотал Император. — Ну, проклятие...

— Повиновение Империи! — Гонец бросился к ним, едва заведя. — Срочное донесение с Разлома! Легат Клавдий...

«Клавдий по пустякам пергамент переводить не станет», — мелькнуло в голове Императора.

Отточенным уставным жестом — взмах руки над

головой и чёткая подача вперёд в сочетании с лёгким поклоном — курьер протянул грамоту.

Император резким движением сломал красно-золотую печать с оттиснутым имперским василиском.

«Повелителю Мельина от легата Клавдия, Первый легион. Пост Восемь стражи Разлома.

Мой Император!

Третьего дня дозорными пешего патруля был замечен мощный выброс белого тумана из щели Разлома. Из-за сильного ветра значительная часть магической эссенции преодолела ограждения и попала на землю Вашей Империи. Однако при этом не произошло, как мы уже привыкли, оживления камней или дерева, на которое попадала субстанция. Она приняла облик белой тени, ростом и прочими размерами не отличающейся от средних людских. Попытка патруля атаковать создание привела к гибели трёх легионеров, одному удалось скрыться благодаря тому, что белая тень занялась потрошением трупов. Доношу, что по тревоге была поднята манипула Первого легиона, а с ней — три десятка приданных Вашим указом арбалетчиков. Предпринятое преследование закончилось окружением существа. В завязавшейся схватке тварь выкрикивала человеческим языком нечто наподобие пророчеств о том, что «две утробы соединены — зверь теперь родится» и «по пуповине белой — вниз, вниз, наперекор запрету!». Список запомненных легионерами «пророчеств» прилагается. При атаке создание прорвало строй когорты и скрылось в сторону Шаверского леса. Стрелы не причинили видимого вреда. Потери в когорте — шестеро убитых, восемь раненых. Считаю, что необходимо срочное вмешательство магии...»

— Прочти. — Император сунул Агате пергамент. — Вот ещё на нашу голову... белое чудище, выкрикивающее какие-то пророчества! Нет, Империя положительно сходит с ума. Не удивлюсь, если Клавдия придётся сместить.

— Не придётся, — едва шевельнулись губы Да-

ну. — Он писал правду, мой Император. В мир... в наш мир вырвалось ещё одно порождение Разлома.

Это было неприятно, но в целом — не так уж страшно. Такое случалось и раньше, несмотря на всю бдительность стражи. Уследить за каждой каплей не смог бы и стоокий небесный бог древних, ещё не слыжавших о Спасителе.

— Что ж, бывает, Сеамни... — начал было Император, однако тотчас же сам осёкся. Девушка стояла бледной, наполовину прикрыв лицо руками — словно получив известие о смерти кого-то из близких.

Повелитель Мельина глубоко вздохнул и уже пристальнее взглянул на свою подругу. Последний месяц Агату словно подменили. Погас огонь в глазах, она двигалась и говорила точно в полусне. Её уже ничто не занимало. Даже известия от обосновавшихся в Друнгском лесу её сородичах. Какое-то время она ещё отвечала на ночные (а порой и дневные) ласки Императора — теперь прекратилось и это.

— Тайде, что с тобой?

Он много раз задавал ей этот вопрос. Агата обычно молчала, качая головой, а в уголках глаз показывались слёзы. Однако Император не отступал. Он повторял это раз за разом, с неизменным терпением, какое едва ли можно было ожидать от человека, развязавшего кровавую и почти что самоубийственную войну с магами, «чтобы только отомстить за какого-то щенка!», как выразилась однажды Сежес — уже после заключения мира.

— Мой Император... нам нельзя оставаться вместе

Правитель Мельина оторопел. Он привык к беспрекословному подчинению, но ещё больше привык к своей Тайде, следовавшей за ним неизменнее, чем даже тень; наверное, это было уже выше обычной людской любви — постоянная, абсолютная потребность видеть её, говорить с ней, обнимать, чувствовать рядом ежеминутно, ежесекундно, днём и ночью; рассказывать ей и слушать её, единственную, кто мог *понять*.

— Почему, Тайде? Я обидел тебя? Стал невнимателен? Но ты должна меня простить — столько дел, надо поднимать Империю, не дать вспыхнуть новой войне, следить за Разломом... — Император не имел никакого опыта общения с женщинами, и неудивительно его воистину смешное предположение, что подруга — неважно, какой расы! — примет в качестве оправданий за небрежение какие-то там государственные дела!

Его остановил слабый взмах тонкой кисти.

— О чём ты... любимый. Я понимаю, что тебе предстоит сделать. Я молю Силу Лесов, если только она согласна прислушаться ко мне, ниспослать тебе удачи. Но... Разлом... твари, из него приходящие... это кара, и в том числе — мне.

— Что ты вбила себе в голову? — воскликнул Император. — Разлом появился потому, что...

— Потому что те, кто рвался сюда, знали — мы *сами* хотим погибнуть, — очень серьёзно возразила Агата. — И шли на *запах смерти*, как псы за зверем. Это была наша смерть, Император, смерть, которая чисто случайно промчалась мимо — но даже беглое касание её губительно. Мы всё равно умрём, только не быстро, а медленно и мучительно, и кто знает, сколько ещё миров мы потянем за собой...

— Сеамни, о чём ты? — Император схватил её за плечи, судорожно притянул к себе — ему показалось, что его Тайде безумна.

— Нет, я не лишилась рассудка, — прошептали ему губы прямо в ухо. — Разве ты забыл, что я была Видящей? Деревянный Меч — это огромная сила и власть... которые навек впечатываются в того, кого Меч пусть даже ненадолго, но признал своим хозяином. Я не хотела принять это, отмахивалась, не обращала внимания... Но, конечно же, зря. Не в силах простой Дану противостоять тому, что создано гением целой моей расы. Мы гниём, Император, гниём заживо... мы прокляты Судьбой, потому что один раз избегли гибельного её замаха... а мне и подавно нельзя быть с тобой,

нельзя любить тебя, потому что... на мне столько крови, я убивала людей твоего народа...

— Все мы убиваем на войне. — Император попытался обнять её покрепче, однако Сеамни с неожиданной ловкостью вывернулась из его рук.

— Это была не война! — со слезами в голосе выкрикнула она. — Это было убийство безоружных! И не просто убийство — мучительство! Без цели, без смысла — просто чтобы насытиться чужими мучениями!.. И это Судьба нам тоже запомнила. Белая Тень... она пришла за мной.

— Что за чушь?! — не выдержал Император, однако Сеамни его уже не слушала.

— Я знаю... я знаю... я чувствую... она идёт сюда, ко мне... не пускай её, не отдавай меня ей!!! — Из груди Сеамни вырвался отчаянный не то стон, не то вопль, и она обмякла в руках Императора, потеряв сознание.

— Лекаря! — рывкнул повелитель Мельина, осторожно опуская на постель почти невесомое тело.

За пологом шатра послышалось уставное «Повиновение Империи!» и быстро удаляющийся топот ног.

После распри с Радугой у Императора не осталось чародеев-целителей — хотя старый Гахлан, уцелевший в суматохе, клялся всем святым, что не держит на Императора зла, что на его месте он, Гахлан, наверное, поступил бы точно так же и теперь покорнейше просит допустить его, неизменного преданного старого Гахлана, вновь к пользованию персоны его императорского величества, — Император неизменно отвечал категорическим отказом.

Глаза Сеамни закатились, дыхания не чувствовалось, сердце, казалось, тоже перестало биться. Император в ярости сорвал с пальца кольцо с чёрным камнем — когда-то талисман Силы, после окончания войны с Радугой перстень отчего-то утратил свою мощь; Император поймал несколько злорадных взглядов Реваса и Сежес и не сомневался, что это — дело их рук.

Перчатка! Где перчатка! Да вот же она, на своём привычном месте...

Император рывком вдел в неё левую руку. По телу тотчас разлилось приятное тепло, словно кисть правителя погрузилась в нагретую ласковым солнцем воду.

«Ты хорошо умеешь убивать, — подумал Император, впервые обращаясь к загадочному подарку козлоногих, точно к живому существу. — Так, может быть, сможешь и воскресить?»

Перчатка, разумеется, не ответила — да и как бы она смогла? Однако Императору почудилось слабое движение, на самой грани доступного его чувствам — слабое движение Силы, которое очень хотелось принять за молчаливый кивок.

Эта перчатка умела ломать самые мощные и убийственные заклятия чародеев Радуги. Так неужели же она не может разорвать цепи безумия, внезапно опуставшие Агату?

Не зная, что делать, Император опустился на колени рядом с бесчувственной девушкой. То самое сверхчувство, что помогло ему выжить во время безумного штурма крепости магов, сейчас подсказывало ему, что ни вода, ни прочие традиционные людские средства тут не помогут. Сковавший Сеамни тёмный ужас может быть разбит только её собственной рукой... но для этого её рука должна сперва вновь обрести способность двигаться.

Белая перчатка плавно опустилась на лоб Сеамни — и в тот же миг Император едва сумел сдержать крик боли. Это была та самая боль, что терзала сейчас девушку-Дану; мужчина рядом с ней вбирал часть этой боли в себя, и сведённые судорогой мышцы Тайде расслабились, уродливая гримаса страдания помягчела. Окружающий же Императора мир внезапно поблёк, сделавшись каким-то полупрозрачным, на него наложился какой-то совершенно иной лес, и среди тесно сдвинутых стволов Император увидел медленно бредущую фигуру, с головы до ног облачённую в белое. Сперва её и впрямь можно было принять за чело-

веческую; но, приглядевшись, внимательный наблюдатель заметил бы, что фигура не отбрасывает тени и под «ногами» у неё не сминается трава. Призрак старательно обходил сосны, однако Император не сомневался, что при необходимости это существо легко пройдёт сквозь стену.

Кровь уже готова была вскипеть. Значит, вот эта блёклая тряпка, зловонный плевок Разлома, способен довести мою Тайде до полусмерти?! Ну, ничего, мразь, ничего, у меня достанет сил встать с тобой лицом к лицу... или же поставить перед тобой целый легион, если это потребуется.

Всё это время, не ослабевая ни на миг, Император терзала боль. Стиснув зубы и покрывшись потом, он терпел, капля за каплей выцеживая из жил Тайде эту отраву, переливая в себя и её боль, и её страх, и её вину... Хотя нет, вина так и останется с ней. Император знал имя того мальчишки, циркового силача — Троша; знал, *что* именно сделала с ним Агата, когда, одержимая своим Иммельсторном, вела две сотни Дану против всей Империи... и едва не одержала победу.

Против памяти белая перчатка оказалась бессильна.

Медленно, шаг за шагом, Император тянул Агату за собой из пропасти небытия; и всё это время перед его мысленным взором неспешно шагала белёсая фигура. Император видел, как она, эта фигура, зачем-то выломала себе посох, ещё более усилив своё сходство со стариком.

— Гвин... — услышал он внезапно слабый шёпот Агаты. В тот же миг Белая Тень внезапно остановилась, подняла голову, на которой успело появиться нечто наподобие широкополой шляпы, и в упор взглянула прямо в глаза Императору.

Шок, словно от самого настоящего удара, швырнул правителя Мельина навзничь, заставив корчиться в муке — его тело словно раздирали на части мириады невидимых когтей. Всё гасло, и мысли и чувства, оставалось только одно — ненависть. Именно она властно толкнула Императора навстречу врагу, неведомо как

заставив подняться. Слабый полувскрик-полувсхлип Агаты остался за спиной; Император, словно в тот кошмарный день, когда Сежес распинала и мучила его щенка, ощутил в груди страстную, необоримую жажду убийства. Второй раз в жизни у него отнимали то, что он любил. Но на сей раз он уже не был беспомощным ребёнком.

Император шагнул навстречу белой тени — и призрак заколебался, словно в нерешительности; Император поднял руку в белой перчатке, словно готовясь к кулачному поединку; и его враг, съёжившись, вдруг отплыл подальше, туда, где стволы сливались в сплошную стену.

— Струсил! — заорал Император. Горло пересохло от ярости, он сейчас не хотел ничего, кроме как подмять врага под себя, сдвинуть ему горло и услышать последний предсмертный хрип.

Но призрака, как известно, задушить невозможно. Белая фигура медленно отступала, растворяясь среди сосен; хрипя, Император рванулся следом... и в тот же миг ощутил обвившиеся вокруг его шеи руки Агаты.

— Стой, Гвин, стой, это ловушка, я чувствую!..

Щёки Агаты были мокры, лицо, руки, одежда — перепачканы кровью.

— Ты ранена? — Император сделал попытку приподняться.

— Это твоя кровь! — вымученно улыбнулась Сеамни. — Как только ты... как только вы схватились, у тебя хлынула кровь из носа, из ушей... изо рта... даже из-под век стала сочиться... Эта тварь высасывала из тебя жизнь, Гвин!

«Гвин» — «любимый» на языке Дану.

Высасывала жизнь... интересно знать как. Радуга не ведала подобного волшебства.

Преодолевая резь и сухость в глазах, Император всмотрелся в Агату. Вроде бы всё в порядке... правда, испуг из глаз пока ещё не ушёл. Но в остальном — бодрится, пусть даже сама всё ещё бледнее смерти.

— Ты меня напугал...

— Прости, Тайде, но...

— Ох уж эти мужики-хумансы, обязательно им надо с кем-то подраться... — Её рука растрепала чёрные волосы правителя.

— Так ведь ты едва не отправилась... в Небесные Леса! — Император привлёк её к себе. Гнев остывал, требовалось дать выход нерастраченному.

— Подумаешь... упала в обморок... испугалась... у нас, девчонок, это бывает... — Она не отстранялась, напротив, прижималась всё плотнее. — Держи меня... держи крепче... ещё крепче... не отпускай ни за что!..

Её близость пьянила сильнее самого крепкого магического дурмана, её губы были жадными, тело — отзывчивым на его ласку. Но даже в самый острый миг наслаждения Император видел бредущую по лесу Белую Тень, помнил взгляд слепых бездонных глаз и понимал: следующую их встречу переживёт только один.

* * *

Кони летели, копыта разбрызгивали жидкую грязь. Императорский кортеж торопился к Разлому.

Перед глазами Императора неотступно стояла белая тень. Этот враг страшнее Сежес и иже с ней. Изрыгнутая враждебной всему на свете бездной, тварь будет сеять вокруг себя смерть и разрушение... но не только. Пророчества! Вновь чёрные пророчества великих бедствий! Императору уже довелось убедиться в том, что подобные предсказания имеют дурное свойство сбываться.

Ждать и мешкать нельзя. Император словно наяву видел закатившиеся глаза Агаты; сердце его билось ровно, гнев превратился из пожирающего самоё себя зверя в отточенное боевое копьё. Он найдёт ту белую тварь, и она заплатит за полусмерть Тайде. Его, Императора, не страшат никакие пророчества. Однако он должен убить вырвавшуюся на свободу бестию прежде, чем она наделает слишком уж много бед.

Император взял с собой весь легион Серебряных

Лат, всю стражу Вольных и всех имперских стрелков. Получилось внушительное войско. Правда, ни одного мага в нём не было — но Император привык уже рассчитывать только на себя, а не на заёмную силу. Хотя латная перчатка тоже была заёмной... но об этом пока лучше не думать. Само собой, настанет момент, когда придётся платить и по этим счетам — но тогда мы и будем платить. Не раньше и крайне желательно — только сами. Больше никто.

Несколько стремительных переходов — и конная стража, значительно опередив легионеров, окажется у Разлома. Там начнётся главное — начнётся охота на небывалого зверя, охота, которой не будет равных; он, Император, не имеет права отступать, пока чудовище бродит по его земле.

Император не боялся оставить Мельин. Кому нужна груда развалин, сейчас вся покрытая сетью строительных лесов? Возможно, Сежес и подняла бы мятеж, но имперская казна была надёжно упрятана, и Император надеялся, что даже Радуге не удастся так просто разрушить охранные чары.

Кроме того, от исчезнувшего Фесса осталось кое-какое наследство: зелёный Искажающий Камень, найденный на том месте, где разыгралась последняя схватка за Алмазный и Деревянный Мечи. Камень подобрала Дану — и выдали его Империи согласно мирному договору. Им самим злобный хумансовый артефакт был не нужен — они не имели к нему ключей, — однако продать его Империи им удалось весьма и весьма выгодно.

Этим-то Искажающим Камнем и был запечатан проход в пещеру, где хранилась сокровищница. Сочетание чар Камня и белой перчатки, Императору хотелось верить, создаст заслон даже перед мощью Сежес. Хотя чародейка в последнее время настолько напугана Разломом...

Местность вдоль тракта становилась всё пустынее. Брошенные деревни, зарастающие поля, повалившиеся плетни — всё говорило о близости чудовищного

шрама на теле Империи. Землепашцы ушли отсюда, ушли на восток, на юг, на освободившийся, если верить магам, от Смертного Ливня север. Империя не препятствовала.

Разумеется, ушли не все. Иные, особо жадные до земли, занимали надёлы соседей; так появлялись большие, богатые хутора — избавленные от баронских, церковных и орденских тягот, неся повинности только перед Империей, они дадут в этом году немало хлеба и — хотелось верить — преданных солдат.

Ближе к Разлому начались леса. Здесь уже не осталось совсем никого — зачем ломать спину и расчищать новые пашни, если у тебя за спиной сколько угодно уже готовой, брошенной?

Кортеж заночевал на первой заставе стражи Разлома. Стоявшие здесь легионеры охраняли не столько людей, сколько сам Разлом — чтобы к нему не шастали любопытствующие, которых тоже хватало. Сорвиголов заворачивали назад, или, если они очень уж упорствовали, им предлагалось тут же, на месте, заворачиваться в легионы. Иные соглашались...

Император выслушал рапорт командовавшего заставой урядника. Всё спокойно, ничего подозрительного не отмечено, на прошлой неделе ещё трое молодых парней пришли, чтобы вступить в стражу...

— Хвалю, — отрывисто сказал Император. — Продолжай нести службу.

Агата, бледная как смерть и уже сама не слишком отличимая от так напугавшей её Белой Тени, неслышно проскользнула в отведённую под императорский покой комнату. Последнее время она почти ничего не ела, только пила воду. Несмотря ни на что, она категорически отказалась остаться в Мельине.

— Я буду всюду, где и ты. Даже в самой гуще сражения, — непреклонно отвечала она в ответ на все уговоры Императора. Понимая, что удержать Тайде можно только силой, Император не стал настаивать.

— Ты что-то почувствовала? — спросил Император, войдя следом за Агатой.

Девушка-Дану кивнула.

— Она почувствовала меня. — Тайде слабо улыбнулась. — Теперь вам не придётся долго гоняться за этой бестией. Она сама придёт сюда.

Брови Императора поползли вверх.

— Что же ты молчала?! Серебряные Латы будут здесь только завтра к вечеру!

— Зачем лишние жертвы среди твоих воинов? Белой Тени нужна только я.

— Но зачем, зачем, во имя всего святого?! — не выдержал Император.

Агата остановилась возле него, ласково взъерошила волосы.

— Я была Видящей, Гвин. Во мне отсвет ярости Деревянного Меча. Иммельсторн покинул наш мир, но ты думаешь, что не найдётся никого, кому пригдилось бы это оружие? Не говоря уж о Драгнире. Кто станет хозяином Мечей, будет способен очень на многое. Вся мощь Радуги покажется несерьёзной по сравнению с Силой, какую опытный и дерзкий маг получит, завладев Мечами.

— Но Мечей же нет в этом мире! — возразил Император.

— В том, что открыто нашему зрению, — да, их нет, — кивнула Агата. — Но это отнюдь не значит, что их нет где-то совсем-совсем рядом... Так что, быть может, Белую Тень как раз и послали за этими Мечами. Кто послал? Да кто угодно, хотя бы и те козлоногие, о которых ты мне рассказывал. Или всё это хитроумный трюк Радуги. Я не сомневаюсь, что они ищут пути, чтобы овладеть магией Разлома, научиться повелевать им...

— Ну, тогда им ещё долго придётся стараться, — усмехнулся Император.

— Маги, как известно, живут куда дольше обычных людей, — ответила Агата. — Радуга может ждать. Разве тебе ведом каждый их шаг, каждое заклятие, бросаемое в Разлом?.. Вот видишь!..

Император помолчал.

— Но если Радуга достигла таких успехов...

— То почему она оставляет тебя в покое? — подхватила Агата. — Маги хитры, мой Император. Они с лёгкостью пожертвуют частью, чтобы сохранить целое. Ты считаешь, что они проиграли войну, — но что, если Семицветье, напротив, полагает, что уступило лишь в первом, ничего не решающем бою? Что главные сражения ещё впереди? Возможно, они считают, что пока ещё не готовы.

— Хорошо. — Император положил меч возле узкой постели. — Оставим пока Радугу, тем более что они скрупулёзно выполняют условия мира. Займёмся Белой Тенью. Мне отчего-то кажется, что она уязвима для обычного оружия, так же, как и прочие твари Разлома... А что думаешь ты, Тайде?

Агата согласно кивнула.

— Но это... как бы сказать... не всегда. Прости меня, Гвин, я не могу объяснить подробнее. Всё, что у меня есть, — это остатки чувств Видящей... ничего больше. Наверное, тень может быть и почти что телесным существом, и истинным призраком. До сего времени привидений среди тварей Разлома никто не замечал, но разве это значит, что их там не может быть вообще?

Император согласно кивнул.

— Пойду проверю посты. — Он поднялся. — Если Тень может вскоре оказаться здесь...

— Погоди. — Тайде вытянулась, точно струна, и зажмурилась. — Сейчас... сейчас... Гвин, я её вижу! Идёт сюда! Ей.. ей... осталось часа два пути! — Агата на миг закрыла лицо ладонями и всхлипнула. С усилием провела руками по щекам, стирая непрошенные слёзы, и принуждённо улыбнулась. — Вот видишь, как всё просто... Тень сама идёт к нам. Больше никуда не нужно ехать.

— Проклятие, но тут у нас не больше пятидесяти мечей! — потемнел Император.

— Но ведь здесь есть ты... — прошептала Агата, об-

вивая руками его шею. — А это стоит тысяч и тысяч мечей...

— Тогда я иду, — сорвался с места Император. — Никуда не выходи, слышишь, Тайде! Если... если только любишь меня, не трогайся с места! Я должен знать, что ты здесь, внутри, поняла меня?

Агата послушно кивнула.

Имперская застава представляла собой невысокую рубленую башню под тесовой кровлей, окружённую частоколом. Ни вала, ни рва тут не было. За оградой стояло несколько бревенчатых построек — конюшня, сараи, небольшая кузня и тому подобное. Имелся колодец, застава сама обеспечивала себя водой. В общем, продержаться тут можно было.

Император поднял стрелков. Арбалетчики заняли места на башне; Вольные собрались во дворе, против ворот, которые охрана заставы сейчас заваливала всем, что попадётся под руку. По плану Императора, стрелки первыми вступали в дело, потом, если арбалеты окажутся недейственными, настанет очередь Вольных. Ну, а если явившаяся тварь и в самом деле бесплотна — тогда настанет черёд самого Императора.

Воцарилась тишина. Над заставой медленно сгушался вечер. Император в полном боевом вооружении медленно прохаживался по темнеющему двору заставы. Повторяя каждое его движение, бесшумными ночными птицами рядом шагали двое Вольных — оставить своего повелителя вообще без охраны было выше даже их сверхчеловеческих сил.

Тайде, как и было велено, не высовывала носа из башни.

Невдалеке, на последнем из хуторов, внезапно и пронзительно взвыли собаки. Воины вскочили на ноги; Император знал, что сейчас арбалетчики дружно проверили тетивы.

Правитель Мельина привычным уже жестом коснулся прохладной и гладкой поверхности белой латной перчатки на левой руке. Похоже, сегодня тебе предстоит испытание похлеще схватки с магами.

Вой собак тем временем оборвался. Не стих сам по себе, а именно оборвался — Императору даже почудился отчаянный предсмертный визг какого-то пса.

«Похоже, обитателям этого хутора пришлось плохо, — мрачно подумал Император. — Броситься к ним на помощь? Но тварь скорее всего уже сделала своё чёрное дело...»

Он не успел закончить мысль.

Тень появилась совершенно внезапно, неожиданно вспарив над частоколом, словно очень высоко подпрыгнувший человек. Правда, летать она, судя по всему, не умела, и потому плавно опустилась вновь по ту сторону ограды. Арбалетчики успели пустить несколько стрел, но, похоже, промахнулись — слишком уж быстро всё это произошло.

В следующий миг ворота затрещали, словно в них ударили настоящим тараном.

Тени потребовалось всего два удара, чтобы рухнули и ворота, и возведённая позади них баррикада.

Замерев у подножия башни с мечом наголо, Император во все глаза смотрел на своего врага.

Сейчас Тень очень напоминала человека в белом просторном плаще и широкополой шляпе, полностью скрывавшей лицо. Руки — если можно назвать руками блекло-серые «рукава» — были пусты.

Имперские стрелки не нуждались в дополнительных командах. Два десятка стрел разом ударили в белую фигуру, столь неосмотрительно застывшую в воротах. Ударили — и без всякого вреда прошли насквозь, густо утыкав землю.

— Вольные, назад! — рявкнул Император. Всё понятно. Перед ними призрак, и, следовательно, настал черёд магии.

Отбросив меч, Император шагнул вперёд, поднимая левую руку, словно кулачный боец. Тень послушно потекла вперёд.

— И придут из Разлома мор с голодом великие! — внезапно остановившись, провозгласил призрак. — Мёртвые восстанут из могил и вернуться на землю,

чтобы убивать! Реки потекут кровью, и каждый будет сражаться с каждым, ибо такова воля Пророчеств, и Слово Изречённое да исполнится!..

— Замолчи, проклятый! — гаркнул Император, прыгая вперёд, несмотря на сковывавшие движения доспехи с василиском на груди.

Тень внезапно оказалась совсем рядом. Железо лат неожиданно сделалось нестерпимо, обжигающе холодным, в уши Императора ворвался мерный речитатив:

— Смерть, смерть, смерть, смерть...

Белая же перчатка, напротив, столь же резко раскалилась. Император едва не сбросил её от боли — он чувствовал, как трескается обожжённая кожа. Закричав, Император ударил, целясь в голову Тени; левая рука встретила лёгкое сопротивление, словно пробив слой воды. Тень взвыла, её отшвырнуло к самым воротам; Император рванулся вперёд, подхваченный злым упоением боя, когда человек убеждается, что его враг не неуязвим, чувствует боль и его могут повергнуть на землю пропущенные удары...

Тень, казалось, только этого ждала. Она двигалась очень быстро, намного быстрее любого смертного. Призрак взмыл вверх, к бойницам башни; за ним, словно хлещущая из раны кровь, тянулся белёсый след, постепенно тающая в вечернем воздухе дымка; однако спустя лишь мгновение тень уже оказалась внутри.

Император метнулся к двери... и услышал жалобный, сдавленный крик Агаты.

С Тенью они столкнулись в дверях. Призрак обрёл плоть, во всяком случае, некое её подобие — что-то ведь удерживало над землёй бесчувственное тело Агаты!

Второй удар Императора вновь достиг цели, однако Тень и не думала сопротивляться. Громадным прыжком она достигла сломанных ворот и куда быстрее самого резвого коня помчалась прочь — к Разлому.

Так для Императора началась дорога в Ничто.

— Сюда сиганула, — мрачно сказал стрелок-разведчик, стоя в опасной близости от края Разлома.

Свита Императора застыла несколько поодаль. Взяв с собой лишь пару Вольных, правитель Мельина нагнулся над кипящим белёсым маревом. Дна у Разлома, как известно, не было. Заполнявший его туман считался смертельно опасным для каждого живого существа — маги Радуги уже успели составить длиннейшие каталоги чудищ, порождённых простым прикосновением этого тумана к плоти привычного для людей мира.

Они преследовали Белую Тень по пятам. Она словно бы дразнила их, то подпуская поближе, то вновь отрываясь и пропадая во мраке. Вдгонку летели стрелы, иные задевали цель. К утру они почти настигли тварь и всё-таки опоздали. Прыжок бестии видели легионеры сразу с двух наблюдательных постов, и сомневаться в их словах не приходилось. Белая Тень ушла в породившую её мглу, унося с собой несчастную Агату.

Император молча взглянул на своих спутников. Лица всех выражали соответствующую случаю скорбь, однако за этой скорбью явственно читалось — ну что ж, ничего не поделаешь, с Разломом сражаться не станешь, погибшую не воротишь, надо садиться в седло и выступать к Мельину, тем более что дел в разрушенной столице столько, что и за год не переделаешь.

Император сжал зубы и отвернулся. Белая Тень действовала явно разумно. Если ей просто нужна была еда, в её распоряжении было сколько угодно человеческих тел — начиная от легионеров и кончая им, Императором. Значит, Агата нужна была для чего-то иного. Значит, нужна была *живой*! А раз нужна была живой — значит, что же, в этом белом тумане можно и не превращаться невесть во что?

А если предположить, что Агата и впрямь кому-то понадобилась, — то кому? Силы Разлома не ведут це-

ленаправленную войну против Империи. Разлом сейчас подобен океану, что время от времени выбрасывает на берег различных морских див, но при этом никто не может сказать, что океан «враждует» с сушей.

Конечно, можно было предположить, что всё это — хитрая интрига Радуги, с целью заставить Императора... м-м-м... броситься головой вниз в этот самый Разлом. Но Семицветье и близко не подступало к магии Разлома, им такая волшба не по плечу. Нет, здесь что-то иное, совсем иное...

Напрашивался только один вывод, почему именно Тайде стала жертвой пришедшего из Разлома охотника. Тому, кто послал сюда Белую Тень, нужны были те, кто причастен к тайне Алмазного и Деревянного Мечей. Что касается Иммельсторна — то здесь могла оказаться полезна только она, Тайде. Драгнир, насколько знал Император, добыл некий гном... правда, Каменный Престол так и не выдал его имени. Почти наверняка этот гном сейчас здесь, в Мельине, — сдавшаяся армия Подгорного Племена не вернулась домой, ворота подземелий не открылись ни для одного из выступивших в поход на Мельин. Значит, можно попытаться выяснить, не пропал ли кто... хотя нет, Тень была только одна, второй не удалось бы проскользнуть незамеченной. Не исключено поэтому, что второе явление этого добытчика ещё впереди.

Итак, им нужны Мечи — почти наверняка. Зачем — сейчас не так уж важно. Главное — то, что у этого Разлома, судя по всему, есть-таки дно и в белой мгле пролегают свои дороги. А отсюда логично вытекает, что *знающий* человек отыщет дорогу и там.

Снизу, как всегда бесшумно, вырвался узкий длинный язык клейкой белой субстанции. Потянулся вверх, а затем, внезапно, словно надломленный, упал на Императора. Стрелок успел в последний миг отпрыгнуть, но правитель Мельина не пошевелился. Лишь взлетела навстречу падающей с небес белёсой хищной змеи рука, закованная в магическую латную перчатку. Белая муть потекла по гладкой кости... потекла, внезапно

но потемнела, загустела и вспыхнула — прозрачным синим пламенем, словно спирт у алхимика.

Миг спустя от чудовищного белого рукава не осталось даже и следа.

К Императору со всех ног ринулась свита, однако он остановил её властным жестом.

— Со мной всё в порядке. Я хотел сжечь эту тварь, и я её сжег. А теперь я хочу проверить, может ли человек спуститься туда!

Раздался дружный крик ужаса. Испытанные легаты и центурионы не выдержали — их повелитель собирается покончить жизнь самоубийством! Что же будет тогда с Империей, с легионами, со всеми, кто сражался против Радуги в недавней войне? Уж маги не упустят такого шанса отомстить...

А Императора пьянила, тянула вниз та сказочная лёгкость, с какой ему удалось расправиться — впервые! — с одним из порождений Разлома. Получалось, что его творения даже опаснее после того, как обрели плоть, — с ними приходилось сражаться обычным оружием, и без потерь не обходилось. А тут...

— Я иду вниз, — раздельно повторил Император. — Вместо меня командование примет... Клавдий, командир легиона Серебряных Лат. — Правитель Мельина отстегнул от пояса кожаный футляр с большой имперской печатью, широко размахнулся, бросил прямо в руки оторопевшего, но успевшего поймать его Клавдия. — Если я не вернусь, значит, ему править от моего имени. Но лишь до тех пор, пока я не вернусь!..

И, подхваченный странной, пьянящей лёгкостью, Император сделал шаг в пропасть.

* * *

Он не думал о том, как будет выбираться и сумеет ли вообще найти дорогу назад. Он просто не дал страху овладеть собой, бросил тело вперёд до того, как подсознание успело заблокировать безумный приказ разума. Это был единственный шанс — состояние вне-

логической, но абсолютной уверенности, что белая перчатка поможет ему и здесь. Если бы Император стал долго готовиться, он бы, наверное, никогда не сделал этого рокового шага. Но он его сделал — ни мигом раньше, ни мигом позже это оказалось бы невозможным.

Сперва было только падение. Стремительное, гибельное — но так было только первые несколько мгновений. Вокруг сгустилась сырая хлюпающая мгла, и впрямь очень похожая на донельзя плотный вечерний туман. Падение замедлилось, теперь Император скорее не падал, а плавно погружался, словно ныряя с грузом. Он попытался сделать движение рукой, точно и в самом деле плывя, — получилось, он двигался чуть быстрее. Белая перчатка стала чуть тёплой — признак того, что её магия вступила в действие.

Император погружался так несколько минут — прежде чем внезапно не ощутил чёткий и ясный *след*. Он вздрогнул, словно наяву увидел обеспамятовавшую от ужаса Агату, свою Тайде — и понял, что де-вушка-Дану сумела-таки сделать для своего возлюбленного то последнее, что смогла, — указала путь.

Император перевернулся головой вниз и с силой взмахнул руками. Скорее, скорее, скорее! След представлялся ему цепочкой видений из памяти Агаты, и чем ближе оказывался Император к этому следу, тем ярче и красочнее эти видения становились.

Оставалось только следовать по указанному неведомой силой пути.

Через некоторое время голова начала болеть от притока крови, Император вновь развернулся. Он не то летел, не то плыл, пронзая становившийся всё более и более плотным туман; некое шестое чувство подсказывало ему, что на самом деле, для тех, кто мог бы увидеть его со стороны, плавный спуск представился бы стремительным падением со всё возрастающей скоростью. Обычные законы земной тяги тут явно не действовали.

Сежес как-то обмолвилась, что Разлом, мол, оби-

талище тех самых тварей, с которыми им, магам Радуги, пришлось сражаться; это объясняет, почему перчатка имеет здесь силу. Но, если здесь всё под их властью, почему же они терпят вторжение его, Императора?

Падение продолжалось, мало-помалу Император потерял счёт времени. Начинало казаться, что вся жизнь, война с магами, любовь Агаты — всё было лишь сном, а единственной реальностью — этот бесконечный полёт сквозь белёсую мглу да поток смутных, отрывистых видений — следа, оставленного для него Тайде.

Воистину, это была странная погоня. Десятым чувством Император понимал, что настигает. У Белой Тени не было такой перчатки, как у него, и Тень, если только Император всё понял правильно, просто выполняла приказ. Ему же помогал гнев — остальным чувствам он просто не давал воли, сберегая силы и ярость для решающей схватки.

Неужели всё и в самом деле может обернуться так просто? Настичь Белую Тень, сразиться с ней, отбить девушку — и вернуться назад? Едва ли. Никогда не считай врагов дураками и не рассчитывай на их глупость. Неужели они не устроили на его пути засады? А может, этот его шаг и впрямь был им зачем-то нужен?..

...Он не успел закончить мысль. Чудовищная тяжесть внезапно навалилась со всех сторон, белёсость сменилась чернотой, горло сдавило удушьем — и Император распростёрся на чём-то твёрдом.

«Погоне конец...» — успел подумать он, и всё исчезло.

* * *

Люди очень любят манящее, загадочное слово «бесконечность»; оно и понятно, ведь в обыденной жизни ничего бесконечного не существует и существовать не может. Но и за гранью привычного смертным бытия бесконечности не существует — Упорядо-

ченное хоть и невероятно велико по их меркам, но всё-таки конечно. Не вечны Боги, отгорев своё, гаснут звёзды, постарев, рушатся миры. Всё меняется, всё живёт, рождается и умирает, всё имеет своё начало и свой конец.

Такой конец отыскался и у бездонного на первый взгляд Разлома.

Император не помнил своего падения. Человеческая плоть слаба и зачастую пасует там, где остаётся непобеждённым дух. Сердце Императора всё ещё оставалось сердцем обычного человека, и кто знает, не разорвал ли бы его ужас падения в неведомую бездну?..

Последнее, что чувствовал Император, прежде чем погрузиться в беспамятство, было тепло, идущее от белой перчатки. Станный подарок друзей-врагов продолжал защищать своего хозяина.

Беспамятство Императора, однако, оказалось довольно странным — он словно бы видел сон, сон о своём падении; но обманутое сознание не впускало страх.

Он видел радужные переливы Астрала, не зная, что это Астрал. Он видел чудовищные, непредставимые человеческим рассудком пейзажи Межреальности, тончайшей границы миров, что сама по себе является громадным миром; вокруг него сжималось само пространство, время меняло свой ход; Разлом выбросил ничтожную как будто бы человеческую песчинку прочь из привычного мира Мельина; незримый поток подхватил бесчувственное тело, защищённое тем не менее могучими магическими силами; и сознание вернулось к Императору, лишь только когда над ним вновь появилось солнце.

Солнце другого мира.

Он не знал, куда он попал и почему. Но твёрдо верил — Белая Тень где-то здесь, она не могла ускользнуть — Белая Тень здесь и где-то вместе с ней — Тайде. Единственная во всём мире Тайде. Его женщина. Его душа. Его кровь и его смысл.

Он найдёт её. Пойдёт по следу, точно пёс.

Император некоторое время лежал на траве, слушал незнакомые птичьи голоса и жадно вдыхал тёплый, полный диковинных ароматов воздух. Где бы он ни оказался, Тайде тоже должна быть здесь.

Никаких иных мыслей он не допускал.

На нём по-прежнему были его доспехи с василиском на груди, при нём было его оружие, на руке — белая латная перчатка; он поднялся на ноги и, прищурившись, окинул взглядом недалёкий причудливый лес, взметнувшиеся до небес пышные кроны с мясистыми широченными листьями, тихую, всю заросшую пышными водяными цветами речушку — на иных листьях можно было плыть, точно на плоту; и в тот же миг почувствовал след.

Он напрягся, сейчас больше вышедший на охоту тигр, чем просто человек; только он был куда опаснее самого свирепого тигра. Невидимый, неосязаемый, неосяцаемый ничьим иным чутьём след тянулся через речку на тот берег и исчезал в густых зарослях.

Император бестрепетно шагнул вперёд. Он должен найти свою Тайде, и он её найдёт. А где он очутился и как тут всё называется — совершенно неважно. Он отыщет Агату и найдёт способ вернуться обратно, потому что правитель всё же не должен слишком уж долго оставлять своих подданных.

Император выдернул меч и легко зашагал вперёд по чёткому следу.

**Смертельная битва Алмазного и Деревянного Мечей не
принесла желанного покоя обитателям Империи,
Семиградья, Эгеста, Аркина и Мекампа.
Мечи так и не обрели своих настоящих хозяев, по
крайней мере, охота за ними продолжается.
Что ожидает дальше жителей Эвиала?**

Новый роман Ника Перумова

«СТРАНСТВИЕ МАГА»

**даст ответ на большую часть накопившихся
вопросов.**

Первая глава нового романа — перед Вами!

Глава первая

НАРН: ЭЛЬФ И ДИКАЯ ОХОТА

Эваллэ, Тёмный эльф Нарна

льфа звали странным для людского слуха именем Эваллэ, впрочем, как раз вполне обычным среди его расы. Опустившись на колени, он быстро, раз за разом, зачерпывал пригоршнями воду из родника, торопливо подносил ко рту и жадно пил, совсем забыв о приличиях своего народа. Он пил и никак не мог напиться. По тонкому лицу стекал пот — вещь для Перво-рождённого вообще неслыханная. Колчан за спиной, покрытый зелёными и бурыми разводами, опустел на три четверти; оперения оставшихся стрел были перемазаны грязью и кровью. На боку эльфа болтались пустые ножны — сломавшийся меч давно пришлось бросить. Уцелел лишь кинжал за голенищем правого сапога. Погоня как будто отстала — отстала только сейчас, хотя слова «...в лесу за эльфом гнаться!..» давно уже с успехом заменили поговорку «...ищи ветра в поле...». Зелёная куртка Эваллэ, на которой обычно росли живые трава и цветы, вся покрылась коричневыми дымящимися пятнами; вместо стеблей и лепестков там остался только пепел.

Вокруг него расстился Нарн, родной, привычный, знакомый до мелочей Нарн, в котором эльф, если нужно, мог в одиночку управиться с целой сотней людских панцирников, не побоялся бы схватиться с десятком магов, устоял бы даже против пары-тройки горных огров или троллей, не применяя ни ловушек,

ни волшебства; но на сей раз он мог только бежать. Бежать что было сил, надеясь лишь на помощь сородичей да на магическую мощь Потаённых Камней, священного места Тёмных эльфов Нарна, средоточия силы их чародеев, мало в чём уступавших заносчивым выпускникам знаменитой Академии в Ордосе.

Эваллэ был тёртым и опытным траппером, не раз хаживал через Эгест, людские владения, в Вечный лес и даже дальше; его стрелы помнили просторы замкамских степей, сапоги топтали весеннее разнотравье цветущих тундр, случалось ему бывать и в самом сердце Железных гор, случалось брести под палящим саладорским солнцем, а один раз судьба странствующего эльфа занесла его даже в Ближний Кинт, где он (правда, недолго) служил султану в передовых пограничных отрядах, прославившись там как непревзойдённый лучник. Словом, он едва ли испугался бы даже кого-то из *неупокоенных* — но на сей раз ему противостояли отнюдь не они. И эльф, чья память хранила подробности сотен стычек, больших и малых, кто сражался на всех берегах вокруг Моря Надежд и Моря Призраков, на сей раз не знал ответа.

Этот страх был совершенно новым. Никто не знал, как с ним бороться, — после того, как обычные мечи и стрелы оказались бессильны. Эльфы Нарна собирали дань с мелких людских поселений вдоль края мрачного леса, там, где болота расступались и на невысоких холмах за недлинное северное лето успевали взреть рожь и ячмень; люди платили охотно — защита эльфов сплошь и рядом оказывалась куда надёжнее баронских и герцогских дружин, а на церковные проклятия лесовики давно махнули рукой — да, собственно говоря, мало кто из них и принадлежал к истинно верующим. В сумрачном Нарне нашли свой приют остатки многих ересей, огнём и кровью выкорчеванные в Империи, Семиградье, Эгесте, Аркине и Мекампе, им эльфы казались куда предпочтительнее своих собственных братьев по расе.

Петухи, одна из таких деревенок (семь дворов да

водяная мельница на быстрой лесной речушке), стали первой жертвой. Прибывшие гоблины-погонщики, коим вменялось в обязанность забрать у землепашцев предназначенный к продаже хлеб, не нашли в селении ничего живого. Только пятна высохшей крови да видимые для эльфов застывшие смертные тени — над теми местами, где людей настигла гибель. Не осталось ни обглоданных костей, ни скорбящих душ — враги пожрали и уволокли всё: и плоть, и то, что превыше её.

Тёмные эльфы встревожились. Они привыкли отвечать ударом на удар, их ратей страшился даже император Эбина, но они отличались также и осторожностью. Из зачарованного сердца Нарна, того самого места, о котором другие эльфы, именующие себя Светлыми или ещё Летними (в противовес Тёмным, прозываемым также эльфами Зимы), говорили не иначе как с ужасом, отвращением и содроганием, — из сердца Нарна по одному-двое к границам отправились разведчики. Одним из таких и был Эваллэ — и именно ему выпало столкнуться лицом к лицу с неведомой угрозой.

...Он столкнулся с ней, вступил в бой и не устоял. Пришлось бежать — причём погоня следовала за ним неотступно, и густое, тяжкое марево чужой магии не давало эльфу даже передать весть сородичам.

Его гнали на север и одновременно оттесняли к горам. Эльфы славятся неутомимостью бега, тем более Эваллэ был в родных краях, где он знал каждый куст, овраг или тропку, ему удавалось не подпускать преследователей особенно близко, но и оторваться от них он не мог.

Железные горы, северный предел Нарна, неумолимо приближались, и эльфу оставалось лишь утешать себя тем, что он увёл врагов за собой и тем самым, возможно, спас жизнь не одному сородичу.

Однако даже Эваллэ, эльф-странник, разведчик, выносливый, точно взламывающая камни трава, не выдержал этой безумной гонки. Силы начали покидать его, он переставал чувствовать даже сердце родного леса, чего с ним не случалось даже в далёком

Кинте. И вот он жаднопил, не заботясь об изяществе движений и элегантности позы, пил, словно дикий зверь, — потому что, подобно тому же зверю, ощущал погоню у себя за плечами.

Хрипло вздохнув, эльф заставил себя оторваться от воды. Поправив колчан, он перемахнул на другой берег ручейка — прыжок вышел тяжёлым, натужным, совсем не похожим на его всегдашнее лёгкое, почти невесомое движение. Бежать, бежать, снова бежать, надеясь, что на сей раз ему удастся опередить погоню и он окажется у Потаённого Камня раньше преследователей. Пока что им вполне успешно удавалось отрезать ему дорогу к ним.

— Ар-р-р-г-х-х-х... — сказали ему из кустов. Вроде как даже с насмешкой.

Он замер. Руки сами тянули стрелу из колчана, сами набрасывали её на тетиву — руки, они отказывались понимать, что всё это более чем бесполезно.

— Ур-р-р-р... — донеслось с другой стороны.

Эльф не требовалось поворачиваться, он и так умел видеть всё вокруг себя, не довольствуясь обычным зрением.

Не дрогнула ни одна веточка, не хрустнул ни один сучок; враги надвигались бесшумно; голос они подали лишь желая показать жертве — они здесь.

Неужто вся погоня уже здесь?..

Нет, кажется, нет. Эльф не чувствовал сомкнувшейся петли — похоже, против него оказалось всего две твари. Правда, и этого было более чем достаточно.

Белая стрела мелькнула в воздухе; эльф не промахнулся, он не промахнулся ни разу и до этого — без всякого результата. Он мог утыкать врага стрелами, точно ежа, однако это могло лишь немного задержать преследователей.

Рычание стало яростным, враг приходил в бешенство не от боли — эльф подозревал, что никто в этой чудовищной погоне вообще не чувствовал боли, — а от того, что ему кто-то посмел оказать сопротивление.

Эваллэ сделал обманное движение, надеясь про-

рваться мимо засевших в кустах чудищ, — однако те, похоже, за время охоты тоже кое-чему научились. Они кинулись на него с двух сторон, словно только этого и ждали. Волна ледяного холода окатила эльфа, неодолимая сила сшибла с ног, он покатился по земле, так и не выпустив из рук бесполезное сейчас оружие.

Встать, встать, сразиться и умереть. Тёмные эльфы, эльфы Зимы не признавали сдачи. Когда отступить некуда, значит, пришло время умирать. Доблестно сражавшиеся и не бросившие оружия, быть может, возродятся в иных лесах, в иных мирах, под другими солнцами, чтобы и там свершать вековечный круг жизни, сражаясь со Смертью до тех пор, пока Тьма не смежит твои глаза...

Он ощутил бросок врага — пульсирующее касание холодного трепещущего Нечто, ощутил ледяные незримые клыки, с лёгкостью пронзившие его защиту, защиту из Чар Нарна, дрожь отчаяния, кровь останавливается в жилах, обращаясь в ядовитый лёд; эльф закрыл глаза и наяву увидел раскрывающиеся небеса и вершины деревьев, готовых простереть над погибающим эльфом свои величественные, раскидистые кроны.

— Э-ге-гей! Гойда! Хей-я-а!!! — внезапно раздалось совсем рядом, и это ничуть не напоминало утробное бестелесное рычание преследователей.

Холодное покрывало, уже окутавшее эльфа, внезапно лопнуло. Через прорехи хлынул обжигающий ливень, небеса закрывались, извергая из своей утробы потоки пламенеющего дождя. Рычание в кустах сменилось неистовым воем, в котором, однако, чувствовалось куда больше разочарования, чем предвкушения добычи.

Сошедший с небес огонь обращал в ничто холодную пелену, на смену предсмертному оцепенению приходила боль, наверное, подобная той, какую испытывает младенец, выталкиваемый из тёплого и ласкового материнского лона в большой мир, к жизни — и неизбежной гибели в конце пути, ибо никто не бессмертен — ни эльфы, ни даже боги...

...Боль смяла и снесла защитные слои эльфийской магии, до последнего прикрывавшие самое естество Перворождённого. Понимая, что на сей раз бороться бесполезно, эльф отдался безжалостно поволокшему его в Ничто потоку.

А потом до его сознания донеслись голоса.

— Э-э, мэтр, но зачем нам возиться с этим... гм... безнадёжно дохлым эльфом?

— Поосторожнее в выражениях, Сугутор, не забывай, что мы в Нарне...

— А-а, мэтр, забудьте, меня здесь знают. И, если я вижу дохлого эльфа, я так и говорю, и никто на меня не обижается. Потому что дохлый эльф, да простят меня Потаённые Камни Нарна, ничем не отличается от дохлого, к примеру, гнома, или эльфа, или человека.

— Не замечал за тобой раньше такого неуважения к мёртвым...

— И-и, мэтр, о чём вы? Смерть нельзя уважать, она просто грязная нищенка, кланчащая подаяние. Пни её как следует! А когда наступит твой час, просто закрой глаза и уйди, не разговаривай с ней и не смотри ей в глаза — так говорят у нас в горах.

— Не слышал от тебя такого, др-руг гном...

— Ты, друг орк, от меня ещё много чего не слышал. Ну что, зарывать этого молодца нельзя, придётся тащить к Потаённому Камню, а Камень этот пока ещё сыщешь...

Говорившие обращались друг к другу на причудливо искажённом людском диалекте Империи Эбин. Странная компания, успел подумать эльф, человек, гном и орк — здесь, в нашем Нарне! Или это враги сумели так хитро *перекинуться*?

— Стойте, он приходит в себя, — внезапно и резко сказал человек — холодным сильным голосом.

— Да ну? — поразился гном. — Крепкий какой... Я уж думал — всё, отплыл свои леса искать...

Эваллэ сделал над собой поистине запредельное усилие и открыл глаза.

Над ним склонились трое — точно, человек, гном

и орк. В потрёпанных, грязных плащах, гном и орк вооружены до зубов, человек опирался на длинный посох — явно посох мага, с округлым янтарно-жёлтым каменным навершием без всякой резьбы или эмблем.

Посох был *чёрным*, и эльф от удивления на миг даже забыл про боль, попытавшись приподняться на локте.

Его не занимал вопрос, что нужно Чёрному магу в Нарне — эльфы этого края, как известно, сами прозывались Тёмными. Куда более удивительным было другое — откуда здесь вообще взялся Чёрный маг, если о них уже давным-давно забыли и в куда более мрачных, нежели Нарн, местах?!

— Лежи смирно, — проворчал волшебник, откидывая капюшон, и тут эльф увидел, что чародей ещё совсем молод — правда, коротко стриженные волосы его были белее снега. — Лежи и не дёргайся, не хватало тебе и впрямь помереть сейчас, после того как мы отогнали ту парочку...

— К-какую п-паро... — Голос Эваллэ пресёкся.

— Это уж тебе лучше знать какую, — мрачно пошутил чародей. — Донельзя отвратная, скажу я тебе.

— Вот именно, — поддакнул гном. — Я аж света белого не взвидел, едва их почуял.

Эваллэ не оскорбила фамильярность человека, хотя Тёмный эльф отличался гордостью и, честно говоря, недолюбливал людскую расу, хотя и провёл среди неё немало времени.

— Ты видел... видел их? — выдавил из себя эльф.

Чёрный маг покачал головой.

— Нет. И не думаю, что их кто-то вообще способен увидеть.

— Я видел! — оскорбился Эваллэ. — Я стрелял... я попадал!

— Ты стрелял и попадал в миражи, созданные твоим собственным страхом, — усмехнулся чародей. — Эти твари способны представиться кем угодно.

— О... откуда они?

Маг досадливо дёрнул плечом — очевидно, это началось «не знаю».

— А вот это у тебя спросить надо, — снова влез гном. — Тебя они гнали, не нас.

— погоди, Сугутор. — Орк протянул громадную лапу, тронул гнома за плечо. — Не стоит сейчас... помолчи. Нарн как-никак.

— С-сугутор? — Эваллэ сдвинул брови, стараясь разглядеть лицо гнома. — Ты? Тот самый Сугутор?..

— Тот самый, — насмешливо поклонился гном. — Что с того теперь? Мне нельзя больше переступить границы Нарна?

— Совет не принимал такого решения, — ответил Эваллэ. Боль отступала, он вновь чувствовал магию Потаённых Камней; это придавало уверенности. Гном Сугутор был известен в Нарне как отличный наёмник. Тёмные эльфы зачастую прибегали к оплаченным звонким серебром мечам — когда дело почиталось недостойным чести воина со знаком Потаённых Камней на груди.

— Тогда, я думаю, здесь найдётся местечко для меня и моих друзей, — продолжал болтать гном. — Нарн ведь принимает изгоев, не правда ли?

— Если Совет сочтёт их полезным делу Нарна, — по инерции ответил Эваллэ давным-давно затверженной фразой. Нарн давал убежище — но, конечно, далеко не всем. Персональным врагам волшебницы Меганы, например, здесь делать было нечего. Даже владеющие силой Потаённых Камней не дерзали связываться с главой Волшебного Двора.

— погоди, Сугутор, — вступил в разговор волшебник. — Рано говорить об убежище. Почтенный, не знаю твоего имени...

— Эваллэ.

— Почтенный Эваллэ, мы действительно ищем убежища в Нарне. Но сперва о тех, кто преследовал тебя. Мы отогнали их, но не уничтожили. И почти ничего не видели. Но я не сомневаюсь, что это лишь малая часть какого-то вражьего сонма, откуда он взялся и

что он такое, я пока не понимаю, но и того, что я почувствовал, вполне достаточно, чтобы сказать — Нарн в большой опасности. Не знаю, какое чародейство сможет *по-настоящему* повредить этим тварям. Точнее — какое из стихийных, — тут же поправил сам себя волшебник. — Думаю, обо всём этом есть смысл поговорить с вашим Советом. Ты можешь идти? Ты можешь отвести нас туда?

Эваллэ попытался подняться. Тело слушалось ещё плохо, но сила Потаённых Камней уже смывала боль, точно вода — засохшую грязь.

— Я могу отвести вас к Поляне Ожидания. Обычное дело...

— Ты хочешь вести нас в сердце Нарна с этой тёплой компанией у нас за плечами? — неожиданно заговорил орк.

Называвшие себя Светлыми, эльфы давно и свирепо враждовали с орками; Тёмные из Нарна, случалось, дрались с ними, потом мирились, случалось, орки Волчьих островов, охотники за добычей, появлялись в наёмных отрядах Нарна — Тёмные терпели их, но не более. И уж, конечно, никогда бы не потерпели от орков никаких советов. Равно как и вопросов.

— Не стоит показывать сейчас свою гордость, эльф, — холодно произнёс волшебник, и это несмотря на то, что лицо Эваллэ после слов орка осталось совершенно бесстрастным.

Он был прав. Усилием воли Эваллэ заставил гнев отступить.

— Мой спутник и друг Прадд задал хороший вопрос, — глядя прямо в глаза эльфу (на что, кстати, отваживались немногие люди) проговорил Чёрный маг. — Я бы постарался ответить на него как можно серьёзнее. — Он слегка приподнял посох и разжал пальцы, отполированное чёрное древко скользнуло вниз, острый конец вонзился в землю, и Эваллэ услышал сдавленное змеиное шипение.

— Нас подслушивали, — заметил чародей.

— Змеи? Где? — потешно подпрыгнул на одном месте гном. — Терпеть их не могу! Раздави её, Прадд!

Волшебник медленно поднял посох — Эваллё ожидал увидеть нанизанное на остриё серое чешуйчатое змеиное тело, но нет — наконечник посоха был пуст; и лишь холодное сероватое свечение, исходящее от него, свечение, пропитанное чарами гнили, распада и разрушения, яснее ясного сказало эльфу, что маг не промахнулся.

— Кто это был? — вырвалось у Эваллё.

— Я знаю об этом не больше тебя, — пожал плечами маг. Его спутники, гном и орк, уже давно стояли с оружием наголо. — Некое магическое существо, правда, совершенно незнакомого мне вида. Мой посох ему не слишком понравился, однако же не убил и не изгнал из этого мира — драка с такими может выйти жаркой, особенно если эти создания навалятся всем скопом.

— Тогда я в свою очередь должен задать тебе вопрос, — медленно проговорил Эваллё, откидывая со лба слипшиеся волосы. — Они долго гнали меня, я бежал, рассчитывая лишь на помощь нашей магии, магии Нарна...

— Или магии Потаённых Камней, если говорить прямо, — ввернул гном. Эльфу пришлось довольствоваться лишь гневным взглядом, который наглый гном предпочёл попросту не заметить.

— Рассчитывая лишь на магию Нарна, — с нажимом произнёс эльф. — И вопрос мой... как ты думаешь, Тёмный маг, Нарн сумеет их остановить? Или мне лучше увести тварей подальше от родных мест, с тем чтобы там... — Голос его неожиданно дрогнул.

— Не надо поспешных решений, — заметил волшебник. — Ты опасаясь, эльф, что Потаённый Камень не сможет защитить тебя, а твои преследователи причинят ему вред?

Эваллё молча кивнул.

— Я ничего не знаю о Потаённых Камнях, — признался некромант. — И на твой вопрос ответить не

смогу. Но замечу, что драться возле источника Силы, неважно, какого именно, мне будет гораздо легче. Решай, эльф, решай быстро — поведёшь ли нас на Поляну Ожидания, или к Потаённому Камню, или же мы просто расстанемся тут, предоставив друг друга нашим собственным судьбам?

Больше всего на свете эльфу хотелось сказать: «Да, предоставим!» — холодная сила волшебника его просто пугала. И, наверное, Эваллё так бы и поступил — если б из кустов не потянуло внезапно ледяным пронзающим холодом, уже ставшим привычным для уставшего от непрерывной погони эльфа.

Преследователи вновь настигли его. И на сей раз их было отнюдь не двое.

Литературно-художественное издание

Перумов Николай Даниилович

РОЖДЕНИЕ МАГА

ХРАНИТЕЛЬ МЕЧЕЙ

Книга первая

Редактор *Е. Арсиневи*ч

Художественный редактор *И. Сауков*

Технические редакторы *Н. Носова, Л. Панина*

Корректор *М. Минкова*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 21.03.2008.

Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 26,9. Уч.-изд. л. 24,1.

Доп. тираж 6 100 экз. Заказ № 7903

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленных диапозитивов

в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо»
зарубежными оптовыми покупателями обращаться в ООО «Дип покет»**

E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales:

International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt Ltd for their orders
foreignseller@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться в ООО «Форум». тел. 411-73-58 доб. 2598.**

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «Н КП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 268-83-59/60.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел./факс: (044) 501-91-19.

Во Львове: ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Шик Перумов

ISBN 978-5-699-16371-7

9 785699 163717 >